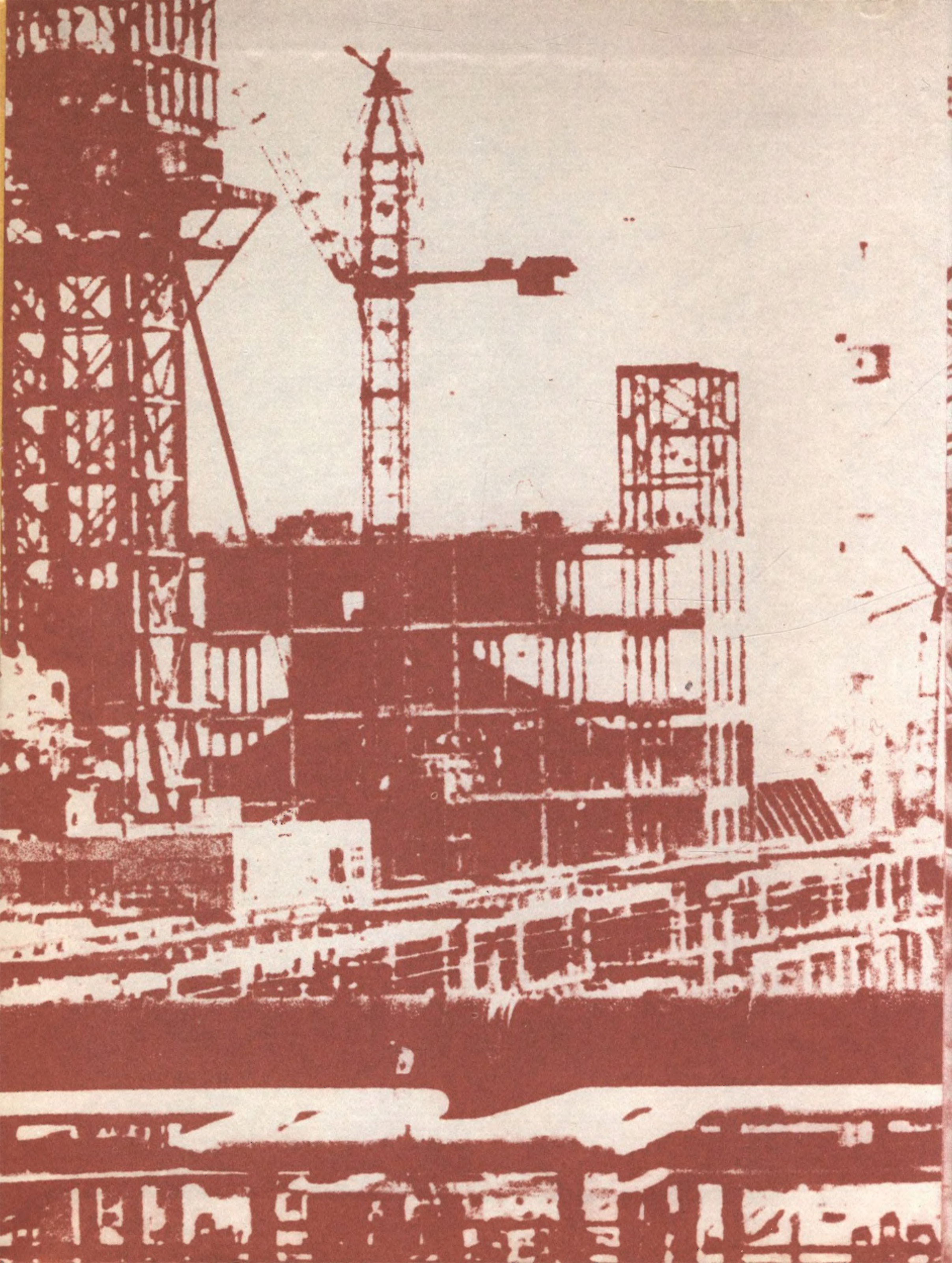

ГЕРОИ ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА

Издательство политической литературы

ГЕРОИ
ВДОХНОВЕННОГО
ТРУДА

Очерки
о героях
труда

ГЕРОИ

ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

66.3(2)6

Г39

Редактор-составитель
А. М. СИНИЦЫН
доктор исторических наук

Герои вдохновенного труда: Очерки о героях труда/Ред.-сост.
Г39 А. М. Синицын.— М.: Политиздат, 1983.— 272 с., ил.

Это книга очерков о тех, кто за свой поистине вдохновенный труд отмечен Родиной Золотыми Звездами Героя. В галерее прославленных людей страны заслуженное место занимают новаторы сельскохозяйственного производства и организаторы колхозного строительства: знатные хлопкоробы Т. Ахунова и Б. Багирова, механизаторы Г. И. Байда и Д. И. Гонтарь, мастера свекловичных полей и кукурузных плантаций О. К. Диптан и Е. В. Блажевский, животноводы У. С. Баркова и К. К. Петухова, председатели колхозов Г. Е. Буркацкая, Ф. П. Максимов, К. Исмаилов. В книге рассказывается о передовиках промышленного производства — дважды Героях Социалистического Труда кораблестроителе В. А. Смирнове и шахтере И. И. Стрельченко, видных ученых — математике Н. Н. Боголюбове и физике Ю. Б. Харитон, конструкторе космической техники Н. А. Пилюгине и многих других.

Очерки написаны известными писателями и журналистами.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

Г $\frac{0302030601-004}{079(02)-83}$ 275—83

66.3(2)6
32С5

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*
Редактор *А. Ф. Глазов*
Младший редактор *Г. Д. Федорова*
Художник *Ю. П. Шашков*
Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 4028

Сдано в набор 16.07.82. Подписано в печать 30.11.82. А 00209. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 19,89. Условн. кр.-отт. 78,68. Учетно-изд. л. 18,36. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 406. Цена 1 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АХУНОВА Турсуной ПРЕОДОЛЕНИЕ. <i>Н. Корина</i>	8
БАГИРОВА Басти Масим кызы ВСЕ ОСТАЛОСЬ ЛЮДЯМ. <i>Н. Пицык</i>	17
БАЙДА Григорий Иванович ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ. <i>А. Нижегородов</i>	27
БАРКОВА Ульяна Спиридоновна КАРАВАЕВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ. <i>В. Перемышлев</i>	36
БЛАГОНРАВОВ Анатолий Аркадьевич ПОЛСТОЛЕТИЯ — НАУКЕ. <i>Н. Мельников</i>	45
БЛАЖЕВСКИЙ Евгений Викторович ЧАРОДЕЙ ИЗ ЛЮБОМИРКИ. <i>В. Зайцев, А. Солдатский</i>	53
БОГОЛЮБОВ Николай Николаевич ПО ЗАКОНАМ УСКОРЕНИЯ. <i>А. Покровский</i>	63
БУРКАЦКАЯ Галина Евгеньевна КОММУНИСТ ЖИВЕТ ДЛЯ НАРОДА. <i>Я. Макаренко</i>	75
БУЯНОВ Иван Андреевич ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. <i>В. Смирнов</i>	84
ГОНТАРЬ Дмитрий Иванович ПЕСНЬ ПОЛЯ. <i>В. Зайцев</i>	94
ДИПТАН Ольга Климентьевна СТРОГАЯ ДОБРОТА. <i>М. Фомина</i>	102
ЖЕЛЮК Филипп Алексеевич ЖЕЛЮКОВА ДОРОГА. <i>В. Черкасов</i>	110
ИСМАИЛОВ Карим НА ПЕРЕДОВОЙ. <i>В. Сурков, Я. Нальский</i>	118
ЛАВОЧКИН Семен Алексеевич КРЫЛАТЫЕ МОЛНИИ. <i>О. Назаров</i>	127
ЛЫЧУК Юстын Тодорович ЛАДОНИ ТЕПЛЫЕ. <i>Н. Кондакова</i>	136
МАКСИМОВ Федор Павлович ЛЮБОВЬ ЕГО — ЗЕМЛЯ. <i>А. Ищенко</i>	145
МИКОЯН Артем Иванович КОНСТРУКТОР МИГОВ. <i>М. Новиков</i>	157

НИЛОВА Аграфена Васильевна ЗОЛОТЫЕ РУКИ. <i>В. Перемышлев</i>	168
ПАТОН Борис Евгеньевич ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АКАДЕМИИ. <i>Ж. Ткаченко</i>	175
ПЕТУХОВА Ксения Куприяновна ОГОНЬ ОТ ОГНЯ. <i>Г. Пискарев</i>	188
ПИЛЮГИН Николай Алексеевич ШТУРМАН РАКЕТ. <i>В. Губарев</i>	194
РЕМЕСЛО Василий Николаевич ПШЕНИЦА — ЗОЛОТО ПОЛЕЙ. <i>А. Коломацкий, В. Шайкин</i>	204
СМИРНОВ Василий Александрович КОРАБЕЛ С БАЛТИЙСКОГО. <i>Г. Кудрявцева</i>	218
СМИРНОВА Нина Аполлинарьевна БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО. <i>А. Хоробрых</i>	229
СТРЕЛЬЧЕНКО Иван Иванович ШАХТЕРСКИЙ МИЛЛИОНЕР. <i>М. Кравчук</i>	237
ХАРИТОН Юлий Борисович ИМЯ ВЕКУ ДАЕТ НАУКА. Академик <i>Я. Зельдович, Б. Коновалов</i>	247
Биографические справки	262

**Ахунова
Турсун**

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Ближе к весне Турсуной заботливо протирает оконце летнего домика, отворяет форточку: скоро прилетят ласточки. Здесь, в углу, над самым телевизором, их гнездо, и уже не одно поколение выпорхнуло в большой мир через эту, распахнутую Турсуной, форточку.

— Строились вместе: мы и ласточки,— поясняет хозяйка дома.— Едва возвели крышу, как они начали вить гнездо. Так и поселились вместе. Страх перед человеком им не помешал: видно, преодолели себя.— И добавила: — Это так важно — преодолеть себя. Свои сомнения. Угадать судьбу.

Я поняла: это — формула жизни, которую вывела, доказала ее глубокую суть дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, член ЦК Компартии Узбекистана, делегат XXV и XXVI съездов КПСС, водитель хлопкоуборочной машины узбечка Турсуной Ахунова.

* * *

— Тебе придется отдохнуть, Турсуной, иначе завтра ты и вовсе не сможешь работать.

Учительница младших классов поселка «Пахта» Мария Никитична Литвинова подошла к своей ученице, взяла ее руки с исколотыми пальцами. Но Турсуной ничего не сказала в ответ. Только черные брови еще ближе сошлись к переносице. Учительница понимала: у школьников сейчас, в сезон уборки хлопка, проходит главный урок. В меру своих силенок стараются они помочь взрослым убрать урожай. И Турсуной, конечно, не хочется отстать от них. Дома тоже хватает работы. Мать с утра до ночи в поле, отец недавно трагически погиб. На Турсуной как на старшую — в семье еще две девочки — ложится основной груз домашних забот.

— Когда я вырасту,— Турсуной подняла голову,— обязательно придумаю машину, чтобы хлопок убирать.

— А ее уже придумали,— сказала учительница.— Называется СХМ-48. Специальная хлопкоуборочная машина. А 48 вставили в ее название для того, чтобы не забыть дату ее рождения — 1948 год.

Сейчас на том поле, где была испытана эта первая хлопкоуборочная машина, высится монумент — стела в честь тех, кто создал и освоил хлопкоуборочный комбайн. Стела стоит у тракта, недалеко от колхоза имени Кирова, где и поныне трудится Турсуной Ахунова.

В ту пору многие не верили, что хлопок можно убирать с помощью

машины, что она способна так же нежно и бережно, как руки человека, выбрать тонкое волокно из колючей коробочки. А вот странная девчонка, старшая дочь колхозницы Башарат,— поверила. Конечно, уже и в те далекие 50-е годы на улицах кишлаков даже старуху редко можно было увидеть в отжившей свой век парандже, но при встрече с мужчиной узбечка все же старалась прикрыть платком нижнюю часть лица — как бы не обвинили в нескромности. И нужно было обладать большой смелостью, чтобы, несмотря ни на что, решиться открыто выступить против воспитанного веками представления о доле женщины-узбечки.

Первый упрек был брошен матери Турсуной: недосмотрела. Чего только не наслушалась Башарат-апа от некоторых односельчан, когда на одном из открытых комсомольских собраний Турсуной заявила, что хочет учиться на механизатора. «Совсем стыд потеряла! Это не женская профессия! К лицу ли девчонке работать среди мужчин? Кто замуж возьмет такую?»

Дочка — веселая, жизнерадостная, шумная — в те дни притихла, смотрела на мать выжидающе, словно спрашивала: а как она, сумеет ли понять свою дочь? Башарат-апа испекла ей в дорогу пятнадцать лепешек — столько, сколько было ей лет,— на счастье. Сказала: «Учись, дочка. И пусть борозда твоей жизни будет ровной, как струна». Поверив в правоту дочери, Башарат-апа никогда больше не усомнилась в ней.

Сомневались другие, и часто те, от кого Турсуной вправе была ждать поддержки. Признавая на словах право женщины на выбор профессии, они на деле все-таки старались удержать ее в ичке — женской половине дома.

Турсуной стойко переносила неприятности. Работала старательно, на шутки не обижалась, не жаловалась, когда замечала, что кто-то из трактористов то проводку от запальной свечи отсоединит, то еще что-нибудь в ее «Универсале» испортит. Кроме нее в Пахтинской МТС было еще несколько девчат, им доставалось тоже. Турсуной понимала: обидами себя не утвердишь, надо делом доказать, чего стоишь. Да и что эти мелочи, когда впереди исполнение мечты?

Много позже учительница Мария Никитична скажет Турсуной: «У тебя необычная судьба: в год, когда ты родилась, одна из первых узбечек — Холджан Бабаджанова села за руль трактора. В год, когда школьницей впервые вышла в поле, испытали хлопкоуборочную машину».

Тогда, в училище механизации Турсуной окончила специальные курсы вождения машин. Лучше всех ее, наверное, понимал директор МТС Александр Васильевич Коломейцев. И при случае объяснял тем, кто бросал косые взгляды на Турсуной: «Она права. За механизацией будущее. Придет время, и все процессы в хлопководстве возьмут на себя машины. Не привлечь сейчас женщину к механизмам — значит в скором времени вообще отлучить ее от сельскохозяйственного труда. Возможно ли это? Нет, надо уже сегодня думать о будущем, менять

психологию хлопкоробов. Вот вы говорите, не женское дело — машины. А видно забыли, что недавно оно и мужским-то не было...»

Так время объединило мысли комсомолки и умудренного годами и житейским опытом коммуниста. И тот и другой приняли непростое для себя решение: Турсуной — сесть за штурвал хлопкоуборочной машины, а директор МТС — доверить машину девичьим рукам. Наступило время, когда она первый раз вывела комбайн на хлопковое поле.

Осень 1954 года. Еще раз просмотрела Турсуной все узлы закрепленной за ней СХМ-48. Ей помогал опытный механизатор Ашур Бакиров. Насупившись, стоял в стороне, скрестив руки на груди, бригадир, на чьем поле предстояло Турсуной выдержать экзамен. На лице у него была написана открытая неприязнь. Но это был и ее участок: здесь, на этом поле, школьницей помогала она матери, здесь училась вручную собирать хлопок. Теперь у кромки поля стоит ее готовый в путь корабль. Минута — и он войдет в белое поле.

Впоследствии Турсуной об этом первом выезде так напишет в своей книге «О том, что сердцу дорого»:

«Огромное поле надвигалось на машину... Машина огромна, заслоняет поле. Не видно, прямо ли идет. Одновременно надо следить, как входит в куст уборочный аппарат, следить за барабанами, вентиляторами, за показателями приборов, за прямолинейностью движения машины, прислушиваться, нормально ли работает двигатель.

Надо все выбросить из головы: и то, что наблюдают колхозники, и то, что это первый день моей работы. Думать только о машине. И я как бы слилась с нею. Ее движения стали моими движениями.

Окончен ряд — выключила уборочный аппарат, разворачиваю агрегат и направляю его в очередное междурядье. Машина идет плавно, мотор гудит мерно, стрекочет рабочий аппарат, бункер наполняется хлопком...

Колхозники улыбаются, что-то кричат и снова бегут за машиной. Удивлены: машина не имеет разума, а собирает умно — только спелый и сухой хлопок, оставляя недозрелый...

Бункер полон... Битва выиграна на сегодня».

А на завтра случился неожиданный простой из-за нехватки воды. Бригадир, так же как и вчера, скрестив руки, стоял в сторонке. Турсуной увидела его равнодушный взгляд. Не соберет машина — люди соберут. Дело привычное.

Турсуной сказала тихо, но решительно:

— Если через два часа не будет воды, поеду в район.

— Успокойся, отдохни пока. Мы что-нибудь придумаем.

Когда вернулась на поле — ахнула: на участке, специально подготовленном для машинной уборки, колхозники собирали хлопок... вручную! Бригадир улыбался:

— Они меня не так поняли...

Турсуной хотелось разреветься от обиды. Еле сдержалась.

И началось: то горючего нет, то отведенный участок «по ошибке»

водой зальют — машина пройти не сможет. А сроки поджимают. Значит, опять собирать вручную! Не только в своем колхозе — и в других то же самое. Не доверяли люди машине, особенно той, которой управляет женщина. Однажды поехала в райком комсомола. По всему району искали для нее поле. Нашли. Радостная поехала Турсуной в дальнее хозяйство. Может, ей удастся выполнить взятое обязательство — собрать 60 тонн хлопка-сырца.

— А мы тебя не звали, — встретил ее председатель. — Из района запросили, есть ли у нас поле для машинной уборки — мы ответили: есть. Но за ним уже закреплены механизаторы. Отдать поле тебе — значит обидеть их. — И вздохнул:

— Замуж бы тебе надо, дочка.

Долго еще мыкалась Турсуной. Конечно, 60 тонн так и не собрала. Очень переживала. Поддержали ее в этот трудный период мать да еще Султан Шерматов. Ему тоже не просто было выдержать бой с родней, которая и слышать не хотела о невестке в брюках!

Но время работало на молодых. Неудачи не только не сломили Турсуной Ахунову, наоборот, закалили ее характер. Постепенно машинная уборка завоевывала все больше сторонников. Да и новые, более совершенные и надежные комбайны появились. Турсуной снова записалась на курсы переподготовки.

— Опять учиться, — запричитала мать. — Когда же деньги будешь зарабатывать? Невеста ведь! А надеть нечего...

— Э, мама, наряды не уйдут, — обняла ее Турсуной. — Главное — от жизни не отстать!

Окончив курсы, вернулась в Пахтинскую МТС. Механизаторы приходили советоваться: ведь у нее самые свежие знания. Ее упорство и прилежность ставили в пример другим.

Однажды девушка услышала, как Рустам-ака, опытный механизатор, наставлял одного из своих помощников:

— Вон девчонка справляется, а ты...

Вспыхнул парень, Турсуной улыбнулась ему:

— Да ты не горюй! Мне в свое время тоже доставалось от него.

Теперь смутился Рустам: вспомнил, как они с приятелем однажды решили подшутить над Турсуной. Выбрали момент, когда она допоздна задержалась в поле, завернулись в белые простыни и давай прыгать вокруг ее трактора — привидения изображать. А Турсуной, словно не замечая их, продолжала бороновать. «От страха», — смеялась позже Турсуной, когда механизаторы признались в своей проделке. Но Коломейцев, узнав об этом, запретил Турсуной работать ночью.

Когда в МТС пришла новая машина, Турсуной было поручено провести ее обкатку, проверить в действии. За сезон 1956 года комсомолка Ахунова собрала 90 тонн хлопка, на 30 тонн перекрыв свое обязательство! Это была победа. На груди Турсуной засиял первый орден — Трудового Красного Знамени. О ней написали в газетах, включили в состав делегации для поездки в Индию. Вместе с другими она представляла

комсомол республики на Всемирном фестивале молодежи в Москве. Большая трудовая слава пришла к ней. У нее стали появляться последовательницы во всех хлопкосеющих республиках страны. Даже ее муж Султан Шерматов решил стать механизатором. И это была самая большая радость! Теперь их связывала не только любовь, но и общее дело. И это придавало Турсуной новые силы. А они ей были очень нужны! Родив первенца и снова вернувшись на работу, она взяла обязательство в 1959 году собрать 100 тонн хлопка-сырца.

За нею следила вся республика. Теперь дело было поставлено так, что механики-водители заранее знали, на каких участках им предстоит убирать хлопок. За Турсуной закрепили две бригады. Вместе с хлопкоробами Турсуной с весны, с момента подготовки поля к посевам, следила за точностью планировки, за высевом семян, чтобы получились равномерные всходы, формированием кустов. Старалась, чтобы поле было чистым от сорняков, арыки — ровными, чеканка — проведена в срок. Бригадиры — а они тоже оказались на виду у всей республики — один перед другим соревновались: у кого лучше окажется подготовленным поле для машины Турсуной. Кстати, одним из них был тот бригадир, который вначале так упорно не хотел признать ее. Но времена меняются. И он, как и многие другие, убедившись, что Турсуной — отличный работник, нашел в себе силы признать свою неправоту.

Однажды он стал невольным свидетелем такой сцены:

— Ты что, хочешь мой авторитет подорвать? — кипятился молоденький летчик. — Скажут, сам не справился, девчонку на помощь позвал?

— Да ты пойми, Володя, мне хочется все поле увидеть. Сразу. От края до края. А в качестве твоей работы я нисколько не сомневаюсь, — уговаривала Турсуной летчика взять ее в кабину самолета. Уговорила, а в полете нет-нет да и скажет летчику: а вот здесь бы надо еще раз обработать посевы, чтобы к уборке все листья опали и не мешали машине собирать хлопок. Тот слушал и не обижался, видел: Турсуной права. Поле было обработано на славу.

До 5 тонн хлопка-сырца ежедневно сдавала Турсуной. Раньше намеченного закончила уборку в обеих бригадах, да еще помогла в соседнем колхозе.

210 тонн хлопка-сырца собрала за сезон 1959 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР Турсуной Ахунова была удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Башарат-апа ходила по кишлаку с гордо поднятой головой. Соседи почтительно раскланивались с ней. Еще бы, к ее Турсуной что ни день приезжают уважаемые люди из города. Одни — чтобы пригласить выступить с рассказом об опыте работы; другие — выслушать отзыв о хлопкоуборочной технике. Кстати, ее советы и замечания, как и советы других механизаторов, помогли конструкторам создать отличную хлопкоуборочную машину, за которую группа конструкторов и испытателей была удостоена Ленинской премии. Стала лауреатом премии и Турсуной. Но это будет позже, а пока...

Пока молодой женщине, матери уже двух дочек, поручается возглавить механизированную бригаду по комплексной обработке земли. Теперь все — подготовка семян и почвы, заботы об ирригационной сети, выращивание и сбор хлопка — возложено на бригаду. Каков будет урожай — зависит от каждого из пятнадцати членов коллектива. И прежде всего — от нее, бригадира, от ее знаний и опыта.

В тот год весна была холодная, дождливая. Всходы появились чахлые, а вскоре и вовсе погибли. Почти все 100 гектаров закрепленной за бригадой земли пришлось пересевать. Турсуной не расставалась с книгами, старалась все делать «по науке». При подобных условиях рекомендовалось полив временно прекратить, а вместо него рыхлить почву. Так она и стала делать. Но председатель колхоза, у которого за плечами был немалый практический опыт, категорически воспротивился.

— Вы погубите посевы! Надо поливать! — требовал он.

— Полив сейчас вреден. Корни погниют от переизбытка влаги. Сейчас главное — дать воздух почве, чтобы устранить корневую гниль. Рыхлить надо! — стояла на своем Турсуной.

И оказалась права. Вскоре по рекомендации ученых по всей Ташкентской области тоже прекратили полив, стали проводить культивацию посевов. Урожай был спасен. Осенью бригада Ахуновой при плане 26 центнеров с гектара получила по 40,5 центнера хлопка. Сама Турсуной собрала в тот год 322 тонны.

С трибуны XVI съезда ЛКСМ Узбекистана Турсуной обратилась к своим сверстницам из хлопкосеющих республик с призывом: «Девушки, за штурвал хлопкоуборочной машины!»

Около трех тысяч заявлений — таков был первый отклик на это обращение. В страду 1960 года более 1150 девушек-узбечек вывели свои машины на поля. Осваивали вождение хлопкоуборочных агрегатов туркменки и киргизки, таджички и азербайджанки. Решила овладеть новой техникой и Холджан Бабаджанова, та самая, что в год рождения Ахуновой стала одной из первых на Востоке женщин-трактористок.

Трижды переходила Турсуной в отстающие бригады и каждую выводила в передовые. Когда много лет назад Турсуной пришла на землю, которую закрепили за ее нынешней бригадой, урожайность хлопка составляла здесь всего 19 центнеров с гектара. Земля считалась бедной, зараженной сорняками. Вот с них-то и начали. Много усилий отдали борьбе с пыреем. Еще больше — на то, чтобы удобрить землю. Это сейчас в колхозе большая ферма крупного рогатого скота — председатель колхоза Султан Шерматов, муж и верный друг Турсуной, много внимания уделяет развитию животноводства. А тогда за навозом в Казахстан ездили, но по 20 тонн в первый же год внесли на каждый из 74 гектаров. Три года «лечили» землю. И она отблагодарила сторицей. Уже многие годы бригада не знает урожаев ниже 60 центнеров с гектара.

Казалось бы, можно и уйти с машины — и без того в бригаде дел хватает. И здоровье уже не то. И дети — их пятеро — заботы требуют. Но Турсуной по-прежнему за штурвалом. 400 тонн за сезон... 430... 450... 461. А ведь в одной коробочке всего 3—4 грамма «белого золота». Это сколько же их нужно собрать, чтобы превратились граммы в тонны! Огромные горы хлопка возвела она за свою жизнь. Но Турсуной знает, каждая взятая высота открывает новую. И ее надо покорить. Чтобы те, кто идет твоим путем, сберегли силы для новых открытий.

Это чувство — идущего впереди — она воспитывает и в тех, кто работает рядом с ней. Ее бригада уже давно стала школой передового опыта. Почти все новые агроприемы, рекомендованные учеными, получали путевку в жизнь на полях бригады Турсуной. В 1960 году они впервые провели испытание односторонних семян. В 1974-м освоили двухъярусный плуг. В 1977-м первыми начали проводить чеканку растений новым способом. И многое, многое другое.

«Ваша бригада — настоящий университет знаний, университет механизаторского мастерства, университет хлопкороба», — писала Турсуной Ахуновой в своем письме с просьбой принять в бригаду Замира Абдувахабова, девушка из Ферганской области. И хоть попасть в бригаду нелегко, Замире повезло. Турсуной понравились ее настойчивость и трудолюбие. Девушка оправдала доверие своей учительницы и наставницы. Впрочем, как и каждая из двухсот ее учениц, которых воспитала Турсуной до прихода Замиры. Абдувахабова стала одной из первых выпускниц школы девушек-механизаторов, открытой в поселке Пахта на базе бригады Турсуной Ахуновой.

Одной из первых «турсунойчи» — последовательниц Турсуной (так называют себя девушки, занимающиеся в этой школе) — стала и Хурматой Юлдашева. Ее тоже приняли в бригаду, где много лет работала ее мать Оглай-апа. Трудятся в знаменитой бригаде мать и дочь Байматовы. Но тут другая история. Толкун-апа Байматова не настаивала, чтобы ее дочь Матлюба тоже стала хлопкоробом. И девушка уехала в Ташкент, где выучилась на швею. Но недолго работала в городе. Увидела однажды, как ее мать, победитель социалистического соревнования по итогам девятой пятилетки, по телевидению выступает, о бригаде рассказывает, о том, какой это дружный коллектив и какая высокая честь работать рядом с первой женщиной, освоившей хлопкоуборочную машину, которую теперь каждый член их коллектива в случае надобности свободно может повести, потому что в бригаде почти все механизаторы, — послушала Матлюба выступление своей матери и вернулась в родные края.

Словно лучи, тянутся дороги в поселок с названием Пахта, что означает «хлопок», где живет и трудится Турсуной Ахунова. Словно лучи, расходятся отсюда во все хлопкосеющие республики пути-дороги ее учениц и последовательниц. Со многими из них встретила она и на XXVI съезде КПСС: среди делегатов было немало женщин — водителей хлопкоуборочных машин.

В 1978 году Ахуновой вручили приз трудовой славы имени легендарной трактористки Паши Ангелиной, чьей наследницей по праву считает себя Турсуной. А с 1980 года по инициативе ЦК ВЛКСМ лучшим девушкам-механизаторам, водителям хлопкоуборочных машин, теперь вручают приз ее имени.

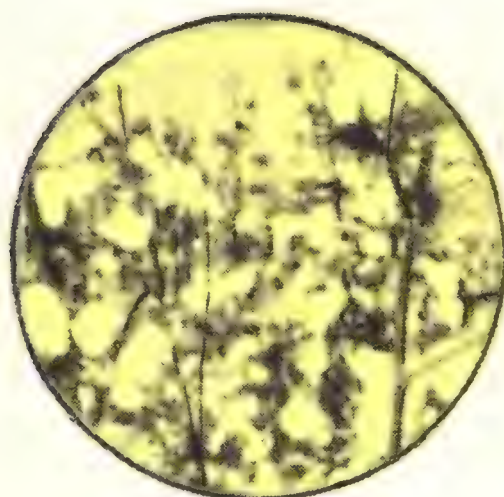
...Каждый сентябрь приводит Мария Никитична Литвинова первоклашек в бригаду Турсуной Ахуновой. Расположен полевой стан бригады недалеко от поселка Пахта, за железной дорогой. Обязательно остановится старая учительница у доски-указателя, вслух прочитает: «Бригада дважды Героя Социалистического Труда...» Объяснит: вторую Золотую Звезду Турсуной-апа получила в 1978 году за особо выдающиеся успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, за проявленную трудовую доблесть в выращивании хлопка. Учительница рассказывает, что более 450 девушек-механизаторов Турсуной обучила и тысячам открыла путь на хлопковые поля. А сама думает: кто знает, быть может, вон та черноглазая девчушка, которая так внимательно слушает ее, повторит судьбу Турсуной Ахуновой? Для этого у нее и других ребятшек есть все условия.

У каждого поколения — свои трудности, но жизнь — это преодоление их.

Н. Корина

Багирова
Басты Масим кызы

ВСЕ ОСТАЛОСЬ ЛЮДЯМ

Ей на родине еще при жизни поставили бронзовый бюст. Внуки и правнуки вглядываются в застывшие в бронзе торжественно-строгие черты: им очень хочется знать — какой была в жизни эта женщина. Но бронза молчит...

* * *

В первый мой приезд в колхоз имени К. Е. Ворошилова из-за стола навстречу поднялась статная, крепко сложенная женщина. Запомнились руки — изящные и в то же время сильные. Рабочие руки. Под иссиня-черными дугами густых бровей сияли большущие, зоркие, то строгие, то ласковые карие глаза.

— Хочешь писать обо мне? — вскинула пушистые ресницы. — Рано приехала. Вот сделаю все, что задумала, тогда и приезжай...

Я уговорила ее рассказать о себе, и мы засиделись с ней далеко за полночь. В ее рассказе часто повторялось слово «борьба». Да, Басти многое пришлось преодолеть, утверждая новое.

...Была она одиннадцатым ребенком в семье батрака Масим-Киши из глухого азербайджанского селения Абдуллабейкюрд.

Первый пронзительно-жалобный крик новорожденной не встревожил спавших вповалку на земляном полу, устланном тряпьем, детей. Только отец пришел в отчаяние от известия, что небо послало ему еще одну — десятую — дочку. Измотанный заботами, как прокормить семью, Масим-Киши сказал в злом отчаянии жене:

— Басти! (Хватит!) Довольно девчонок! Они ни тебе, ни мне не опора, не надежда.

— Басти? А я как раз думаю, как назвать малышку! Давайте так и назовем, — предложила принимавшая роды соседка.

Думал ли той ночью бедняк Масим-Киши, что его только родившейся, маложеланной дочери уготована счастливая судьба?

В шесть лет ее послали пасти байский скот — сперва «под началом» старшей сестры, а потом и самостоятельно. Сколько раз приказчик бил ее, сонную, по непокрытой голове — у нищей девчонки не было платка — за то, что телята ушли далеко.

В пятнадцать лет проворная, неутомимая, застенчивая большеглазая Басти рассталась с детством — закрыла лицо покрывалом и перестала разговаривать с мужчинами. Невеста! Бедняцкой дочке юность ничего хорошего не сулила — выдали ее замуж за вдовца Гасыма в соседнюю деревню Бахчакюрд.

Правда, Басти повезло. В то еще глухое время, когда мужья в азербайджанских семьях были безраздельными хозяевами своих жен — могли беречь, а могли до смерти изувечить их, — Гасым оказался мягким человеком: он, бедняк, ценил в Басти терпеливость и немногословие.

Что только чета Багириных не предпринимала, чтобы вырваться из кабалы местного бека Татоглы, но так до утверждения Советской власти в Азербайджане не заимела ни своей земли, ни быков, ни плуга, ни арбы.

Не трудно представить себе радость Басти и Гасыма, когда им новая власть выделила участок плодородной земли и воду, дала ссуду на покупку быков, арбы и плуга.

Басти с пылом нерастроченной молодости открыто и доверчиво шагнула в новый мир. Первой среди женщин в Бахчакюре она поняла, что Советская власть дает им еще и возможность учиться. Басти пошла в ликбез.

На собрание, где решался вопрос о создании колхоза, она тоже пришла. Старики недовольно косились: еще десять лет назад азербайджанская женщина и думать не смела об участии в решении деревенских дел, а теперь... вон сидит на равных.

Вопрос о колхозе супруги Багириные обсудили еще дома. Поэтому, когда председательствующий в четвертый раз спросил: «Кто хочет записаться в колхоз?», Басти поднялась и протянула ему заявление.

— Ты сама писала? — спросил председатель собрания.

— Писал учитель, а слова придумали мы с мужем...

Он прочитал вслух: «Мы готовы жизнь положить за колхозы и за Советское правительство, которое их создает...»

От себя Басти добавила:

— Мы с мужем так считаем. Надо верить Советской власти и партии большевиков. Они желают блага и счастья народу. Что хорошего видели мы, бедняки, живя каждый сам по себе? Сообща нужно действовать. Одной рукой и узла не завязать.

На этом же собрании Басти выбрали в правление. А колхоз назвали именем К. Е. Ворошилова.

Познав первые радости коллективного труда, люди работали с каким-то веселым азартом. Ничего, что колхозные гектары хлопковых полей в 1930 году дали всего по 4 центнера сырца, — и им были безмерно рады. Погрузили тюки на верблюдов, на тюки взгромоздились женщины, а дети из кувшинов поливали дорогу к государственному приемному пункту — чтобы легкой она была. За 8 сданных тонн хлопка получили мануфактуру, спички, соль... Начало было положено.

Первые газетные сообщения о рекордных достижениях Багировой появились после назначения ее звеньевой.

Издавна в Азербайджане привычный сбор сырца одной сборщицей не превышал 20—25 килограммов за световой день. Это было терпимо при урожае 4—6 центнеров с гектара. Но урожаи из года в год росли,

и сроки уборки каждый год все больше и больше затягивались до холодов, до первых «белых мух», а то и из-под снега сырец брали. Соответственно увеличивались и потери.

Басти замахнулась сразу на 100 килограммов. На колхозном собрании ее осмеяли:

— Блажь!

— Тоже еще Ферхад¹ в юбке!

Но смеялись те, кто не знал Басти. В первый же день уборки к центральному сборочному пункту пришлось увезти арбой целых 105 килограммов собранного ею хлопка! На второй — 152. В четыре — шесть раз больше обычного!

...Воздух напоен волнующим ароматом разнотравья. Но ближе к полудню он становится таким горячим, словно дует из тандыра². Трудно дышать — не то что двигаться. Жизнь на полях в эти часы замирала, а Басти с поля не уходила, она шла между рядами хлопковых кустов, наслаждаясь своими выдержкой, силой, сноровкой, проворством и думала: «Отдых на уборке — роскошь!»

К вечеру селение облетела весть. Басти собрала больше 200 килограммов сырца за день.

Весть о рекорде на ручной уборке хлопка всколыхнула всех хлопкоробов страны. «Молодец, Басти!» — писали ей отовсюду. А молодой коммунист Багирова на XII съезде Компартии Азербайджана, делегатом которого она была, сказала с трибуны:

— Прошлой осенью я ежедневно собирала по 212—218 килограммов «белого золота». Но это мало...

— Не так уж мало! — заметили из президиума.

— Нет... Мало, мало! — повторила Басти и пообещала в двенадцать раз поднять обычный дневной сбор.

Все понимали: чтобы убирать все увеличивающийся урожай хлопка, надо ускорить темп уборки. Но в двенадцать раз поднять дневной сбор? Не просчиталась ли Басти? Но она все продумала заранее.

Испокон веку на всем земном шаре хлопкоробы собирали «белое золото» одной — правой — рукой. Но однажды наблюдательная Басти увидела, как счетовод-левша ловко орудовал в картотеке левой рукой...

Человеку природа дала две руки. Почему же он действует только одной? Конечно, понадобится время, чтобы и левая приобрела ловкость правой. Но попробовать-то стоит! Прошло много времени, пока она заставила пальцы левой руки работать так же сноровисто, как правой. Это и дало ей смелость на партийном съезде дать такое обещание.

Собирать хлопок осенью 1936 года она начала по-новому. Все продумала до мелочей. Во-первых, она решила собирать только хлопковое волокно, а не как раньше — обрывать коробочку, а уж потом ее опорожнять; нет, сразу только волокно из коробочки; во-вторых, чтобы

¹ Ферхад — богатырь-каменотес, герой поэмы Низами «Хосров и Ширин».

² Тандыр — специальная печь для выпечки чурека.

освободить левую руку, в которой раньше был мешок, она сшила себе передник с большим карманом, продумала и где поставить корзину, чтобы освободить от хлопка наполненный карман.

Десятки людей собрались у кромки поля, чтобы посмотреть, как Басти будет работать. Одних привело сюда чувство симпатии к неугомонной женщине, других — открытая ревность, третьих — желание поучиться.

Ничего не скажешь: технику сбора сырца Багирова довела до автоматизма — ни разу у нее не сорвалась, не проскользнула мимо коробочки ни левая, ни правая рука. Сборщицы хлопка обычно кладут в фартук или мешок сырец из одной коробочки, она же наберет полную горсть и только тогда положит. Ритмично — через каждые пять минут — полный фартук. К концу дня завесили барданы Багировой: 305 килограммов!

— 305? — недовольно переспросила Басти. — Это мало!

На следующий день мужчины с трудом взвалили на весы сырец, собранный звеньевой: 466 килограммов! Без малого полтонны!

Газеты запестрели подсчетами: если учесть, сколько весит каждая коробочка, то, значит, Багирова одна за световой день опорожнила их более 85 тысяч. А все ли знают, спрашивали газеты, что это за труд — от зари до зари, под палящим солнцем, обливаясь потом, двумя руками брать и брать почти невесомое «белое золото», чтобы набрать полтонны? Да, это был настоящий трудовой подвиг.

Но Басти Багирова понимала: мало будет для страны пользы, если только в одном хозяйстве станут собирать хлопок так, как она. И она взялась обучать своим приемам работы, а точнее, ставшему своего рода классическим методу ручного сбора хлопка-сырца, и других. Не зная усталости, ездила по хлопководческим хозяйствам своей республики и Узбекистана, выступала на семинарах и совещаниях, проводила показательные сборы, лично консультировала всех, у кого дело не ладилось. Устала, похудела, лицо осунулось, но голос звучал бодро: дело пошло — в Азербайджане только в Касум-Исмаиловском районе на сбор двумя руками тут же перешли 120 колхозниц, в Узбекистане — 300. А через год было более 600 ее последовательниц!

За большую общественную деятельность по распространению передового опыта ручной уборки хлопка в 1936 году Багирова получила орден Трудового Красного Знамени.

Слава к человеку приходит нелегко. Но, добившись признания людей, славу надо подкреплять все новыми и новыми делами. Басти, человек неугомонный, задорный, огневой, тут же бросила клич:

— В новом году — новый рекорд!

Интересы государства требовали от хлопкоробов удвоить, утроить урожайность полей в целом по стране. На поле Багировой уже к 1935 году урожайность поднялась до 35 центнеров. А к началу сороковых годов депутат Верховного Совета СССР Басти Багирова стала снимать на отдельных участках по 80 и даже по 85 центнеров хлопка-сырца.

Конечно, это удалось не сразу. Понадобилось и подучиться и поработать побольше. Она ввела одновременную заделку навоза и минеральных удобрений во время зяблевой вспашки, ручную обработку окраин после прохода культиватора, двойную подкормку растений во время роста, прорывку — чтобы оставить в каждом гнезде, отстоящем от следующего на 25—30 сантиметров, по два растения. Летом Басти и члены ее звена проводили шестикратную поливку растений. А это так непросто — ведь азербайджанские хлопкоробы растят эту влаголюбивую культуру в трудных условиях: осадков здесь достаточно в пору, когда хлопковым посевам она не требуется, а в июне — августе, когда растениям влага особенно необходима, их не дождешься.

Багирова первая в республике вводит чеканку — удаление верхушек и лишних боковых ветвей на каждом кусте. Она сама замечала — на приземистых, плотных кустах коробочек бывает больше.

А дело это трудоемкое. На гектаре в среднем бывает до 95 тысяч растений. И каждое надо обработать. Но если чеканка обещает прибавку урожая, как можно отказываться от нее!

Нет, оно только кажется невесомым, это хлопковое волокно. На самом деле оно, ох, какое тяжелое. Людям казалось, что Басти дву-жильная, а она уставала до бессилия.

На одной из сессий Верховного Совета СССР мы снова с ней встретились. Отыскали малолюдный уголок в Кремлевском дворце и не могли наговориться. Напоследок Басти позвала к себе в гости:

— Приезжай поглядеть на мой участок! До чего же люблю поле, когда зреет хлопок! Зеленые коробочки прямо на глазах раскрываются навстречу солнцу. Из них рвутся ослепительно белые язычки. Еще вечером поле было одно, а утром — совсем уже другое — будто снег выпал... И таким красивым кажется под яркой синевой нашего неба, что трудно оторвать взор... — говорила она. — Но еще радостнее бывает от мысли, что это красота не только творение природы, но и твоих собственных рук.

Депутат Верховных Советов СССР и Азербайджанской ССР Басти Багирова умела быть настойчивой, когда речь шла о реализации наказов избирателей! Был восстановлен «кягрыз» Гедек — ирригационное сооружение, питавшее хлопковые поля водой из подземных источников. О, она на всю жизнь запомнила, как в 1919 году байский приказчик за долги не дал им, Багировым, воду для полива хлопка — и посевы погибли. Начальная школа в Бахчакюрде стала семилеткой, были открыты ясли-сад, вместо красного уголка построили клуб. Родной колхоз, благодаря расширению посевных площадей и повышению урожайности, богател.

Пришло время, и Басти приняла твердое решение — поступить в Кировабадский сельскохозяйственный институт. «Звеньевая без знаний — ничто!» — объясняла она свое решение тем, кто считал его блажью. А профессора поражались — и лет новой студентке немало, и только недавно элементарной грамоте выучилась, а оставила позади

самых способных однокурсников. Жить бы да радоваться, но грянула война. В первый же день из Бахчакюрда на фронт ушли все способные носить оружие джигиты — 88 человек. И хотя фронт был где-то далеко, его жестокое дыхание чувствовалось и здесь. Хрупкие женщины взяли на себя все издавна считавшиеся мужскими дела. Работали целыми днями, а ночами еще шили солдатам тулупы, вязали джораби — шерстяные носки.

В один из приездов из Кировабада домой Басти пошла в поле. Сорняки, поблекшие, чахнувшие кусты хлопчатника, прожорливые вредители. Нет, сейчас ее место здесь, в родном колхозе — ослабленный войной, он ждет ее энергичных рук! Вскоре Багирову избирают секретарем колхозной партийной организации. Басти, человек щедрый, отзывчивый, кого-то ободряла словом, кому-то помогала, с получившими похоронку просиживала ночи.

А в поле звено под ее руководством работало по-прежнему с полной отдачей. Оно взяло на себя выращивание хлопка на 12 гектарах вместо мирных шести, но как и раньше — шесть поливок, чеканка, а во время уборки — в поле от темна до темна... Были тракторы, но трактористы ушли на фронт — обучили женщин. Не хватало запасных частей — стали реставрировать старые. Донимали вредители растений, а химикатов не было — заменили их мыльной пеной, по примеру Басти отдав последние куски такого дефицитного в ту пору мыла.

45 центнеров хлопка с каждого из 12 гектаров — это, конечно, не прежний урожай звена Багировой, но ведь шла война!

Продав домашнюю живность и забрав из сберкассы все свои сбережения, Басти отдает на строительство самолета 50 тысяч рублей. Узнав, что в селении появилась русская сиротка, супруги Багировы удочеряют ее. Теперь у них есть и сын и дочь...

После победы наступило облегчение, хотя из 88 ушедших из селения на фронт 30 не возвратились.

В феврале 1946 года избиратели Шамхорского избирательного округа вторично выдвигают Б. Багирову кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Краснеть землякам за Басти никогда не приходилось — сама устали не знала и вокруг себя не терпела лодырей. Молчит, молчит, а заговорит — слова, как пули вылетают, душу не ранят, а совесть заденут. Принимая в звено новых людей, она обычно ставила категорическое условие:

— Давайте договоримся на пашне, чтобы потом на гумне не ссориться: делу — всего себя!

Радостная весть, говорят в Азербайджане, подобно орлу, перелетит любое ущелье, осилит самые крутые перевалы, поднимется выше гор. Самоотверженный труд обеспечил звену осенью 1946 года невиданный для Азербайджана урожай хлопка — 105 центнеров с каждого из пяти закрепленных гектаров. Мартовским утром следующего года радио принесло в селение радостную весть — запевала движения хлопкоробов-«высокоурожайников» Багирова Басти Масим кызы стала Героем

Социалистического Труда! О, это был неповторимый день! Он как бы вобрал в себя все годы беззаветного труда, стал высшим выражением всего, что она приобрела благодаря Советской власти.

Басти не зазналась, не успокоилась. И в последующие годы уверенно удерживала завоеванные немисливо высокие в своем деле рубежи. В 1947—1949 годах ее звено с каждого гектара закрепленной за ним земли ежегодно получало от 91 до 112 центнеров «белого золота». И в соответствии с действующим положением Герой Социалистического Труда Багирова, добившаяся в последующие после присвоения этого высокого звания три года исключительных показателей урожайности, 17 июня 1950 года была награждена второй Золотой медалью «Серп и Молот». В ознаменование трудовых подвигов на родине мастера из мастеров рекордных урожаев хлопка был установлен бронзовый бюст. Такой мерой был оценен патриотизм дочери неизвестного до революции батрака.

112 центнеров хлопка с гектара! Когда произносишь эту цифру, на ум приходят самые высокие слова о трудовом мужестве и героизме, и еще почему-то вспоминается удивительное свойство хлопковых комочков: только что вынутые из коробочки, никогда — даже в мороз! — они не бывают холодными. Словно их греет человеческое тепло, затраченное на их производство.

112 центнеров хлопка с гектара стали возможны благодаря строгому расчету с соблюдением всех агротехнических правил и выбором наиболее благоприятных для растения сроков посева, обработки, уборки.

Багирова при этом сполна испытала на себе поговорку: «Посеешь хлопок — не оберешься хлопот». Водный режим соблюдался все строже. И откуда только силы брались! Не раз бывало: намаявшись за день в знойном поле, люди без долгих уговоров при свете автомобильных фар брались рыть новые арыки — плести дополнительную хитроумную сеть оросителей, чтобы одной и той же водой увлажнить не одно, как прежде, поле, а два, а то и три. Воду экономили, где только возможно было, чтобы ни один куст не остался обделенным влагой.

Атакуют растения его злейшие враги — сорняки, гусеницы, хлопковые сойки. Опять борьба, борьба... За каждый куст, за каждую коробочку.

«...Одними техническими терминами не передать все, что вкладывали мы в щедрое цветение нашего хлопкового поля, — писала Басти Багирова в 1950 году новичкам в хлопковом деле. — Оно благоволит только к тем, кто не знает усталости, не ждет от земли незаслуженных благ, а упорным трудом добывает их».

Ее спросили: какими качествами должен обладать современный хлопкороб?

— Для того чтобы стать хорошим, необходимы старательность и трудолюбие.

— А мастером?

— Талант.

Я слышала, как старики говорили о Басти:

— До чего мужской характер у этой женщины!

Нужно заметить, что не все пожилые считали это достоинством для азербайджанки. Но не зря говорят, что иное порицание звучит похвалой. Накопленный опыт, организаторские способности, простота и доступность, отзывчивость и требовательность, мастерство и умение поступать в большом и малом деле по-государственному определили новое место Б. Багировой в общественной жизни: в 1953 году члены колхоза имени К. Е. Ворошилова избрали ее председателем правления.

До этого Басти все считала себя ученицей. Люди добавляли: способной. Теперь ей предстояло самой вести людей.

Журналистская судьба подарила мне еще одну встречу с ней — в 1961 году. Басти внешне сдала — седина стала пробиваться на висках, у глаз легла сетка морщин. «Сказались сорок лет на хлопке!» — сказала она. На вопрос, как обстоит дело с реализацией плана, о котором говорила в мой первый визит, Багирова с доброй улыбкой ответила:

— Напиши, что сорок лет, не зная отдыха, старалась превратить некогда полумертвую, безразличную к беднякам землю в добрую и плодородную. А чего достигла — посмотри сама.

Она возила меня по полям и садам, в новые Дворец культуры, среднюю школу, ясли-сад, каменные дома колхозников под черепичными крышами, в парк с тенистыми аллеями. Со всех сторон к Бахчакюрду, ставшему одним из самых крупных и богатых селений в районе, подступали ухоженные хлопковые квадраты — 230 гектаров! Новые каналы прорезали их вдоль и поперек, доставляя хлопковым зарослям воду из Куры. На месте давнего пустыря разросся фруктовый сад, в нем царили дивная свежесть и благоухание спеющих плодов...

Не спросить, счастлива ли она при виде всего этого, было невозможно. В ответ Багирова воспроизвела свой недавний московский диалог с американской журналисткой. Та спросила:

— Вы — советский герой, поэтому, несомненно, очень много времени отдаете работе. Но жизнь быстротечна — когда же вы собираетесь жить в свое удовольствие?

— Всю сознательную часть своей жизни я живу именно в свое удовольствие, то есть тружусь на благо народа, а это значит и во имя собственного блага! — ответила Багирова. — Я не мыслю жизни без труда. А наградой мне служит радость преобразования родного края, благополучие народа.

Кажется, американка так и не поняла свою собеседницу, приняв ее высокое убеждение за ограниченность. Но это, как говорится, ее личное дело.

В те дни Басти Багирова была по-молодому полна новых планов о строительстве «белого агрогорода среди белого хлопкового моря». А спустя пять месяцев, на 56-м году жизни, ее не стало...

Но все, что успела сделать эта неутомимая коммунистка, видный государственный деятель, дважды Герой Социалистического Труда, кавалер трех орденов Ленина и ордена Трудового Красного Знамени, член Союзного совета по делам колхозов, оставила людям.

Уже много лет нет ее среди нас. Но по-прежнему помнят ее земляки, горестно охают: «Беда, беда — нет Басти!» Одни говорят: «Сгорела, как уголек!», другие с ними не согласны: «Как яркая звезда на небосводе!»

По старой привычке, отправляясь в Бахчакюрд, в колхоз, носящий теперь ее имя, говорят: «Поехали к Басти!» Урожайи стремятся снимать «как у Басти», то есть рекордные, собирать хлопок — «как Басти», опять-таки в ее всемирно известном темпе. Есть в республике поселки, улицы, школы, колхозы имени Б. Багировой. Есть премия ее имени.

Воздух по-осеннему ласков, чист и прозрачен. Светла печаль отдыхающих полей — с них только что убран урожай зерновых и хлопка. Где-то на горизонте чернеет первая лента зяби. Теперь в полях хозяйничают сквозные ветры... Вглядываюсь в небо — там, не спеша, вслед за вырвавшимся вперед вожаком выстраиваются в треугольник журавли. И кажется: вот-вот появится сама Багирова — в будничных запыленных сапогах, в ладной кожаной куртке, с двумя Золотыми Звездами Героя на груди. Очень похожая на солдата...

В 1981 году Б. Багировой исполнилось бы 75 лет, но и к 56 она сполна оплатила счет перед грядущими поколениями.

В этом — бессмертие людей, не щадя сил украшающих нашу землю, родную, молодеющую год от года.

Н. Пицък

Байда
Григорий Иванович

ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ

Юность Григория Байды счастливо совпала с рождением Советской власти на Украине. Сердцем постиг крестьянский сын начало великих перемен в жизни своего народа. И скоро понял, что четырехклассной церковноприходской школы далеко не достаточно по нынешнему времени, однако продолжить учебу не удалось. Отцу не под силу было прокормить трех сыновей и семерых дочерей.

Из родных Лесков Григорий Байда ушел на заработки в индустриальный Днепропетровск. Нанялся на металлургический завод имени Петровского. Все тут пришлось по душе: простые, работающие, нежадные люди, пролетарские порядки, здоровый заводской климат. Двадцатипятилетнему богатырю не занимать было силушки-матушки. Играючи перелопачивал железную руду, катал неуклюжую тачку, таскал увесистые чугунные чушки... Работа не в тягость, вот только не давала покоя тоска по хлебному полю. Нередко снились родные степи, днепровские плавни, белые хаты в тени серебристых тополей, косматых ив и осокорей. Три года перемогал душевную маету и не выдержал — возвратился в деревню.

Поначалу слесарничал в Криничанской машинно-тракторной станции. Осмотрелся, пообвык, потянуло на трактор, в степное раздолье. Тяга к неизведанному и заманчивому была неодолимой. Новое дело постигал самоучкой. И когда впервые взял в руки баранку шумного СХТЗ, а за плугом увидел смольные отвалы чернозема, понял: вот то самое, о чем тосковала душа. Много раз по винтику, по гаечке разбирал, собирал, гладил шершавыми ладонями стального друга и навсегда прикипел к нему душой.

Когда же началась Великая Отечественная война, Григорий Байда солдатом сражался на родной земле против фашистских поработителей. Пламя войны еще больше закалило характер патриота. После победы Григорий Байда с чувством исполненного долга сменил солдатскую шинель на рабочий комбинезон: возвратился в ставшую ему родной МТС. Собственно, от довоенной станции почти ничего не осталось. Начисто разрушены мастерская и гаражи, тракторов и комбайнов раздва и обчелся, да и те латаны-перелатаны. Наспех сработаны «на коленке» бороны и другой инвентарь. Но коллектив прочно цементировали коммунисты. Григорий Байда влился в боевой отряд хлеборобов. Именно с этого времени и началась его слава как первого комбайнера хлебного Приднепровья.

Первой его заповедью стало — делать все споро и добротнo. Отвоевал угол в тесной мастерской, заставленной машинами, заваленной

запасными частями, обломками и обрезками разнокалиберного металла. Прибрал пол, побелил стенку, повесил плакаты. Добыл или смастерил самый необходимый инструмент. Все разложил по своим местам: тиски, сверло, штангенциркуль, напильники... «Гришка-то, видали, «аптечку» оборудовал». А он улыбался и делал свое дело. Не отказывал, если попросят инструмент. «Возьми, только верни на место». Незаметно «аптечка» превратилась в своеобразную инструменталку.

«Стихийное бедствие», «заразная болезнь» — как только не называли смещение центров деталей в силовых передающих узлах мотора. Из-за этого съедаются шлицы на валках, размалываются подшипники, выкрошиваются зубья на шестеренках... Машина грохочет, стонет, скрипит всеми суставами, а потом и вовсе останавливается. Ругаются трактористы, ремонтники, ломают голову инженеры, а нарушение соосности — так называют специалисты тракторную хворобу — не поддается лечению.

— Можно, я попробую разобраться? — предложил инженеру Байда. — Не так страшен черт, как его малюют...

Малюеры злословили:

— Слыхали? Гришка-то, ха-ха!.. Берется соосность одолеть...

— Хотела синица море спалить...

— Тоже мне Левша нашелся...

Ремонтируя узлы моторов, Байда заметил, что перекосы, как правило, появляются в деталях, принимающих на себя наибольшие нагрузки. Вот, к примеру, шатун. Он воспринимает от поршня и передает коленчатому валу через каждый оборот свыше 13 лошадиных сил. Это при нормальной работе машины. А если тракторист заставляет мотор перенапрягаться, деталь не выдерживает. Хотя и сделана из особо прочной стали, сгибается, перекручивается. Достаточно десятой доли миллиметра отклонения от нормы — и мотор «заболевает».

Байда сконструировал немудрящее приспособление. Начал «лечить» шатуны. Потом присмотрелся внимательней к залитым баббитом шатунным вкладышам и обнаружил халтуру. «Карман» в баббите вырублен зубилом. Неровности, заусеницы. Смастерил станочек, с помощью которого стал делать такие «карманы», что могли позавидовать заводские специалисты. Дальше — больше. Короче, навел строжайшую ревизию всех главных деталей мотора. Приумолкли малюеры — участок восстановления моторов превратился в самый надежный, вышел в передовые.

В «аптечку» зачастили ремонтники. «Помоги, Григорий Иванович, не получается». Байда никому не отказывал: о государственном пекутся люди.

Потом стали примечать: Байда не только делает все добротнo, на совесть, но и вдвое-втрое быстрее других. Как удаётся? Нерадивые злословили: «Что ему — холостякует. Сутками не вылезает из своей мастерской, рубли зашибает...» Однако умалчивали о его высокой квалификации, о том, что работает с душой, не за страх, а за совесть. Как

назло завистникам, Байда пришел к директору МТС Дмитрию Трофимовичу Шевченко и выложил:

— Расценки на ремонтные работы завышены. Прошу снизить...

Ему возражали, но он стоял на своем. Убавили расценки только Байде — остальные ремонтники еще были не готовы к такому шагу.

Страна залечивала раны войны. Поднялась вода в Днепре, значит, восстановили Днепрогэс. Выросли корпуса Новомосковского металлургического завода. В МТС стали приходить тракторы и комбайны новых марок. Тесновато стало Байде в комбинезоне ремонтника. Вся техника отремонтирована. Комбайны уже в колхозах — вот-вот начнется уборка урожая. В мастерской непривычное безлюдье, тишина, скукота. Томится без горячего дела Байда. Тянет его в степь. Пошел к директору:

— Направьте в колхоз, на комбайн.

— Не могу. На кого оставляешь мастерские?

— А Гриша Горбенко. Вполне справится за двоих.

Встал Байда за штурвал степного корабля. Жаворонком заливается душа. Не налюбуется высоким, чистым небом, бескрайней, ароматной степью, спелым хлебным полем. Пускай пока маловато опыта, зато уйма энергии, неодолимо желание управлять машиной. Вот и последняя загонка. Сколько же получилось? 350 гектаров, 6 с хвостиком тысяч центнеров зерна. Не рекорд, однако на первый случай можно довольствоваться. Норма есть, а там увидим...

Глазами комбайнера придирчиво посмотрел на работу ремонтников. Осенью возвратился в мастерскую умнее, чем был до этого. К новому урожаю подготовил свой «Коммунар», как танк в атаку. И машина не подвела. Второй сезон закончил лучше: скосил 400 гектаров колосовых, намолотил 8 тысяч центнеров зерна. Вошел в первую десятку лучших комбайнеров района. Присматривался, прислушивался к мастерам, впитывал все мудрое, полезное, годами накопленное нелегким трудом. Не любопытства ради черпал знания и опыт — для дела.

К следующей уборке получил новенький С-6. По тем временам — первоклассную отечественную машину. Изучил ее, можно сказать, досконально. На уборку урожая вывел агрегат, словно на парад. Трудился с задором, от зари до зари не сходил с мостика. Косил низкорослый хлеб под самый корешок. Знойная степь нещадно палила. Пот и пыль слепили глаза, а он кружил и кружил по бесконечным, казалось, загонам.

— Когда ешь, спишь? — изумлялись колхозники.

— Вареники кушаю с тарелочки прямо за штурвалом, сплю на пуховой перине, на крахмальной простынке под комбайном, — отшучивался Байда.

После подсчитали: Байда скосил 780 гектаров, намолотил 14 тысяч центнеров зерна. Дотошные нормировщики объявили результат хронометража: комбайн Байды ежесуточно был в ходу 17—18 часов, плюс два часа на заправку и техход. Работал без помощника. Только же-

лезный организм и негибкая воля Байды могли вынести такое напряжение. Он стал лидером механизаторов Днепропетровщины.

Жатва — дело творческое. У каждого поля свои особенности: конфигурация, степень неровности, высота и густота растений, засоренность, урожайность, микроклимат. Байда учитывает все. Верит в технику: он слишком хорошо знает ее и бережет больше, чем себя. Никогда не заставляет машину работать на износ, не гоняет ее вхолостую. Вот, к примеру, на поворотах загонки, как правило, хедер идет по скошенному: моторы трактора и комбайна крутятся вхолостую. Роскошь! Многие комбайнеры не обращают на это внимания. «Подумаешь, минутная передышка». Байда бережет каждую минуту. У него при себе ручная коса. Острые углы на загонках он обкашивает вручную. Поэтому на углах хедер срезает хлеб на весь захват. А в результате выигран примерно час драгоценного времени в день. Таких «мелочей» за Байдой водится много.

В один из сезонов определили его убирать хлеб на крутых Марьяновских увалах. Хлеба там уродились отменные. Солома в пояс, густая, крупноколосная. Но степные ветры и грозовые дожди покрутили, а местами прибили колосья к земле. Попробуй возьми. И решил Байда попробовать настроить комбайн на новый лад. Вместе с помощником Гришей Горбенко принялись они приспособливать машину к уборке тучного, полеглого хлеба.

— Ну как, получается? — придирчиво осматривая будто вроде бы привычные, но какие-то особенные узлы агрегата, спрашивал директор МТС, наведываясь к ним.

— Кое-что, — скромно отвечал Байда. — Вот переставили деки. Новые самодельные зубья ввинтили... на приемном механизме немного удлинили шпильки. Сами их выковали. Эти надежней будут... Трубу на ось поставили. Ось-то тонкая, как кишка, а хлеб густой, на ось наматываются сырые стебли. То и дело приходится сдирать. Лишние остановки. А на толстую трубу, думаю, не накрутится...

— Не многовато ли рационализаций? — осторожно заметил директор.

— По такому хлебу — в самую пору...

Байда не ошибся: Марьяновские массивы хотя и вымотали у комбайнеров душу, но комбайн не подвел, зерно собрали все и первыми в МТС отмолотились. На этот раз новаторов заметили не только в области, но и в Москве: Григорий Иванович Байда был удостоен ордена Трудового Красного Знамени...

В послевоенные годы в колхозах и совхозах Украины стали наращивать поголовье скота. Но чем больше его становилось, тем острее ощущалась нехватка кормов. Особенно в Приднепровье. Там естественных сенокосных угодий мало: плодородные земли заняты зерновыми культурами. Встал вопрос, как бы, не сокращая производство продовольственного зерна, решить кормовую проблему? Где найти растение, которое даст и зерно и корм скоту? Оказывается, есть такое — кукуруза! Уникальная культура. Дает и сочный зеленый корм, и силос, и зерно,

и даже сырье для крахмало-паточной промышленности. В солнечных степях Приднепровья кукуруза хорошо произрастает и дает высокие урожаи. Беда лишь в том, что обработка плантаций — посадка, прополка и уборка урожая — ведется только руками. Отсюда — производительность труда низкая, а себестоимость продукции высокая. Не мудрено, что при таких кормах молоко и мясо обходятся колхозам и совхозам в немалую копеечку. Многих волновал вопрос: как бы механизировать выращивание кукурузы? Григория Байду — тоже. В его памяти занозой застрял такой эпизод. Дело было вскоре после войны. По проселку еле плелась запряженная в повозку худущая коровенка. Рядом с кнутом в руке шла женщина. На возке двое малолетних ребят. Подвода свернула с проселка на межу, остановилась у кукурузной плантации. Женщина распрягла буренку, пустила на траву пастись. Сама принялась рубить тесаком стебли кукурузы, а дети обламывать початки...

И решил Байда. Своими руками сделать жатку для уборки кукурузы. Переделал хедер отжившего свой век зернового комбайна, перестроил необходимые узлы. Стал испытывать — ничего не получается. Долго бился, пока, наконец, пошла жатка. Широкозахватный хедер, как бритвой, срезал стебли, машина складывала их в кучки. Подбирай, вези на ферму или в силосную яму. Этот немудреный аппарат высвободил много людей. В МТС пригласили механиков, кузнецов, слесарей из других станций. Показали жатку в работе. Умельцы посмотрели, пощупали, одобрили. Вскоре двойники самоделки появились во многих хозяйствах Новомосковского и других районов.

И тогда Байда подумал: а что, если попытаться сделать целый комбайн для уборки кукурузы, чтобы машина и косила, и початки складывала в один бункер, а измельченную массу — в другой? Вот бы колхозники облегчение получили. Эх, вот только технических знаний маловато. Да и недосуг. Новая уборочная страда подступала. Байда думал, его опять пошлют на Марьяновские косогоры. Но, зная, выпал счастливый билет: его агрегат оказался в колхозе имени Калинина. Равнина. Благодать! Поля — конца-краю не видно. Вот где можно развернуться. И хоть буйный ветер и косой дождь покрутили и повалили пшеницу, да Байде было не впервой убирать такие хлеба.

Начали с помощником Григорием Горбенко хорошо. В бункер сыпалось полновесное зерно. 25—30 центнеров с гектара намолачивали. Казалось, поймали жар-птицу. Но поплыли неожиданно над степью свинцовые облака. И начались непрекращающиеся дожди. Совсем к земле склонился отяжелевший колос, набухло влагой зерно. Летят от соседей невеселые вести: остановились комбайны, механизаторы ждут хорошей погоды. А Байда кружит и кружит по загонкам. На земле — ни колоска, в соломе — ни зернышка. На току круглосуточно перелопачивают, сушат зерно из-под его комбайна. Придирчивый бригадир Тищенко, кажется, обшарил всю жнивую, перетряс каждую копну соломы, а зерна не нашел. «Чисто работает Байда!»

Но вот прекратились дожди. Обсохли нивы, и комбайны снова вышли в поле. Механизаторы наверстывают упущенное. В самый разгар этой работы из колхоза имени Калинина депеша: Байда закончил уборку! Намолотил неслыханное количество зерна. И никто уже в этом не усомнился.

Прошло несколько месяцев, и из Москвы пришло сообщение: Президиум Верховного Совета СССР присвоил Григорию Ивановичу звание Героя Социалистического Труда.

Слава не вскружила голову Байде. Наоборот, он с особой силой почувствовал, что оказался в неоплатном долгу перед Родиной и народом. Он и раньше удивлял своей неукротимой энергией, а теперь, казалось, просто творил чудеса. Зимой он по-прежнему ремонтировал моторы, в страду водил комбайн. Но постоянно искал новые возможности к повышению производительности труда. Не забывал и об изобретательстве. Уборку кукурузы переложили на плечи машин. А вот посадка и прополка плантаций по-прежнему проводились вручную. Весной и летом на поля выходили сотни женщин и подростков.

Наконец появились кукурузные сеялки для квадратно-гнездового сева. Но без специального приспособления — мерной проволоки — посадить семена точно квадратами было невозможно. А без квадратов нельзя механизировать ни прополку, ни междурядное рыхление почвы. Как пользоваться этой проволокой, никто в районе не знал. Секретарь райкома партии лично попросил Байду: «Помоги, Григорий Иванович». «Попробую», — сказал тот.

Перед весенним севом он прошагал десятки километров по раскисшим полям. Замучил агрономов и бригадиров, а квадратами овладел. Потом обучил и механизаторов-кукурузоводов. В это лето сотни женщин были высвобождены для работы на животноводческих фермах, в садах и огородах. А неутомимый рационализатор еще успел к уборке колосовых сделать ползунковую волокушу, значительно облегчившую труд на транспортировке соломы, и подготовить к выходу в поле свой РСМ-8. Долго он с ним возился, все чего-то доделывал, налаживал...

Накануне уборки налетели суховеи. Райком партии собрал механизаторов на большой совет: как быстрее убрать урожай, чтобы горячие ветры не успели его высушить. Комбайнеры брали обязательства:

- Уберу триста гектаров.
- А я на двадцать пять больше.
- Триста сорок!

Потом поднялся Байда. Зал притих, насторожился.

- Мне запишите пятьсот!

После продолжительной паузы раздался голос из рядов.

- До снега не управишься...

- Уберусь за десять суток, — спокойно ответил Байда.

В то лето колосовые убирали отдельно. Механизаторы знали: за сутки можно скосить полсотни и даже больше гектаров. А вот подобрать с этой же площади валки тяжеловесным РСМ-8 за это же вре-

мя — такого в практике не случилось. Даже если агрегат будет работать без остановки все 24 часа. На что же рассчитывает Байда? Может быть, на спаренные машины? Однако второго комбайна он не просил. Загадка. Все прояснилось, когда пришло время подбирать валки.

Байда вывел свой агрегат. Вместо хедера он приделал к машине самодельный подборщик. Незнакомое приспособление выглядело несколько примитивным. «Пришей кобыле хвост», — с горечью подумал бригадир колхоза, на полях которого должен был работать Байда, увидев красавец-комбайн и уродливый привесок-подборщик. Байда послал помощника косить хлеб.

За три дня удалось свалить 200 гектаров пшеницы. «Может, хватит пока, — заволновался бригадир. — Ненастье бы не нагрянуло».

К расстелившимся по жнивью дорожкам подсохшей пшеницы Байда подогнал модернизированный агрегат. Подборщик заработал легко и ладно, и тогда Байда увеличил скорость. В этом и заключалась отгадка. К наступлению темноты все валки на площади 50 гектаров были обмолочены. То же повторилось и на следующий день. К концу десятых суток Байда доложил о выполнении принятых обязательств. Потом прихватил еще 70 гектаров проса...

Размышляя над тем, как удавалось добиваться успеха, Григорий Иванович однажды разоткровенничался:

— Железо — трактор, комбайн — мне покорялось легко. Умел я с ним обращаться. Всегда в аккуратности и порядке держал инструмент, запасные части — все, что может понадобиться в поле. Перед каждой уборкой считал за правило познакомиться с полями, на которых придется работать. Все брал на учет. В людей верил. Вот с организацией работ — горючее вовремя подвезти, с водой или транспортом задержка, — тут уж иногда и хитрить приходилось. Бывало, посылаешь заявку — к такому часу горючее подвезти. А заправщика нет и нет. Я к бригадиру: будешь на почте в селе — отошли телеграмму в район. А в ней я жалуюсь на плохую организацию. Возьмет бригадир телеграмму, а потом, смотрю, летит ко мне в поле на заправщике: «Зачем, Григорий Иванович, уж так сразу начальству жаловаться. Все сделаем». А мне только того и надо.

Знатоки подсчитали, что комбайнер Григорий Байда за свою жизнь намолотил полтора миллиона пудов зерна. Таким количеством хлеба можно в течение месяца кормить город с миллионным населением. Жаль, что никто не подсчитал экономический эффект от внедренных в производство рационализаций и изобретений Байды. А комбайн по уборке кукурузы, о котором ему однажды запала мысль в голову, он все-таки сделал. Долго ладил его в мастерской МТС. Сам и опробовал свое детище на кукурузной плантации. Машина без марки, без паспорта, без номера убрала за сезон 142 гектара кукурузы, выдала 2400 тонн измельченной силосной массы и 443 тонны початков — в полтора-два раза больше действовавших в то время заводских комбайнов.

Государственные испытания проходили в Васильковском районе на Киевщине. Здесь Байда встретился с дважды Героем Социалистического Труда Степанидой Демидовной Виштак. Она пригласила испытать машину на ее кукурузе трехметровой высоты. «Рассыплется мое чадо», — подумал тогда конструктор. Но согласился. Скосил 40 гектаров «джунглей». Намолотил с каждого по 103 центнера початков. Всего в тот сезон агрегат Байды убрал кукурузу со 182 гектаров. А до этого на РСМ-8 скосил 550 гектаров пшеницы да 70 гектаров проса. Намолотил в общей сложности 13 тысяч центнеров зерна.

Вторая Золотая Звезда Героя Социалистического Труда стала ему наградой за труд и за вдохновенное творчество.

За долгую свою жизнь Григорий Иванович, как говорится, прошел огонь, воду и медные трубы. Был подпаском, косарем, погонщиком волов, кочегаром, молотобойцем, землекопом, каталом на доменной печи, слесарем, кузнецом, токарем, солдатом, трактористом, комбайнером. Но когда его спрашивают, какая профессия ему больше по душе, он отвечает — хлебороба. Потому что она самая главная и без нее ни одной другой профессии не обойтись.

А. Нижегородов

Баркова
Ульяна Спиридоновна

КАРАВАЕВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Без сорока Героев Социалистического Труда, шесть из которых этого звания удостоены дважды, невозможно представить историю Государственного племенного завода «Караваетов». Но и биография каждого Героя, наверное, была бы совсем другой, не свяжи он свою жизнь с Караваетовом. Эта благотворная связь особенно просматривается в судьбе Ульяны Спиридоновны Барковой. Временами невозможно различить, где биография героини, а где история знаменитых на всю страну «караваетовских университетов».

...Скотный двор, конюшня, мастерская, барский дом, еще один дом — хозяйка поместья генеральша Усова сдавала его дачникам, — людская, в которой на голых нарах, размещенных в три этажа, спали батраки.

И кругом — лес, глушь.

Таким было Караваетово до революции.

1920 год. Создается Государственный племенной совхоз, который должен научить крестьян культурному ведению животноводства. Почему именно здесь?

По материалам Костромского губернского земства было известно: в 1897 году в хозяйство Николо-Бабаевского монастыря, это недалеко от Караваетова, были завезены телки и быки альгауской породы. Кроме того, в свое время в Костромской и Нерехтский районы привезли быков швицкой породы. Полученные в результате метизации с местными ярославской и холмогорской породами животные отличались высокой продуктивностью.

Старая фотография. Пожелтевшая бумага. Надломленные края. Снимку — более полувека. На нем — отдельной группкой в четыре-пять человек расположились мужчины, и, немного в стороне от них, на крыльце старого дома и рядом с крылечком — женщины в белых платочках. У каждой — на руках, коленях, стоят рядом с ними, испуганно прижавшись, дети. Множество детей!

— Ими в основном и были богаты те, кто начинал историю Караваетова, — сказала об этой фотографии, которая хранится в местном музее, Александра Даниловна Митропольская, бывший зоотехник-селекционер племенного завода.

Одной из зачинательниц совхоза была Ульяна Спиридоновна Баркова, хотя на снимке ее нет, — она появилась в здешних краях немного позднее. Как путник после долгих дней тяжелых поисков дороги наконец набредает на человеческое жилье, в котором его ждут тепло и уча-

стие, так и Ульяна Спиридоновна после многих лет работы на чужих людей оказалась в Караваеве, где ее не только приютили, пригрели, но и дали возможность свободно трудиться не на кого-то, а на общество, на себя.

В 11 лет Ульяна Спиридоновна осталась с двумя братьями круглой сиротой. Одному — семь, другому — три года. Она у них — и мать и кормилица.

Их взяла к себе тетка, которая жила в соседней деревне. Но в петров день сгорело пол-улицы. Теткин дом — тоже. И никто ее не пустил на квартиру с детьми.

Привезла их тетка обратно в родную деревню. Поплакала вместе с ними и оставила одних.

В деревне переполошились: дети малые — без присмотра! Определили братьев Ульяны Спиридоновны в приют, а ее отдали в няньки. В пятнадцать лет она уже работала в поле. А спустя четыре года пришла в Караваево. Ее взяли вначале полевой работницей, потом перевели на склад, оттуда — на ферму скотницей, спустя время определили дояркой.

Стадо в Караваеве в те годы было небольшое, всего полсотни коров разных пород. Обращались с ними доярки как умели. А умели и знали они немного. Коровы в стойлах стояли грязные, доили их плохо, торопливо, небрежно, не выдаивая полностью молоко. Возле коров сидели с неповязанными головами, руки перед дойкой не мыли, а подошники лишь ополаскивали в кадке, вода в которой не менялась по нескольку дней.

Многое в хозяйстве изменилось, когда главным зоотехником совхоза стал Станислав Иванович Штейман. Он расписал по часам и минутам весь день доярок и скотников. Работал сам вместе с ними: доил, задавал корм коровам, чистил стойла. Примером убеждал, что за животными надо ухаживать внимательно, терпеливо, заботливо.

«Мне виделось... красивое, очень крупное, сильное и здоровое животное,— писал в одной из книг С. И. Штейман.— Оно должно съесть много корма... У такого животного должны быть отличное сердце, могучие легкие, большое вымя, где могло храниться много молока... должны быть широкий крестец, крепкие ноги — они должны стать надежными подставками для тяжелого туловища...»

Но как вывести такое животное?

Станислав Иванович любил повторять, что в племенной работе нет ничего сложного и особенного. Нужен лишь индивидуальный подход к каждому животному со дня его рождения. И не только в кормлении, но и в выращивании. Знать особенности животного, не забывать о них в повседневной работе, строго следить за тем, чтобы были учтены все необходимые условия для наилучшего развития индивидуальных признаков животного,— в этом ему виделся залог успеха. Станислав Иванович хорошо понимал, что одному зоотехнику с такой задачей не справиться. Нужны помощники, единомышленники. Но где их найти? На-

прашивалось очевидное решение проблемы: заинтересовать новым делом и привлечь к нему бригадиров, скотников, доярок, телятниц.

И Штейман их привлек. Человек, дошедший до многих научных премудростей племенного дела самостоятельно, Станислав Иванович считал, что такое под силу и другим. В совхозе были организованы занятия по животноводству со всеми работниками.

Нелегко давались новые порядки на ферме — чистота на скотном дворе, работа без окриков и брани. Тихо стало во время дойки, только и слышно, как ударяют о стенки подойников струи молока да иногда кто-нибудь из доярок вполголоса ласково заговорит с коровой.

Умаявшись за день, иная доярка на занятиях искала уголок потемней да потише, чтобы соснуть несколько минут. Баркова сидела в первом ряду. И хотя она тоже была не двужильной, и работа уматывала ее, как и других, отчего временами веки становились тяжелыми и непослушными, она старалась прямо и твердо глядеть на преподавателя, не пропустить ни словечка, понять и накрепко запомнить услышанное.

При умелом уходе и достаточном кормлении лучшие коровы стада стали давать по 12 и даже 15 килограммов молока. А Беяна — она была в группе коров, закрепленных за Ульяной Спиридоновной, — и все 18!

Хозяйство росло, крепло. Появились неплохие пастбища, луга засеяли. Множилось и совхозное стадо. В нем появились новые коровы. Среди них великанши Шабриха, Ревизия, раздоить которых поручили Ульяне Спиридоновне.

Солнце еще и не думало вставать, а Ульяна Спиридоновна уже на ферме. И только затемно — благо дорога до дому знакома до малой выбоины! — возвращалась обратно. И все-то казалось, что чего-то самого главного сделать не успела. И снова, уже мысленно, перебирала прожитый день: «Подстилки сменила, солому просмотрела и перетряхнула — без гнили, значит, здоровым будет вымя, не захворает корова... Что же еще?»

После отела Шабриха и Ревизия стали давать сначала по два ведра молока, потом и того больше — по три с лишним в сутки! За лактацию же Ульяна Спиридоновна надоила от каждой более 7 тысяч килограммов.

Известно, доить маломолочную корову — большого опыта не надо. Доить рекордисток может только опытный человек, мастер своего дела. В каждую дойку необходимо выдаивать корову полностью. Невыдоенное молоко быстро портится, что может вызвать воспаление вымени. Высокая квалификация доярки проявляется и в доении без рывков, в постоянном темпе.

Сейчас, когда говорят об Ульяне Спиридоновне, обязательно упоминают ее искусство дойки: она доила своим, барковским, методом, всем кулаком, энергично и быстро, чтобы не утомлять корову. Этому методу она научилась у Станислава Ивановича. Так доить могли немногие.

Но Александра Даниловна Митропольская считает, что главное в профессиональном мастерстве Ульяны Спиридоновны то, что она прекрасно знала анатомию вымени. «Каждую жилку прощупает, каждую желёзку — вдруг утолщение!» Вовремя обнаружить мастит, распространенную болезнь коров, очень важно. После болезни очень трудно бывает вернуть прежние надои. А если случилось несчастье и у коровы на соске появлялась ссадина, царапина, трещина или язвочка, животное никого к себе не подпускало. А доить-то надо. Шли к Ульяне Спиридоновне. Ей они давали себя доить.

— Легкие у меня были руки, — объясняет этот факт Ульяна Спиридоновна. — Один раз подою — корова уж меня знает.

«Легким рукам» Ульяны Спиридоновны выпадало много совсем не легкой работы. Ведь кроме дойки приходилось и помещение убирать, и кормить, и ухаживать за животными! Много позже появятся на ферме специальные люди, выполняющие эти работы. А в то время...

Спит муж, сладко посапывает во сне сын — им вставать еще рано. Но завтрак для них готов, а Ульяна Спиридоновна уже в ватнике, из-под которого белеет халат, на голове — полушалок, на ногах — валенки с калошами. Обветренное лицо спокойно и деловито, в 4.30 — первая дойка. А перед этим надо еще раздать корма.

Обмыв вымя, Ульяна Спиридоновна вытирает насухо его чистым полотенцем, делает легкий массаж. Доить начинает с тех долей вымени, в которых молока побольше. Особенно тщательно выдаивает последние порции молока, ведь оно самое жирное.

Но вот молоко выбрано все до капельки. И снова массаж вымени. На этот раз глубокий, основательный. И таких доек для всех коров четыре, для рекордисток — шесть, а то и семь в день! Последняя — часов в десять вечера, а то и позднее.

Заранее прошу у читателя прощения, что утомляю подробностями технологии дойки, хотя и описываю ее не полностью. Сейчас и нынешним дояркам из той технологии не все ведомо. Очень хочется, чтобы все знали — Золотые Звезды, полученные Ульяной Спиридоновной Барковой и другими доярками прежнего Караваева, заработаны трудом самозабвенным, истинно героическим!

Верно говорят: у доярки жизнь расписана по часам, весь день разбит на кусочки. А ей остаются лишь осколки.

Ульяна Спиридоновна не жаловалась на трудности и строго придерживалась правила: нездоровится тебе или расстроена чем — животные этого чувствовать не должны.

Александра Даниловна Митропольская вспоминает случай, который даже ей, человеку, повидавшему на своем веку многих старательных и прилежных работников, врезался в память.

— Выдался тяжелый день на ферме, — рассказывает Александра Даниловна. — Уж не скажу сейчас, что и почему, только хорошо помню, возвращались мы с фермы усталые вконец. Прохожу мимо дома Ульяны Спиридоновны — огонек в окошке. «Значит, пришла уже», —

подумала. А мне ей на завтра надо срочное задание наказать. Но в дом зашла с сомнением, не спит ли? Нет, сидит кружева плетет.

— Что это ты, спрашиваю, спать не ложишься? За день-то намаялась.

— Конечно, устала,— отвечает она,— понервничать мне пришлось, а завтра — к коровам. Вот за кружевами и привожу себя в порядок.

Можно смело утверждать, что костромская порода скота создана благодаря высокоэффективной селекционной работе, новым, прогрессивным методам раздаивания, нужного подбора рационов кормления. Не меньшую роль сыграли энтузиазм и самоотверженность всех работников совхоза, таких, как Ульяна Спиридоновна.

«Доярки наши,— рассказывала Баркова в одной из статей-воспоминаний о том этапе жизни Караваева,— научились устанавливать, почему корова отказывается от корма. Если корова здорова, то можно вместо одного корма дать другой, который она съест охотно и не сбавит удою. А иные коровы привыкли есть с перерывами — отдохнут немного и опять с удовольствием уткнутся в кормушку.

В общем, чтобы ухаживать за группой коров, которые давали удои, невиданные ранее не только в нашей стране, но и в мире, нужно стать настоящими специалистами».

И они ими становились. С чувством восхищения Александра Даниловна Митропольская говорит о способности Ульяны Спиридоновны определять по самым незначительным признакам самочувствие животного: «Она по ушам коровы видела, как та себя чувствует: уши опущены, не поднимает их корова,— значит, ей нездоровится».

Святая святых работы доярки — соблюдение распорядка дня животных. Его нельзя ни при каких условиях нарушать, ведь рекордистке при столь напряженной работе организма особенно необходим строгий порядок кормления, дойки, прогулок, чистки и мойки. Постоянное наблюдение за животными, за их здоровьем — тоже неременная обязанность хорошей доярки. Если коровы спокойны, охотно поедают корм, значит, режим содержания соблюдается верно. Ульяна Спиридоновна была примером пунктуальности во всем, что касалось установившихся правил содержания животных. Нельзя не восхищаться цифрами надоев, привесов, процентами жира в молоке. Но не меньшего восхищения достойна повседневная работа доярки.

Особую заботу проявляли доярки и скотники о ногах животных. Караваевские коровы весят больше полутонны. Им нелегко лечь и еще труднее встать. Поэтому доярки ежедневно осматривали ноги животных, тщательно и своевременно расчищали копыта. Незначительное заболевание ног коровы неминуемо сказывалось на удоях, так как у коровы терялся аппетит.

Постоянно следили они и за тем, чтобы в стойлах и кормушках поддерживалась образцовая чистота. Молоко очень восприимчиво к посторонним запахам, легко теряет вкусовые качества, поэтому семь раз

в сутки скотный двор очищался от навоза, животных регулярно мыли теплой водой, чистили щетками, протирали чистыми полотенцами.

Чистота благотворно сказывалась и на здоровье животных, и на качестве молока. Оно было пригодно к употреблению без дополнительной обработки. Вкусное, питательное, оно отправлялось в больницы, детские учреждения.

Беспредельная преданность своему делу, когда среди ночи, по первому стуку в окно, бежали они в метель и в дождь на ферму, лишь бы скорее узнать, что там с Косулей или Дикушей, лишь бы скорее помочь; если случалась беда — не считали чем-то из ряда вон выходящим. Это было их нормой жизни и работы.

«Мы знали каждую свою корову «в лицо», — скажет позднее Ульяна Спиридоновна. — Многолетняя работа в одной бригаде позволила до мелочей изучить каждое животное. Ведь у каждого свои особенности, и каждому нужно угодить, подойти к нему так, чтобы оно всегда было, так сказать, в хорошем настроении, чтобы исключить всякую причину, ведущую к снижению надоев. Всегда надо учитывать, что одна корова, скажем, не ест комочки жмыха — приходится их размачивать. А другая, наоборот, не ест мягкое — любит комочки. Третья подолгу не дает молока. Можно целый час около нее просидеть и все без толку. А стоит ее слегка подтолкнуть — переступит она с ноги на ногу, и тут уж не теряй ни секунды, только перебирай соски, в которых — оттого лишь, что корова переступила с ноги на ногу, — словно открылись клапаны. А четвертая любит, чтобы во время дойки с ней разговаривали, пятой при этом надо обязательно давать корочку.

Кажется, мелочи, даже капризы, но от этих мелочей у животных поддерживается устойчивый аппетит, хорошее самочувствие и — как результат — неизменно высокие, изо дня в день одинаковые удои».

1939 год. Рекордисток караваевского стада повезли на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Их сопровождала Ульяна Спиридоновна. Ей предстояло демонстрировать приемы дойки, показывать технику массажа вымени, рассказывать об уходе за животными. Это потом, позднее никто не сможет представить выставку без крупных красавиц светло-золотистой масти. И словно в память о том первом «визите» на выставку, у павильона «Животноводство» стоят в натуральную величину скульптуры мировой рекордистки Послушницы II и быка Салата.

Надо сказать, что корова Послушница II занимает особое место в трудовой биографии У. С. Барковой, хотя в Москву Ульяна Спиридоновна в тот раз попала не только из-за того, что раздоила ставшую знаменитой рекордистку. Гостям выставки было интересно знать, как удалось доярке из Караваева получить от каждой коровы своей группы по 9 тысяч килограммов молока в год.

До барковских воспитанниц был известен только один феноменальный результат: американская корова Сегис Пьетердж Проспект, которой на родине воздвигнут памятник, дала за год 15 193 килограмма

молока. С легкой руки Ульяны Спиридоновны Барковой, раздоившей Послушницу II, в мире заговорили о других рекордах: 16 262 килограмма молока за лактацию! Причем в молоке, полученном от советской рекордистки, содержалось 639 килограммов молочного жира, больше, чем дала другая мировая рекордистка, тоже американская, — корова Денди.

За достигнутые результаты У. С. Баркова была награждена тогда Большой золотой медалью выставки. Ей присвоили звание мастера доения.

Кто бы ни рассказывал мне об Ульяне Спиридоновне, обязательно упоминал о барковском характере. А заговорили о нем в Караваеве после одного происшествия.

Обидел скотник быка. Ударил ни за что под горячую руку. Не терпят такого быки — ласка им необязательна, но справедливого к себе отношения требуют. И обидчикам мстят.

Взъярился бык. Никого к себе не подпускает, каждого встречного норовит поддеть на рога. Скотник, испугавшись, тут же отказался и от остальных быков — мало ли что может случиться. Долгое время охотников занять освободившееся место не находилось. А ухаживать за животными кому-то надо. Вызвалась Баркова.

Ульяна Спиридоновна сумела успокоить обиженного быка. Стала ухаживать и за другими. Держалась с ними строго, не заискивала. И животные признали ее власть над собой.

В полной мере проявился ее характер и в пору бригадирства. Каждую доярку она сама учила. Передавала свой опыт. А когда видела, что та все переняла, требовала только хорошей работы. У ней был свой метод обучения. Подсев сзади, она брала девушку, как сама говорила, «в охапку» и, завладев ее руками, начинала доить «в четыре руки» по-своему, как ее научил в свое время Станислав Иванович.

Она мало говорила, не любила читать нотаций и никогда не приказывала. Просто делала что необходимо.

В великую пору испытаний, в годы войны, Ульяна Спиридоновна все свои премии, как правило, жертвовала в фонд обороны страны.

За 17 лет работы дояркой У. С. Баркова надоила от своей группы коров 734 тысячи килограммов молока. А руководимая ею бригада за 14 лет дала стране 59 027 центнеров молока. Средний удой на одну корову по бригаде, обслуживающей 80 коров, в отдельные годы достигал 6500 килограммов молока.

Партия и правительство высоко оценили трудовые успехи У. С. Барковой. За участие в выведении костромской породы она награждена орденом Трудового Красного Знамени. За высокие показатели по раздою коров в 1948 году ей присвоили звание Героя Социалистического Труда. В 1949 году она была награждена орденом Ленина. В 1951 году за высокие надои в целом по бригаде У. С. Барковой было вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сейчас в Караваеве на фермы пришла новая техника, а с ней вместе и современная технология доения. И хотя доярки и стараются знать

всех подопечных так, как знала их Ульяна Спиридоновна, но это почти невозможно: у каждой доярки по сорок с лишним коров! И ежегодно четвертая часть их обновляется. А если их станет по двести? Это ведь вполне возможно. Как седую старину воспринимают сейчас молодые мастера машинного доения рассказы о ручной шестиразовой дойке при свете керосиновой лампы. Но почему же до сих пор с уважением и гордостью новые поколения караваевцев произносят имена своих Героев?

Кому неизвестно: как бы ни был красив дом, он не может стоять без фундамента. А фундамент сегодняшним успехам заложен предшественными поколениями. Да и не могут оставить равнодушным никого искренний порыв людей, их самоотверженность, граничащая с подвигом. Именно такой была работа Ульяны Спиридоновны Барковой и ее современниц. Но живая связь поколений не утрачена. В хозяйстве трудятся воспитанницы прославленных героинь. Как самую светлую страницу трудовой биографии совхоза хранят караваевцы память о славных делах своих предшественниц.

В. Перемышлев

Благонравов
Анатолий Аркадьевич

ПОЛСТОЛЕТИЯ — НАУКЕ

Однажды, в годовщину Дня Победы, академик Анатолий Аркадьевич Благодоров появился на торжественном собрании в парадном генеральском мундире. Видимо, он не привык к нему, смущался и поэтому, когда началось заседание, занял место в президиуме во втором ряду. Его, конечно, разглядели и невольно ахнули: вся грудь у Анатолия Аркадьевича в орденах и медалях, как у полководца. Пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции и Красной Звезды...

Заметили также, что один из его орденов Красного Знамени особенный, какой редко теперь увидишь: немного потускневший от времени и без планки. Такими орденами награждали в гражданскую войну. Молодые ученые шушукались, переглядывались: «Надо же?»

Всех всегда поражала огромная работоспособность академика. Кроме своей основной работы он редактировал журналы, писал отзывы на диссертации молодых ученых, руководил всевозможными комиссиями и не отказывался, тянул без ропота. Неизвестно лишь, где и как на все находил время. Другим больше всего запомнилась доброжелательность академика. Никто не помнит случая, чтобы он кого-то обидел, на кого-то повысил голос или вышел из себя. Всегда был ровным, деликатным, и даже сердито сомкнутые брови не могли скрыть доброту глаз.

О скромности Благодорова ходили легенды. На космодроме есть неписаный закон: на стартовой площадке — ничего и никого лишнего. Благодоров приехал на космодром впервые, его еще не знали ракетчики. Дежурный стартовик вначале издали приглядывался к пожилому человеку, затем подошел к нему: «У вас какое-то дело?» «Пока нет... Просто смотрю», — миролюбиво ответил Благодоров. «Просто — нельзя». Академик не стал ничего доказывать, сразу удалился с площадки.

Вечером он появился на ней вместе с главным конструктором Королевым. Сергей Павлович разговаривал с ним уважительно, как добрый знакомый, все показывал. Ракетчики смотрели с удивлением: кто такой? Потом Королев сам представил его ракетчикам: назвал одним из тех, кто проложил дорогу в космос. К нему подошел дежурный, извинился. «Не за что, — ответил Благодоров. — Я сам виноват, — не в меру одолело любопытство». Сергей Павлович поинтересовался, в чем дело, и, услышав от дежурного доклад о дневном случае, распорядился: «Академику Благодорову всюду вход свободный».

Встречаясь с Анатолием Аркадьевичем в разное время, я пытался заговорить с ним о прошлом. Безуспешно. По обыкновению он отмахивался.

вался: «Некогда, как-нибудь потом». Потом — то же самое, Благодоров был вечно занят. С утра до ночи на людях, в делах и заботах. Кроме научной работы много времени у него отнимали различные встречи, приемы, заседания, поездки за границу. Последние двадцать с лишним лет он руководил научно-исследовательским институтом машиноведения, был председателем Комиссии по исследованию и использованию космического пространства Академии наук.

— Анатолий Аркадьевич, вас не гнетут все эти перегрузки? — спросили как-то академика.

— Ну зачем так сильно... перегрузки. Делаю то, что могу, — ответил он и добавил: — Если начну сдавать, сам попрошу освобождения.

Но до своего последнего часа Благодоров не просил «освобождения». Конечно, он и уставал, и болел. Но по своей натуре не мог представить себе другой жизни.

Было ясно: о прошлом Благодорова от него самого я так ничего и не узнаю. Пришлось разыскивать близких знакомых, старых друзей академика, которые помнили его молодым, познакомиться с автобиографией.

О первом этапе своей жизни Благодоров написал так: «Участие в гражданской войне — на Восточном, Южном, Юго-Западном фронтах, а также против петлюровцев и различных банд. Командовал артиллерийской батареей, потом — дивизионом». И все. А друзья академика рассказали, что его портрет — на видном месте в музее знаменитой 24-й Железной дивизии, в составе которой он прошел всю гражданскую войну. Там же и о подвигах командира артиллерийского дивизиона Благодорова — как он прямой наводкой отбивал атакующие цепи белогвардейцев, корректировал огонь батареи с колокольни, на которую обрушились вражеские снаряды, спас от внезапного нападения петлюровцев полк, первым подняв тревогу, а потом расстреливая вражескую конницу из орудий. «Отчаянным был командиром. И всеобщим любимцем», — отмечали ветераны дивизии.

Биография Благодорова таила немало загадок. Например, его резкие переходы из одной сферы жизнедеятельности в другую, а следовательно, и перемена профессии. Первый раз это случилось в конце двадцатых годов. Он учился в Артиллерийской академии, на командном факультете. В личном деле записано: «Рекомендуется командиром полка». И вдруг все перевернулось. В начале тридцатых годов Благодоров уже доцент академии, а еще через несколько лет за научные разработки он удостоивается Государственной премии. Увлекла наука?

Однажды мне все-таки повезло. Так случилось, что мы отдыхали вместе в подмосковном пансионате, и я спросил Анатолия Аркадьевича: как и почему это происходило? Он улыбнулся и впервые за все время нашего знакомства заговорил о своей жизни:

— Верно: совсем не логичные поступки. Вот и тогда, в академии... Я твердо нацелился стать командиром-артиллеристом. Все-таки кое-какой опыт у меня был. В общей сложности семь лет командовал ди-

визионом, исполнял обязанности командира полка. Но на третьем курсе, помню, дали мне одно задание, связанное с артиллерийским вооружением. И я увлекся, ушел в него с головой. Знаний не хватило, перешел на технический факультет, изучил баллистику, механику. А потом — дальше больше. Что-то изобретал, создавал, писал научные труды. Вообще, должен сказать о себе — я, наверное, похож на кавалерийскую лошадь, которая бежит на звуки призывной трубы. Вот и я всегда бежал на что-то новое, увлекался. Конечно, это осложняло жизнь, ломало налаженное... Как видите, моя жизнь совсем не образец. Одно утешение: с увлечениями жить интереснее...

Так вот где ключ к разгадке тех разительных перемен, которыми так богата жизнь академика. Раньше я ломал голову, гадал: чем вызван переход Благодравова с должности президента Академии артиллерийских наук на совершенно другое, можно сказать, ничем не связанное с предыдущим поприще — руководство работами по изучению верхних слоев атмосферы? Думалось: ликвидировали академию, он остался «без работы», вот и пришлось заняться «небесными» проблемами. Но после объяснения Анатолия Аркадьевича все стало на свое место — новое научное увлечение. Но почему «небесное»?

Оказалось, не «небесное» даже, а бери выше — космическое. Как рассказывал сам Благодравов, все началось со встречи с главным конструктором ракетно-космических систем Сергеем Павловичем Королевым. Это случилось в конце сороковых годов. По признанию Анатолия Аркадьевича, он и раньше, читая труды Циолковского, удивлялся смелым взглядам «калужского провидца». Королев с Благодравовым встретились под вечер, а проговорили до поздней ночи. Что это был за разговор! Благодравов не раз вспоминал о нем с восторгом. «Космос — самое интересное поле деятельности для настоящего ученого», — говорил Сергей Павлович. Они расстались союзниками. Королев не скрывал радости. Он очень нуждался в то время в таких ученых-единомышленниках, как Благодравов. Анатолий Аркадьевич тоже считал: ему повезло, что встретился с таким удивительным человеком, каким был Сергей Павлович Королев. «Королев повернул меня к космосу», — говорил Благодравов.

Подготовка к выходу в космос и штурм Вселенной — не просто поле деятельности ученых второй половины двадцатого века, а великое вторжение в неизведанное, необычное, передовой плацдарм научно-технической революции. Все было впервые, потому на каждом шагу встречалось множество неясных, сложнейших проблем. Значит, впереди штурмующих должны идти ученые. Академик Благодравов занял свое место в строю ученых — первых разведчиков космоса. Он возглавил комиссию по изучению верхних слоев атмосферы. Десятки ракет, которые запустили на недостижимые прежде высоты, открыли многие секреты ближнего космоса. Потом там прошли орбиты спутников, космических кораблей. Прошли по разведанному, уже изученному пространству. Заслугу Благодравова в сборе необходимых данных трудно переоценить.

Для научных исследований на высоте до 100 километров широко использовались геофизические ракеты. Эти высоты были загадочными и таили немало секретов. Надо было узнать, какое там космическое и солнечное излучение, какие химические и физические процессы происходят, как они влияют на полет. Все эти исследовательские работы возглавлял академик Благонравов. Впоследствии многие его разработки были учтены при создании новых ракетно-космических систем.

Именно в те годы рождалось многое и в теории полетов, и в создании той аппаратуры, которая в конце пятидесятых годов стала устанавливаться как на ракетах-носителях, так и на спутниках.

Эпопея создания первого спутника — это заметная веха в биографии Анатолия Аркадьевича Благонравова. Коллектив научных работников, который возглавлял в то время Благонравов, выполнил целую серию важнейших научно-практических работ, связанных с выводением космических объектов на орбиту спутников Земли. Было изготовлено немало новых материалов, механизмов, сплавов, пригодных для исследования космического пространства. А вот, так уж случилось, присутствовать при запуске первого советского спутника Анатолию Аркадьевичу не пришлось. Благонравов в это время находился в научной командировке в США. Но зато стал свидетелем того, какое неподдельное изумление охватило его американских коллег после известия о запуске советского спутника.

Благонравов охотно рассказывал о своих американских впечатлениях.

«Мы, советские ученые, приехали в Вашингтон для обсуждения программы Международного геофизического года. Эта миссия была возложена советской Академией наук на меня, доктора физико-математических наук С. Полоскова и кандидата технических наук А. Касаткина. В то время только две страны — Советский Союз и США — имели ракеты не только для зондирования атмосферы, но и могли запустить в космос искусственный спутник Земли.

Приняли нас хорошо, но не обошлось и без курьезов. Одна из газет поместила заметку под заголовком «Трое красных в Америке», где лишь вскользь упоминала о целях приезда, а в основном речь шла о нас. Обо мне писали: «Академик Благонравов улыбается, как будто за душой у него есть что-то загадочное. Чем он может нас удивить? Ничем, конечно».

В то время весь мир шумел об американском спутнике, который рекламировался как сенсация номер один. Американское радио, газеты, телевидение расписывали предстоящий запуск на все лады. В холле редакции «Дейли ньюс» выставили даже модель: смотрите, удивляйтесь этому американскому чуду под названием «Авангард». В США считали, что наш спутник если и выйдет на орбиту, то только после американского.

«Мы не скрываем, что запустим свой спутник весной, — говорил нам

один из репортеров.— У нас все готово. А у вас? Вы молчите, не показываете свой спутник. Вам, очевидно, нечего показывать?»

Мы отшучивались: «Мол, не привыкли к рекламе, все делаем спокойно, без шума».

Наступило 4 октября. В этот день наше посольство в Вашингтоне устроило прием для американских ученых. Собралось многочисленное общество. Не было лишь представителей прессы. И вот в самый разгар веселья вдруг срочно вызвали к телефону представителя американского комитета по Международному геофизическому году Л. Беркнера. Через несколько минут он торопливо вбежал в зал и захлопал в ладоши: «Прошу внимания, господа!»

Недоумевающие гости примолкли.

— Господа, над нами летает советский спутник!

Что было в зале! До сих пор стоит перед глазами эта поразительная картина. В первое мгновение все будто оцепенели, а потом ринулись к нам, трем советским ученым. Мы оказались вдруг не «трое красных в Америке», а представителями великой страны, которая первой прорвалась в космос.

В США, где многие смотрели на нашу страну как на «лапотную Россию», спутник разом все перевернул, все осветил новым светом. Рухнули ложь, клевета, обнажилась правда, истинные темпы прогресса и возможности советского народа. Надо ли говорить, с каким огромным удовольствием мы принимали поздравления от иностранных коллег! Это был большой праздник на нашей, советской улице.

Вскоре все куда-то заспешили. Гости начали поспешно разъезжаться. Американский ученый, мой старый знакомый, сказал: «Еду в Калифорнию организовывать наблюдение за вашим спутником». Я проводил его вниз и тут увидел, что здание посольства буквально подверглось осаде целой армии корреспондентов, вооруженных фото- и киноаппаратурой. Воспользовавшись тем, что дежурный открыл двери подъезда, чтобы выпустить гостей, они ворвались в вестибюль. Кто-то из корреспондентов сумел сфотографировать сцену прощания. Утром я увидел в одной из газет снимок, внизу подпись: «Благонравов утешает».

Американские газеты 5—6 октября 1957 года вышли с аршинными заголовками: «Потрясающая новость», «Триумф Москвы». «Нью-Йорк таймс» написала: «Уже сейчас ясно, что 4 октября 1957 года навеки войдет в историю как день одного из величайших достижений человечества... Этот конкретный символ будущего освобождения человека из-под власти сил, приковавших его к земле, создан и запущен советскими учеными и техническими специалистами. Все человечество должно быть благодарно им...»

Американцы удивительно быстро освоили русское слово «спутник»! Я смотрел на экране телевизора схему Земли с вертящейся вокруг нее звездочкой и слушал, как диктор четко произносил: «Летит спутник!»

Наши портреты, портреты «трех красных», тоже появились почти во всех газетах. На улицах нас узнавали, прохожие приветствовали:

«Хэллоу, спутник!» Но раздавались и другие голоса: «Запретить пропаганду советского спутника». Наш спутник, оказывается, «наносил страшный удар по престижу и политическому весу США в мире». Передовая, самая богатая капиталистическая страна — и вдруг позади! И кто обогнал?» — «Отсталая» Россия. Разве можно это вытерпеть?

Один журналист в первый день жалобным голосом добивался у меня ответа: «Не содержит ли сообщение ТАСС ошибки, может быть, вес спутника не 83,6, а 8,36 килограмма?» Смысл этого вопроса становится понятным, если учесть, что вес спутника «Авангард», еще только готовящегося к запуску, был всего несколько фунтов.

Скоро в космос поднялся второй советский спутник. Вес его вырос более чем в шесть раз. Что оставалось делать недоброжелателям?..

Вспоминается научное заседание, состоявшееся в США. Тогда директор проекта «Авангард» д-р Хейген принес магнитофонную запись сигналов нашего спутника и включил магнитофон. Мы слушали ставшие известными миру звуки «бип-бип». Когда я поблагодарил доктора Хейгена за доставленное удовольствие, он даже не улыбнулся.

По просьбе Белого дома, переданной через наше посольство, нам пришлось выступить по телевидению. Потом выяснилось, что телевизионные компании вступили в жестокую конкуренцию между собой, чтобы заполучить «русских комментаторов». Мы выступили по программе «Молодежь хочет знать» перед группой студентов, отвечая на их многочисленные вопросы...»

Заметка об этом выступлении появилась в одной из американских газет. Заканчивалась она такими словами: «Благодоров говорил о русском спутнике с таким знанием, что можно подумать — они, ученый и спутник, старые и близкие знакомые». Выступление Благодорова по телевидению США — потом были и другие беседы, интервью — понравилось многим. В адрес посольства пришли письма с благодарностью. Их авторы не скрывали, что из рассказов советского академика и его коллег они много узнали о нашей стране, что у них словно спала с глаз пелена той лжи, которой была наполнена информация о Советском Союзе во времена «холодной войны».

В конце пятидесятых, в шестидесятых и в начале семидесятых годов Благодоров в качестве полпреда нашей страны и нашей науки участвует во многих международных конгрессах, конференциях и заседаниях, связанных с исследованиями космического пространства. Он побывал почти во всех европейских странах, несколько раз приезжал в США. Принимал активное участие в Пагуошском движении ученых. Ему часто приходилось выступать. По натуре Анатолий Аркадьевич не трибун, голос у него негромкий, но он всегда увлекал слушателей своей огромной эрудицией, притягательной правдой о нашей стране и о ее выдающихся научных достижениях. Конечно, большую роль здесь играло и то, что он обходился без переводчика, читал лекции на языке той страны, где выступал.

Рассказывают, что на международном конгрессе Комитета по кос-

мическим исследованиям, который проходил в Италии, вдруг задрожали стены, люстры, заскрипели кресла. Все повскакали с мест, кое-кто бросился к выходу — землетрясение. Один только Благонравов не обратил на это внимания, а продолжал перелистывать свой будущий доклад. Один из иностранных ученых потом спросил его: «Господин вице-президент, неужели вас ничего не волнует?» «Волнует,— ответил он.— Придется свой доклад читать по-итальянски, а я хуже других знаю этот язык...»

Уже после конгресса, дома, знакомые интересовались: действительно ли был такой случай в Италии? Благонравов отвечал: «Возможно. Меня действительно очень волновал тогда мой итальянский...»

Раньше мне казалось, что академик одержим только своими научными делами, а до остального руки не доходят. И ошибся. Благонравов удивил меня многообразием своих интересов и увлечений. В пансионате (я упоминал — мы отдыхали вместе) весь стол, подоконники его комнаты были завалены книгами: романы, повести, сборники стихов. Стихов больше всего: сонеты Шекспира, поэмы Пушкина и Лермонтова, стихи Есенина, Ахматовой, Пастернака, Евтушенко, Смякова... Наш общий знакомый, доктор технических наук, долго перебирал книги, потом спросил: «Наверстываете под старость?» «Как сказать... Вообще-то я с детства люблю поэзию. А теперь кое-что подзабылось, перечитываю и заново наслаждаюсь», — ответил Анатолий Аркадьевич. «И наизусть что-то знаете?» — не отступал профессор. «Знаю». Мы попросили его что-либо почитать. Анатолий Аркадьевич не стал отказываться и часа полтора читал нам свои любимые стихотворения, отрывки из поэм. Читал негромко, но самозабвенно, не глядя на нас, как будто для себя. И мой спутник, и я поняли — перед нами истинный знаток и ценитель поэзии. Потом я слышал, что Анатолий Аркадьевич читал стихи и Сергею Павловичу Королеву. При полете с космодрома «подогрел» главного конструктора, и они устроили нечто вроде поэтического концерта для пассажиров. Королев тоже знал наизусть немало стихов и классиков, и современных поэтов.

Анатолий Аркадьевич очень любил бильярд, обыгрывал почти всех своих соперников, чему сам немало удивлялся: «Надо же... еще могу». В молодости, по его признанию, он был чемпионом среди бильярдистов армейского спортклуба. А летом становился заядлым грибником. Помню, он будил нас чуть свет и до завтрака мы успевали прошагать (а ходок он был неутомимый) немалые расстояния и набрать по кошелке грибов. Вечером торопился в бильярдный зал. Нас удивляла его активность и огромное жизнелюбие.

Пятьдесят лет, отданных науке ученым-коммунистом Анатолием Аркадьевичем Благонравовым, — это полвека целеустремленной, наполненной разнообразным творческим трудом в различных областях знаний, жизни. И, как свидетельствуют все, кто его знал, другой он ее не мог себе представить.

Н. Мельников

**Блажевский
Евгений Викторович**

ЧАРОДЕИ ИЗ ЛЮБОМИРКИ

Евгений Викторович Блажевский беспокоился не на шутку: которую неделю удерживалась сухая, морозная погода. Днем вышел в поле, отковырял носком сапога грудку чернозема, растер в пальцах. Земля была как зола в печи. «Вот же год какой,— тревожно подумал он.— И осень без дождей, и зима бесснежная».

Глянул на желтый, холодный шар солнца. «Надо что-то делать. Если и весной не будет осадков, тогда и летние дожди не помогут. Пропадут мои гибриды. Даже семян не соберем». Вечером он снова вышел на крыльцо, надеясь увидеть хоть какие-то перемены. Но вокруг лежала все та же морозная тишина, лишь потрескивал на пруду лед, в чистой глади которого отражались россыпи звезд. И это навело его на одну мысль, которая сначала показалась нелепой, но потом... «А что! — наконец решил он.— Почему бы не попробовать?»

Утром те, кто вставал в Любомирке с петухами, слышали доносившиеся с пруда глухие удары. А женщины, что собрались у проруби полоскать белье, увидели такую картину. Стоит на льду Блажевский и орудует то пешней, то топором.

— Ты чего задумал, Евгений Викторыч?

— Боюсь, как бы рыба не задохнулась. Вот я ей окна и открываю,— рассмеялся звеньевой, извлекая из полыньи ледяной кирпич и укладывая в штабель.

В колхозе имени Горького уже привыкли к «причудам» Блажевского. Может, вправду рыбу ловить задумал. И лишь когда Евгений Викторович принялся не спеша перевозить прозрачные кирпичи на поле, которое по севообороту должна была занять «королева полей», догадались.

— Ну и хитер, старый! Ведь каждый кирпич льда, если растопить его, это же сколько воды!

Евгения Викторовича Блажевского всегда отличал свой подход к земле, к хлеборобскому делу. Он умел, благодаря удивительной интуиции, отыскать выход в положениях, казалось бы, безнадежных. Обладал талантом разгадывать тайны мира растений.

Научился этому еще в детстве, когда вместе с отцом, потомственным лесничим, днями пропадали в лесу. Думал отец, что сын изберет его лесную профессию. Но случилось иначе. Евгений отдал свое сердце безбрежной степной дали.

С той поры минуло много лет. Понеслись бесконечной вереницей трудовые дни. И только изредка, когда какое-нибудь особенное собы-

тие нарушало привычный распорядок, снова вспоминалась беспокойная пора молодости...

Так случилось и в дни его 75-летия. Не ожидал он, что это событие выльется в большое торжество. А когда улегся праздничный шум, когда остался он один, снова вспомнилось былое. Его приятно удивила речь полковника, который приехал приветствовать его из одесского гарнизона. Откуда только узнал о его прошлом? Назвал и Перемышль, и Сандомир, за которые в первую мировую войну он получил два Георгиевских креста. Рассказал, как Блажевский в гражданскую войну, находясь в бригаде Григория Котовского, обучал артиллерийскому искусству молодых бойцов. А и вправду, славные то были годы, хоть и трудные, голодные. Впрочем, а до этого они были легче, что ли?

Как обосновался молодой Блажевский в Любомирке, завел первый на селе сад. Бескорыстно снабжал саженцами всю округу. Когда началась коллективизация, бывший красный артиллерист первым вступил в колхоз, работал старательно всюду, куда посылало его правление. «А когда же я все-таки кукурузой занялся? — подумал он. — Уже после Отечественной. Но в 47-м или в 48-м? Тогда секретарем Котовского райкома партии был Александр Игнатьевич Ботвинов...» И еще вспомнил: весна в тот год выпала дождливая. Он радовался: будет хороший урожай огородных культур. Блажевский возглавлял овощеводческое звено. И вот как-то в обед подкатил райкомовский газик. Вышел из него секретарь, поздоровался, легко, как всегда, завязал беседу. Рассказал вкратце, как много предстоит сделать стране, встающей на ноги из пепелищ. Говорил о хлебной проблеме, о лучших зерновых сортах, незаметно перешел к кукурузе. И вдруг предложил:

— А не взяться ли, Евгений Викторович, вам за кукурузу? Да так, чтобы другим пример показать.

Ничего тогда не ответил секретарю Блажевский. Слишком веские возражения находились у звеньевых. Во-первых, без овощей колхозу тоже не обойтись. Во-вторых, в их южной сухой степи кукуруза давала низкие урожаи. Была и третья причина — Евгению Викторовичу седьмой десяток пошел, где уж тут, думалось, начинать с нового дела, не поздно ли?

Так и не рискнул бы никогда Блажевский стать кукурузоводом, не сведи его судьба на одном из совещаний с Героем Социалистического Труда Марком Озерным. Наслышан был о его делах Евгений Викторович: шутка ли — по 136 центнеров кукурузы собирал Озерный с каждого из 4 гектаров. Это казалось совершенно невероятным. Выступление Озерного на том совещании он запомнил чуть ли не слово в слово и еще долго расспрашивал его после совещания. По дороге из Котовска домой в Любомирку твердо решил: надо попробовать. Остальные члены звена тоже его поддержали. Только сказали: для начала не будем гнаться за Марком Озерным — посеем на одном гектаре. А овощи самой собой будем выращивать.

То был год больших волнений и сомнений. То покрутятся листочки,

то кому-то покажется, что они желтеют, то вдруг появятся больные неведомой болезнью растения, а никто не знает от чего это. Вот как сам Блажевский писал о том годе спустя несколько лет.

«Всякое начало, говорят, трудно. И у нас оно было не легким. На каждом шагу давала себя чувствовать неопытность. Не раз мы допускали ошибки... Но нам очень хотелось получить со своего первого гектара большой урожай. И для этого готовы были все сделать».

Они в полном смысле слова лелеяли этот первый посев. К тому же и дожди выпадали как по заказу. Результат превзошел ожидания самых смелых оптимистов — 114,5 центнера зерна с гектара. Это было небывалым событием и для колхоза, и для района.

На следующий год звено Блажевского стало выращивать кукурузу на 10 гектарах. Блажевский не уставал напоминать: «Половину прошлогодного урожая дали нам наши труды, а другую — опыт Озерного». Всю зиму упорно учились кукурузоводы. Но 1949 год был отмечен тяжелой засухой. На полях шел бой за каждую каплю влаги. И все же звено Блажевского собрало более чем по 69 центнеров кукурузного зерна с каждого из 10 гектаров! С этой площади было собрано зерна больше, чем на остальных 90 гектарах, тоже засеянных кукурузой. Чрезвычайно важным оказался этот год для самоутверждения кукурузоводов. Все члены звена ясно поняли: мастерство земледельца может противостоять погодным условиям. Поверили они до конца и в кукурузу, стали ее пламенными приверженцами и пропагандистами.

За одержанный в 1949 году большой трудовой подвиг Евгению Викторовичу Блажевскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Члены звена Елена Волкунович, Екатерина Вороновская, Лидия Шаргар и Ольга Герасимович были награждены орденами и медалями.

* * *

Довелось как-то услышать, когда речь зашла о Блажевском, такое суждение: «Подумаешь, герой. Пять человек на десять гектаров. Мы вот впятером сто гектаров обрабатываем».

Пришлось рассказать один случай, происшедший в звене Евгения Викторовича. Было это как раз зимой перед засушливым 1949 годом. Кукурузоводы, памятуя опыт Озерного, заблаговременно подготовились к снегозадержанию. Сделали щиты, волокуши. Как только полетели на землю «белые мухи», дружно вышли в поле ставить щиты. Задула метель. Радовался Блажевский: то-то влаги на плантациях будет. А когда улеглась снежная круговерть, пришел в поле, а оно черное. Щиты поставили неправильно, и весь снег сдуло в лесополосу. Взяли члены звена лопаты, запрягли лошадей и стали возить обратно снег на поле. Потом уже никогда таких ошибок не повторяли.

В эти первые послевоенные годы кукурузоводы пахали на волах. МТС выделяла колхозу только три трактора. Если бы механизаторам сказали, что под кукурузу нужно поднять зябь на глубину 30 сантиметров, они бы и разговаривать не стали, потому что едва успевали про-

вести самые необходимые работы в колхозе. И кукурузоводы пахали землю «трактором Му-у-2».

Лет через десять, выступая перед молодыми кукурузоводами-механизаторами, Блажевский говорил: «Я, конечно, очень хочу, чтобы кукуруза выращивалась только при помощи одних машин, без применения ручного труда, и глубоко убежден, что очень скоро так оно и будет у нас повсюду, во всех колхозах и совхозах. Да и сейчас уже почти все работы по возделыванию кукурузы механизированы. Но только почти. Есть еще некоторые агротехнические приемы, очень полезные для повышения урожая кукурузы, которые мы пока не можем механизировать. Так что же, отказаться от них? Мне кажется, этот вопрос надо решать на основе экономического расчета: подсчитать, во что обойдется выполнение той или иной работы, каких трудовых и иных затрат она потребует и какую прибавку урожая при этом можно ожидать. Если мы уверены, что затраты безусловно окупятся и у нас есть возможность эту работу сделать, зачем же пренебрегать дополнительными центнерами урожая?»

Евгений Викторович был удивительно самоотверженным человеком. Этому мы находим много подтверждений в его биографии.

Например, когда он уже успешно занимался селекцией кукурузы, случилась беда. Побило плантации градом. Члены звена вместе с Евгением Викторовичем молча ходили по полю, смотрели на вбитые в землю растения и выглядели мрачнее той тучи, что уплывала за горизонт.

— Что же он наделал, этот проклятый град? Все погубил,— не выдержала одна из женщин и вдруг спохватилась: — А что ж тогда у нас на огородах делается? Дуся, ты к себе в огород не заглядывала?

— Нет, Марусенька, не глядела. Накинула платок — и сюда. Да черт с ним, с огородом.

Этот разговор вывел Евгения Викторовича из оцепенения. Он нагнулся и попробовал поднять молодое растение кукурузы, закрепить его в почве. Стебель с порванными градом листьями удержался, не поник. Звеньевой обрадовался, шагнул к следующему растению. Следом за ним за дело принялись женщины. Работали не разгибая спины двое суток, но подняли все до последнего стебелька. А ведь их на гектаре было не десятки и не сотни, а более двадцати тысяч.

Эта вот самоотверженность и позволяла звену выходить с победой из самых сложных ситуаций.

Выступая в школе передового опыта молодых кукурузоводов, которая была создана на базе его звена, Евгений Викторович много раз подчеркивал, что есть четыре главных условия для получения высоких урожаев. Это — влага, удобрения, уход за посевами и заслон потерям. И при этом всегда подчеркивал: без техники, ее полного и правильного использования выполнить эти условия невозможно. Блажевский переписывался с известными учеными и практиками-кукурузоводами, стараясь использовать самые передовые приемы, которые разрабатывала наука.

Через два-три года после начала работы с кукурузой, Блажевский снова увлекся селекцией. Снова потому, что заинтересовала она его еще в дореволюционное время. Уездным агрономом тогда у них был очень грамотный человек и активный пропагандист новейших агротехнических приемов. Уездный агроном сам занимался селекционной научной работой. Но то, что он еще и враг самодержавия, узнали, лишь когда агронома арестовали и за революционную деятельность осудили на каторгу.

Вернулся он в уезд после революции, изможденный, больной, но все такой же деятельный и увлеченный своими исследованиями. Участок в степи он получил по соседству с Блажевским. Наблюдая, как по весне его сосед с трудом ковыряет плугом землю, задыхаясь и останавливаясь через каждые десять шагов, Евгений Викторович однажды не выдержал и перешагнул межу.

— А ну отдохни-ка, соседушка! — сказал он, отодвинув его плечом из борозды, и зашагал по полю, легко направляя плуг.

— Хорошо это у вас получается, — рассмеялся агроном, — а мне вот пахать приходилось редко, разве что ради интереса. Да и каторга называется. Как это говорят на Руси: укатали сивку крутые горки.

Они подружились. И за два года, пока не уехал агроном из Котовска, Евгений Викторович успел узнать у него поразительно много.

С почтительным удивлением наблюдал Блажевский, как исследователь «колдовал» над растениями, опылял их, создавал под стеклами парничков неимоверно засушливые условия. Евгений Викторович подробно расспрашивал агронома об основах селекции овощных культур, с жадностью впитывал знания.

Как-то Блажевский увидел, как агроном обрезает только что появившиеся метелки у совершенно здоровых растений кукурузы, причем через ряд. Это было совсем непонятно.

— Ты что это, сосед, для красоты что ли? — пошутил он, чтобы затеять разговор.

— Да нет, — рассмеялся тот и стал объяснять. — Хочу вывести новый сорт кукурузы. Смотри, этот ряд — ранний сорт, созревает за 130—135 дней. А этот — поздний, из Крыма. Первый у нас прижился. У многих на огородах дает неплохие урожаи, имеет небольшие початки и мелкое зерно, но на стебле их — два-три. Второй, крымчак, дает крупный стебель, один, но мощный початок и красивое крупное зерно. К тому же он хорошо переносит летнюю засуху, использует для формирования урожая осенние дожди. Вот я и хочу соединить их лучшие качества в одном растении, одном сорте.

Агроном много рассказывал Блажевскому о путях и методах создания новых сортов. Уроки запомнились. Когда Блажевский стал заниматься овощами, он одновременно работал и над улучшением некоторых из них. С семеноводством тогда было неважно, и опытные земледельцы во многих случаях сами успешно вели его. Пользуясь приемами народной селекции, создавали отличные сорта. Удалось и Блажевско-

му вывести свой сорт капусты. Урожай его звено получало отменные, было даже участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Работал Блажевский и по улучшению перца, томатов, огурцов. А вот теперь занялся выведением новых сортов кукурузы.

К этому времени у него поднабралась и литература по селекционному делу. Он установил тесный контакт с районным агрономом И. Т. Сергиенко, начал переписываться с селекционером А. С. Мусийко из Всесоюзного селекционно-генетического института, с профессором А. Е. Коварским из Кишинева, с доцентом сельскохозяйственного института в Одессе М. П. Кудиновым. Евгений Викторович вел поиск не вслепую. Он не только интуитивно чувствовал, какими достоинствами должен обладать сорт, но, благодаря советам видных ученых, точно шел к цели. Опыты свои вел на приусадебном участке, потеснив картошку и овощи, так необходимые любому сельскому жителю. И работал здесь только по вечерам или на рассвете.

Первые опыты были проведены с сортом кукурузы «лиминг», лучшим тогда в Одесской области. Но «лиминг» давал хорошие урожаи в низинах, где было достаточно влаги, и только в годы, когда выдавалась теплая осень. Подыскать ему пару для скрещивания было непросто. Наконец после консультации с учеными и специалистами Евгений Викторович остановился на кукурузе «грушевая одесская». Из гибридных популяций Блажевский отдал предпочтение одной из линий, которая и стала сортом, названным «котовчанка». Она получилась высокорослой, с большими початками и крупным зерном. Свыше 100 центнеров зерна с гектара давала «котовчанка», и не удивительно, что этот сорт быстро нашел признание в хозяйствах района.

Но у «котовчанки» были и недостатки. Початки созревали лишь в конце сентября, когда уже начинались дожди, и требовалось много сил, чтобы высушить зерно. Евгений Викторович проводит вторую серию скрещиваний «котовчанки» с другими сортами. Самый перспективный материал, на его взгляд, получился от скрещивания «котовчанки» с «чинквантино». Семена этого сорта прислал профессор А. Е. Коварский из Кишинева, растение имело небольшой початок, но зато их было три на стебле, зерно мелкое, но кремнистое. К тому же созревало оно раньше, чем у лучших местных сортов.

Блажевский работал с полученным селекционным материалом несколько лет, пока не был получен сорт, который селекционер-опытник окрестил «котовчанкой-2». Эта кукуруза долгие годы давала в колхозе самые высокие урожаи.

В 1958 году за высокие урожаи кукурузы Евгений Викторович Блажевский вторично был удостоен звания Героя Социалистического Труда. «Я пожилой человек,— говорил он.— Только на седьмом десятке занялся кукурузой. Пусть это покажет молодым, которые придут вслед за мной, какие возможности имеет эта чудо-культура...» Никогда он не добивался особых привилегий, лишних удобрений для своих полей или новой техники. Больше того, он всем своим трудом старался и

сумел доказать, что и при тех условиях, которые складывались, можно и нужно выращивать высокие урожаи. Лишь бы любить землю, любить свое дело, честно к нему относиться.

Как-то летом, когда уже шла вторая культивация рядков кукурузы, заметил Евгений Викторович, что механизатор рыхлит междурядья не на 6—8 сантиметров, а на все 14. Звеньевой остановил агрегат, подзвал молодого тракториста к себе и говорит ему:

— Ругать тебя не буду, так как думаю, что портачишь ты по своему незнанию. Давай-ка, чтобы не испортить тысячи растений, загубим с тобой одно.

С этими словами стал на колени и очень осторожно из задубевшей в гнезде земли выкопал растение, не оборвав ни одного корня.

— Смотри, милок, как ярусами растут на кукурузе корешки. Когда мы с тобой вели первую культивацию, вот эти, нижние, были на глубине 12—14 сантиметров. Разрыхляя почву, мы несли им дыхание и питание. Но сейчас пошли в рост вот эти корни верхнего яруса. Посмотри, как обломаны они с двух сторон. Это ты разорвал их культивацией. Выше надо было поднять рабочие органы, выше, как тебе и предписывалось.

Блажевский, разрыхлив мотыгой ямку, посадил в нее заранее пропущенное зерно.

— А это зачем, Евгений Викторович, ведь оно все равно не успеет вызреть? — поинтересовался механизатор.

— А пользу принесет большую, — ответил звеньевой. — Оно станет рассыпать пыльцу далеко окрест, когда другие растения уже отцветают. А ты наблюдал, что на кукурузе, где завязалось по два-три початка, верхние из них выбрасывают нити-пестики гораздо позднее нижних? Вот и пригодится это поздно посеянное мной растение, чтобы опылить такие початки.

Е. В. Блажевский ежедневно получал десятки писем со всех концов страны.

В ответах на них он предупреждал своих корреспондентов о возможных ошибках.

«Учитывайте не только «характер» сорта, который я вам послал, — писал он в Пензенскую область, — но и свои условия. Моя обязанность рассказать вам об особенностях кукурузы и наших приемах, которые мы применяем здесь, на юге, с учетом местного капризного климата. А у вас он совсем другой. Так сумеете взять себе только тот опыт, который необходим у вас, сами дополните его своими наблюдениями».

Несмотря на преклонный возраст, он был гостем на больших и малых совещаниях и семинарах, охотно выступал.

Как-то на семинаре к нему подошел механизатор и попросил: «Евгений Викторович, дайте хоть десятый экземпляр вашего выступления. Вот бы было хорошее доказательство нашему агроному, который привык действовать точно по учебнику — от и до». «Зачем же десятый? —

рассмеялся Блажевский.— Я вам подарю самый первый экземпляр моих тезисов к выступлению». И протянул собеседнику золотозубый початок кукурузы.

Эта привычка везти с собой семена своих сортов, куда бы ни ехал, породила немало смешных историй. Один из журналистов записал такую. Немошный с виду старик с трудом втаскивает в купе скорого поезда чемодан и перевязанный веревкой вздувшийся мешок, который, похоже, набит картошкой. Соседка по купе морщится:

— Мешок же можно сдать в багаж.

— Нельзя, барышня. Не дай бог, пропадет,— отвечает старик.

— Уж не золото ли везете? — улыбается попутчица.

— Угадали, настоящее золото. Хотите покажу?

Дед развязывает мешок и выкладывает на столик великолепные початки.

— Да это же кукуруза! — восклицает спутница.— И куда вы ее?

— Аж за Урал,— отвечает старик.

— Лучше бы фрукты и овощи возили. А вы — кукурузу. И чего за нее уцепились?

— Напротив, барышня,— отвечает старик, разглаживая усы,— это не я, а она за меня уцепилась — оторваться не могу.

Стариком конечно же был Евгений Викторович Блажевский, который вез новым друзьям драгоценные семена «котовчанки».

Перед самым своим 75-летием Евгений Викторович вдруг отправился в дорогу. Только отселясь, как начал собирать чемоданы. «Куда? Зачем?» — забеспокоились члены звена, которые всячески старались уберечь деда от лишних тревог и волнений. «Да недалече... на Алтай», — «успокоил» их звеньевой. А дело было вот в чем. Из нового целинного совхоза пришло письмо. Молодые хлеборобы прочитали в газете о новых сортах, выведенных Блажевским, и очень просили им прислать хоть немного семян. Мол, пшеничка родит у нас добрая, но хотим попробовать и кукурузу.

Евгений Викторович сначала хотел соорудить им посылочку, а потом подумал: хлеборобы молодые, кукурузы не знают, пока наберутся опыта, набьют не одну шишку. Да и пока дойдет посылка по назначению, пройдут лучшие сроки сева. И вот, испросив отпуск, двинулся он в путь за несколько тысяч километров.

Вернулся бодрый, переполненный впечатлениями. Рассказывал друзьям не без гордости:

— Ребята не подведут и не растрянжируют наши сорта. Правда, теплый период у них короче нашего. Но влаги больше — снега зимой насыпает под самую крышу. Да и сев я сам проконтролировал: и почва хорошо подготовлена, и в каждую лунку легло не больше чем по два зерна...

Там, на Алтае, Евгений Викторович устроил настоящую школу кукурузоводов. Не считаясь со временем, не жалея сил, передавал он свои знания и опыт молодым механизаторам, щедро делился своими

наблюдениями об условиях, в каких им придется возделывать кукурузу.

Встречали его в алтайских хозяйствах радушно и провожали, как родного. За короткое время «боевой старик», как окрестили его на Алтае, полюбился молодым кукурузоводам. Уезжая, он пообещал новым друзьям, что обязательно начнет работу над ранним сортом кукурузы специально для целинных просторов, способным формировать богатый урожай за 80 дней вегетации. И слово сдержал.

* * *

В Любомирке нетрудно отыскать домик, где жил и работал Евгений Викторович Блажевский. Он стоит у самого края широкой долины. В минуты отдыха Евгений Викторович любил сесть у плетня и, глядя на долину, думать о будущем земли.

Лицом к долине, к необъятному простору полей стоит и его бюст в колхозном скверике.

Односельчане, все земледельцы области свято чтят память о знатном кукурузоводе. И с каждым годом растет число его последователей.

*В. Зайцев,
А. Солдатский*

**Боголюбов
Николай Николаевич**

ПО ЗАКОНАМ УСКОРЕНИЯ

Здесь каждую весну над светлой Волгой разливается еще одна река — бело-розовая. В Дубне цветут яблони. Городу не исполнилось еще и тридцати, и он находится действительно в поре расцвета. Он во многом необычен, этот небольшой городок над великой русской рекой.

Только очень уж недогадливый человек не уловит намека, улыбка-то скрытого в названии дубненского плавательного бассейна — «Архимед». Сейчас индивидуальная ванна даже для изобретательного грека была бы ненадежным испытательным полигоном. Современное развитие науки вообще, а ядерной физики в особенности, позволяет добиваться наибольших результатов коллективу исследователей, объединенных общей, технически оснащенной лабораторной купелью. Но как поставить здесь знак интеграла?

— Не удивляйтесь, если я начну не с научных, а с организационных достижений,— сказал при встрече директор Объединенного института ядерных исследований академик Н. Н. Боголюбов.— Дубненцы глубоко убеждены, что все их успехи — плоды международного сотрудничества ученых именно в таких формах и таких масштабах.

А масштабы здесь действительно впечатляют. Каждое из шести подразделений института скромно именуется лабораторией, но по своему оборудованию, подбору специалистов соответствует крупному институту. Представители Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, КНДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии трудятся там на основах равноправия.

Дубненские физики располагают (пожалуй, единственным в мире) набором «инструментов» для проникновения в тайны микромира. Это и синхрофазотрон, который весит 36 тысяч тонн, и ветеран синхроциклотрон, запущенный еще в 1949 году. Свои удивительные возможности демонстрируют циклотрон с пространственной вариацией магнитного поля, импульсный реактор на быстрых нейтронах, ускорители многозарядных ионов...

Так каково же место в этой научной индустрии физика-теоретика, чей инвентарь исстари составляют письменный стол, листок бумаги и карандаш?

...У Николая Николаевича Боголюбова все пошло, пожалуй, от неладов с арифметикой. Преподаватель гимназии, где он начинал учиться, счел необходимым даже специально уведомить его родителей:

— Математиком ваш сын не станет, это ясно.

И, подумав, добавил:

— Но характер его позволяет надеяться, что он все-таки найдет свое призвание.

Сейчас директор Объединенного института ядерных исследований, академик-секретарь Отделения математики АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Н. Н. Боголюбов вспоминает тот давний эпизод с юмором. И с высоты своей более чем полустолетней научной и педагогической деятельности вовсе не склонен строго судить ошибку учителя.

— Знаете, с детских лет определить призвание — совсем не просто. Еще трудней, но и важней значительно подметить главные черты только что складывающегося характера. Ведь в конце концов именно он решает судьбу человека.

У Боголюбова так оно и было. Вначале его заинтересовала алгебра как средство быстро решать арифметические задачи. А к 14 годам он самостоятельно изучил всю элементарную математику, основы высшей.

Внутренний «ускоритель» созревания таланта заработал. Это подметил выдающийся советский математик Николай Митрофанович Крылов. Представьте себе удивление участников его семинара в Киеве, когда он привел на очередное занятие тринадцатилетнего подростка. Однако вскоре стало ясно, что в академический институт пришел отнюдь не школяр в математике. В 14 лет Боголюбов опубликовал первую самостоятельную работу, а в 20 пришло первое международное признание — премия Академии наук Болоньи.

Так началось плодотворное сотрудничество, длившееся около двух десятилетий. И доверие учителя, его отношение к молодому ученому без скидки на возраст послужили теми импульсами, которые обусловили очередной «цикл ускорения» в научном становлении Н. Н. Боголюбова.

Конечно, в те годы у двадцатилетнего человека голова была занята не только работой. Ведь был еще Киев, с его пестрой толпой на улицах. Наверное, это способствовало появлению у юноши еще одного интереса — к языкам.

Известно, что академик Н. Н. Боголюбов владеет кроме русского украинским, польским, испанским, французским, английским, немецким, итальянским языками. Не обошлось здесь, конечно, без требований профессии — на французском по традиции публикуется вся основная математическая литература. На английском — физическая. Ну а остальные языки? Наверное, сыграла свою роль общая атмосфера боголюбовской семьи. Оба брата Николая Николаевича тоже стали видными учеными. Алексей Николаевич — математик, член-корреспондент АН Украинской ССР, Михаил Николаевич, член-корреспондент АН СССР, избрал своей специальностью языковедение. Вот у него-то старший брат и брал некоторые учебники:

— Дай посмотреть, чем ты занимаешься.

И потом, для многих неожиданно, удивлял знанием еще одного

языка. Память у него и до сих пор изумительная. Иногда, правда редко, он начинает наизусть читать стихи. И, словно оправдываясь, чуть смущенно говорит:

— Не подумайте, что специально учил. Просто то, что нравится, то легко и запоминается.

И все-таки даже в то время главной была наука. Уже тогда выработалась привычка — бисерным почерком заносить на листочках мелькнувшие, казалось бы, в самой неподходящей обстановке мысли. Потом, в вечерней тиши, эти, окрещенные впоследствии «рукоделием», отдельные листочки выстраивались в строгий логический ряд доказательств.

Сейчас можно даже точно определить рубеж его полновесной научной зрелости. К 1932 году Н. М. Крылов и Н. Н. Боголюбов создают совершенно новую область математической физики — нелинейную механику. Она была вызвана к жизни бурным развитием машиностроения, авиации и других отраслей техники. Требовалось теоретически объяснить процессы, где действовали большие силы и деформации были столь велики, что не вписывались в рамки теорий. Нелинейная механика ответила на актуальные вопросы времени. Более того. Новые методы исследования позволили по-иному подойти к проблемам статистической физики. Здесь, вслед за трудами Больцмана и Гиббса, работы Н. Н. Боголюбова стали классическими.

В них сказалась и еще одна особенность идей, выдвигаемых Н. Н. Боголюбовым, — их «дальнодействие». Фундаментальные результаты, полученные еще в тридцатые годы, и сейчас лежат в основе многих исследований, связанных с изучением траекторий планет и управлением электросетями, механикой космического полета и теорией движения элементарных частиц.

Известно, что еще в октябре 1946 года в докладе на собрании Отделения физико-математических наук АН СССР Н. Н. Боголюбов создал микроскопическую теорию сверхтекучести, экспериментально открытой выдающимся советским физиком П. Л. Капицей. Внезапное исчезновение вязкости гелия, охлажденного до сверхнизких температур, получило детальное и последовательное объяснение.

Если не вдаваться в теоретические тонкости, то можно сказать: впервые квантовая теория, разработанная на микроскопическом уровне, нашла блестящее применение для описания квантовых макроявлений. И добавим — плодотворное. Ибо, развивая найденный подход и учитывая идеи американского физика Купера, Николай Николаевич построил теорию сверхпроводимости как сверхтекучести электронного газа в металле. Она разрешила труднейшую проблему, около полувека стоявшую перед физиками. Эта теория служит фундаментом при изучении и практическом использовании явления, которое открывает огромные возможности для техники. Еще через несколько лет на этой же основе Н. Н. Боголюбовым была выдвинута теория сверхтекучести ядерной материи. Она и поныне, в наше время бурных событий в ядерной физике, надежно служит объяснению ряда свойств реальных атомных ядер.

— Физика развивается,— замечает по этому поводу один из учеников Н. Н. Боголюбова, член-корреспондент АН СССР Д. В. Ширков,— появляются новые идеи и теории, и достигнутые ранее результаты отодвигаются в прошлое. Но научные достижения истинного Мастера никогда не стареют: по мере увеличения объема наших знаний его результаты входят составной частью в более полные и общие теории и своей ценности не утрачивают. Более того, как правило, оказывается, что область применения этих результатов гораздо шире, нежели представлялось в первый момент. Этот характерный признак творчества Мастера прослеживается во всей научной деятельности одного из создателей современной квантовой теории материи Николая Николаевича Боголюбова.

Квантовая теория за свою сравнительно недолгую историю пережила немало «драм идей». Собственно, само ее появление было связано с парадоксом планетарной модели атома. По законам классической механики электроны, вращающиеся вокруг ядра, должны были бы терять энергию на электромагнитное излучение и за ничтожные доли секунды падать на ядро. Изучение этого парадокса привело в конечном счете к формулировке законов квантовой механики.

К этой науке, пожалуй, больше всего относятся слова Маркса: «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей». Именно так и было, когда сначала ученые проникли в глубь атома, затем атомного ядра и, наконец, приступили к изучению элементарных частиц.

Они были названы так потому, что речь идет о мельчайших частицах материи, образно говоря, «кирпичиках», из которых она построена. Но поскольку окружающее нас вещество состоит из таких «кирпичиков», то и свойства его в конечном счете определяются свойствами и законами взаимодействия элементарных частиц материи. Вот почему знание этих законов — фундамент естественных наук. Оно позволяет объяснять и предсказывать поведение вещества в самых различных условиях, устанавливать связи между разными явлениями, находить новые источники энергии и способы их использования.

Но если говорить о внутреннем строении элементарных частиц, то они далеко не элементарны, далеко не «кирпичики». Сейчас уже получены многочисленные экспериментальные данные, подтверждающие гипотезу о том, что частицы, в том числе протоны и нейтроны, образующие атомные ядра, подобно атомам химических элементов, состоят из более простых структур, которые называли кварками.

Но как вести исследования частиц, которые не разглядишь в самый мощный микроскоп? Единственный способ заглянуть в глубь микромира — столкнуть в ускорителях частицы друг с другом. В чем принцип действия ускорителей? Представьте, что вы хотите рассмотреть какой-то невидимый простым глазом предмет. Следовательно, нужен микроскоп. Там рассеянные световые волны фокусируются специальными

линзами, предмет становится видимым. Но до известных пределов, которые обусловлены длиной волны падающего на предмет света. А если необходимо рассмотреть более мелкие детали? Ответ очевиден: надо использовать для «освещения» лучи с меньшей длиной волны, или, иначе говоря, состоящие из частиц более высоких энергий.

Таким образом, ускоритель вместе с используемой на нем экспериментальной аппаратурой — это, образно говоря, микроскоп, позволяющий «разглядеть» детали строения мельчайших частиц материи. Чем выше энергия ускоренных частиц, тем больше разрешающая сила такого «микроскопа» и тем меньшие расстояния становятся доступными для наблюдения.

Отсюда ясна закономерная взаимозависимость между мощностью ускорителя и глубиной нашего проникновения в недра материи. Когда ученые смогли вступить в области с расстояниями в 10^{-5} — 10^{-7} сантиметров, перед ними открылся мир молекулярной физики, возникла кинетическая теория материи. Сократив эти расстояния еще на два порядка, удалось «рассмотреть» атомные явления, объясняемые квантовой теорией. В областях 10^{-13} сантиметров можно изучать физику атомного ядра. А еще ниже начинается физика элементарных частиц, причем особенно интересные события ожидаются за порогом длин меньших чем 10^{-15} сантиметров, у которого сейчас остановились самые мощные ускорители.

Исследования показали, что в природе существует множество элементарных частиц и значительное число процессов их взаимодействия. При столкновениях частицы не просто разлетаются, как бильярдные шары, а в большинстве случаев рождаются новые частицы.

Одно время казалось, что между различными физическими процессами в микромире нет глубокой физической связи. Складывалась как бы тупиковая ситуация.

Ясность внес доклад Н. Н. Боголюбова, сделанный им в 1956 году на международном съезде физиков-теоретиков. Впечатление от этого доклада до сих пор осталось в памяти специалистов. Лежавшая в его основе квантовая теория поля позволяет с единой точки зрения исследовать многообразие явлений в мире элементарных частиц и устанавливает между ними глубокие внутренние связи. По признанию тех же специалистов, впервые была построена адекватная физическая теория такого типа, что привело к изменению самого стиля физического мышления. В этом докладе было фактически предсказано развитие физики частиц на многие годы вперед.

Ныне с именем Н. Н. Боголюбова связывается целый ряд новаторских подходов в разных областях математической физики. Веселая изустная летопись научных собраний даже сохранила недоуменный вопрос Норберта Винера: «А не существует ли несколько Боголюбовых, каждый из которых — крупнейший специалист в своей отрасли?»

«Отец кибернетики», таким образом, подметил еще одну существенную черту творчества Николая Николаевича. О ней ученик Боголю-

бова, вице-президент АН СССР академик А. А. Логунов сказал так: единство теоретического подхода к природе, многообразной в проявлениях, но тоже единой в своей сущности.

Разумеется, такие высокие результаты определяются прежде всего высотой уровня таланта. И все-таки они были бы немислимы без постоянной, целенаправленной внутренней работы, того «неотступного думания», которое И. П. Павлов считал присущим каждому настоящему ученому. Да и сам Боголюбов говорит об этом с исчерпывающей прямоотой:

— Наука — главная и единственная цель в моей жизни...

Участники его семинаров подметили, что Николай Николаевич может казаться целиком погруженным в свои мысли, но ни одна деталь научной дискуссии от него не ускользнет. Когда страсти накаляются, а докладчик у доски начинает тушеваться, Боголюбов поднимает голову и спокойно замечает:

— У вас же просто в формуле неточность, а так все правильно...

Примечательная деталь: «школы Боголюбова» возникали во всех местах его работы — в Киеве, Москве, Дубне. Уже говорилось, что «школу Боголюбова» прошли академик А. А. Логунов и член-корреспондент АН СССР Д. В. Ширков. Его ученики — академик В. С. Владимиров и директор Института ядерных исследований А. Н. Тавхелидзе (СССР), академик И. Тодоров (Болгария), директор Ханойского института физики Нгуен Ван Хьеу (Вьетнам), профессор Ф. Кашлун (ГДР) и многие другие. Они в свою очередь тоже воспитали немало учеников — второе и третье поколение «школы Боголюбова».

К сожалению, понятие «школа» в последнее время нечасто встречается в научной жизни. Иногда даже говорят, что возросшая массовость высшего образования затрудняет индивидуальную работу со студентами, да к тому же сложность собственных исследований ведущих ученых оставляет для этого все меньше времени. Что ж, собственные научные интересы Н. Н. Боголюбова достаточно сложны и многогранны. И все-таки Дубна, под его прямым влиянием, все больше утверждается как центр подготовки первоклассных научных кадров.

Я расспрашивал представителей разных стран, из чего, на их взгляд, складывается этот тонкий процесс. И, если суммировать сказанное, получается такой ответ:

— Здесь атмосфера требовательности и в то же время товарищества. Небрежности не простят, но в трудном случае помогут. И здесь, как, пожалуй, нигде, находишься в курсе последних открытий в ядерной физике. Все значительное, что появляется в научной периодике, обязательно будет рассмотрено на семинарах.

В этом сочетании нравственного начала (помните разговор о значении характера для ученого?) с научной тщательностью — тоже влияние «школы Боголюбова». Он и сам подчеркнул, обращаясь к молодежи: «Молодым людям, вступающим в науку, я бы хотел сказать, что они выбирают себе прекрасную, но тяжелую дорогу. Даже самые удач-

ные научные судьбы складываются из преград, из бессонных ночей, научных ошибок и заблуждений. Я бы хотел пожелать будущим молодым ученым выработать в себе твердый характер, без которого, на мой взгляд, невозможно добиться значительных успехов на пути познания».

Пожалуй, теперь понятно, почему ученые, даже уехав из Дубны, стараются поддерживать постоянную связь с оставшимися там коллегами, хотя бы с помощью писем вновь соприкоснуться с ее творческой атмосферой. И они могут быть уверены, что за их дальнейшими шагами внимательно следят, где бы ни появлялись их труды.

Итак, налицо, что называется, взаимное притяжение. Но Дубне и этого мало. При прямом участии директора Объединенный институт вовлекает в свою орбиту ученых, никогда не работавших в его стенах. Здесь поддержали и реализовали идею проведения школ молодых физиков. И здесь активно взяли на вооружение «физику на расстоянии».

Началось все с рассылки ядерных фотоэмульсий, облученных на дубненском и серпуховском (Института физики высоких энергий) ускорителях. Что это значит? В Дубне действует уникальный ускоритель. И, конечно, при самом добром отношении, в работах на нем не могут принять участие все заинтересованные специалисты. Тут-то и приходят на помощь фотоэмульсионные пленки и пластинки. Они точно запечатлевают события, происходящие в регистрирующих приборах и дают возможность изучать их в любом месте.

Представьте себе состояние искусствоведа, который получил в свое распоряжение не репродукцию, а оригинал произведения, которое раньше можно было видеть только в одной картинной галерее. И этот шедевр в таких же оригиналах исследуют сразу многие специалисты в разных местах. Вот такова примерно результативность пластинок, на которых зафиксированы события, протекавшие в ходе того или иного эксперимента.

Но ученые сумели усилить «эффект присутствия». Теперь можно посмотреть «на дому» не одну картину, а целый спектакль — на магнитную пленку записывается вся информация, получаемая по мере проведения опыта. И пожалуйста — можно попасть в «Большой театр», не выходя за порог собственной лаборатории. Это позволяет детально проанализировать весь «спектакль» во многих учреждениях, а значит, быстрее получить результаты.

Все это, вместе взятое, безусловно, можно назвать еще одним «циклом ускорения» научных исследований, умело используемым Н. Н. Боголюбовым, одним из крупнейших ученых наших дней. Ускорения, направленного на познание и затем практическое использование еще неведомых сил природы.

Судя по всему, физика элементарных частиц стоит сейчас на пороге открытий, подобных тем, которые последовали в атомной физике — за расшифровкой структуры атома и в ядерной — за пониманием строения атомного ядра. И здесь ученые большие надежды возлагают на так на-

зываемую квантовую хромодинамику, у истоков которой стоит Н. Н. Боголюбов. Этот термин требует пояснения.

Физики теперь все чаще обращаются не только к смысловому значению слова, но учитывают и его эмоциональную окраску, ибо часто только она — крайности сходятся — способна помочь нам уловить стоящее за формулой физическое явление. Отсюда возникновение таких терминов, как «странные» и «очарованные» частицы, появление понятия «цвета». Отсюда поиски сравнений, наглядно передающих суть происходящих событий.

Так, с помощью литераторов искали образное описание принципа действия синхрофазотрона его создатели. И нашли.

— Представьте себе, — говорили они, — что цирковой артист стоит в центре манежа. Он удерживает на поводке лошадь, заставляя ударами хлыста бегать ее по кругу все быстрее. Вот так и в нашем ускорителе электромагнитные импульсы подстегивают, разгоняют электрически заряженные частицы.

И это — не единственный пример. Академик Л. А. Арцимович в предисловии к своей книге «Управляемые термоядерные реакции» счел необходимым даже специально оговориться: «...во всех случаях, когда надо жертвовать либо наглядностью, либо строгостью, предпочтение отдается первой». А математик академик А. Д. Александров не без полемики задорно пишет о том, какой прекрасный, изящный в своей строгости мир открывается за математическими формулами: «Для тех, кто не имеет настоящего понятия о математике, она может представляться очень далекой от искусства, весьма почтенной, полезной и важной, но абстрактной и сухой, как строгая, тощая гувернантка. Этому способствует пресловутое мнение, что все люди делятся на «физиков», с их сухой, бесчувственной наукой, и «лириков», с их утонченными чувствами.

Все это, однако, чепуха, пошлое представление, выставленное с апломбом теми, кто не знает, не чувствует по-настоящему ни физики — науки, ни лирики — искусства».

После такого отступления, пожалуй, понятнее будет история открытия кварков. Вернее сказать, «вычисления», потому что экспериментально в свободном состоянии эти субъядерные частицы никто еще не наблюдал. Но напомним: чем глубже мы проникаем в глубь материи, тем больше открываем неизвестные нам закономерности. Так вот, наиболее простым объяснением невылетания кварков может быть предположение о том, что они обладают большой массой и настолько сильно связаны между собой, что энергии частиц, разогнанных на существующих ускорителях, не хватает для разрыва этой связи.

Однако среди теоретиков широко распространена и другая точка зрения: кварки в принципе нельзя «оторвать» друг от друга. Происходит нечто подобное тому, когда разрезаешь прямолинейный магнит. Всем известно, что тогда не удастся отделить один полюс от другого, а просто образуется два куска, по-прежнему с двумя полюсами...

Но и это еще не все в загадочной кварковой истории. Один из их открывателей, Гелл-Ман, «окрестил» их, тоже прибегнув к литературному источнику. Он вспомнил, что в романе Джойса «Поминки по Финнегану» чайка, летящая за кораблем, выкрикивает странную фразу: «Три кварка для мистера Марка». А поскольку предполагалось, что в элементарных частицах находится по три таких субчастицы, то их и называли кварками.

Но при дальнейших расчетах выяснились теоретические трудности — надо было наделить кварки каким-то новым качеством, чтобы не нарушить принцип Паули: две одинаковые частицы не могут занимать одно и то же состояние.

Так вот, в удивительном мире квантовой механики и «странность» и «очарование» — квантовые понятия определенного состояния частиц. Но и этого не хватало для понимания их внутреннего строения. Н. Н. Боголюбов и его ученики предложили ввести еще одно квантовое число, названное впоследствии «цветом». Оно позволило избежать ряда теоретических трудностей. Идея цветных кварков вместе с теорией калибровочных полей и привела к созданию квантовой хромодинамики, претендующей на роль теории сильных взаимодействий.

Поясним: стремясь постичь строение вещества, расширить наши представления о структуре пространства и времени, ученые установили четыре типа фундаментальных взаимодействий: знакомые всем гравитационное и электромагнитное, а также слабое и сильное, с которыми сталкиваются пока только исследователи микромира. Так вот, сегодня перед физикой стоит принципиальный вопрос: существует ли единство фундаментальных взаимодействий, иными словами говоря, единство сил природы? Этому магистральному направлению развития науки посвящено творчество Н. Н. Боголюбова и его учеников.

Фундаментальные исследования многим казались, да и сейчас порой кажутся далекими от непосредственных запросов жизни, научно-технического прогресса. И в то же время вся история науки свидетельствует — каждый новый шаг в познании фундаментальных законов природы позволяет ставить на службу человечества новые, неведомые ранее силы. Надо только уметь вовремя разглядеть такую возможность. Это не всегда получалось даже у очень крупных ученых.

Вспомним: Герц уверенно отрицал практическую значимость открытых им радиоволн. Фарадей не решился при жизни опубликовать свою идею о распространении в пространстве электромагнитных волн, а направил работу в Королевское общество в запечатанном конверте с просьбой вскрыть его через... 106 лет. Теперь у нас есть на вооружении четкая партийная формулировка: «... полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования».

— Мы должны отдавать себе отчет в том, — размышляет на эту тему Н. Н. Боголюбов, — что целью фундаментальных исследований является открытие и изучение основных закономерностей окружающего

нас мира, и до тех пор, пока та или иная закономерность не изучена достаточно хорошо, она не может быть целенаправленно использована для практических нужд. Чем же определяется интерес к фундаментальным исследованиям в области физики элементарных частиц в наше время? Первый и, вероятно, главный аспект проблемы заключается в том, что, сколько бы мы ни продвигались в глубь изучения материи, количество вопросов, на которые мы будем искать ответы, не уменьшится...

Как было при этих словах не вспомнить афоризм Б. Шоу: «Наука всегда оказывается не права. Она никогда не решит вопроса, не поставив при этом десятка новых». Похоже, что не только «физики» берут на вооружение язык «лириков», но и литераторы подходят к более глубокому пониманию психологии научного творчества...

— Исследования в области фундаментальной науки, — продолжает Н. Н. Боголюбов, — в каждый данный момент кажутся иногда бесполезными даже ученым смежных направлений. Лишь впоследствии оказывается, что чисто теоретические исследования дали тот задел, который привел к созданию новых областей техники. Например, в тридцатые годы исследования атомного ядра многими считались настолько абстрактными, настолько оторванными от жизни, что высказывались даже сомнения в необходимости хотя бы скромного их финансирования. А сейчас атомные электростанции начали конкурировать с обычными. В настоящее время мы имеем, по-видимому, аналогичное положение в физике элементарных частиц. Пока здесь не ясны перспективы больших приложений, но, по моему глубокому убеждению, проникновение в тайны строения материи, в законы взаимодействия ее основных микроблоков должно привести к большим, может быть, совершенно неожиданным практическим приложениям.

Итак, стратегия научного поиска, намеченная в ОИЯИ, ясна — сосредоточение главных усилий на решении фундаментальных проблем. Но здесь постоянно имеют в виду их последующее практическое применение. Как подчеркивалось на XXVI съезде партии, «страна крайне нуждается в том, чтобы усилия «большой науки», наряду с разработкой теоретических проблем, в большей мере были сосредоточены на решении ключевых народнохозяйственных вопросов, на открытиях, способных внести подлинно революционные изменения в производство».

Физика элементарных частиц — сложная и технически насыщенная отрасль знания. И в ходе подготовки очередных экспериментов ученые разрабатывают немало оригинальных решений для каждого конкретного случая. А нельзя ли их перенести в повседневную практику различных отраслей народного хозяйства? Искать и находить такие возможности стало правилом для коллектива института. Здесь даже зародилось движение за высокий уровень научных исследований, их эффективное использование в смежных областях науки и техники.

Помнится, несколько лет тому назад Н. Н. Боголюбов написал на эту тему статью для «Правды». Он говорил там о необходимости более

полно использовать для прикладных целей имеющееся в Дубне научное оборудование. И вот сейчас я спрашиваю его: «Где наметились наибольшие успехи?»

— Работы по синтезу сверхтяжелых элементов привели к созданию ядерных фильтров, способных задерживать даже вирусы и таким образом обеспечивать длительное хранение лекарств, молока, вина и т. д. без термической обработки. Исследование пучков частиц синхроциклотрона показало целесообразность применения протонов и пи-мезонов в онкологии, эксперименты с мю-мезонами дали возможность изучать химический состав живых организмов. С помощью нейтронов удалось решить актуальную задачу в области молекулярной биологии — определить геометрическую структуру иммуноглобулина. С пучками ионов гелия проведены важные исследования по ионной радиографии. Использование детекторов элементарных частиц в молекулярной биологии позволило значительно сократить длительность обработки тонкослойных радиохроматограмм.

...Вот уже несколько лет подряд журналистская судьба регулярно приводит меня в Дубну. И каждый раз знакомые, казалось бы, лаборатории удивляют новой гранью достижений и следующих за ними поисков. Да, именно так — за достижениями обязательно следует новый поиск. Как заметил еще нобелевский лауреат Луи де Бройль, «каждый успех нашего знания рождает больше проблем, чем решает их».

Одно, пожалуй, остается неизменным — здесь неустанно ищут «правоту» науки. Ищут в творческой атмосфере доброжелательства и взыскательной добросовестности, тех качеств, которые получают постоянное «ускорение» в кабинете директора Объединенного института ядерных исследований.

А. Покровский

Буркацкая
Галина Евгеньевна

КОММУНИСТ ЖИВЕТ ДЛЯ НАРОДА

Когда Буркацкая была избрана руководителем колхоза «Радянська Украина», председательский «корпус» в стране насчитывал уже многих выдающихся и общепризнанных вожаков крестьянских артелей, видных организаторов сельскохозяйственного производства.

Галине Евгеньевне было у кого поучиться, от кого перенять опыт руководства колхозной жизнью.

К этому надо добавить также и то, что ее личные качества счастливо совпали с теми положительными сторонами характера, которыми обладали многие знаменитые современники. Но Буркацкая смогла, однако, не только взять у них все лучшее, но и развить эти качества дальше, значительно углубить.

Следует при этом учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство. Буркацкая приняла пост председателя колхоза в совершенно иное время, когда новый, социалистический уклад в деревне не только давно привился и победил, но и показал, какие огромные преимущества он несет. Давно минули годы становления и организационного укрепления колхозов. Правда, еще сказывались последствия войны и немецко-фашистской оккупации. Но к 1949 году колхоз «Радянська Украина» уже прочно стоял на ногах, уверенно набирал силу.

Теперь речь шла о том, чтобы как можно быстрее развить все без исключения отрасли хозяйства, вооружить их передовой техникой, обеспечить высококвалифицированными кадрами, и прежде всего механизаторами, поднять и сделать стабильными урожайность полей и продуктивность ферм, успешно выполнять государственный план, сделать жизнь людей зажиточной. Это были, так сказать, планы ближнего боя. Но существовали уже конкретные наметки и более дальнего прицела: сделать труд земледельца разнообразностью индустриального производства, а жизнь приблизить к городской.

Легко ли ей было или нет? Можно со всей ответственностью сказать, что скорее всего трудно, ибо задачи и масштабы хозяйствования в это время не только возросли, но и намного усложнились. Колхоз располагал уже тысячами гектаров пашни, большим количеством машин, несколькими фермами.

Жизнь показала: Галина Евгеньевна оказалась достойным руководителем.

* * *

Биография колхоза «Радянська Украина» начинается с тридцатых годов. Не будет преувеличением сказать, что общественная биография Галины Евгеньевны тоже берет свое начало с этих знаменательных лет. Тогда ей было четырнадцать, но по умению видеть и оценивать собы-

тия она была намного взрослее своих сверстников. Любознательная, жадная до всего нового, девушка с интересом слушала рассказы о бурных и долгих собраниях, когда в родном селе Геронимовка создавался колхоз: горячих спорах, отваге бедняков, которые первыми осмеливались встать на новый путь, кознях кулаков. Сердцем она была с теми, кто смело решался распроститься с единоличной нивой, начать новую жизнь. Она уже тогда смогла постичь великую истину, на которую постоянно указывала партия: выбраться из бедности мужику поможет только коллективное хозяйствование на земле.

И не случайно поэтому, когда в селе наконец возник колхоз, Галина с присущими молодости задором и энергией взялась за работу в общественном хозяйстве.

Примерно в это же время Буркацкая вступила в комсомол.

Жизнь свою колхоз начинал обремененный многими трудностями. Земля вокруг села была плохой — сплошные пески. В одном из дореволюционных справочников о ней говорилось: «Земли со столь скудной почвой не имеет, пожалуй, смысла возделывать. Песок... Пшеница здесь вовсе не родит. Кукуруза дает не более 10—15 пудов с десятины. Таким образом, труд и затраты, вложенные в возделывание этих земель, ни в какой мере не возмещаются». Жилось крестьянам на этой земле худо. Но и ее не хватало. И на этот счет имеется в архивах чрезвычайно любопытный документ. О своей нужде жители Геронимовки обращались с письмом даже к... царю.

«Земли у нас мало,— писали они,— народ множится, всякому хочется есть, а земли у многих вовсе нет. У иного ее так мало, что не хватает прокормить семью. А на другие затраты и на выплату твоих царских налогов и повинностей откуда взять? Мы, как звери, только одну заботу имеем: как бы накормить детей и самим быть сытыми, и если, несмотря на весь труд, приходится видеть голодных детей, то как тут быть?»

Естественно поэтому, что все усилия молодого колхоза были направлены в первую очередь на то, чтобы повысить плодородие почвы. Все, что колхозники сделали на земле в этом направлении общими усилиями в течение нескольких лет, было истинным чудом. Органические и минеральные удобрения, торф, правильный севооборот, образцовая обработка земли — постепенно дали свои положительные результаты. Дозы внесения удобрений с каждым годом возрастали, посевы люцерны, гороха, вики увеличивались, обработка полей тракторами и другими машинами улучшалась. По существу, на голых песках заново терпеливо и настойчиво создавалась почва. То, над чем природа и единоличники трудились веками и так и не справились, колхоз смог одолеть за короткий срок.

Ленинский кооперативный план, в котором была заложена великая сила преобразования деревни, побеждал во всех отношениях. Колхоз креп. Наступило время, когда геронимовские земли зашумели добрыми хлебами. Стали хорошо родиться и пшеница, и кукуруза, и картошка.

Уже в 1935 году бухгалтерия колхоза зарегистрировала в своих отчетах: средний урожай пшеницы достиг 15 центнеров с гектара, кукурузы — 20, картофеля — почти 100 центнеров. Это была, несомненно, крупная победа колхозников. Было сделано главное — создана прочная основа для дальнейшего успешного развития хозяйства. Ведь земля — основной источник богатства и всех благ.

Но росли в колхозе не только урожай, а и люди. Этот естественный процесс коснулся также и Буркацкой. Она стала в селе одной из первых активисток. В 1938 году окончила Харьковский коммунистический университет имени Артема. Возвратившись с учебы, до 1941 года возглавляла в колхозе комсомольскую организацию.

Перед войной урожаи на землях колхоза «Радянська Украина» были еще выше. Колхоз развивался в основном как зерновое хозяйство. Преображенная и обласканная трудом людей земля не скупилась, платила сторицей. От богатых урожаев набрали силу и другие отрасли колхозного производства, выросли заработки колхозников. Урожай, он, как солнечные лучи, дает жизнь в деревне всему.

В первые месяцы военной грозы Галине Евгеньевне пришлось эвакуироваться на Волгу, в Саратовскую область. Там она трудилась рядовой колхозницей в сельскохозяйственной артели «Серп и молот». Работала в поле с подъемом, сознавая, что каждый лишний килограмм зерна — это как дополнительный снаряд по фашистским захватчикам.

Трудилась в саратовской степи, а мыслями, думами была в родной Геронимовке. Как-то она там, в оккупации? И потому вполне понятно, что, как только Черкасская область была в 1944 году освобождена Советской Армией, Буркацкая немедленно возвратилась домой.

Геронимовка была почти полностью разорена фашистами. Урон, нанесенный ими колхозу, составлял 6 миллионов рублей. В хозяйстве уцелело лишь несколько искалеченных лошадей и всего одна корова. Фактически надо было начинать все сначала. Пришло известие, что на фронте погиб муж. Но оно не сломило ее. Она стала только еще больше работать, словно в тяжелом, до полного изнурения труде хотела утопить свое безутешное горе. Галина Евгеньевна первое время работала рядовой колхозницей, затем звеньевой, а спустя некоторое время стала бригадиром. В 1946 году Буркацкую приняли в партию.

Колхоз после войны продолжал специализироваться на производстве зерна. Вместе с тем он уделял все больше внимания и развитию животноводства. Геронимовка находилась в 8 километрах от города Черкассы, которому нужны были постоянно и мясо, и свежее молоко.

Галина Евгеньевна решала те же самые задачи, что и другие бригадиры. Но решала она их с большим умением и прилежанием, потому что находила время для приобретения агротехнических знаний. Так, она первой стала применять в сочетании органические и минеральные удобрения в больших дозах. Потом начала вводить на всей площади посевов известкование почвы. Постоянно требовала от трактористов качественной работы и на пахоте, и на севе.

Все отмечали, что бригада Буркацкой выделялась среди остальных трудовой дисциплиной, организацией производственного процесса, новаторством. Галина Евгеньевна во всем подавала личный пример.

Немного прошло времени после окончания войны, а колхоз не только довел урожайность полей до предвоенного уровня, но и значительно превысил его. В этом была немалая заслуга и бригады Буркацкой. Пшеница давала уже по 18,8 центнера с гектара, кукуруза — 25 центнеров, подсолнечник — 14,3 центнера, картофель — по 121 центнеру. Повышение урожайности позволило еще крепче стать на ноги.

* * *

Примерным трудом колхозников «Радянської України» удивить было не трудно. Таких трудолюбивых, как Галина Евгеньевна, в колхозе было много. Среди других она выделялась внимательным, заботливым, уважительным отношением к односельчанам. Постоянная готовность помочь, отзывчивость, сердечность, умение найти приветливое слово, веселая улыбка, одобрительный жест были присущи ей больше, чем другим. Этими человеческими качествами Буркацкая была щедро наделена природой.

В 1947 году Галина Евгеньевна была избрана секретарем колхозной партийной организации. На этой должности личные качества значили, пожалуй, больше, чем где-либо. Ведь коммунист по своей сущности — это гуманист, самый справедливый и чуткий человек, борец за народное счастье. А тут еще и секретарь колхозной партийной организации, значит, обязанности его в этом плане в несколько раз больше!

Буркацкая стала именно таким секретарем, для которого забота о тружениках земли превратилась в обязанность. Конечно, она умела потребовать от людей и добросовестного отношения к делу, и бережного обращения с колхозной собственностью. Когда надо было, могла быть и строгой. Но все хорошо знали, что у нее отходчивое сердце. Как партийный секретарь, Галина Евгеньевна была беспокойным человеком. Она понимала: чтобы добиться новых успехов в экономике колхоза, надо проявлять максимум заботы о людях. Так она ставила вопрос на заседаниях бюро партийной организации и на заседаниях правления. Наряду с возведением новых хозяйственных построек в колхозе развернулось строительство детских садов, яслей, клубов, библиотек, школ, медицинских учреждений. Каждый год обязательно входил в строй какой-либо новый культурно-бытовой объект, а то и два.

Именно в это время Буркацкая решила продолжить учебу. Она поняла, что тех знаний, которые у нее были, теперь не хватало, и успешно сдала экзамены на заочное отделение агрономического факультета Украинской сельскохозяйственной академии. Совмещать работу и учебу, заботиться о детях, доме было, конечно, трудно, но не такой характер у Галины Евгеньевны, чтобы остановиться, не достигнув цели. Несмотря на трудности, она продолжала учиться в академии, выкраивая время за счет отдыха, и ежегодно переходила с курса на курс.

Авторитет Галины Евгеньевны рос, укреплялся. И не было ничего удивительного в том, что в 1949 году колхозники избрали ее своим вожаком. Это было признанием ее больших заслуг в развитии хозяйства, выражением твердой веры в то, что она сможет уверенно повести его дальше. Год спустя, в 1950 году, она стала депутатом Верховного Совета СССР.

На одном из заседаний Верховного Совета мне и довелось познакомиться в Кремле с Буркацкой. В блокноте сохранилась запись о той встрече. Вот как бегло запечатлен ее портрет: невысокого роста, стройная, волосы, брови, глаза черные, лицо округлое, приятное, одета в темный хорошо сшитый костюм, белую кружевную кофточку, голос ровный, спокойный.

Встреча была короткой, в перерыве между заседаниями. Поэтому нам не удалось подробно поговорить о делах колхоза, Галина Евгеньевна успела лишь сказать:

— Начинаем поход за получение еще более высоких урожаев всех культур, и прежде всего, конечно, пшеницы и кукурузы. Мобилизуем на это все силы, и, безусловно, технику, и агрономическую науку.

Беремся по-настоящему также за развитие животноводства. И тут знаем, за что взяться. Прежде всего, конечно, за корма.

А прощаясь, добавила:

— Колхоз наш недавно укрупнился. Геронимовка объединилась с соседними селами — Василицей и Дахновкой. Землицы прибавилось и дел стало больше. Зато куда интереснее работать!..

Осень 1950 года была ознаменована новыми замечательными победами. Еще выше стали в колхозе урожаи, увеличились надои молока. Государство получило намного больше зерна, мяса, молока и других продуктов. Доход колхоза достиг 2 миллионов рублей, возросли также заработки колхозников. В Геронимовке, Василице и Дахновке строились новые скотные дворы, механические мастерские, склады, жилые дома. В 1951 году Буркацкой за большие успехи в развитии экономики колхоза было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

* * *

Ступени подъема колхоза были также ступенями роста Буркацкой. Эти два процесса были тесно связаны между собой. Если же говорить о самой Галине Евгеньевне, то для нее не было фактически никакой другой жизни, кроме неустанной заботы о колхозных делах. Председатель колхоза — это не просто должность. Бывает агроном по призванию — человек, посвятивший себя творческому труду на земле. Бывает инженер по призванию, в совершенстве знающий технику. Бывает педагог по призванию — тонкий знаток человеческих душ, мудрый наставник, психолог. Все эти качества должны сочетаться в председателе колхоза.

Учеба в академии раскрывала перед ней новые широкие горизонты. Теперь она применяла в хозяйстве агротехнические требования по ухо-

ду за землей совсем иначе, чем прежде: смелее, решительнее, с абсолютной верой в их пользу.

Рост продуктивности полей и ферм, естественно, незамедлительно сказывался на увеличении дохода хозяйства. Так, например, в 1958 году он возрос в сравнении с предыдущими годами в полтора раза.

В 1951—1953 годах были возведены типовой коровник на сто голов, два свинарника, кормокухня. В 1954—1959 годах — еще один коровник, два телятника, гараж, водонапорная башня, теплица, деревообделочная мастерская.

Нарастающими темпами шло и культурно-бытовое строительство. В Геронимовке были построены Дом культуры с залом на 400 мест, здание восьмилетней школы, амбулатория, детский сад, водопровод. В Дахновке — Дом культуры на 600 мест, поликлиника, баня.

Само собой разумеется, в эти годы много было сооружено и новых жилых домов, как колхозом, так и колхозниками. С каждым годом появлялось все больше благоустроенных жилищ. Давно исчезли соломенные и камышовые крыши. Стали строиться кирпичные дома и — как примета нового времени — гаражи для личных автомобилей.

1956 год в биографии Буркацкой особенно памятный. Она окончила академию. «Правда» посвятила этому немаловажному событию в жизни Галины Евгеньевны специальное сообщение. В заметке, напечатанной 8 апреля, говорилось: «На агрономическом факультете Украинской сельскохозяйственной академии студентка-заочница, председатель колхоза «Радянська Украина», Герой Социалистического Труда Галина Евгеньевна Буркацкая успешно защитила дипломную работу».

Дипломная работа Буркацкой содержала анализ развития родного колхоза в пятой пятилетке. Говорилось в ней и о не использованных пока резервах производства сельскохозяйственной продукции. Хотя, как отмечала Буркацкая, колхоз уже в 1956 году достиг многих показателей, которые предусматривались лишь в 1960 году.

Агроном на посту председателя — это, конечно, был большой выигрыш для колхоза. С каждым годом росла производительность труда. Больше сельскохозяйственной продукции давала артель государству.

В 1958 году Г. Е. Буркацкой была вручена вторая Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Это была новая достойная и заслуженная оценка ее трудового подвига. В сентябре 1960 года в центре села Геронимовка был торжественно установлен ее бронзовый бюст. А Галину Евгеньевну волновали новые заботы, и прежде всего полная механизация всех трудоемких производственных процессов на полях и фермах.

В этом направлении в колхозе уже много было сделано, но ручного малопроизводительного труда, особенно на фермах, еще хватало.

Высокие доходы позволяли колхозу ежегодно приобретать новые современные машины и тем самым значительно облегчать труд колхозников. В 1963 году, например, в колхозе было 17 тракторов, 5 зерноуборочных комбайнов, 25 автомашин, множество другой техники.

Производство зерна, перевозки были обеспечены необходимыми машинами. А вот с механизацией на фермах, и особенно на молочной, в те годы было еще трудно. Правда, здесь уже действовала электродойка, работали транспортеры, но качество оборудования оставляло желать лучшего. И Галина Евгеньевна на различного рода совещаниях и заседаниях не уставала призывать конструкторов, инженеров, ученых: «Дайте на фермы хорошее и удобное оборудование!»

* * *

Галина Евгеньевна Буркацкая много раз избиралась депутатом Верховного Совета СССР, была членом Президиума Верховного Совета СССР. Принимала участие в работах XIX, XX, XXI и XXII съездов КПСС. На XXII съезде партии была избрана членом Центральной ревизионной комиссии. Ее неоднократно избирали членом ЦК Компартии Украины. Участвовала в работах первого Всемирного конгресса мира. Побывала в составе делегаций Верховного Совета СССР в Стокгольме, Праге, Берлине, Софии, Каире. Ей довелось принять участие в работе конгресса женщин латиноамериканских стран в Чили.

Не раз звучал с трибун международных форумов ее уверенный, требовательный голос в защиту мира. Она хорошо знала, какие страдания и муки несет людям война.

Мне вспоминается работа сессии Верховного Совета СССР в апреле 1958 года, на которой обсуждался вопрос о прекращении испытаний атомного и водородного оружия. Это был вопрос из вопросов. Злободневный, актуальный. Он волновал миллионы людей всей планеты. Разве могла Галина Евгеньевна не высказать своего мнения на этот счет? Это был ее святой долг. И она выступила. Буркацкая заявила под бурные аплодисменты:

— Миролюбивую внешнюю политику Советского Союза единодушно поддерживает все колхозное крестьянство. Советские колхозники, как и весь советский народ, полностью одобряют и этот исторический шаг. В нем мы видим новое яркое свидетельство глубокой заботы Коммунистической партии Советского Союза о мире на земле. Нам, советским людям, дорог мир. Он дорог и всем другим народам земного шара. Много сделала наша партия для того, чтобы мы могли мирно трудиться, растить своих детей, умножать народное богатство, делать жизнь более радостной и счастливой!..

В заключение Буркацкая обратилась к женщинам всего мира.

— Я уверена,— сказала она,— что если бы собрались все женщины земли и перед ними был бы поставлен вопрос: голосуют они за или против ядерных испытаний, за или против войны, то все бы они ответили: мы против!..

Устами Буркацкой говорил весь многомиллионный советский народ. Речь шла о самом святом и великом на свете — сохранении мира.

На следующий день я читал многочисленные отклики мировой прессы на вопрос, который решала сессия Верховного Совета СССР. Среди

них было немало откликов и на речь Галины Евгеньевны. Даже самые ярые антисоветчики вынуждены были признать, что к ее словам следует прислушаться многим государственным деятелям западных стран.

* * *

Как люди не похожи друг на друга, так и годы не повторяют себя; каждый несет свои особенности и черты.

Наступило в колхозе время, когда урожаи стали не только большими, но и стабильными.

В шестидесятые годы урожай зерновых составлял в среднем 30—35 центнеров с гектара. Со 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в колхозе получали по 500 центнеров молока и по 100 центнеров мяса.

Именно в эти годы Галина Евгеньевна решила написать диссертацию, проанализировать экономику родного колхоза. На подготовку диссертации ушло несколько лет. В 1967 году она ее блестяще защитила. Буркацкая стала кандидатом экономических наук. В 1968 году ее пригласили на работу в Украинскую сельскохозяйственную академию, ту самую, которую она когда-то закончила. Стала преподавателем, а затем доцентом.

Разбег, взятый колхозом «Радянська Украина» под руководством Галины Евгеньевны, определил его дальнейшее поступательное развитие на многие годы вперед.

В семидесятых годах колхоз превратился в крупное и богатое сельскохозяйственное производство. Он стал широко известен не только на Украине, но и во всей стране. По совету Галины Евгеньевны правление колхоза решило реконструировать села. В соответствии с разработанным проектом в них выпрямили и заасфальтировали улицы, заложили сады. Провели во все дома водопровод. Села Василица и Дахновка были соединены в один населенный пункт. В Геронимовке построена гостиница.

В 940 новых благоустроенных жилых домах преимущественно в три-четыре комнаты расселились колхозники. У многих в личном пользовании появились легковые машины.

Работа в академии отнимает у Буркацкой немало времени и сил. Но по-прежнему тянет ее в родную Геронимовку, в колхоз «Радянська Украина». И она, уловив пару свободных дней, непременно едет туда. Ее всегда ждут там и принимают с глубоким уважением и любовью.

Я. Макаренко

Буянов
Иван Андреевич

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Теплым и долгим выдалось бабье лето 1929 года. Мужики рано управились с уборкой. За околицей деревни золотилась стерня полей да желтели разбросанные в разных местах ометы соломы.

Природа утихала. Но в деревне покоя в ту осень не было.

В просторной избе под вечер собрались крестьяне подмосковной деревни Горки, что и поныне стоит на Каширском шоссе недалеко от столицы. Собрались, чтобы решить, как жить дальше.

Председательствующий Василий Александрович Шульгин, уважаемый в деревне человек, открыл собрание:

— Ну, земляки, кто будет первым записываться в колхоз?

Хотя каждый еще дома решил, будет он вступать или нет, мужики не торопились с ответом. Наконец со скамейки поднялся и пошел к столу уже немолодой крестьянин-бедняк Николай Васильевич Бендерин.

— Я записываюсь первым,— он старательно вывел свою фамилию на чистом листе и посмотрел на сидящих, словно говоря: что же, мужики, аль снова сомнение на вас напало? По залу прошло движение, и вот еще кто-то решительно встал и направился к столу. Потом еще и еще. Чистый лист бумаги заполнялся фамилиями. 29 семей из 49, присутствовавших на собрании, стали членами только что родившегося колхоза. 29 семей, которые с деда-прадеда гнули спину на этой земле, щедро поливали ее своим потом, но сколько ни бились, так из нищеты да голода выбиться не могли.

На том же собрании избрали и председателя колхоза. В нараставшем гуле Шульгин слышал, как раздалось сразу несколько голосов:

— Буянова! Молодого Буянова!

— А чем не председатель Иван Андреев-сын? Наш, деревенский, да и дело крестьянское знает.

— Чего молчишь, Ваня? — крикнул дружок и ровесник Костя Мусатов.— Соглашайся!

— Да вот, думаю, не подвести бы вас, земляки,— улыбнулся Буянов, молодой и сильный мужчина, который приехал в родное село как посланец партии, двадцатипятилетний.

Так Иван Андреевич Буянов стал председателем колхоза, все артельное богатство которого в те дни состояло из семи лошадей, четырех однолемешных плугов, сенокосилки да сеялки.

В тот же вечер решили, как назвать колхоз. Разные были предложения. Иван Андреевич сказал тогда:

— Лучшего имени, чем имя Владимира Ильича Ленина, нет на всем свете. И по справедливости это будет. Ведь Ильич тут жил рядом с нами, ходил по одной с нами земле. А многие лично его помнят.

9 января 1921 года Ленин выступил на собрании крестьян деревни Горки. Он говорил о Советской республике, о разрухе в стране, которую народ уже начал преодолевать, о необходимости дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян и конечно же о перестройке жизни в деревне, о совместной обработке земли. Иван Буянов был на той встрече, слушал Ильича. Деревенского парня особенно поразила вера вождя в силы и творческую энергию народа. Впоследствии он, когда случались трудные ситуации, вспоминал Ленина, его безграничную веру в победу социалистического строя и словно обретал новые силы.

Все ближе надвигалась зима. Крестьянин в эту пору начинает задумываться о весне, о севе. Думал и Иван Андреевич, думал тяжело. Не было семян, плугов, помещений для скота, не хватало лошадей. Где все это взять, если в колхозной кассе только 250 рублей? Деньги были очень нужны. А как их раздобыть? И вспомнил председатель, что в зимнюю пору некоторые мужики занимались извозом. А что, если попробовать?

«Надо обсудить на правлении»,— решил он. Однако не все поддерживали председателя: надорвем последних лошадей, на чем пахать, сеять будем?

Иван Андреевич поехал в райком партии. И хотя в те годы там не было больших специалистов, но зато были люди увлеченные, твердо верившие в ленинский кооперативный план.

— Можно, конечно, заняться и извозным промыслом,— сказал Осипов, первый секретарь.— Но только как временным делом. Для колхоза главное — земля. От нее надо все богатство получать.— И добавил: — Небось опять все поля займете злаковыми, как встарь: пшеница да рожь, ячмень да овес? Дело, конечно, хорошее. Но не забудь — рядом огромный город — Москва. Кто ж, как не подмосковные колхозы, должен снабжать столицу картофелем, овощами, молоком, мясом? Вот где ваши денежки скрыты. Подумайте об этом.

После жарких споров на общем колхозном собрании все же было решено отрядить на один из московских заводов бригаду возчиков. И немало все удивились, когда завод под новый, 1930 год перевел на счет колхоза 65 тысяч рублей. На них были куплены семена, плуги, стройматериалы для фермы, шесть хороших лошадей. Весну колхозники встретили не с пустыми руками. Было и чем обрабатывать землю и что сеять.

В первый год посеяли зерновые, посадили картофель, немного капусты. С овощами осторожничали. И дело объяснялось не только силой привычки или нежеланием крестьян заниматься овощами. Земля в Горках была малопригодной для овощеводства — тяжелые истощенные суглинки не обещали хороших урожаев.

Думы о земле не покидали Ивана Андреевича ни на один день. Урожай первых двух лет (60—70 пудов зерновых с гектара) показали, что земля-кормилица сама нуждается в помощи, в уходе. Надо было резко поднять плодородие почвы.

— Побывайте у своих соседей в совхозе «Горки Ленинские», посмотрите, как они выращивают овощи, как землю готовят,— посоветовал им как-то Осипов.

Побывали. Но равняться на них оказалось не просто. Они имели возможность щедро удобрять землю. Действовали по принципу: «Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто». А в колхозе общественное стадо насчитывало еще мало голов. Да и их прокормить было не просто. Низкими оставались урожаи сеяных и луговых трав. И все это опять же зависело от плодородия почвы. Круг замыкался.

Советская агрономическая наука упорно и настойчиво искала пути и способы наиболее быстрого и эффективного повышения плодородия почвы. Прежде всего было выяснено, что урожаи зависят не только от количества внесенных удобрений, но и от системы заправки почвы удобрениями, их разнообразия. Применение одного только навоза не решало проблемы. Нет слов, это ценное органическое удобрение благотворно влияет на структуру почвы, оно содержит основные питательные вещества, необходимые растению, но, к сожалению, далеко не в том соотношении, какое нужно. В нем много азота, но мало фосфора и калия.

В долгие зимние вечера Иван Андреевич постигал азы агротехнической науки. Помогал ему в этом Федор Васильевич Калистратов, главный агроном совхоза «Горки Ленинские», где проверялись и опробовались многие агротехнические новинки, приемы обработки почвы и внесения удобрений. Кстати сказать, совхоз несколько лет спустя стал экспериментальной базой Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Федор Васильевич, как и Буянов, был влюблен в землю. Это сблизило их и подружило. Каждый раз, приезжая в «Горки Ленинские», Буянов, окидывая взором молочнотоварную ферму, конюшни, мастерскую, кузницу, амбары, овощехранилища, не мог сдержать восхищения:

— Вот бы нам такое!

— Подожди, председатель,— успокаивал его Калистратов.— Будет и у вас не хуже, а, может, и лучше. Вот только с наукой надо подружиться. Да и не только тебе — всем колхозникам.

— Да иному из них легче вспахать гектар зяби, чем книжку прочитать.

Это была правда. И тем не менее договорились, что Калистратов будет вести в колхозе имени Владимира Ильича агротехнический кружок. Он же предложил и попробовать использовать торф в качестве удобрения. А для большей эффективности применять его не в чистом виде, а в смеси с навозом, в виде торфоперегнойных компостов.

Новинка, что называется, пришлась «ко двору».

Земля ответила прибавками урожая и зерновых, и овощей, и картофеля. Забегая вперед, скажем: в 1938 году колхоз получил уже по 100 пудов пшеницы (около 16 центнеров) с гектара. Для Нечерноземья по тем временам это был совсем не плохой урожай.

Во время уборки на токах высились янтарные вороха пшеницы, золотистого овса, ячменя, горы картофеля, капусты... Выправляться, богатеть, набираться сил начал колхоз имени Владимира Ильича. Достаток вошел и в дома колхозников.

Успехи общественного хозяйства не только радовали, но и придавали колхозникам новые силы, рождали инициативу. Колхозники шли к председателю со своими мыслями, предложениями, советами. Они знали: все будет обсуждено, рассмотрено.

Вот так однажды пришла к Ивану Андреевичу колхозница Александра Федосова-Иванова и попросила вспахать для нее гектар пашни.

— Зачем? — удивился председатель.

— Хотим с Татьяной Коняевой заняться огурцами, — ответила колхозница.

— И много вы собираетесь вырастить огурцов на этом гектаре? — справился председатель.

— Центнеров четыреста.

— Эк куда хватили, — усомнился Буянов.

В то время еще никто по-настоящему в колхозе огурцами не занимался. Обсудили предложение на правлении, решили: пусть попробуют. Женщины несколько раз перепахали почву, заправили ее большим количеством навоза, благо к этому времени общественное стадо увеличилось, да плюс к тому внесли 4 центнера суперфосфата и 2 центнера селитры.

— Не слишком ли дороги будут ваши огурчики? — не без ехидства иногда спрашивал кто-нибудь из маловеров.

— Делаем так, как учил агроном и советовал Иван Андреевич.

Колхозницы не жалели трудов и добились успеха: 395 центнеров огурцов собрали они. Колхоз получил с этого гектара 10 тысяч рублей дохода.

Возможно, с этого успеха и началось большое овощеводство в колхозе имени Владимира Ильича. В конце тридцатых годов ильичевцы уже выращивали отменные урожаи ранней капусты, моркови, других овощей. Они давали в колхозную кассу до 300 тысяч рублей прибыли.

Одновременно продолжалась работа по улучшению земли. Проводили известкование почв, в структуре посевных площадей свое место нашли поля с многолетними травами — клевером и люцерной, чистый пар. Правда, урожай трав был невысоким.

— А все оттого, что известь в почву вносите малыми дозами. Припудриваете, а не известкуете землю, — говорил Калистратов Буянову.

— Исправимся, Федор Васильевич, — заверял Буянов. И в следующий раз уже не одну, а две или три бригады посылал известковать поля.

Кормов для колхозного стада пока еще не хватало. Животноводство было самой отстающей отраслью. Надой не превышали 800—900 килограммов на корову. Ферма еле-еле сводила концы с концами и даже приносила убытки. Недаром бухгалтер колхоза, Михаил Васильевич Шульгин, человек прижимистый, умевший беречь общественную копейку, частенько повторял:

— Если мы разоримся когда-нибудь, то это произойдет из-за фермы.

Конечно, были и другие причины столь бедственного положения, и в частности та, что скот был непородистый, а оттого и малопродуктивный. Но все как-то перебивались.

Бедка пришла в 1935 году. К весне ферма осталась совсем без кормов. Досталось же тогда председателю на колхозном собрании. Особенно резко говорила заведующая фермой Анна Ивановна Подшибаева.

— Какой же ты председатель? Деньги в кассе есть, а коровы с голоду подыхают.

Многие предлагали ликвидировать ферму как нерентабельную.

— Нет,— признав критику, сказал тогда Буянов.— Чтобы уничтожить скот, большого ума не надо. А вот сохранить ферму — наша общая задача. Признаюсь, в сложившемся положении есть моя вина. Недоучел, недосмотрел. А может, как и нам всем, знаний не хватило?..

Пять дней он колесил по колхозам и совхозам области, купил сено и солому. Скот дотянули до весны. А сам Буянов опять взялся за книги, теперь по животноводству. В колхозе зоотехника еще не было, и, когда ему что-либо было непонятно, он, как и прежде, отправлялся в совхоз «Горки Ленинские», где получали от коровы по 2200 килограммов молока в год. Для того времени это была высокая цифра. Там содержали только породистый скот, по-научному были организованы кормление, уход. В рацион животных входили сочные и комбинированные корма, концентраты. Побывал Иван Андреевич и в Назарьевском племенном совхозе, в некоторых колхозах. Выспрашивал, выпытывал. По возвращении председателя правление решило, во-первых, заменить малопродуктивный скот породистым, а во-вторых, летом уделить больше внимания заготовке кормов.

Не сразу, не вдруг изменилось положение на ферме. Но уже в следующем году колхоз купил 22 племенных телки, расширил посевы кормовых культур и корнеплодов. Осенью заложили силос. Скот стал получать сочные, концентрированные корма. После лета, впервые за последние годы, надой не упали. Довольная ходила по скотному двору Анна Ивановна.

— Кормить скотину как следует надо — вот в чем наука,— говорила она бухгалтеру.— Но это еще не все,— и начинала перечислять: — Надо бы механизировать подачу силоса на ферму, оборудовать автопоилки, установить котел для запарки грубых кормов...

Вскоре ферма перестала быть убыточной. К 1940 году средние надой достигли 3 с половиной тысяч килограммов на корову, а отдельные

рекордистки давали более 4 тысяч. Не много колхозов насчитывалось в Московской области, которые имели бы такие результаты.

Колхоз имени Владимира Ильича вышел в передовые хозяйства Подмосковья. Теперь уже к ним зачастили гости и делегации. У ильичевцев были и высокие сборы зерновых, им хорошо удавались картофель и овощи, а теперь вот и молоко полилось широким потоком. Словом, было чему учиться у них, что перенимать. А Иван Андреевич, человек по натуре беспокойный, уже мечтал о еще более высоких урожаях и надоях. Но началась война. Это страшное слово обожгло сердце. Люди проклинали фашизм, его разбойничью армию. Немного-словны были выступления на собрании, состоявшемся в колхозе 22 июня 1941 года. Коротким было решение — работать еще лучше и больше, давать максимум продукции для армии, для страны. Один за другим уходили на фронт мужчины, умолк гул тракторов на полях. Вот и пригодились опять лошадки, которые когда-то на заре организации колхоза так помогли ему встать на ноги. Нет, не забыты были кони в хозяйстве. Еще и до войны немало работ выполнялось на лошадях: на них пахали, сеяли, перевозили удобрения и урожай, выполняли десятки других дел. В войну кони были основной тягловой силой. Да и старые конные плуги, бороны и сеялки сохранил заботливый председатель. Все пригодилось в войну! Женщины, старики да подростки приняли в свои руки все заботы о колхозных делах.

Женщины и подростки, заменившие отцов, мужей и братьев, ушедших на фронт, работали так, чтобы земля не почувствовала отсутствия мужчин-работников. Более того, по настоянию Буянова на полях колхоза были применены новые приемы агротехники, дававшие прибавку урожая, такие, как перекрестный сев зерновых, и прежде всего пшеницы. Участки, засеянные этим способом, давали более высокие урожаи. По 18—20 тонн картофеля с гектара собирали бригады, возглавляемые Татьяной Шульгиной и Тоней Кривоносовой. Несмотря на тяготы военного времени, колхоз не только сумел сберечь достигнутое, но и пойти дальше. В 1945 году в среднем по хозяйству было собрано: зерновых — 22 центнера, картофеля — 225 центнеров, овощей — 326 центнеров с гектара. Колхоз имени Владимира Ильича за годы войны приумножил свою славу.

Прошумел победными знаменами май 1945 года. Радость победы звала на новые трудовые свершения. Вернувшиеся домой фронтовики, истосковавшиеся по земле, трудились с каким-то особым упоением. От зари до зари гудели на полях тракторы, стучали топоры на строительстве новой фермы, такой, о которой мечтали еще до войны, — с механизированной подачей кормов, хорошими складами, силосными башнями. Колхоз обзаводился породистым скотом, осваивались новые научные методы его кормления и содержания.

Применение комплекса органических и минеральных удобрений, увеличение год от года нормы внесения их в почву способствовали тому, что прибавка урожая составила 5—6 центнеров. Конечно, год

на год не приходился — один по погодным условиям хуже, другой лучше. Но разница в получении готовой продукции была не столь большой. Можно даже сказать: благодаря высокой культуре земледелия колхоз добился того, что выход готовой продукции стабилизировался. К концу сороковых годов колхоз получал в среднем по 23,5 центнера зерновых, по 334 центнера овощей с гектара, к 5 тысячам килограммов приближались надои молока на корову. В 1949 году доход артели составил 2 миллиона рублей.

Радовались колхозники, доволен был председатель. В деревне один за другим вырастали новые дома, крытые шифером и железом, — верный признак растущего благосостояния людей.

...Несчастье пришло неожиданно-негаданно. В тот день, как обычно, Иван Андреевич ранним утром оседлал на колхозном дворе своего любимого коня и выехал за околицу. Он полной грудью вдыхал прохладный, свежий воздух. Темнели вспаханные поля, готовые принять семена. Над Пахрой поднимались белые хлопья тумана, изумрудно блестела роса на свежей зелени травы. Председатель спешил, надо было успеть к назначенному часу в райком партии. Он натянул поводья — и конь понес галопом. Но вдруг чего-то испугался, резко рванул в сторону... Иван Андреевич пришел в себя на земле, хотел подняться и не мог. Как оказалось, у него был поврежден позвоночник. Думал, месячишко-другой полежит и поправится, да ошибся. Почти полтора года пробыл в больнице Буянов. Тяжело это для человека, который ни разу в жизни не обращался к врачам. За это время Иван Андреевич не раз мысленно вспоминал минувшие годы, оценивал достигнутое, словно со стороны пытался посмотреть на ошибки и упущения. Часто думал о будущем, о дальнейшем развитии хозяйства. Иногда подкрадывалась и тревожная мысль: «А вернусь ли в строй?» Врачи, правда, успокаивают, говорят: все идет хорошо.

Иван Андреевич, когда становилось легче, просил выписать его из больницы:

— Долечусь дома, там у нас хорошо. Я даже быстрее поправлюсь. Но врачи не торопились.

19 сентября 1950 года лечащий врач зашел в палату, загадочно улыбаясь:

— Вы читали сегодня «Известия»?

— Нет.

— Поздравляю вас с присвоением звания Героя Социалистического Труда, от всей души.

Потом пошли телеграммы — из обкома партии, райкома, от председателей колхозов. Приходили друзья и товарищи, его помощники, с кем работал, добивался высоких урожаев, большой продуктивности животноводства.

Едва Иван Андреевич вышел из больницы, как пришлось с головой окунуться в новые заботы. К тому времени колхозное строительство переживало период укрупнения хозяйств. Мелкие артели объединялись

в крупные. Жаркие споры и дебаты разгорелись на заседании правления, когда решался вопрос об объединении с деревнями Белеутово, Коробово и Калиновка, где были свои колхозы, но экономически более слабые. У них имелись большие долги, хозяйство запущенное.

— Не хотим за них работать, пусть наведут у себя порядок, а потом и объединяются,— раздавались голоса.

Приходилось убеждать несогласных, доказывать и разъяснять преимущества крупного хозяйства перед мелким. Конечно, на первых порах не избежать трудностей, возможно, снизятся временно и показатели.

— Но другого выхода у нас нет. Да и не чужие же это нам люди, а соседи наши,— повторял и повторял Иван Андреевич.

Объединение произошло.

Как и предполагали, не радовали на первых порах результаты работы объединенного колхоза. Урожай зерновых снизился на 5 центнеров с гектара, картофеля и овощей — почти на одну треть, а надой молока едва достигали 3,5 тысячи литров.

Главное внимание Иван Андреевич теперь уделял новым бригадам, особенно среднему звену руководителей — бригадирам, звеньевым, понимая, что хорошая работа во многом зависит от их знаний, опыта, организаторских способностей. И конечно, он неукоснительно требовал строжайшего соблюдения всех агротехнических правил.

Постепенно на землях присоединившихся к ильичевцам колхозов стали снимать все более высокие урожаи. На молочнотоварных фермах росли надой. Заведующая горкинской фермой Софья Александровна Камшилина приложила немало усилий, чтобы скотные дворы присоединившихся колхозов были механизированы, чтобы на фермах строго соблюдался рацион кормления животных, в общем, чтобы там было организовано дело так, как у ильичевцев.

Напряженный труд принес свои плоды. В 1955 году укрупненному колхозу был вручен диплом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. 35 членов артели, в их числе и Иван Андреевич, были награждены Большими и Малыми золотыми и серебряными медалями, ценными подарками. Председателя премировали автомашиной «Победа», и было за что — надой молока достигли более 5 тысяч килограммов от каждой коровы, на полях плотной стеной стояла пшеница, а также другие злаковые, обильный урожай давали и овощи. К концу пятидесятых годов колхоз сложился как многоотраслевое хозяйство. По берегам Пахры раскинулся большой сад, на заболоченных землях поймы Пахры, непригодных для земледелия, оборудовали пруды. Заселили их мальками зеркального карпа. Построили в колхозе и большой тепличный комбинат.

Родина, Коммунистическая партия высоко оценили заслуги Ивана Андреевича Буянова в развитии колхозного производства. За высокие показатели, умелое руководство артелью в 1957 году ему было вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда.

На крутом берегу Пахры стоит в Горках колхозный Дом культуры. Перед его фасадом — памятник Владимиру Ильичу Ленину, чье имя с гордостью и достоинством носит колхоз. Ильич смотрит вдаль. Там, внизу, — просторы колхозных полей, гудит Каширское шоссе, мчатся по нему сплошным потоком автомашины. Есть в нем и грузовики колхоза имени Владимира Ильича. Они везут в большой город молоко и мясо, картофель и капусту, огурцы и ягоды. Оттуда в деревню идут машины и удобрения, телевизоры и радиоприемники, одежда и обувь, сотни разных других товаров, нужных в колхозном производстве и в быту. Смычка города и деревни — союз рабочего класса и крестьянства развивается и крепнет.

В. Смирнов

Гонтарь
Дмитрий Иванович

ПЕСНЬ ПОЛЯ

Он остановился у края поля, широко расставил ноги и глубоко засунул руки в бездонные карманы старенькой, еще довоенной спецовки. Невысокий, худющий, он так чувствовал себя как-то устойчивее, да и едва зажившие, но все еще дающие о себе знать раны на ногах беспокоили меньше. Перед ним был не комбайн, а каркас от него. То, что издали еще можно было принять за машину, вблизи оказалось полной развалиной, изъеденной ржавчиной. Мотор, основные детали молотилки, дефицитные шестеренки и другие узлы, даже железо с бункера кто-то безжалостно ободрал.

«Ну что, Дмитрий Иванович, напросился? — кольнула предательская мысль. — Восстановлю, восстановлю. И чего мне больше всех надо?»

Комбайн застрял тут с начала войны, и за минувшие годы если к нему и приходили, то лишь затем, чтобы позаимствовать запасные части.

Переборов минутное замешательство, Гонтарь внимательно осмотрел то, что осталось от комбайна, хлопнул ладонью по оторвавшемуся листу обшивки: «Деваться некуда. Надо приниматься за работу». От этих мыслей стало легче, вернулась уверенность.

Утром машину доставили в МТС. Гонтарь начал ремонт. Если, конечно, можно назвать эту работу ремонтом. Комбайн, по сути, он восстанавливал заново. Не было запасных частей, и многие детали приходилось делать самому, благо знал он кузнечное, слесарное, токарное да и плотницкое дело.

Работа была адова. Домой добирался совсем обессиленный, спал плохо, беспокойно. В снах снова был на войне.

В боях под Москвой он получил осколочную рану в позвоночник. Отлежавшись в госпитале, продолжал воевать. У Перекопа громил в глубоком танковом рейде вражеские тылы, под Севастополем вел подбитую машину, израсходовав все боеприпасы, на таран! Но самый страшный день выпал на его долю в Прибалтике, где наши моторизованные части отрезали крупную группировку противника. Танкисты получили приказ разгромить окруженного врага и выполнили эту задачу с блеском. В разгар боя, когда краснозвездные броневые машины прорывали огненное кольцо заградительного огня, вражеский снаряд заклинил башню танка Гонтаря, взорвался бензобак. Машина вспыхнула как факел. Когда ему уже нечем стало дышать, он, вместо того чтобы покинуть танк, бросил его на полной скорости вперед, туда, где в дыме разрывов угадывались вражеские укрепления.

Очнулся много позже, в госпитале. Узнал, что его, обгоревшего, вытащили товарищи из пылающего танка. Но его порыв увлек тогда на решительный штурм других.

Когда потом спрашивали Дмитрия Ивановича, что он думал, совершая этот подвиг, он говорил:

— Почему именно подвиг? Просто у танкистов есть закон: не отставай в бою от товарищей. Попал кто в беду — заслони броней, подбили тебя — поддержи огнем, а кончились снаряды — кроши врага гусеницами.

Много душевных сил потребовалось ему в бесконечно долгие месяцы лечения. Он выдержал.

В родную станицу пришел в конце сорок пятого. Ожидание встречи с друзьями, близкими, родными как-то поддерживало его дорогой, но когда добрался домой, будто сломился — на следующий день слег. Жена, заботливо ухаживая за ним, приговаривала:

— Отпустит, Митенька, вот увидишь, отпустит.

«Отпустило» лишь весной, когда стали залетать в окно прогретые солнцем запахи оттаявшей пашни. Друзья не забывали фронтовика, находили время, чтобы провести, рассказать о своих делах. Чаше других заглядывал Николай Чамара, с которым они служили на действительной в одной роте. Заходил и парторг МТС Лежнин.

— Дел сейчас — непочатый край, — говорил он. — Быстрее выздоравливай да принимай моторный цех.

И Дмитрий Иванович однажды поднялся, дотащился до МТС и впервые после войны взял в руки инструмент. Домой возвращался чуть не плача от боли в пояснице и ногах. Но на другое утро снова пошел работать. Когда пообвык немного, вдруг загрустил о своей довоенной профессии, о широком поле, о соленой соломенной пыли на губах, о машине, послушной каждому его движению. Только новых комбайнов тогда в МТС не поступало. Вот и приметил механизатор для себя забытую всеми развалюху в поле.

Мало кто верил в его затею. И Чамара, который во всем поддерживал своего друга и помогал ему чем мог, и жена, которая в любую свободную минуту старалась быть рядом. Не могли представить, что из этой груды металлолома может получиться машина. А некоторые механизаторы прямо говорили: «Брось ты ее, Митрий, пожалей себя!»

Но Гонтарь не сдавался. К уборочной страде комбайн был полностью восстановлен. Дмитрий Иванович с женой вывел его на обкатку, и никто не видел, как повлажнели его глаза, когда в бункер ударила россыпь звонкого зерна, обмолоченного его комбайном.

В тот первый послевоенный сезон Дмитрий Гонтарь на своем комбайне вначале был на последнем месте, потом передвинулся на предпоследнее, потом — на пятое и, наконец, на четвертое. А ведь на одиннадцать дней позже других начал жатву!

— От скаженный! Задумал меня обскакать на своем «инвалиде», —

удивлялся Алексей Мордак, который с начала уборки держал среди комбайнеров первое место.

Так, пожалуй, бы и случилось, да жатва закончилась.

Слава о Гонтаре разнеслась на Кубани через год, когда пополнился парк МТС новыми комбайнами и один из них заменил «инвалида». Впрочем, и тогда уборочных машин не хватало, и успех жатвы во многом зависел от мастерства комбайнеров, их упорства и выдержки. Задача стояла так: или выжать из техники все возможное, или потерять добрую часть урожая. Перед началом жатвы в Восточной МТС состоялось собрание, на котором механизаторы брали обязательства. Как-то не получилось оно сначала, хотя старые друзья Гонтаря — комбайнеры Чамара и Кобзарь — дали слово убрать за сезон по 450 гектаров хлебов. Но нашлись и такие, кто, страхуясь, определил себе рубеж чуть ли не вдвое меньше. Тогда и попросил слова Дмитрий Иванович.

— Мы тут посоветовались с членами нашего агрегата — обещаем убрать 500 гектаров хлебов, один день отработать на сэкономленном горючем и сдать потом машину в парк в хорошем техническом состоянии.

Слово свое механизаторы сдержали. За сезон агрегат Гонтаря убрал почти 600 гектаров зерновых и зернобобовых и вышел на первое место в Ленинградском районе Краснодарского края. На груди бывшего танкиста засиял орден Ленина.

* * *

Зимой, когда у механизаторов наступает пора ремонта и подготовки техники к новому сезону, больше времени остается для раздумий. К этому еще располагают и техническая учеба, обмен опытом, лекции о новой технике, знакомство с ней. Часто разгораются горячие споры между механизаторами. Дмитрий Иванович — человек молчаливый, больше прислушивается. А в последнее время, как вернулся из санатория, вообще замкнулся, вынашивал мысль о работе по часовому графику. Иной раз одолевали сомнения: «Нет, не получится. У комбайнера слишком уж разные порой бывают условия работы. Сегодня ячмень убирает, завтра — пшеницу. На одном поле хлеба полеглие, перепутались, а на другом — недозрели. Там стеной стоят, чуть не по грудь, а здесь — низкорослые. Да и влажность... Утром — одна, в обед — другая, вечером — третья...» И все-таки желание работать по-новому не оставляло его. Ведь сумели же лучшие трактористы Кубани — Шацкий и Бунеев — применить часовой график на пахоте, севе и культивации. А они тоже имели дело и с разными почвами, и с разной погодой.

Что такое часовой график? Это точно расписанный на каждый день порядок работ: и заправка машин, и осмотр их, и скорости на уборке в зависимости от времени суток. Почасовой график уборки должен учитывать все основные особенности, от которых зависит успех высокопроизводительного труда, — урожайность участка, его рельеф, засо-

ренность хлебов, высоту растений. Если точно выдержать график, сократятся непредвиденные простои и уборочного агрегата, и всех служб, от которых зависит его работа. Скажем, при работе агрегата на первой скорости для доставки зерна с поля на ток достаточно одной автомашины, а не двух, как обычно выделяет бригадир. Значит, эту освободившуюся автомашину можно использовать для перевозки хлеба с тока на элеватор или для других целей. Работая по графику, комбайнер может точно рассчитывать свои силы. А ритмичная работа комбайна позволит дольше сохранять его в хорошем состоянии.

Гонтарь понимал: для успешной работы по часовому графику надо, чтобы личное мастерство комбайнера подкреплялось отлаженной безотказной техникой. За минувшие после войны пять лет, конечно, многое сделано. В своем комбайне Гонтарь усовершенствовал режущий аппарат хедера, что улучшило срез, обеспечило хорошую подачу скошенной массы в молотилку. Не страшны ему стали и хлеба засоренные, которые нередко случаются в дождливые годы. Механизатор поставил на комбайне приспособление, переворачивающее поступающую массу, и зерно лучше вытряхивалось.

Не будем перечислять все те приспособления, которые Гонтарь установил на комбайне, сделав машину всепогодной, умеющей убирать разный хлеб.

Весной 1950 года он поделился с товарищами своей новой идеей. Многие по совету друзей комбайнер изменил, прежде чем пришел с расчетами часового графика к секретарю партийной организации. Тот помог оформить социалистическое обязательство, вместе они побывали в райкоме партии, и вот уже в районной газете опубликовано обращение ко всем комбайнерам района.

Дмитрий Иванович призывал закончить уборку в самые сжатые сроки, обязался не иметь потерь зерна, работать по часовому графику и только с высоким качеством. Многие поддержали его призыв. А когда поспел урожай и агрегаты выехали в поле, оказалось — расчеты Гонтаря абсолютно правильны. Закончил он уборку на неделю раньше, чем в предыдущем году. Агрегат Гонтаря намолотил 8680 центнеров хлеба! Комбайн и в конце работы был в полной исправности.

Закончив страду у себя на Кубани, Дмитрий Иванович со многими комбайнерами края уехал помогать сибирским хлеборобам. Там он не только показал отличную выработку — убрал 404 гектара хлебов, но успел обучить своим методам работы немало местных комбайнеров. За отличную работу в страду 1950 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Два года спустя, собрав хлеб с кубанских полей, Д. И. Гонтарь приехал в Рязанскую область, где жатва затянулась. В глубинном районе, куда он попал, его встретили не то что недружелюбно, но вроде с неохотой. В глазах местных механизаторов он читал: если бы не ненастье, нас не пришлось бы брать на буксир. Вам-то хорошо под южным солнышком.

В том году Дмитрий Иванович применил на Кубани поточный метод уборки зерновых и, несмотря на дожди,—они их тоже порядком помучили—убрал за 12 рабочих дней 409 гектаров и отгрузил из бункера своего комбайна 8030 центнеров зерна.

— Посмотрим, посмотрим, как вы здесь себя покажете. На кубанских-то хлебах можно в героях ходить,—как-то услышал он у себя за спиной.

Директор МТС предложил ему устроиться на квартире в ближайшем селе.

— Там есть один хороший дом.

— Спасибо за заботу, но в село далековато ходить, а хлеб не ждет....

— Извините, вагончиками на полевых станах пока еще не обзавелись,—развел руками директор.

— Нет вагончиков? Плохо. Мало вы о своих механизаторах заботитесь,—отрубил Гонтарь.—А еще хотите, чтоб у вас люди хорошо работали.

В первый же день Дмитрий Иванович понял: уборка затянулась в основном из-за плохой ее организации. Потому и выработка комбайнеров была очень низкой. Походил по полям. Частые дожди и ветры сильно перепутали рожь почти на половине посевов. Она успела прорасти сорняками, полегла. Надо было спасать в общем-то неплохой урожай. Медленно прошел комбайном один круг, останавливаясь, присматриваясь, прикидывая что к чему. Потом остановил агрегат.

— Давайте-ка, ребята, ставить наши приспособления.

Они переоборудовали комбайн к утру следующего дня. У машины кубанцев собрались механизаторы. Они уже прослышали, что гость всю ночь что-то мудрил с комбайном.

Гонтарь взобрался на мостик, дал знак трактористу: «Трогай!» Комбайн плавно вошел в посевы, зерно ударило в бункер. Прошли круг. «Давай на вторую!» И на второй скорости все узлы работали как часы. «Переключай на третью!..» Агрегат набрал скорость, оставляя за собой ровное, как бритвой срезанное, жнивье.

Дмитрий Иванович лишь улыбнулся, когда увидел, как бросились механизаторы к валкам соломы, как старательно терли в ладонях вымолоченные колосья, перевевали полову. Знал: ничего они не найдут.

В тот день автомашина едва успевала отвозить на ток зерно от его комбайна. Он намолотил гораздо больше, чем любой другой комбайнер. 30 гектаров обработал Дмитрий Иванович в первый день. На второй — 33. Его рабочей нормой стало 34 гектара. Теперь в глазах местных механизаторов были удивление и восхищение: «Вот это мастер!»

После работы около комбайна Гонтаря собиралось все больше людей. И он, не таясь, щедро делился всем, что знал и умел. Рассказывал о своих приспособлениях, помогал переоборудовать комбайны. Побывал и в соседнем совхозе, говорил с комбайнерами, показывал, как надо работать на участках с полеглим хлебом.

Как-то прославленный комбайнер Кубани — Герой Социалистического Труда К. Борин, который прошел путь от рядового механизатора до ученого, преподавателя сельскохозяйственного вуза, рассказал такую историю. На одной из лекций, на которой он вел речь о роли рационализаторов в совершенствовании сельскохозяйственной техники и приемов ее эксплуатации, один из студентов вдруг заявил примерно следующее: «Да что там мастерство мастера! Лишь бы на волну попасть. Отличился один сезон, и потом тебе все — и новая техника, и почет, и слава!»

И тогда Борин рассказал будущим инженерам о Гонтаре, его четырех орденах Ленина и двух Звездах Героя. О том, как доставалась эта слава и какие машины довелось водить знатному механизатору.

Да, это правда, что ему приходилось не раз начинать сезон на новых машинах. Но это отнюдь не ставило его в выигрышное положение, потому что комбайны эти были экспериментальные. Машиностроители знали, кому можно доверить их испытание. Но на комбайнера при этом ложились двойная нагрузка и двойная ответственность, потому что на таких машинах надо было и зерновые убирать и новую технику испытывать.

В 1953 году, например, Дмитрию Ивановичу поручили испытания первого кукурузоуборочного комбайна КУ-2. Это был год, когда комбайнер за девятнадцать календарных дней убрал на своем агрегате 603 гектара колосовых и намолотил 11515 центнеров зерна. Позднее он убрал еще и 272 гектара подсолнечника. А когда начала созреть кукуруза, вывел в поле новую машину. Впрочем, это на словах так просто получается. В действительности же механизатор, прежде чем взяться за штурвал КУ-2, изучил машину по чертежам и описанию, разобрал и снова собрал каждый рабочий узел. Казалось, изучил комбайн досконально. Но у каждой машины, особенно новой, как у породистого скакуна, свой нрав.

Уже на обкатке КУ-2 отказался работать. Можно было бы, конечно, отправить его назад конструкторам: доделывайте, мол, сами. Но Гонтарь, во-первых, знал, как нужен хозяйствам этот комбайн для кукурузы, которую тогда убирали в основном вручную. Да и самому хотелось разобраться в новой конструкции.

Два дня Дмитрий Иванович упорно искал причину. И нашел. Впрочем, поломок и остановок было еще немало. Дмитрию Ивановичу пришлось приложить много сил, прежде чем машина заработала на полную мощность. Когда в хозяйство приехали конструкторы с завода, Дмитрий Иванович дал новому комбайну детальную характеристику.

Инженеры внимательно слушали механизатора, записывали его замечания.

— В целом, конечно, комбайн имеет хорошую перспективу и гораздо больший запас мощности и производительности, чем вы определили, — закончил Дмитрий Иванович. — Однако хочу сделать одно существенное замечание. Вы, товарищи конструкторы, совершенно не думали

о механизаторе, которому придется работать на комбайне. Посмотрите, как низко расположено его сиденье. Вся пыль летит в лицо комбайнера. Кроме того, пока я убирал кукурузу, чуть не оглох от шума мотора. И управление тяжелое.

— А сколько, Дмитрий Иванович, вам удавалось убирать кукурузы в день? В предусмотренную норму — 2,5 гектара — укладывались? — задали инженеры вопрос Гонтарю.

— В среднем убирал по 11 гектаров, — ответил механизатор.

— Вы не оговорились? — удивились машиностроители.

— Нет. А если устранить те конструктивные недостатки, о которых мы сегодня говорили, выработку можно будет еще повысить.

По итогам того трудного года на груди Гонтаря засияла вторая Звезда Героя.

Многие тысячи центнеров зерновых намолотил Дмитрий Иванович, работая комбайнером. Потом работал механиком в мастерских, заместителем председателя колхоза. Немало сил отдал он для укрепления родного хозяйства. Теперь колхоз имени Кирова не сравнить с тем, каким он был в первое послевоенное десятилетие. Это сейчас одно из лучших в Ленинградском районе хозяйство.

В колхозе имени Кирова урожаи в 45 центнеров зерна на круг и 400 центнеров сахарной свеклы стали привычными. Пятилетние планы колхоз выполняет успешно. Продает государству тысячи тонн зерна, сахарной свеклы, фруктов. Уверенно развивается общественное животноводство. Если вам придется бывать в тех местах, загляните в колхоз имени Кирова и сами в этом убедитесь. Но особенно будете довольны, если попадете на праздник, посвященный началу уборочной страды. Это событие в хозяйстве отмечают всегда торжественно, как и следует истинным хлеборобам. Выстроились в линейку могучие «Колосы» и «Нивы». Рядом с ними подтянутые комбайнеры.

Провожая их в поле, Дмитрий Иванович Гонтарь находит самые сокровенные и сердечные слова. Он говорит о великой чести быть хлеборобом, о том, как высоко ценит Родина труд земледельца, о бесконечной красоте хлебной нивы. И речь его всегда воспринимается как живая правда сегодняшнего дня, потому что доказательство каждому его слову — он сам, его жизнь.

В колхозе учрежден приз имени дважды Героя Социалистического Труда Д. И. Гонтаря, которым награждается победитель в социалистическом соревновании на уборке. Вручает его сам Дмитрий Иванович.

Он бессменный член комиссии парткома по качеству уборки хлебов. И особенно внимательно следит за успехами своих учеников, которых у него больше двадцати. Среди них — кавалер двух орденов Ленина комбайнер Дмитрий Иванович Малыхин. Когда Малыхин или кто-нибудь из других его воспитанников завоевывает первенство, у Дмитрия Ивановича Гонтаря — праздник. Это ведь большое счастье — повторить себя в своих учениках.

В. Зайцев

Диптан
Ольга Климентьевна

СТРОГАЯ ДОБРОТА

Сельский город-сад Новые Кодак — центральная усадьба украинского колхоза-миллионера имени Ильича... Череду двухэтажных коттеджей венчает местный «небоскреб» — четырехэтажный Дом специалиста. Административно-культурный и торговый комплексы, светлые, современные здания школы и Дворца культуры, сооруженные из стекла и бетона, нарядным кольцом охватывают главную площадь. Серые дорожки асфальтированных улиц оторочены живописным орнаментом цветников. Радуют взор гранитные, майоликовые панно.

Для молодежи это все в порядке вещей. А дважды Герой Социалистического Труда Ольга Климентьевна Диптан и ее ровесники хорошо помнят старые Кодак.

До революции на том месте, где сейчас стоит бронзовый бюст героини, управляющий пана Броницкого публично розгами порол ее мать на седьмом месяце беременности за то, что, пропалывая свекловичную плантацию, позволила она себе на минутку прилечь — закружилась голова.

И на том же месте в 1918 году вместе со сверстниками-малолетками, как галчата, облепившими ясень, слушала Ольга, как первый коммунист на селе, председатель сельсовета Яким Иванович Вицан призывал собравшийся на сходку народ учиться жить и работать коллективно, вместе с рабочим классом строить социализм.

Шли годы, и каждый свой шаг Ольга Диптан соизмеряла с жизнью этого человека, с его пламенной верой в народную власть. Она первой записалась в пионеры, потом вступила в комсомол. Девчата избрали ее звеньевой комсомольско-молодежного свекловодческого звена. А когда кулаки зверски убили Вицана, она стала секретарем комсомольской ячейки. В те скорбные дни восемь парубков и девчат подали заявление с просьбой принять в Коммунистический Союз Молодежи.

— Заря новой жизни поднялась над страной, — не раз говорил Вицан молодежи. — Настанет день — будут в Кодак образованные люди. Но для этого надо работать упорно, настойчиво, до седьмого пота!..

И Ольга не щадила себя. Поднималась на рассвете, будила подруг. День-деньской трудились девушки на свекловичном поле: упустишь время — упустишь и урожай! Осенью на холодном ветру выкапывали корни лопатами, обрезали ножом. Мокрые руки сводило от холода. Но наступал вечер, и девчата летели в клуб — на танцы, спевку, на лекцию, на занятия драмкружка. Молодость брала свое.

1935 год стал заметной вехой: в феврале состоялся Всесоюзный съезд колхозников-ударников, а в ноябре руководители партии и пра-

вительства принимали в Кремле мастеров по выращиванию высоких урожаев свеклы. Через три дня, после того, как в газетах были опубликованы их выступления на приеме, звено Ольги Диптан в полном составе явилось в правление колхоза.

— Мария Демченко обещает получить урожай в 500 центнеров корней, а мы соберем больше!

В колхозе решение звена одобрили. Едва выпал снег, девчата расставили щиты, чтобы задержать на полях влагу. Несколько раз сортировали семена. С корзинами и мешками ходили по дворам — собирали золу и куриный помет. Никому не доверяли — сами вывозили удобрения на свой участок. Весной отсеялись в срок и не могли нарадоваться, когда появились дружные всходы. Прошли дожди — теперь никто не сомневался в успехе. И тут неожиданно-негаданно нагрянул долгоносик! Густой пепельно-серой массой покрыл он изумрудное свекловичное поле.

Все расчеты могли полететь насмарку. Прожорливых насекомых вылавливали, сжигали. Помогали все, даже школьники и учителя. С долгоносиком справились. Осенью взяли по 400 центнеров корней с гектара. Не так уж мало, если учесть сложившиеся обстоятельства. Но слово-то не сдержали и Марию Демченко не догнали! Не один год потребовался звену Ольги Диптан, чтобы стать вровень с подругами Марии Демченко. Они изучили ее опыт, убедились, что без агрономических знаний надеяться на успех нельзя. А за плечами у Ольги было всего два класса начальной школы: самая старшая в семье, она должна была нянчить младших, помогать семье материально.

Все чаще Ольга задумывалась об учебе, но началась война. Она спутала, поломала все планы. Ушел на фронт любимый — Иван Найда, лишь после войны узнала Ольга о героической его гибели. Погиб и брат.

В годы оккупации добрые люди спрятали, уберегли вожака сельской молодежи от угона в Германию. Поля стояли пустые, черные; собственными руками сожгли колхозницы хлеб, чтобы не достался фашистам. Но звено Диптан не распалось: девушки поддерживали упавших духом, помогали людям переносить неволю. На узких полосках папиросной бумаги, которые в народе прозвали «стрекозами», подруги переписывали под копирку сводки Совинформбюро, местные новости. Распространяли «стрекозы» среди населения. Когда Советская Армия освободила Кодаки, люди, как на праздник, вышли в поле, хотя теперь все приходилось делать вручную: кони и тракторы нужны были фронту. В первый год освобождения звено Диптан взялось вырастить на 2,8 гектара по 415 центнеров свеклы.

Секретарь Киевского обкома партии Зиновий Тимофеевич Сердюк уже после Дня Победы, вручая членам звена медали «За доблестный труд», сравнил их с солдатами, которые без оружия, голыми руками брали вражеские доты. И он не преувеличивал: закрывали влагу, пропалывали, прореживали рядки, уничтожали сорняки и вредителей девчата вручную, орудуя сапками.

Свекла тогда удалась на славу. Повезли ее на коровах на приемный пункт. Хоть и артачились, и застревали в грязи малосильные буренки, а доставили-таки богатый урожай на сахарный завод.

В 1948 году Ольга Диптан вступила в партию. К этому времени стала она не только опытным свекловодом, но и умелым руководителем, рачительным хозяином.

Скоро односельчане выдвинули Ольгу Диптан депутатом в Верховный Совет республики. Забот прибавилось. Но по-прежнему главным для нее оставалось свекловичное поле. Ему отдавала все силы и знания.

И поле откликалось на заботу — урожаи на участке Диптан год от года росли. Конечно, находились завистники. Встречая неугомонное звено за околицей в предрассветный час с мешками, туго набитыми размолотым куриным пометом и золой, иные ехидно бросали вслед:

— Не спится им, награды не дают покоя!

Кто-то пустил даже слух по селу: дескать, Диптан создают особые условия, и участок у нее самый лучший. На следующий год женщины попросили выделить им землю, на которой до сих пор получали самые низкие урожаи. И, когда осенью собрали корней больше, чем в предыдущем году на своем «лучшем» участке, завистникам пришлось умолкнуть. Позарившись на высокие заработки, некоторые стали проситься в звено Диптан. Ольга не отказывала, принимала. Однако не все выдерживали суровую дисциплину и уходили, вздыхая:

— Деньги у них, конечно, хорошие, да нелегкие!

Оставались лишь те, кто относился к делу так же, как сама звеньевая.

В 1953 году колхоз имени Ильича взял по осени самый богатый урожай за все послевоенные годы. Особенно отличилось звено Ольги Диптан. На площади 5,8 гектара подруги собрали по 606 центнеров сахарной свеклы с каждого. Многие колхозники получили правительственные награды, а Ольге Климентьевне было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Четыре созыва подряд была Диптан депутатом Верховного Совета СССР. Совмещая работу звеньевой с партийными и общественными делами, она продолжала учиться и закончила вечернюю школу.

Принимая избирателей, она каждый раз убеждалась: быть депутатом — высокая честь, но прежде всего — огромная ответственность. Не раз выезжала она по зову избирателей, особенно если дело касалось улучшения условий труда, повышения его производительности.

Однажды комсомольцы колхоза имени Кирова прислали ей вырезку из центральной газеты, где шла речь о том, какую большую помощь комбайнерам в страду может оказать полевая радиостанция. Молодежь просила помочь и их хозяйству в приобретении радиостанции. Но в те годы их выпускалось немного и распределялись они в строго централизованном порядке. Можно было так и написать комсомольцам, но Ольга Климентьевна поступила иначе. Она поехала в колхоз имени

Кирова, познакомилась с активом, помогла ребятам внедрить в жизнь другую, не менее важную инициативу. В колхозе была создана комплексная комсомольская уборочно-транспортная бригада, позволявшая всем звеньям уборочного конвейера — трактористам, комбайнерам, шоферам — работать в тесном контакте. Это значительно сократило сроки уборки, обмолота и перевозки зерна, увеличило производительность труда в 1,5 раза.

Впоследствии Ольга Диптан сделала все от нее зависящее, чтобы опыт ребят из колхоза имени Кирова получил распространение и в других хозяйствах. И ей это удалось. В следующую страду в районе уже работало шесть таких комплексных бригад, а потом опыт кировцев освоили и в других районах Киевской области.

В тесном и живом контакте с избирателями вырастала Ольга Диптан как руководитель, набиралась жизненного опыта, так необходимого народному избраннику. Не один представитель из-за кордона, побывав в послевоенные годы в преуспевающем колхозе имени Ильича, беседуя с «госпожой членом парламента», дивился широте ее кругозора, прямоте суждений, глубине практических знаний.

А тем временем диптановское поле давало все более щедрый урожай. В 1956 году средняя урожайность сахарной свеклы по колхозу имени Ильича, идущему всегда впереди свеклосеющих хозяйств района и даже области, составляла 275 центнеров с гектара, в 1958-м — 300,4, а в звене Диптан — соответственно 622 и 637.

Все чаще в колхоз имени Ильича к О. К. Диптан стали наезжать делегации из других хозяйств — учиться мастерству возделывания сладкого корня, смелости внедрения всего нового, передового.

Когда в колхозе появился первый самоходный свеклоуборочный комбайн КС-3, женщины из других звеньев наотрез отказались пустить его на свои участки.

— Эта чертова махина порежет нам все корни, — заявили они.

— Да вы только приглядитесь: это не машина — это же целый завод! — убеждал их комбайнер Кривенко. — Сама и уберет, и почистит, сама и в грузовик погрузит!

Но напрасно он расхваливал новинку. Страх перед неведомым заглушал в женщинах голос разума. И тут вступила в разговор Ольга Климентьевна:

— А ну, Григорий Иванович, заворачивай машину на наше поле!

Конечно, и ее тоже одолевали сомнения. Но прежде, чем высказать их, решила проверить комбайн. Вместе с подругами она придирчиво осмотрела новую машину, познакомилась с ее работой, особенно с гидравлическим устройством для автоматического направления по рядкам, и дала разрешение заехать на поле.

Комбайнер оказался прав: за один день машина убрала около 5 гектаров, повредив всего несколько корней. До позднего вечера ходили по участку Диптан другие звеньевые, разглядывали выкопанную свеклу.

С тех пор крепкая дружба связала молодого механизатора Кривенко со звеном Диптан.

Первой в Советском Союзе применила Ольга Климентьевна и одноростковые семена. Прочитала о них в газете и загорелась. Те, что высевались до сих пор, давали по три-четыре ростка, из которых нужно было оставить только один, поэтому несколько раз приходилось пропалывать рядки. Новые семена освобождали женщин от этой тяжелой, трудоемкой работы, значительно снижали затраты труда и себестоимость продукции. Пришлось немало похлопотать, чтобы добыть хотя бы небольшое количество новых семян для колхоза.

Посмотреть на диковинку сбежалось все село, а посеять на своем поле решилось лишь звено Диптан. Правда, сначала лишь на 2 гектарах. Одноростковые семена с честью выдержали испытание и теперь высеваются на громадных площадях.

В 1958 году подруги Ольги Диптан отпраздновали присуждение своей звеньевой второй золотой медали «Серп и Молот» — награды не только за высокие урожаи, но и за новаторский, творческий подход к делу. Содружество с учеными помогло диптановцам досрочно выполнять пятилетние планы, идти в авангарде свекловодов области.

Девятую пятилетку знатное звено завершило за 3,6 года. И это — результат того, что его члены успешно внедряли в жизнь новые перспективные сорта, овладевали более совершенными машинами, улучшали семеноводство, применяли новые интенсивные методы борьбы с сорняками и вредителями растений.

Гербициды звено Ольги Диптан впервые использовало для борьбы с сорняками в 1972 году. Обстоятельства сложились не самые благоприятные. Механизаторы слишком сильно прикатали посевы и этим разрешили, ослабили всходы. А применение гербицидов — дело тонкое: дашь мало — не будет эффекта, много — ослабнут растения. Многие пытались свалить вину за гибель некоторых растений на гербициды, но Ольга с подругами не поддались панике. В следующем году поле снова обработали ими. Прошло время, растения развились, а сорняки так и не появились. Поле оказалось совершенно чистым от них. Гербициды утвердились сначала в колхозе имени Ильича, а затем и во всем районе.

Ученые подсчитали: обрабатывая поле, свекловод за сезон проходит, то и дело наклоняясь, около 2 тысяч километров. И это — при наличии механизмов, которые проводят сев, предпосевную и междурядные обработки, уничтожают вредителей, вносят удобрения, выкапывают и отвозят урожай на завод! И когда ученые предложили высевать меньшее количество семян, чтобы получать прореженные всходы, звено Диптан сразу пошло на то, чтобы сеять редко и равномерно. Минимальные дозы посева не сказались на урожаях, в то же время позволили сэкономить дорогостоящие семена и значительно облегчить труд.

Три засушливых лета выпало на девятую пятилетку, но на участке звена Ольги Диптан они не нанесли большого ущерба. И это прежде всего, считает она, заслуга органических удобрений.

В последние годы в некоторых хозяйствах на свекловичных полях все реже стали применять куриный помет, ссылаясь на трудоемкость его сбора и приготовления. Некоторые руководители оправдывали это еще и тем, что, вступив на путь специализации, их хозяйства перестали заниматься разведением кур. Ольга Диптан справедливо считает это лишь отговоркой: в районе несколько птицефабрик, которые могут снабдить удобрением все хозяйства района. Звено Диптан постоянно вывозит помет с птицефабрики, измельчает его на машине для приготовления травяной муки и в строго рассчитанных учеными дозах вместе с другими удобрениями и навозом заделывает под зяблевую вспашку и потом при культивации. Конечно, приготовление таких смесей требует немало труда, зато цель оправдывает средства. На протяжении всей девятой пятилетки диптановцы собирали с каждого гектара своей плантации на 100 центнеров сахарной свеклы больше, чем в среднем по колхозу.

О важности соблюдения агротехники, о необходимости постоянно идти вперед, используя достижения науки и техники, Ольга Климентьевна не устает повторять, как только представляется возможность. И делает это с блеском. Можно сказать, что у Ольги Климентьевны прирожденный ораторский дар. Многие дивятся завораживающей силе ее выступлений. А дело тут в том, что каждое ее слово подкреплено практическим опытом работы звена. Слушая Ольгу Климентьевну, люди обретают уверенность, что и они смогут достичь того, чего добились диптановцы.

Как-то знатную звеньевую пригласили выступить на ученом совете Украинской сельскохозяйственной академии. И здесь она не изменила своему правилу: не выступала — просто беседовала. Рассказала, за счет чего в засушливые годы ее звено собирало урожай в три раза больше, чем по району: за счет внедрения новой технологии, снижающей затраты труда; поблагодарила ученых за помощь. Но тут же отметила недостатки в конструкции некоторых машин, которые необходимо устранить.

С тех пор односельчане стали величать Ольгу Климентьевну «народным академиком».

С годами колхоз имени Ильича стал опорным пунктом по апробации новых сортов, технологии их возделывания; проверке свеклосеющих и свеклоуборочных агрегатов. И в этом немалая заслуга знатной звеньевой.

Когда решался вопрос об их серийном производстве, Ольгу Климентьевну приглашали на заседание государственной комиссии в качестве эксперта.

Слаженность, сработанность звена Ольги Диптан, этого поистине творческого коллектива, который цементируют коммунисты О. К. Диптан, Е. И. Григоренко, Х. И. Джима, О. Т. Червона, — одна из главных причин постоянного роста — вопреки всем стихиям! — урожаев сахарной свеклы. В 1960 году, к примеру, выдалась холодная, затяжная зима,

весной непрекращающиеся дожди вдруг сменила летняя палящая жара, потом ближе к уборке опять зарядили ливни. И, несмотря ни на что, диптановцы собрали богатырский урожай — 639 центнеров с каждого из 22,5 гектара своего поля!

Сельские коммунисты много лет подряд выбирали Ольгу Климентьевну секретарем партийной организации колхоза имени Ильича. Она была делегатом XXI, XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС.

Более полувека проработала Ольга Климентьевна на свекловичном поле. В ее годы многие уходят на заслуженный отдых. Но для нее нет жизни без любимого дела. В 1976 году на совещании свекловодов Ольга Диптан дала обещание достойно завершить десятую пятилетку и слово свое сдержала.

Кроме свекловичного поля есть у Ольги Климентьевны еще одна привязанность — ее родное село, нынешний город-сад Новые Кодаки, в создание которого она вложила немало сил.

Свою жизнь Ольга Климентьевна отсчитывает от 1917 года, а 7 Ноября празднует как день своего рождения.

— Не будь Великого Октября,— говорит она,— господская плетка свистела бы над головами не только наших матерей!

В репертуаре хора Дома культуры Новых Кодаков много разных песен. Есть горестные — о прошлом села, но больше вдохновенных — о его сегодняшнем дне. Непременными участницами хора являются члены свекловодческого звена Ольги Диптан. Песнями, как и трудом, славят они свою страну, социалистическую Родину, людей труда.

М. Фомина

**Желюк
Филипп Алексеевич**

ЖЕЛЮКОВА ДОРОГА

По привычке встал до рассвета. Вызвал газик, приехал на окраину Тимановки, попросил остановить машину. Желюк любил это место. Отсюда до самого лесистого яра ведет густая яблоневая аллея, которую он сажал вместе с комсомольцами еще в тридцатые годы. По ней любил ходить в любую пору года. Здесь хорошо думалось и летом, когда вокруг разливался аромат антоновки, и сейчас, зимой, под тихий скрип обледенелых крон.

Днем Желюк уезжал в Киев на XXV съезд КП Украины. Четвертый раз подряд оказывали ему такую честь винницкие коммунисты. Он шел по аллее и думал о предстоящих встречах с друзьями, а они у него по всей республике, о том, какие последние распоряжения дать перед отъездом.

На опушке леса, куда он пришел, звенела чистым холодом вода в трех криницах, обнесенных срубами. Более 170 лет жители Тимановки черпают отсюда деревянным ковшом живительную влагу, считая, что вкуснее ее нет на всем белом свете. Поляна по его, Желюка, совету обнесена опрятной оградой. Филипп Алексеевич присел на лавочку, словно прощаясь со студенными ключами. Прямо перед ним стоял гранитный обелиск. На нем выбито: «Суворовские колодцы, выкопанные русскими солдатами в 1796 году. Починили благодарные правнуки в 1949 году».

Чинил и он, бывший фронтовик, старший лейтенант Желюк. Впрочем, и к этому срубу, да и ко всему остальному, что построено в Тимановке, прикасалась его в мозолях, теплая и сильная рука.

Деревья были укрыты инеем. На урожай! Вспомнил эту народную примету, и в груди молодо заиграло сердце. Бодро, как будто не было за плечами 72 лет, зашагал к машине.

Богатство крестьянина — его земля. Истину эту Филипп Желюк узнал не из книг. В малолетстве, когда голодным подпаском бегал за панским скотом по холодной росе, по колючему бурьяну — лишь бы не дать корове отбиться от стада, наносить в хлебах или в саду, пастухи, пожилые, степенные крестьяне, такие же бедняки, как и он, поучали: богат тот, у кого земля, власть у тех, кто ею владеет.

Но вот все изменилось. В далеком Петрограде свалили царя, потом грянула Октябрьская революция. Конники в краснозвездных буденовках прогнали панов и прочее контрреволюционное отребье. Установилась в Подолии новая власть.

Весной 1919 года со станции Вапнярка, той самой, где сел сейчас Филипп Алексеевич на киевский поезд и едет на XXV республиканский

партийный съезд, прискакал солдат в гимнастерке. Старики-тимановцы узнали в нем Иосифа Шестопалько, много лет назад покинувшего село в поисках лучшей доли. Он работал в Баку, Петрограде, Киеве, вместе с другими участвовал в стачках, забастовках, сделался убежденным большевиком. Таким и приехал обратно в родную Тимановку.

Шестопалько возглавил сельский ревком. Семья Желюков, как и все в Тимановке, получила от новой власти свой надел.

Борьба с бандами, охрана бедняцких наделов, снабжение Красной Армии лошадьми, хлебом — все эти заботы свалились на председателя ревкома И. Шестопалько. Он сколотил отряд самообороны в сто человек, куда вошел и Филипп. Но в мае 1920 года выследили кулаки лихого ревкомовца Иосифа Шестопалько. Хоронили его в центре села. Комсомольцы, Филипп уже был в их рядах, посадили у могилы яблоневый сад и поставили памятник.

Громыхает на стыках рельсов поезд, через несколько часов Киев. Тихо в вагоне, но не спится Желюку. Не ко времени разболелись почки. Сколько раз сын, врач, настаивал: съезди, отец, на курорт. Все недосуг. Лежит вот сейчас, мучается. А память высвечивает все новые эпизоды шестидесятилетней давности.

...В январе 1921 года в Тимановке была создана партячейка. Сколько годов прошло, сколько пережито за это время, а как сейчас видит Желюк первого партийного секретаря Данилу Сильницкого, председателя волисполкома Захара Дмитрика, заведующего волостным наробразом Данилу Белоуса, волостного военного комиссара Корнея Пантелеймонова. Вместе с активистами из бедняцких семей утверждали они Советскую власть.

Летом 1921 года в ячейке насчитывалось уже 12 человек. В Винницком областном партархиве сохранился протокол собрания Тимановской парторганизации от 29 июля 1921 года:

«Присутствуют на собрании 9 членов партии и три кандидата, члены партбюро 45-го Червоноказацкого полка при секретаре Сильницком. Повестка дня:

1. О сотрудничестве красноармейских частей с населением.
2. Об организации волостной комиссии для оказания помощи голодающим губерниям Поволжья».

Вот такие вопросы решали подольские коммунисты двадцатых годов. В горниле классовой борьбы рядом с ними росла, закалялась бедняцкая молодежь. Тогда же, в 1921 году, создается в Тимановке комсомольская организация. В местном музее хранится фотография тех лет, и на ней — все тимановские комсомолы во главе со своим вожаком Федотом Трофаном. Серьезные не по возрасту лица — Борис Муха, Борис Хрущ, Афанасий Кокошко, Карп Семанчук. На снимке есть и он, Филипп Желюк.

В октябре 1924 года тринадцать бедняцких хозяйств сошлись в артель. Было у них 44 гектара пашни, 16 коней, 11 борон и конный привод для молотилки.

Лежа сейчас на полке в купейном вагоне, Филипп Алексеевич ясно вспомнил то октябрьское утро, крестьянский люд на сельском майдане и себя, тогда уже жожака комсомольцев Тимановки.

Молодой, здоровый. Он мог без усталости день-деньской махать косой-литовкой на пшеничном поле, и не было конца-краю Желюковой силе. После смерти отца остался в семье главным работником. И одновременно учился. Потом отслужил действительную, а когда вернулся домой — опять отцовские заботы легли на его плечи.

Летом спал не больше трех-четырех часов в сутки. Думали тогда в селе, что Филипп двужильный, и парубку этому не будет никогда износу. Лютый в деле, он поспевал всюду.

За удивительное старание, за честность и степенную рассудительность, которой завидовали пожившие и повидавшие всего на своем веку сельские дядьки, избрали Желюка председателем артели.

Винничина, подольская благодатная земля... До чего ж ты первое время была неласкова к молодому председателю! Принял дела, посмотрел отчетные документы, сердце защемило. Урожай — 8 центнеров зерна, 60 центнеров сахарной свеклы с гектара, 14 копеек — оплата за трудодень.

Сейчас просто не верится, что такой урожай и такой доход могли быть когда-то в Тимановке.

С чего начинать, как вылезти из нужды? Ломали головы вчерашние батраки, искали путь к достатку. Нашли. Надо растить сахарную свеклу. Сахар — сладкое богатство Подолья. Только ведь на деревянной сохе далеко не уедешь. Нужны машины. Да и семена тоже даром не даются.

Нужны средства, а откуда они у бедняков?

Отправился Филипп Желюк в Винницу, вымолил деньги в кредит-союзе, и через пару дней его приятель, мастер на все руки, Иван Семанчук пригнал в село новенький «Фордзон».

Когда вывели трактор в урочище Ветряк и он начал хоронить своими лемехами межи, разделявшие единоличные участки, все поняли — возврата к прошлому нет. За колхозом — сила. А когда заколосилось, загустело всходами поле, сомнения исчезли и у самого последнего маловера.

Желюк вспомнил, как бежал он, словно мальчишка, за трактором Семанчука, а в руках у него было красное знамя. Вслед за ним бежали все тимановцы, и в этом порыве, в тогдашнем коллективном восторге родилось то, чем богат и крепок колхоз и поныне, — духовное родство людей.

Исчезли межи. На огромном колхозном поле хозяйствовать стали по-новому. В обиход крестьянина все увереннее входили слова и выражения, о которых он раньше и понятия не имел: агротехника, технология, социалистическое соревнование... Ширилось тогда по стране по примеру Марии Гнатенко движение пятисотниц. Звеньевые Пердерко, Кокошко, Нароган (с фотографии в колхозном музее на вас

глядят совсем еще юные девчата) стали первыми пятисотницами в колхозе.

Трудолюбия девчатам не занимать, каждый стебелек холили. А образования у них не только агрономического — начального и того не было.

Однажды приходит к Желюку в контору Фрося Нагорянская. Бывшая батрачка, она в 1932 году вступила в партию, стала первой на селе женщиной-активисткой, председателем сельского Совета.

— Надо учить девчат, Филипп, — сказала она. — Чтоб они знали и о сортах, и о севообороте, как землю обрабатывать. Иначе не получится из них пятисотниц.

Желюк согласился. Организовали хату-лабораторию, пригласили агрономов, начали по вечерам девчата постигать азы культурного земледелия.

Надо сказать, зерна науки падали в добрую почву. Звено Надежды Нароган первым в колхозе в 1936 году стало участником Винницкой областной выставки достижений народного хозяйства. А сама Надежда Саввична удостоилась ордена «Знак Почета». Молодой председатель сам повез девчат в Винницу. Вместе ходили по выставке, учились у других новейшим способам возделывания свеклы, показывали свои достижения. И всем было видно, как счастлив и горд он первыми успехами.

В 1939 году «Червоний Жовтень» стал одним из тех крепких хозяйств, которыми гордилась страна в предвоенные годы. Миллионы крестьян убедились в преимуществах коллективного хозяйствования. Деревня получила десятки тысяч отечественных тракторов и комбайнов. Выросли отличные кадры во всех звеньях сельскохозяйственного производства. Главным организатором в деревне стал председатель колхоза.

Теперь местные партийные и советские органы заботились о том, чтобы еще выше поднять культуру земледелия, ибо в этом был заключен главный резерв дальнейшего повышения урожайности на колхозных полях.

В Тульчинском райкоме партии недолго ломали голову над тем, кого назначить заведующим земельным отделом.

— В районе освободилась должность. Смотрю на вас и думаю: вроде специально для вас, — секретарь райкома улыбнулся и, упреждая возражения Желюка, добавил: — Постарайтесь распространить успехи тимановского колхоза на весь район...

Филипп Алексеевич, оказавшись в Тульчине, в первую очередь попытался разобраться, почему отстают то или иное хозяйство, как ему помочь. В то время на руководящих постах в хозяйствах специалистов — агрономов или зоотехников — почти не было.

Да и сам Желюк постигал премудрости сельскохозяйственной науки больше на практике, хотя, если приглашали на семинар в райцентр или в Винницу, никогда не отказывался. Институт он закончил заочно уже после войны, а тогда его молодая, цепкая память прочно схватыва-

ла все услышанное и прочитанное. На новом посту он не только контролировал, но и требовал, чтобы в колхозах соблюдали правильные севообороты, занимались семеноводством, заботились о качестве пахоты. Порой его советы и требования воспринимались с обидой: дескать, молод еще указывать, сами с усами. Но Желюк на обиды внимания не обращал, бывал в таких хозяйствах чаще, старался объяснить — это не его прихоть, а так надо. Впрочем, тех, кто не хотел понимать, — наказывал.

Много хлопот в райземотделе. Но о родном «Червоном Жовтне» не забывал. Ревниво следил за всем, что происходит в Тимановке. А тут, как на грех, новый председатель словно умышленно собрался разрушить то, что годами собирал, лелеял Желюк. Его преемник, пытаясь вникнуть во все колхозные дела, распылялся по мелочам. Не видел главного, да и с людьми не нашел общего языка. Колхоз явно сдавал позиции, снизилась урожайность, а стало быть, и оплата трудодня. Тимановцы пришли в райком и попросили вернуть Желюка в колхоз.

— Сколько лет работаю в райкоме, но не помню, чтобы так настойчиво просили вернуть им руководителя, — сказал секретарь Желюку. — Однако с мнением людей мы не можем не считаться.

Посевную сорок первого Филипп Алексеевич провел в родном хозяйстве. Но собрать урожай не успели. Началась война. От Тимановки до Новороссийска и обратно через Тимановку до Праги прошагал лейтенант Желюк со своей батареей. Госпитали, бои, новые раны и опять госпитали... Домой вернулся после победы, и снова назвали его люди своим колхозным вожаком.

В самые трудные послевоенные годы, когда по сусекам хоть шаром покати, верили — все наладится, одолеют бесхлебное лихолетье, только крепче надо держаться друг за друга. И вчерашние фронтовики, и хлебнувшая горя в безотцовщине подрастающая молодежь знали — Филипп Желюк выведет их к достатку.

Желюк охотно, если просили, выступал на районных совещаниях, но больше любил слушать других, сверяя по их речам собственные задумки и планы. Постепенно, год от года набирал силу колхоз. Пышались урожаи, больше стали получать колхозники на трудодень. Наконец и довоенного уровня достигли.

И тут пришла ему мысль о замене трудодня твердой денежной оплатой труда. Абстрактный трудодень, который неизвестно как будет оплачиваться осенью, тормозил рост производительности труда в хозяйстве. Чтобы ее поднять, надо было материально заинтересовать колхозников, тем более что после реорганизации машинно-тракторных станций и передачи техники колхозам появились условия платить за работу рублем. На Винничине Филипп Алексеевич первым перешел на денежную оплату. Она по душе пришлась колхозникам и благотворно сказалась на продуктивности колхозной нивы, на урожае.

В феврале 1958 года Филиппу Алексеевичу Желюку присвоили звание Героя Социалистического Труда, а его колхоз, теперь уже имени

Суворова («Червоний Жовтень» объединился с соседним маломощным хозяйством), стал постоянным участником ВДНХ в Москве.

...Не счесть примеров, когда соседствуют два хозяйства, а показатели их отличаются. Одна земля, одна техника, одни и те же дожди и солнце. Но у одних труд — в радость, у других — в тягость. Желюк всегда считал: главное — как относиться к людям, всегда ставил на первое место человека, его настрой к труду, к коллективному добру.

Нынешний председатель колхоза А. К. Вовк, парторг при Желюке, рассказывал:

— Желюк никогда никого из молодых не уговаривал остаться в селе. Он просто делал для молодежи все, чтобы она осталась... Вот вернулись из армии парни, председатель с каждым из них встретится — поинтересуется, какую специальность они приобрели. Оказывается, среди них четырнадцать шоферов, четыре моториста, четыре электрика и один музыкант. Он умел пристроить ребят туда, куда каждый из них хотел. А тех, у кого не было специальности, посылал учиться.

Конечно, музей, Дворец культуры, кинотеатр, прекрасная библиотека, говорил он, все это необходимо. Но важнее всего найти каждому работу по душе. И он не боялся ставить молодых на самые ответственные должности. У него уже в начале шестидесятых годов на всех производственных участках в основном была молодежь. И если у стариков опыт, то у молодых сила. В 1968 году свекловоды получили в среднем по колхозу по 430 центнеров сахарной свеклы с гектара, урожай зерновых тоже был выше, чем в других хозяйствах Тульчинского района.

В 1974 году Желюку второй раз присвоили звание Героя Социалистического Труда. В Указе Президиума Верховного Совета СССР было сказано: за выдающиеся заслуги в развитии колхозного производства, активную общественную деятельность и в связи с 70-летием со дня рождения.

Вечером во Дворце культуры вся Тимановка собралась. В передних рядах те, с кем 50 лет назад он вступал в коммуну. Повидавшие на своем веку и лиха и радости, постаревшие, но светлые и добрые лица. Иван и Анна Семанчуки, Нагорянская, Петр Резниченко, Леонтий Вовк, Федор Горпинич... Все при орденах, которые заработали, так же как и он, на нелегком винницком сахарном поле или заслужили в годы Отечественной войны.

Филипп Алексеевич, сидя в президиуме, смотрел на них и пытался определить свою роль в их судьбе: кто он для них? Сколько помнил себя, не было у него привычки подчеркивать: я — председатель, а ты — мой подчиненный. Спрос бывал. И порою строгий, но всегда по делу. И с других такой же, как с себя.

Однажды вместе с бригадиром ехал вдоль сахарной плантации, спросил:

— А ты какой сорт нынче будешь растить?

Тот растерялся. Он не знал, семена какого сорта сахарной свеклы ложатся сейчас в землю.

— Как же так? — возмутился Желюк. — А собирать что будешь? Может, ерунда какая уродится?!

А потом выяснилось, что не только бригадир, но и агроном, и механизаторы не знают. Что дает «Сортсемовощ», то и сеют.

Семена свеклы хозяйствам отпускались без указания сорта, без обязательных ныне выходных данных, как говорится, «навалом». Конечно, ни о каком районировании в таких условиях не было и речи.

— Любой — не только агроном, но и просто колхозник сразу скажет, где пшеница «мироновская», а где «безостая», — горячо говорил через несколько дней Желюк на совещании в Тульчине. — А вот со свеклой хуже, хотя она и основа благополучия всего Подолья. Век сеем, а что и как — полагаемся на дедов-прадедов...

Вскоре в Тимановке свекловоды под руководством Желюка испытывали целый ряд сортов, выведенных учеными-селекционерами. К ним Желюк ездил сам. Выбрали лучшую по сахаристости и наиболее урожайную — «уладовскую-752». И теперь агрономы могли дать полную технологическую карту ее возделывания — на каких землях, в какие сроки, чем подкармливать и т. д.

Филипп Алексеевич прекрасно понимал, что хозяйствовать по старинке уже нельзя. И время не то, и требования другие. На поля пришла новейшая технология, современные машины. Без знаний не обойтись. И он открыл свой колхозный Дом специалистов сельского хозяйства. В Тимановке действует школа председателей колхозов по изучению передового опыта. Радужно принял ученых, организовавших опорный пункт Украинской сельскохозяйственной академии и Института экономики и организации труда в сельском хозяйстве.

Земля и люди на ней были главными в его жизни. Оттого, наверное, в Тимановке — Дворец культуры, кинотеатр, какие не в каждом городе встретишь, около тысячи новых домов для колхозников построено, для специалистов городские квартиры со всеми удобствами, столовые, магазины, музей А. В. Суворова. Достаток в каждой семье.

Он даже бывший графский полуразвалившийся дворец на окраине села приспособил к делу. Завез кирпич, и колхозная строительная бригада соорудила в нем плодоконсервный завод.

И в зрелые годы про Желюка говорили, что он двужилый. А у него нет-нет да и заболит внутри. Крепился, не показывал виду, не говорил о своей болезни.

Из Киева Филипп Алексеевич Желюк домой не вернулся. Он умер в одночасье, в номере гостиницы, вернувшись с очередного заседания съезда. Был митинг в Тимановке. Похоронили Желюка рядом с братской могилой сельских коммунаров. А на здании правления колхоза, которым он руководил почти всю свою жизнь, благодарные земляки повесили вывеску — «Колхоз имени Ф. А. Желюка».

В. Черкасов

Исмаилов
Карим

НА ПЕРЕДОВОЙ

На юго-западе Таджикистана среди высоких гор расположена Гиссарская долина, причудливо вытянувшаяся в длину на 130 километров и на десятки километров в ширину. Но в иных местах горы стеснили ее так, что от одного края до другого, что называется, рукой подать. В долину скатываются несколько рек, берущих свое начало на вечно заснеженном Гиссарском хребте. Одна из этих рек — Кафирниган — орошает земли колхозов и совхозов Орджоникидзеабада. Бурный и стремительный Кафирниган несет вместе с водой огромную массу камней и земли. За это его и прозвали «Страшным чудовищем».

Небольшое селение Джарбоши на берегу Кафирнигана — родина Карима Исмаилова, сына батрака. Кариму тоже была уготована судьба стать батраком у бая.

Как и во всех селах и городах Бухарского эмирата, жизнь была тяжелой. Это отражалось даже в названиях кишлаков: Щур — соленый, Санглох — каменистый, Гушна — голодный. В те времена большая часть территории Янгибазара была заболочена, покрыта зарослями камыша. За кусок сухой лепешки батраки работали с рассвета до темна на байских полях.

Земля, вода, власть — все было в руках местных богатеев, эмирских чиновников. Если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, если бы не Советская власть и не огромная помощь со стороны русского народа, сколько бы еще дехканам Гиссара довелось тянуть лямку своего рабского существования? Что стало бы с Каримом Исмаиловым?

В конце 1920 года эмир бухарский Алимхан был свергнут. Он бежал за границу, проклинаясь народом. Много лет басмачи — агенты эмира и империалистов — вели борьбу против народа. Они хотели вернуть прошлое. Басмаческие банды истребляли всех, кто сочувствовал народной власти, всех, кто за нее боролся.

В то тяжелое время, когда даже многие дехкане были одурманены вражеской агитацией, жили под страхом байской мести, Карим Исмаилов одним из первых в кишлаке встал в ряды борцов за Советскую власть.

Ветеран борьбы с басмачами из Дубеды — Таварали Мурадбеков пополнял свой отряд за счет батраков и бедняков двух соседних районов — Файзабада и Янгибазара. Вот к нему и пришел Карим Исмаилов. Вручая новому бойцу клинок и винтовку, Таварали-командир спросил его:

— Устоишь ли ты в борьбе с врагами, не струсил ли в момент опасности?

— Клянусь Советской властью, что не пожалею своих сил и себя для победы над врагом.

— Весь в отца, — одобрил молодого бойца Таварали-командир.

Выносливый, крепкий Карим был разведчиком. Он часто пробирался в глухие ущелья Гиссарского и Каратегинского хребтов, где обычно скрывались басмачи. Однажды в Рамитском ущелье он попал в засаду.

Трое суток мучили басмачи Карима Исмаилова. Но он не ответил ни на один их вопрос. На четвертые сутки ночью, когда бандиты спали, ему кто-то развязал руки и помог ускакать к Таварали-командиру на басмаческой лошади.

Один из колхозных ветеранов, коммунист Насим Сулейманов, вспоминая те огненные годы, сказал:

— Карим Исмаилов был примерным бойцом. Его любили в отряде, а командир давал ему самые важные поручения, с которыми он отлично справлялся. Карим был метким стрелком, сильным и смелым человеком...

Росла популярность Исмаилова среди простых людей. А кулаки, басмачи угрожали семье Карима расправой, самого грозились бросить в бурлящий Кафирниган, поджечь дом, убить родственников. Но утешить его не удалось.

Став председателем союза бедняков, Исмаилов начал проводить в жизнь земельно-водную реформу. У баев отбирали излишки земли и отдавали дехканам.

В 1928 году Исмаилов окончил партийную школу. После учебы он возвратился в родные края.

В то время партия призвала дехкан перестраивать свою жизнь на новых, коллективистских началах. Но не дремал и враг: бай объявили настоящую войну колхозам, разжигали националистические чувства, пускали в ход клевету и ложь.

Карим Исмаилов, собрав бедняков Карасуйского кишлачного Совета, сказал им:

— Вы знаете меня. Как и вас, меня обманывали и били бай. Сегодня я первый вступаю в колхоз. Не верьте вражеской агитации. У байского слова много сторон, они его поворачивают куда хотят...

Беднота пошла за Каримом Исмаиловым. Колхоз назвали «Содружество». Карим Исмаилов стал председателем этого первого коллективного хозяйства в Янгибазаре, который позднее переименуют в Орджоникидзебад.

Бай и их подручные вели против «Содружества» бешеную агитацию. В нее были вовлечены муллы. Они повсюду заявляли, что все, кто вступил в колхоз, «кафиры» — неверные и их покарает аллах. Колхозники или сами умрут, или же начнут умирать их дети, а в селении наступит мор. И как назло: именно в это время у одного колхозника от кори умер ребенок.

— Вот видите, аллах уже начал свою кару. Бросайте колхоз! — шептали приспешники баев.

Поддавшись вражеской агитации, несколько колхозников пришли к Исмаилову:

— Мы не будем работать. Все наше богатство и счастье — дети...

Карим отвечал:

— Вы знаете моего отца Исмаила, которого били в подземельях Гиссарской крепости. Знаете меня. Мы с отцом, как и вы, гнули спину на бая. Неужели я вам хочу плохого?

Беседа, начатая утром, нередко заканчивалась лишь к вечеру. Дехкане уходили с раздвоенным чувством: может, правы те, кто против колхоза, а может, прав председатель? Он ведь такой же, как мы, дехканин....

Государство помогло молодому колхозу кредитами, семенами, машинами. И вскоре все убедились — как нельзя заставить течь вспять воды Кафирнигана, так нет возврата к прежней жизни. И хотя земля была та же, что и прежде, а работать на ней стало легко. Своя ноша не тянет, а труд на себя дарует радость.

Колхоз укреплялся, богател. Мирный труд был нарушен войной. Карим Исмаилов ушел в Красную Армию. Только после победы, демобилизовавшись, приехал домой.

За годы войны сельское хозяйство пришло в упадок. Из-за плохой обработки земли на полях вошли в силу сорняки... Хилый хлопчатник не мог справиться с вредителями растений. Земли, расположенные вблизи Кафирнигана и Элака, двух рек, охватывающих район, заиливались, заболачивались. Во многих местах грунтовые воды вымыли плодородный слой, обнажив солончаки. Спустя некоторое время после возвращения Карима Исмаилова пригласили в райком партии.

— Вы человек сильный, авторитетный, — сказали ему, — поэтому и решили поручить вам руководство районным земельным отделом. Надо серьезно заняться хлопчатником.

— Справлюсь ли? — опешил Карим Исмаилов от такого предложения.

— Почему же нет? Вы были солдатом Советской Армии, а сейчас наш общий фронт — хлопководство. Стране очень нужен хлопок. Ваши организаторские способности нам известны. Думаем, что и знания, и опыт вы тоже не растеряли.

В райзо Кариму Исмаилову вручили список колхозов. Это были мелкие и слабые хозяйства, каждое из них засевало по 100—200 гектаров хлопчатником. Получил новый начальник и план сева в районе на 1946 год. За что взяться, с чего начать? Решил проверить готовность колхозов к посевной.

Собрав сотрудников отдела, среди которых только один имел среднее агрономическое образование — остальные были практиками, сказал:

— Давайте побываем во всех колхозах и узнаем, как они собираются сеять, в чем нуждаются. Возьмите на учет всю технику, рабочий скот,

выясните, знают ли бригады планы, какие земли им отведены, где можно взять больше навоза для полей...

— Две лошади на всех нас,— сказал он в заключение,— но их силы еще могут понадобиться для посевной. Так что придется ходить пешком.

Через неделю все снова собрались в кабинете у Исмаилова. Карим слушал своих сотрудников, сравнивая все, что самому удалось узнать, с их рассказами. Впору было хвататься за голову. Семян не хватало, ни хлопковых, ни зерновых. Транспортных средств тоже мало, не говоря о тракторах и сеялках.

— Из столицы нам кое в чем помогут,— говорил на совещании председателей колхозов и директоров МТС Карим Исмаилов.— Но и там не богато. Надеемся на себя, на свои силы. Пашите скорее, готовьте землю. Весь рабочий скот включите в работу. Земля истощилась, надо вывезти как можно больше органических удобрений. Сами знаете — хлопок требует много «пищи».

Первая послевоенная весна навсегда запомнилась начальнику райзо. Она добавила ему немало седых волос. Но и многому научила.

К середине лета Карим Исмаилов уже знал все хлопковые поля. Когда лошадь уже еле передвигала ноги от усталости, он оставлял ее передохнуть и покормиться в колхозе, а сам отправлялся по полям пешком. Ходил быстро. Председатели колхозов за ним не поспевали. За хорошее поле хвалил, расспрашивал бригадира о том, как была организована работа. А когда видел поля с чахлым хлопчатником, заросшим сорной травой, тут уж пощады от него не жди. Нерадивых работников по его требованию обсуждали на заседаниях правлений, наказывали.

Бывало, ночь заставляла его в поле. И он устраивался отдохнуть на полевом стане вместе с колхозниками. А рано утром снова был в седле.

В знак уважения колхозники района стали называть Исмаилова Карим-ака — Старший брат...

Начальник райзо не щадил себя. Он умудрялся за неделю побывать по два раза в каждом хозяйстве, часто решая на месте возникавшие вопросы. Посетителей же, как правило, принимал по воскресеньям, когда в райцентр колхозники приезжали на рынок.

Много неприятностей и огорчений руководителям хозяйств в те годы доставляли примитивные водозаборы. Они часто выходили из строя, и тогда прекращалось поступление воды к полям. Растения начинали сохнуть. Начальник райзо сумел мобилизовать людей на восстановление водозаборных сооружений. Вместе с колхозниками на мелиоративных работах трудился и сам Карим Исмаилов, и все сотрудники райзо.

Осенью первого послевоенного года все увидели — хлопчатник стал значительно лучше, чем год назад. Раньше урожай собирали в два приема, теперь же требовалось несколько раз пройти междурядья, чтобы собрать весь хлопок.

Когда на районном совещании подводили итоги 1946 года, Карим Исмаилов сказал:

— В большинстве колхозов улучшилась агротехника, больше стали вносить органических удобрений, быстрее собрали урожай. Но успокаиваться еще рано. Мы в силах, я уверен, получать и по 25 центнеров сырца с гектара.

В зале зашумели.

— За год поднять урожай на пять центнеров, да разве это возможно? — спросил кто-то.

— А почему бы и нет? — уверенно ответил начальник райзо. А разглядев того, кто задал вопрос, добавил: — Конечно, если день-деньской сидеть в чайхане, то приличного урожая не получишь...

Предложение Карима Исмаилова развернуть борьбу за 25 центнеров хлопка с гектара нашло поддержку. Успех первого послевоенного года вдохновил земледельцев, появилась уверенность, что и новый рубеж можно взять. Так оно и случилось. В 1947 году, благодаря упорной и настойчивой работе по улучшению в хозяйствах агротехнических мероприятий по уходу за хлопковыми плантациями, средний урожай сырца составил в районе 23 центнера с гектара. По тем временам этот результат был высоким. Многие хлопкоробы Орджоникидзеабада были награждены орденами и медалями, некоторым присвоено звание Героя Социалистического Труда. Орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот» украсили грудь и Карима Исмаилова.

С каждым годом хлопководство в районе становилось все более рентабельным. Но еще были колхозы, которые никак не могли оправиться от тяжелых военных лет, экономика их хромала на обе ноги. В районе понимали — в этих хозяйствах надо укреплять прежде всего руководящее звено. И тогда начальник районного земельного отдела Герой Социалистического Труда Карим Исмаилов решил, что его место — в одном из таких хозяйств. В 1950 году он был избран председателем колхоза «Москва».

Низкий урожай хлопка в колхозе многие объясняли климатическими условиями.

— Когда на востоке, в другом уголке Гиссарской долины — в Регаре, завершают сев, у нас только начинают его. То же и во время уборки. В Регаре уже везут хлопок на приемный пункт, а мы только приступаем к страде. Там заморозки наступают в ноябре, а у нас во второй половине сентября.

Исмаилов слушал эти жалобы, а потом говорил:

— Но собирают же отдельные бригады и у нас с гектара по тридцать центнеров. Почему же весь колхоз не может добиться таких урожаев? По-моему, в этом виноваты не только климатические условия.

В разговорах о трудных климатических условиях Орджоникидзеабадского района, конечно, была доля истины. Здесь, в предгорье, не хватало времени для проведения полного цикла работ по возделыванию хлопчатника.

Хлопчатник — теплолюбивое растение. Посеешь его рано — всходы могут погибнуть от весенних заморозков. Посеешь поздно — тоже не получишь урожая, потому что до осенних заморозков не вызреет волокно и коробочки не откроются.

Для полного завершения вегетационного периода возделывавшихся в те годы сортов хлопчатника — от всходов до созревания урожая — необходимо было не менее 150 жарких солнечных дней.

«Как сократить срок вегетации?» — эта мысль не давала покоя Кариму Исмаилову.

— Может быть, ждать, пока селекционеры выведут более скороспелый сорт хлопчатника? Но ведь на это могут уйти долгие годы. Нет, надо что-то предпринимать самим. И прежде всего — улучшить подготовку земли под посевы, обильнее накормить ее удобрениями, продумать схему полива.

Так и стали поступать. Результаты не заставили себя ждать. Каждый год колхоз «Москва» добивался прибавки 2, а то и 3 центнеров хлопка на каждый гектар посевной площади. Но хотелось больше.

Карим Исмаилов помнил время, когда сев хлопчатника в Таджикистане еще проводился по джаякам — зигзагообразным грядкам. В тридцатых годах в колхозы стали поступать тракторы и сеялки. Тогда-то и стал внедряться сев хлопчатника рядами. Рядок от ряда располагался на расстоянии 70 сантиметров.

Но жизнь шла вперед. Ученые, конструкторы разработали сеялку, которая позволяла производить сев хлопчатника с междурядьями не в 70, а в 60 сантиметров. На гектаре размещалось больше растений. Урожайность на каждом гектаре поднялась на 3—4 центнера.

Узкорядный сев хлопчатника при квадратно-гнездовом размещении растений давал немалую выгоду. А широкое применение механизмов на прореживании всходов, рыхлении почвы вдоль и поперек рядков намного сокращало затраты ручного труда, повышало урожай хлопка и снижало его себестоимость.

Карим Исмаилов все это хорошо понимал. Но важно было, чтобы это поняли бригадиры и все колхозники. Он предложил бригаде коммуниста Назри Нурова, лучшей хлопководческой бригаде, перейти на новую агротехнику возделывания.

— А я что — отстающий? — возразил Назри. — Пусть другие бригады достигнут наших показателей. Узкие междурядья на всей площади — пожалуйста, на это я согласен, они у меня есть. А насчет механизированного прореживания и поперечной культивации — извините: так можно порезать весь хлопчатник и совсем остаться без урожая.

Пришлось Кариму Исмаилову просить секретаря партийной организации колхоза, коммунистов провести специальное партийное собрание. На нем он говорил об авангардной роли колхозных коммунистов во внедрении новых приемов возделывания хлопчатника. Это было до-

вольно затяжное, очень горячее, но небезрезультатное собрание. Хлопчатник начали выращивать по-новому не только в бригаде Назри Нурова, но и в других.

1954 год закончился тем, что колхоз «Москва» собрал невиданный до этого урожай — по 31,4 центнера с гектара. Новые приемы агротехники оправдали себя, бригада Нурова получила по 40 центнеров с гектара.

Переход на обработку хлопчатника с помощью машин позволил колхозу в два раза сократить затраты труда на производство каждого центнера хлопка, облегчил труд колхозников, сделал его более производительным.

Да, это была крупная победа колхозной партийной организации. Частицу этой победы Карим Исмаилов мог с полным основанием отнести на свой счет.

...Весеннее солнце грело землю. Карим Исмаилов и бригадир Назри Нуров неторопливо шагали между ярко-зеленых рядков хлопчатника, что прошили, как аккуратные строчки, все поля. Вот Исмаилов остановился, присел на корточки, шершавой рукой коснулся — он это делал сегодня не первый раз — листочков, будто пытался их погладить.

— Хороши младенцы...

А ночью к Кариму Исмаилову застучали в дверь: просыпайся, Карим, беда — с гор движется селевой поток.

Это была страшная ночь. Как ни старались люди предотвратить несчастье, им это сделать не удалось. Стихия погубила половину посевов хлопчатника.

С болью в сердце колхозники и трактористы вновь перепаживали поля, сеяли, ждали всходов. Они появились, эти запоздалые всходы. Но люди знали, сколько нужно вложить труда и умения, чтобы получить здесь, на истерзанных селом полях, приличный урожай.

Из Орджоникидзеабада все чаще стали наведываться в колхоз посланцы. Некоторые считали чуть ли не своим долгом дать председателю «руководящее» указание:

— Вы что же, не видите, как зачах хлопчатник? Поливайте, дайте ему набрать силу, развернуться...

Но, снова приехав в колхоз через неделю, тот же районный представитель находил, что его указание осталось без внимания.

— Я же говорил вам полить, а вы и не думали...

— Наступит время — пустим воду, — отвечал председатель.

Начинался разговор с председателем в тоне, который никак не назовешь уравновешенным.

— Ладно, еще раз посоветуемся с людьми, — отвечал Исмаилов. — Поговорю с агрономом, с бригадирами. Потом решим. Колхозники — хозяева, у них спросить надо.

Карим Исмаилов, каждый раз вспоминая об этом, от души смеялся над незадачливым уполномоченным.

— Великое дело колхозная демократия...

Наступил 1956 год. Год, блистательно завершивший трудовые усилия хлопкоробов колхоза «Москва». С площади 720 гектаров здесь было собрано в среднем по 40,7 центнера хлопка-сырца. Это был один из самых высоких показателей в республике.

Спустя время газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: «За выдающиеся успехи в деле получения высоких и устойчивых урожаев хлопка-сырца, широкое использование достижений науки и передового опыта в возделывании хлопчатника и умелое руководство колхозным производством наградить Героя Социалистического Труда председателя колхоза «Москва» Орджоникидзеабдского района Таджикской ССР тов. Исмаилова Карима второй золотой медалью «Серп и Молот».

В Центральном парке культуры и отдыха Орджоникидзеабада установлен бронзовый бюст Карима Исмаилова, а в колхозе возведен ему памятник. Но не только в этом выражена дань уважения к дважды Герою Социалистического Труда. Она — в героических делах и успехах колхоза, который носит ныне имя Карима Исмаилова.

*В. Сурков,
Я. Нальский*

Лавочкин
Семен Алексеевич

КРЫЛАТЫЕ МОЛНИИ

Когда три ответственных работника Главного управления авиапромышленности Семен Лавочкин, Михаил Гудков и Владимир Горбунов показались в дверях скромного кабинета главного инженера небольшого завода Л. И. Рыжкова, тот не на шутку встревожился.

— Что-нибудь случилось? — поприветствовав пришедших, взволнованно спросил он.

— Случилось, — кивнул Лавочкин, усаживаясь у окна.

Рыжков повернулся к нему. Он понял, что из троих разговор будет вести Семен Алексеевич.

— Нам дали «добро», — продолжал Лавочкин. — Будем проектировать и строить истребитель из вашей дельты.

— Как это? Весь самолет? И конструктивные элементы? — удивленно подняв брови и с недоверием глядя на Семена Алексеевича, спросил Рыжков. — Ведь дельта, она еще имеет в названии и слово «древесина». Значит, грозный «ястребок», как говорят летчики, вы хотите изготовить из дерева?

На Лавочкина и его товарищей этот град вопросов изобретателя нового авиационного материала — дельта-древесины — не произвел никакого впечатления.

— Хватит вам пробавляться одними воздушными винтами, — снова ответил за всех Семен Алексеевич, — возьмитесь за серьезное дело. Мы были приняты в Кремле, нас там поддержали. Надо как можно скорее изготовить силовые элементы из вашего материала и начать их испытывать. Между прочим, члены Политбюро просили показать им эти элементы, прежде чем будет начато строительство, как вы изволили иронически выразиться, «деревянного ястребка».

Да, задача, которую поставили перед собой Лавочкин и его товарищи в 1939 году, была настолько сложна, что вызывала сомнение не только у изобретателя нового материала, но и у опытных конструкторов, сторонников использования в самолетостроении металлических сплавов. Но Семен Алексеевич, конечно же понимавший, что легкие сплавы лучше облагороженной сосны, видел и другое: приближалась война, которую усиленно готовил против СССР германский фашизм, потребуются многие тысячи боевых машин. Производство некоторых металлов в нашей стране еще только разворачивается. И надо искать им заменители. Вот почему была сделана ставка на дельта-древесину.

Трудно будет создать современный истребитель из дерева? Да, трудно. Но к трудностям подготовила Лавочкина вся его предшествующая жизнь.

...Семнадцатилетним Семен Лавочкин добровольно вступил в ряды Красной гвардии. Лавочкин читал бойцам газеты и листовки, проводил политбеседы. Умного, смелого, жизнерадостного юношу полюбили красноармейцы, выбрали членом полкового суда, потом его председателем.

Скоро в полку узнали, что особенную любовь молодой Лавочкин питает к авиационной технике. Еще в детстве он вместе со сверстниками наблюдал за первыми появившимися в родном городе самолетами и их полетами. Через несколько десятков лет, будучи прославленным авиаконструктором, Семен Алексеевич по памяти рисовал виденные им в детстве машины, похожие на этажерки.

Учитывая способности Лавочкина, склонность к технике, командование направило его в 1920 году на учебу в Московское высшее техническое училище. Когда отец узнал, что Семен избрал авиационную специальность, пришел в негодование. Он не мог себе представить, что серьезный человек, будущий инженер, станет заниматься такими легкомысленными вещами, как «летающие мотоциклы». В то время многие, особенно из пожилых людей, именно так относились к авиации, считая ее чуть ли не цирковым аттракционом. Однако сын проявил твердость в своем выборе. Усердно изучал механику, теорию авиации, часто бывал на аэродроме, участвовал в работе авиационной секции училища.

Коллектив МВТУ с радостью узнал о подписанном В. И. Лениным постановлении Совета Народных Комиссаров, в котором высоко оценивались заслуги «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского и предусматривались самые благоприятные условия для его научной работы. Владимир Ильич еще раньше одобрил идею Н. Е. Жуковского о создании научно-исследовательского центра, получившего наименование Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). Базой для нового института послужили расчетно-испытательное бюро и аэродинамическая лаборатория МВТУ, где учился молодой Лавочкин. Благодаря ленинской поддержке институт в короткий срок получил новые здания. В них впервые в мировой практике был развернут полный комплекс разнообразных и прекрасно оборудованных лабораторий для аэродинамических исследований. Это не могло не восхищать молодежь, которой революция открыла путь к вершинам знаний, в том числе в области авиации.

На глазах студента Лавочкина создавались первые советские крылатые машины.

В сознании Семена Алексеевича уже в те годы складывается представление о советском авиаконструкторе прежде всего как о смелом новаторе. Бывая в ЦАГИ, он встречался с энергичным, вдумчивым и боевым руководителем отдела опытного проектирования Андреем Николаевичем Туполевым.

Еще не закончив учебы, Лавочкин пришел работать в отдел, руководимый Андреем Николаевичем.

— Попробуйте силы на выпуске серийной машины,— напутствовал его Туполев,— а там видно будет.

В то время внедрялся в производство четвертый АНТ, бомбовоз, как их тогда называли. По тому времени он был самолетом-гигантом. Достаточно сказать, что мощность его двух двигателей почти в тридцать раз превосходила мощность первого АНТа. Полетный вес был шесть с половиной тонн.

Любуясь, как из паутины чертежей, из выточенных на станках за-тейливых частей и деталей встает стройная конструкция огромного самолета, Лавочкин решил для своего дипломного проекта взять бомбардировщик. В течение двух лет работы на заводе он вечерами рассчитывал и чертил свой проект. 1929 год стал знаменательным в жизни С. А. Лавочкина: начался серийный выпуск ТБ-1, и был завершен дипломный проект. Вместе с ним над проектом самолета работал его друг и сокурсник Сергей Павлович Королев. Он разрабатывал легкий дальний самолет и назвал его СК-4. Друзья часто виделись, советовались и почти одновременно защищали свои проекты. В 1929 году С. А. Лавочкин получил диплом инженера-аэромеханика.

Хотя свой проект Лавочкин до металла не довел, но его удачные решения были замечены Туполевым. Он сказал при встрече:

— Помните мои слова «Там видно будет»? Теперь видно: вам пора в КБ...

В 1929 году Лавочкин стал сотрудником бюро новых конструкций. Перед коллективом стояла цель — создать скоростной двухместный истребитель.

Создание нового истребителя — это всегда стремление увеличить скорость, поднять высоту, улучшить маневренность. Работая над проектом истребителя, Семен Алексеевич настолько увлекся, что вместе с другими конструкторами сам становился за станок, точил и фрезеровал детали. В холодный солнечный день 4 января 1934 года все 14 инженеров бюро пришли на первые летные испытания двухместного истребителя, получившего имя ДИ-4. Летчик Юлиан Пионтковский сел в кабину и поднял руку в знак того, что готов к старту. Самолет, в создании которого Лавочкин непосредственно участвовал, поднялся в небо. «Летает хорошо», — кратко сказал летчик.

ДИ-4 прошел испытания, но мотор для него не был закуплен за границей, и в серию он не пошел.

Нужно было ставить на поток самолеты, не уступающие лучшим зарубежным образцам. Бои в Испании показали, что в воздухе преимущество имеют скоростные, хорошо вооруженные самолеты.

Лавочкин понимал, что надо вооружить самолет не только пулеметом, но и пушкой, легкой и компактной.

Сначала получался вроде бы заколдованный круг. Для увеличения скорости требовался более мощный мотор. Но он требовал много горючего. Полетный вес самолета намного возрастал. Тяжелая машина становилась менее маневренной, неповоротливой.

Значит, надо было искать легкий материал. Вот тогда и решили применить прессованную древесину.

В начале 1940 года новый самолет был построен.

Специалистов, знакомившихся с ЛаГГ-1, поражало то, что планер истребителя удалось сделать полностью из дерева. И не только планер, а еще и лонжероны крыла, и фюзеляж. Но были и издержки: как конструкторы ни облагораживали поверхность, как ни совершенствовали аэродинамические формы, все-таки дерево дало о себе знать. Истребитель получился тяжеловатым, а это ухудшало скороподъемность, вертикальную скорость и снижало потолок. По этим показателям ЛаГГ-1 уступал истребителю А. С. Яковлева.

Новая модификация самолета — ЛаГГ-3 уже существенно превосходила по вооружению, скорости и потолку полета истребители, которые находились на вооружении советской авиации до войны.

Встречаясь с летчиками в первые месяцы Великой Отечественной войны, Лавочкин интересовался их мнением о самолете.

— Хороша огневая мощь самолета, — говорили они, — пушка и четыре пулемета, из них два крупнокалиберных. Но очень строг ваш самолет в управлении, тяжеловат на маневрах.

Конструктор понимал: летчики правы. Чтобы господствовать в воздухе, истребитель должен быть стремительным, как молния. Усовершенствованный истребитель строили, не останавливая конвейера. И вот уже нового «Лавочкина» выкатили на заводской аэродром. По расчетам (это подтвердили и заводские испытания), новый истребитель, получивший имя Ла-5, способен был развить скорость на 40—50 километров в час большую, чем истребители фашистской Германии.

Работа над новым самолетом подходила к концу, когда вдруг поступило приказание поставить на конвейер другую машину. И это в тот момент, когда Ла-5 был практически готов!

Но приказ есть приказ. Большое количество сотрудников конструкторского бюро переводилось на другое предприятие. Семен Алексеевич не мог смириться с этим. Группа самых близких опытных сотрудников оставалась с ним. Не считаясь со временем, они продолжали доработку отдельных деталей самолета.

Секретарь областного комитета партии по просьбе Лавочкина по телефону связался с Председателем ГКО И. В. Сталиным, рассказал о новом самолете. Тот пообещал срочно прислать комиссию, чтобы она разобралась в этом деле на месте.

На следующий день на завод прибыли представители Наркомата авиапромышленности. Это было вечером, а утром приехали представители ВВС — летчик-испытатель и ведущий инженер.

Полеты вскрыли немало недочетов, но в целом самолет получил хорошую оценку. Испытатели доложили в наркомат о результатах. Было решено самолет доработать. На устранение недостатков дали всего десять дней.

Люди сутками не выходили из цехов, на ходу решали вопросы.

В блокноте у Лавочкина тогда появилась запись: «Мотор зажат капотом. Необходимого обдува головок цилиндров нет». И тут же пометка: «Снять две пушки, на оставшиеся две перевести весь боекомплект».

Лавочкин не только сам ищет новые конструктивные решения. Он выслушивает своих помощников, испытателей, направляет их поиски, помогает.

В установленный срок самолет был представлен для нового испытательного полета. Семен Алексеевич со своими помощниками тут же, на аэродроме.

Взлет прошел благополучно. И вот наконец истребитель заходит на посадку. Пробег, летчик выключил мотор, вылез из кабины. Инженеры окружили испытателя.

— Полный порядок!

Окончательный вывод комиссии был таким: самолет нужно срочно запускать в серию.

На следующее утро Семена Алексеевича вызвали в Москву. На заседании Политбюро было решено принять Ла-5 на вооружение. Для скорейшего развертывания массового выпуска самолета наркомат распорядился вернуть всех сотрудников Лавочкина, уехавших на другое предприятие. Ла-5 пошел в серию.

Лавочкин старался как можно чаще встречаться с боевыми летчиками. Эти контакты давали ему материал для дальнейшего совершенствования конструкции боевых машин. Бывая на фронтовых аэродромах, расспрашивал летчиков, как ведет себя самолет в различных условиях. Все критические замечания брал на заметку. По его инициативе на аэродроме, куда поступали готовые истребители, была введена новая должность — профилактик. Ему было поручено собирать все замечания фронтовых летчиков по «Лавочкину». Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук А. Чесалов, работавший вместе с Лавочкиным во время войны, вспоминал:

— Трудились мы много и напряженно. Вставали рано, ложились поздно. Но, когда мы ночью уходили с завода, Семен Алексеевич еще оставался на работе. Ему нужно было продумать полученные нашей группой результаты расчетов (мы тогда работали над увеличением скоростных качеств самолета), познакомиться с летными экспериментами за истекший день, дать указания конструкторам, производственникам, эксплуатационникам, чтобы к утру следующего дня можно было сделать необходимые доработки. Он уходил на два-три часа позже нас, а когда мы рано утром появлялись на заводе, Семен Алексеевич уже был на месте. Спал он тогда не более двух-трех часов в сутки. И всегда с утра был побрит, подтянут. Люди, не знавшие обстановки, никогда не поверили бы, что так может работать главный конструктор. Но другого выхода не было. И в итоге работа, связанная с увеличением скорости уже готового самолета, была выполнена всего за две недели.

Выход во фронтовое небо Ла-5 сделал Лавочкина и его коллектив известными сначала советским летчикам, а потом и всему миру. Истре-

битель Ла-5 стал одним из лучших самолетов второй мировой войны.

Уже осенью 1942 года в боях под Сталинградом первые истребительные авиационные полки, вооруженные новыми «Лавочкиными», показали свою грозную силу. Фронт требовал: «Дайте больше самолетов Ла-5!» Нередко боевые машины чуть ли не с конвейера направлялись на фронтовые аэродромы. Главный конструктор делал все, чтобы увеличить выпуск боевых машин. На предприятии ширилось соревнование за перевыполнение производственных программ.

Лавочкин хорошо понимал: в конструкции его истребителя еще не исчерпаны все возможности, она еще таит в себе очень и очень многое. На дальнейшем усовершенствовании Ла-5 настаивали и представители Военно-Воздушных Сил.

Чтобы сделать самолет еще более мощным, Лавочкин решил облегчить его конструкцию: уменьшил вес шасси, вместо деревянных лонжеронов крыла поставил металлические.

Самолет стал на 172 килограмма легче. Кроме того, были улучшены аэродинамические формы, снижены усилия на ручке управления и педалях при резких маневрах. Теперь самолет отлично держался в глубоком вираже и обладал безупречной управляемостью. Многие удачные решения Семену Алексеевичу помогли найти ученые ЦАГИ. Именно в творческом содружестве института и КБ родился один из наиболее легкоуправляемых истребителей в мире, получивший наименование Ла-5ФН.

Уже Ла-5 по многим показателям превосходил фашистские истребители, уступая только новейшей модификации «мессершмитта» в скороподъемности. Ла-5ФН и по этому показателю превзошел самый последний по выпуску истребитель противника. Наш «ястребок» набирал высоту 5 тысяч метров за 4,7 минуты, а «Мессершмитт-109 Ж-2» — за 5,3 минуты.

Модификация и усовершенствование боевого самолета были отмечены присуждением конструктору Государственной премии. А в 1943 году Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в области создания новых конструкций боевых истребительных самолетов С. А. Лавочкину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Группа летчиков в перерыве между боями написала такое письмо С. А. Лавочкину:

«Ваш самолет долгое время находится на вооружении нашего гвардейского полка. Только в дни боев по прорыву вражеской блокады города Ленина не один десяток фашистских летчиков нашли свой бесславный конец в торфяниках, лесах Волхово, Синявино, Шлиссельбурга благодаря тому, что в наших руках находился прекрасный истребитель, созданный Вами. Многие пилоты на своем боевом счету имеют по несколько сбитых фашистских самолетов. Высокие боевые качества, прочность и простота обслуживания заслуженно ставят Ваш самолет в число первоклассных».

Ла-5ФН был хорошо принят фронтом. Но Лавочкин понимал: за этой вершиной надо штурмовать новую, ведь фашистские конструкторы тоже ищут пути усиления своей авиации.

Бывая на фронте, Семен Алексеевич особенно остро чувствовал, что летчики ждут от него все новых и новых машин.

И снова, не зная ни сна, ни покоя, вместе со всем коллективом КБ думал он над тем, как, не меняя мощности мотора, улучшить летные данные истребителя. Источник, откуда можно черпать новые решения, один — аэродинамика. Семен Алексеевич вместе с коллективом ищет возможности уменьшить сопротивление воздушной среды за счет улучшения форм самолета. Но летчики просили усилить огневую мощь, значит, надо добавить на борт пушку. А за счет чего?

Лавочкин сократил количество загружаемого горючего. Пусть дальность слегка уменьшится и продолжительность полета сократится до одного часа. Этого вполне хватит. Наши войска наступают по всему фронту, с каждым днем приближаются границы фашистской Германии и сокращается территория, занятая врагом. Зато с добавлением еще одной пушки огонь станет более эффективным. Максимальная скорость должна возрасти, а время набора высоты снизиться.

Со второй половины 1944 года во фронтовом небе появился новый истребитель — Ла-7. Почти одновременно фашистские летчики получили облегченный истребитель «Фокке-Вульф-190 А-8», у которого мотор позволял форсировать мощность в течение пяти минут. Встреча новинок в воздухе закончилась победой нашего «ястребка». Ла-7 имел явное преимущество. Максимальная скорость Ла-7 достигла 680 километров в час, а время набора боевой высоты снизилось до 4 минут и 27 секунд. У Ла-7 уже было три пушки.

Советское правительство высоко оценило заслуги С. А. Лавочкина. В 1944 году он был награжден орденом Суворова II степени, ему присвоено воинское звание генерал-майора инженерно-технической службы.

В конце войны под руководством Семена Алексеевича был построен цельнометаллический самолет Ла-9 — один из лучших истребителей с поршневым двигателем. Он вобрал в себя все, что могла дать техника того времени. Лавочкин одним из первых начал применять реактивные ускорители для истребителей с поршневыми двигателями.

А в 1947 году в воздушном параде участвовал самолет конструкции Лавочкина с реактивными двигателями. Казалось, начало положено, теперь только шагать и шагать. Однако новые машины еще надо было научить летать как следует.

О трудностях, вставших перед конструкторами в то время, Семен Алексеевич позже напишет так: «Мы оказались перед стеной, возведенной из загадок. Аэродинамические законы, известные ученым, теряли на звуковом барьере свою силу, больше того, многое приобретало обратный смысл. Техника требовала научного обоснования новых явлений. Да, наука стала очень нужна нам, инженерам!»

Лавочкин понимал: преодолеть звуковой барьер невозможно простым увеличением тяги двигателя. Главное — замедлить лавинообразное нарастание сопротивления, ликвидировать неприятных «спутников» сверхзвукового полета. А для этого, наверное, потребуется в корне пересмотреть аэродинамическую компоновку реактивных самолетов. Он повел свой коллектив на прямой штурм звукового барьера.

Самолет со стреловидным крылом — Ла-160 — коллектив Лавочкина построил в 1947 году. На Ла-160 удалось достигнуть скорости, составляющей 0,92 звуковой, без какого-либо нарушения устойчивости и управляемости.

В декабре 1948 года летчик-испытатель полковник И. Е. Федоров пошел на штурм звуковой скорости. Исторический полет совершился на юге. Самолет Ла-176 ушел в воздух. По радио неразрывно связаны двое — главный конструктор и летчик.

Летчик ввел самолет в пикирование. Движение стрелки ускорилось. Вот она на заветной единице. Звуковой барьер! Но нет и в помине тех явлений, которые раньше приводили к гибели самолеты и летчиков.

Пикирование продолжалось, и стрелка прибора уверенно двигалась дальше. Сверхзвуковая скорость! Было от чего испытать чувство удовлетворения конструктору, когда летчик сообщил о переходе через звуковой барьер!

За выдающиеся достижения в создании новых типов боевых самолетов С. А. Лавочкину в четвертый раз была присуждена Государственная премия. В 1953 году Семен Алексеевич стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

В отпуске, находясь на рыбалке или на охоте, он не переставал думать об авиации. Даже день своего 50-летия, 29 августа 1950 года, Семен Алексеевич отметил обсуждением проекта нового самолета. Он был устремлен в будущее и имел, по его словам, задел на много лет вперед.

Буквально накануне смерти он делился с друзьями своими думами о том, что будет делать в будущем году.

Сослуживцы вспоминают: Семен Алексеевич в последние годы жизни часто говорил им, что ему очень хотелось бы спроектировать и построить первую транспортную ракету. Много других смелых идей вынашивал выдающийся конструктор. Но осуществить их ему не было суждено, 9 июня 1960 года Семена Алексеевича не стало.

О. Назаров

Лычук
Юстын Тодорович

ЛАДОНИ ТЕПЛЫЕ

Осенью 1945 года Юстын Тодорович Лычук вернулся с женой Ганной домой с Алтая, куда занесла их эвакуация и где он работал в одном из колхозов механизатором. Оба упали на колени, целовали родную землю Прикарпатья, на которой родились и сложили семейную жизнь. И была она, родная земля, словно материнские, теплые ладони...

А на другой день 50 семей, решивших заново объединиться в колхоз, попросили Юстына Тодоровича возглавить хозяйство.

— Мы знаем, Юстыне, весь твой хлебоборбский честной род,— говорили ему односельчане.— Будь нам головой.

И действительно, вся его жизнь была на виду. До воссоединения с Советской Украиной отец, а потом и Юстын, как тысячи украинцев-эмигрантов, искали лучшей доли за океаном. Исходил он Канаду вдоль и поперек — и везде видел страдания рабочего люда. Участвовал в манифестациях вместе с другими бастующими, за что был заточен в тюрьму. Вернулся в родную Стецеву, как многие, с пустыми карманами, но уже с некоторым опытом борьбы за свободу и лучшую жизнь. Юстын рассказывал крестьянам о Великом Октябре, Советском Союзе. Не жалел своего сердца и сил для народа после воссоединения с Советской Украиной.

— Послужи нам, Юстыне Тодорович, нашему общему делу и сейчас,— сказали члены колхоза избранному председателю.

Юстын Тодорович Лычук в праздничной вышитой сорочке поклонился односельчанам.

— Коль вы мне доверяете, я буду служить вам, товарищи, верой и правдой. Вера моя — сила наша коллективная. Правда моя — советская, народная.

Дали ему винтовку, 160 патронов и шесть ручных гранат: вокруг кишели банды, свирепствовали кулаки. Принялся за работу. Земля не могла ждать. Нужны были семена, удобрения. Не хватало лошадей, сбруи, инвентаря. Юстын Тодорович обратился за помощью в госбанк — взял в долг у государства 8 тысяч рублей с рассрочкой на два года. Возвратил деньги раньше срока да еще 4 тысячи положил на колхозный счет.

— Как это вам удалось? — немало удивился управляющий банком.

— Приглядели возле пруда землю. Купили семян ранних огурцов и помидоров, посеяли, дневали и ночевали на грядках, пока зрел на колхозной ниве колос и наливалась соком сахарная свекла... И хотя год выдался засушливый, собрали неплохой урожай — водица-то под рукой. Выручили за овощи 12 тысяч рублей. Вот и расплатились.

Это был первый и последний заем у государства. Сейчас колхоз «Первое Мая» — хозяйство, которое вырабатывает более 40 видов сельскохозяйственной продукции и сырья. Передовую образцовую артель в Прикарпатье называют колхозной академией. Здесь нередко проводятся районные семинары руководителей хозяйств и специалистов. Приезжают сюда работники сельского хозяйства из Ивано-Франковской и других областей Украины, Российской Федерации, стран социалистического содружества поучиться, обменяться опытом. И прежде всего присматриваются к земле.

Почвы разные, часть с повышенной кислотностью, 60 процентов оподзоленных черноземов, остальные — подзолы серые и темно-серые. Рельеф — волнисто-холмистый. Бугры перемежаются балками. Склоны (более 400 гектаров) достигают 12 градусов — тяжело и неудобно пахать, сеять, собирать урожай. Досаждают водная эрозия.

Так почему же в колхозе «Первое Мая» постоянно получают завидные урожаи? Ответ можно дать такой: здесь умеют заботиться о земле, защищать, кормить и лечить ее, стремятся к тому, чтобы каждый ее лоскут давал наивысшую отдачу.

Приехал в Стецеву агроном. Юстын Тодорович ему и говорит:

— Давайте переоценим колхозные земли и отметим, сколько продукции может дать каждый гектар.

— Бугры надо исключить, болота тоже сбросим со счетов...

— Э-э, не торопись... Пахотной земли у нас не так уж много, весь массив чуть больше 3,3 тысячи гектаров. В первые годы нам не хватало силенок освоить все земли. А ведь неудобья — это немалый резерв хозяйства. Так что, давайте подумаем, как можно использовать и бугры, и болота...

Через какое-то время Юстын Тодорович и агроном внесли свои предложения по землепользованию на правление колхоза. Эти предложения стали основой плана преобразования колхозной земли. С той поры начали засевать крутые склоны кормовыми культурами, в основном многолетними травами, которые при небольших затратах дают немало дешевого корма для животноводства, на буграх посадили плодовые деревья — яблони, груши, сливы, орехи. Сейчас площадь садов — 176 гектаров — радует двойной выгодой: получают сочные фрукты и собирают неплохие урожаи в междурядьях картофеля и тыквы (ее силосуют со стеблями кукурузы — великолепный корм для скота). Чтобы не пропадала продукция колхозного сада, на неудобье построили плодохранилище на 520 тонн, соковый цех, который оборачивается ежегодно чистым доходом в четверть миллиона рублей. В садах разместили пасеку в 140 ульев. Пчелы не только опыляют фруктовые деревья, другие сельскохозяйственные культуры, но и дают колхозу за сезон 25 центнеров целебного, карпатского меда.

Или взять болота. На их месте соорудили 18 прудов. Они украшают села и дают ежегодно 200—300 центнеров рыбы. По результатам развития рыболовства колхоз в 1975 году занял, например, второе место

в Украинской республике и получил премию — бульдозер Т-100. Хозяйство продолжает расширять площадь прудов, чтобы довести уловы до 800—1000 центнеров.

К прудам примыкают низинные, наиболее пригодные земли для выращивания овощей. Они не раз выручали колхоз.

У Юстына Тодоровича есть карманного формата книжечка, с которой он никогда не расстаётся. Первые в ней слова: «Рентабельность и еще раз рентабельность». Он тщательно следит за цифрами (не зря, по его словам, в газетах пишут об экономике как об океане поющих цифр), анализирует их, делает расчеты с карандашом в руках. «Хозяйство без экономического анализа,— говорит Юстын Тодорович,— что корабль без компаса».

В этой записной книжечке председатель особой пометкой выделил годы:

1949-й — когда Стецева стала селом сплошной коллективизации.

1950-й — когда объединились с соседним колхозом и открылись новые большие возможности для увеличения продукции и продажи ее государству.

1953-й — когда валовой сбор зерна увеличился почти в полтора раза против самого большого урожая в предыдущие годы и составил 31 тысячу центнеров. Такого количества зерна за один год оба хозяйства до объединения никогда не получали. Каждый колхозник увидел на конкретном примере преимущества крупного производства перед мелким.

1961-й — когда валовой сбор зерна достиг 49 тысяч центнеров. Этого количества хватило для сверхплановой продажи государству и для удовлетворения всех своих потребностей в семенных фондах. Колхозникам было выдано 6 тысяч центнеров зерна и 10 тысяч центнеров фуража (столько фуража они никогда не получали). По сравнению с 1953 годом продали государству мяса, молока в шесть раз больше. Ю. Т. Лычуку было присвоено звание Героя Социалистического Труда, многие колхозники удостоены правительственных наград.

1967-й — когда урожай зерновых культур (без кукурузы) в среднем составил по 36,3 центнера с гектара, сахарной свеклы — 350 центнеров, зерна кукурузы — около 50 центнеров. Продано государству зерна, мяса, молока, овощей намного больше плановых заданий.

Этот год был особым и в истории колхоза: на его знамени засиял орден Ленина...

Записная книжка председателя — это своеобразное зеркало хозяйства, наглядно показывающее, что у колхоза стабильные щедрые урожаи, и они не зависят от капризов природы. В первом году десятой пятилетки погодные условия не баловали, особенно во время жатвы, а все же было собрано с каждого гектара: озимой пшеницы — по 45,9 центнера, кукурузы — 60,4, сахарной свеклы — 430 центнеров, овощей — 233 центнера.

Юстын Тодорович объясняет: «Секретов у нас нет. Формула проста

и понятна каждому земледельцу: правильные севообороты, высокоурожайные сорта, научно разработанный комплекс агромероприятий, высокая культура поля, внутрихозяйственная специализация. Мы гордимся тем, что земледелие колхоза неуклонно развивается, повышается плодородие почв, а это, в свою очередь, дает возможность поднять и продуктивность животноводства».

В селе Стецева можно услышать такую поговорку: «Кто ищет, тот находит, а кто находит, опять ищет». Возникла она не случайно. Еще несколько лет тому назад в колхозе не было хорошего стада. Задумались: как улучшить его — закупить высокопродуктивных коров в других хозяйствах или вырастить в своем колхозе? Посоветовались со специалистами и доярками и решили на правлении приобрести 50 наилучших коров в своем селе. Опыт создания высокопродуктивного стада убедил, что племенная работа — дело хлопотное, требует глубоких знаний, постоянных поисков, неослабного внимания правления колхоза, зоотехников, всех животноводов.

Колхоз неоднократно участвовал во Всесоюзных конкурсах на лучшую работу племенной фермы и неоднократно выходил победителем. Какие же средние надои по ферме? Эти цифры Юстын Тодорович знает на память. К примеру, в девятой пятилетке средние надои от коровы составили 4041 килограмм выше базисной жирности, в десятой — 5500 килограммов (в расчете на 100 гектаров угодий — около 1500 центнеров молока).

Во Всесоюзном социалистическом соревновании колхоз «Первое Мая» по производству продуктов растениеводства и животноводства вышел в ряды победителей еще в марте 1975 года. Ему вручили переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

И когда Юстына Тодоровича спрашивают, как им удалось добиться таких успехов, он отвечает:

— Конечно, крепкая кормовая база — один из основных факторов успеха. Без нее нечего и говорить о высокой продуктивности скота. Важно наладить взаимодействие поля и фермы. Между агрономами и зоотехниками, заведующими фермами и бригадами у нас полное взаимопонимание и тесная связь. Они вместе планируют рационы, подбирая нужные кормовые культуры, сообща рассматривают перспективу развития земледелия и животноводства. Работать сегодня по-иному нельзя, тем более в условиях нашего колхоза. Ведь природных пастбищ нет, культурных мало, поэтому животные целый год на стойловом содержании. Если не обеспечить животноводство разнообразными кормами, не получим большого молока.

В структуре посевных площадей кормовые культуры занимают 30 процентов. Некоторые из них дают два урожая в год. Выращивают многолетние травы на зеленый корм, сенаж и сено. Кукурузу справедливо называют молокогонной. Когда начинают скармливать ее зеленую массу, на фермах сразу же увеличиваются надои.

Силоса и сенажа заготавливают более 10 тонн на корову. От ранней весны до поздней осени действует зеленый конвейер. Очень продуктивным в нем оказался репс. Его зеленой массой начинают кормить с апреля.

Колхоз кооперируется с другими хозяйствами в производстве кормов. В Снятынском районе построили комбикормовый завод. Колхозы завозят сюда фуражное зерно, солому, зеленую массу, а получают высококалорийные, сбалансированные комбикорма и различные добавки.

— Мощная кормовая база — хорошо, но она не решает всех проблем. Необходимо постоянно заботиться об их правильном и рациональном использовании. Вот поэтому за расходованием кормов мы установили четкий и строгий контроль, — говорит Юстын Тодорович.

Продумали в колхозе и организацию труда животноводов: по-новому распределили обязанности, внедрили двухразовую дойку. Доярка имеет выходной на неделю и месяц отпуска.

Нет теперь ведер, бидонов. Молоко по трубопроводам поступает на приемный пункт, где его взвешивают, охлаждают. Есть молочная лаборатория, сотрудники которой следят за санитарным состоянием молочных блоков, чистотой посуды, доильных аппаратов, определяют не только общее количество молока, отправляемого на завод, но и по группам коров. Благодаря четкой работе лаборатории колхоз ежегодно продает государству 89—90 процентов первосортного молока.

Юстын Тодорович с готовностью показывает молочный блок коровника и обязательно добавляет, что каждая животина на каждой ферме обчислена до копейки.

— Знаете, сколько, например, денег поступает в колхозную кассу от коровы с удоем 4 тысячи килограммов молока и одним теленком в год? 1016 рублей. А затраты на ее содержание обходятся в 580 рублей. Значит, чистый доход — 436 рублей, рентабельность — 75 процентов. А свиноматка с приплодом в 16 поросят? Сумма денежных поступлений — 1056 рублей. Затраты — 382 рубля. Чистый доход — 674 рубля. Рентабельность — 150 процентов!

На свиноферме колхоз ежегодно откармливает 2500—3000 голов для межколхозного специализированного объединения, за них получает до 300 тысяч рублей.

Из года в год растет доход колхоза, сумевшего обеспечить рентабельность всех отраслей. От одной лишь земли он получает более миллиона прибыли.

— И куда деваете деньги? — спросили его как-то.

— Деньги все на виду, — ответил Юстын Тодорович. — Вот Дворец культуры для односельчан. Вот школы — десятилетка и музыкальная. Детский сад. Больница и поликлиника. Профилакторий для больных. Дом быта. Торговый центр. Баня. Двадцать два жилых коттеджа для специалистов колхоза и сельской интеллигенции. Дом связи. Два парка. Сквер. Асфальтированные тротуары, 35 километров гравийных полевых дорог.

Несколько лет назад завел Юстын Тодорович разговор, что не плохо бы профтехучилище организовать в Стецеве, в котором готовились бы нужные для колхоза кадры специалистов — садовники, овощеводы, пчеловоды, строители. Сейчас такое учебное заведение уже открыто.

— Конечно, это училище хлопот нам прибавило, — говорит председатель. — Сооружаем стадион, на самом большом пруду готовимся открыть лодочную станцию. Иначе нельзя. Ребята должны быть здоровыми, разумно отдыхать.

В кабинете председателя висит на стене лист бумаги, на котором крупно написана финская пословица: «Человек богатеет не большими доходами, а малыми расходами». Как это понимать? Лычук охотно объясняет.

— Мы тратим немало денег на покупку техники. Разнообразная новая техника — это ведь не только ликвидация ручного труда, но и рост культуры земледелия, сокращение сроков полевых работ, повышение урожаев. В нашем колхозе 52 трактора различных марок, 17 зерновых, кукурузных и свеклоуборочных комбайнов, 50 автомобилей и много другой техники. Впрочем, этим сейчас никого не удивишь. Вызывает удивление и сожаление то, как в некоторых хозяйствах с техникой обходятся. Она мокнет под дождем, ржавеет под снегом... Мы построили два огромных помещения, где зимой хранится вся техника, автогараж. У нас две современные заправочные станции, в тракторном парке — четыре бензоколонки.

Каждая тракторная бригада имеет годовой план-график проведения ремонта и технического обслуживания машин. Отработал трактор положенный межремонтный срок, его направляют в мастерские районной «Сельхозтехники». Это дает им возможность на протяжении всего года работать в едином ритме. Зимой не пороть горячку, а летом не прохлаждаться.

Сейчас много спорят, дискутируют о том, каким должен быть руководитель предприятия, колхоза.

Однажды в Стецеву приехал из соседнего села молодой председатель. Его заинтересовало: как Юстыну Тодоровичу удастся поспевать всюду, за всем присмотреть, во все вникнуть.

— А почему я должен сам все делать? — удивился Юстын Тодорович. — Председателю вовсе незачем суесться на полях и фермах. Его дело — определить стратегию развития хозяйства, искать резервы, обдумывать и внедрять все то новое, что годится для колхоза. Наконец, анализировать и осмысливать деятельность каждого звена колхоза. Всем этим я и занимаюсь. Мои предложения потом рассматривает экономический совет колхоза, утверждает правление, а если нужно, то и общее колхозное собрание.

В колхозе четко определен круг обязанностей и прав специалистов — агрономов, зоотехников, экономистов, бригадиров.

Бригадир и специалист — основные фигуры в бригаде. Их мастерство в руководстве людьми имеет решающее значение, а самостоятель-

ность позволяет им овладеть такими качествами руководителя, как предвидение, инициатива, оперативность в решении сложных задач.

Хорошо работается, считает Лычук, и тому председателю, которого поддерживают партийная, профсоюзная, комсомольская организации, сельский Совет народных депутатов. Без этой поддержки председатель обойтись не может.

А когда Юстыну Тодоровичу приходилось выслушивать жалобы от других руководителей колхозов, что вот, мол, ночей недосыпаешь, а колхозники недовольны, он отвечал: ночью надо отдыхать. А недовольство, может, оттого, что не знают, какие дела заботят председателя и правление, о чем они думают. Так не годится. Надо быть к людям ближе и больше с ними советоваться. Знаете, как говорят: кто много советуется, тот мало ошибается. Юстын Тодорович охотно делится своим опытом. В колхозе «Первое Мая» широко используются все способы информации, чтобы оповещать колхозников о хозяйственных делах: расширенные заседания правления с участием активистов, производственные совещания, беседы членов правления и агитаторов в бригадах, на фермах, передачи радиоузла, многотиражная газета, штаб гласности социалистического соревнования...

На каждом колхозном собрании можно увидеть, как тянутся вверх руки: «Прошу слова!» Один говорит: «Правильно, поддерживаю». Другой возражает: «Давайте еще подумаем, прикинем». Руководство коллективным хозяйством стало теперь делом каждого члена артели. В этом есть и его заслуга. Такими он их воспитал, личным своим примером.

После войны, когда от морозов до морозов большинство ходило босиком, он, председатель колхоза, не торопился взять себе сапоги из тех 20—30 пар, которые поступали в сельпо один раз в квартал. Думал: пусть вначале люди обуются. Не торопился председатель первым и хату себе поставить, потому что было трудно с материалом. Уже когда более или менее односельчане обжились, они с женой построили хату — без цементного фундамента, на каменных плитах, — в ней собираются и дожить век свой.

В каждой профессии есть своя вершина, к которой человек идет всю жизнь. Для ученого — это открытие. Для писателя — общепризнанная книга... А может ли быть такая вершина у председателя?

— Обязательно должна быть, — отвечает Юстын Тодорович. — Вот я достиг своей вершины. Дожил, увидел новых людей — сынов и дочерей бывших бесправных батраков. И ведь какие люди! Вот Иван Ильич Курылюк, главный агроном. Он — как главный инженер на промышленном предприятии. И технолог, и лекарь земли. Всегда в поиске. Урожай — самый наглядный показатель его деятельности, а они немалые. Умелый организатор, с глубокими знаниями, он успешно справляется с обязанностями заместителя председателя колхоза.

Или доярка Ягна Матвеевна Мыкытюк, мастер самого высокого класса. Когда-то животных ее группы хотели выбраковать: после пер-

вого отела надои не достигали и 3 тысяч килограммов. Ягна Матвеевна воспротивилась, заверив правление, что добьется от коров высокой продуктивности. Слово сдержала. Стала получать по 6 тысяч килограммов молока от каждой коровы, больше всех в колхозе. А Мария Васильевна Грушинская, телятница. На ферме более двадцати лет. В ее группе телок выделялась своим норовом одна — Мавра. То отвяжется, то забредет в кормоцех или в чужой огород, возвращаясь с пастбища.

Однажды, когда Мавра заболела, заведующий фермой решил ее прирезать (ветврач тогда был в отъезде). Мария Васильевна заступилась за больное животное.

— Иного выхода не вижу, — вспыхнул заведующий.

— Есть выход, — тихо промолвила Мария Васильевна. Она вылечила телку целебными травами. Мавра со временем стала рекордисткой, от нее надаивали в год более 10 тысяч килограммов молока.

От малограмотной беднячки до государственного деятеля, Героя Социалистического Труда — таков жизненный путь Марии Васильевны Заренчук. Война отняла мужа, оставила ее с тремя малыми детьми. Сельсовет выделил ей домик. Вдова работала звеньевой, училась в вечерней школе, активно окунулась в общественную жизнь села. Вместе с бывшей батрачкой Марией Касьяновной Мойсик стала последовательницей свекловодов-пятисотниц, их имена узнало все Прикарпатье.

Юстын Тодорович любит молодых, тех, кто продолжает трудовую славу ветеранов колхоза. Однажды он рассказал легенду о калиновом счастье. Старые люди говорят, будто слышали от дедов, что в Карпатах есть острая скала, на самой вершине которой растет калина с красными, как людская кровь, ягодами. Кто к калине доберется и принесет домой хоть одну ягоду, тот будет жить в достатке, беды и горе обойдут его двор. И даже после смерти удачника счастливая доля перейдет к детям, от них — к внукам, ко всему роду.

Многие смельчаки уходили в горы разыскивать калиновое счастье. Острых скал встречали много, но волшебных ягод не попадалось. И все же крестьяне-бедняки верили в легенду, потому что без надежды на лучшую долю жить было невыносимо тяжело.

— Я рассказываю вам, молодым, легенду о чудесной калине для того, чтобы вы знали, о чем мечтали ваши отцы, деды и прадеды, — говорил Юстын Тодорович. — Только Советская власть, колхозный строй дали возможность крестьянам подняться к счастливой жизни. Так берегите власть Советов и приумножайте все, чего мы достигли на родной земле.

Юстыну Тодоровичу хорошо и спокойно на душе: надежно молодое поколение, в хорошие руки переходит богатое наследство — земля, техника, фермы, сады, обновленное село. И видится ему в мечтах — стоит при въезде в село памятник: женщина, в руках которой рушник с хлебом-солью. А на постаменте надпись: «Лучшее творение природы — человек, лучшее творение человека — хлеб!»

Н. Кондакова

Максимов
Федор Павлович

ЛЮБОВЬ ЕГО — ЗЕМЛЯ

Деревня Сухая Рыльского района, в центре которой возвышается бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда Федора Павловича Максимова, стоит в окружении суглинистых, не очень щедрых на урожай полей, которые характерны для правобережья тихой речушки Сейм. А если проехать несколько километров на юг и остановиться на том месте, где начинается спуск с горки, то перед взором откроется обрамленная лугами излучина Сейма, а за нею до самого горизонта — равнинные поля, тучный чернозем. Это уже соседний, Глушковский, район, один из самых богатых в Курской области.

С давних времен выходили на этот бугор крестьяне Сухой и соседнего села Низовцево, смотрели на поля своих соседей и завидовали. И еще неприветливей казалась им своя земля...

Максимов родился, вырос и начал свой трудовой путь в Больше-низовцево. Здесь жил его дед, в семье которого было восемнадцать душ, а земли — пять десятин. Отец Максимова на восемь душ имел одну десятину. Поэтому Федор, как и его отец, еще мальчишкой стал батрачить у местного помещика. Работали всей семьей, но едва сводили концы с концами.

Советская власть отобрала землю у помещика и передала ее крестьянам.

Пришел 1929 год. Звенела мартовская капель. Бурно шумели по оврагам вешние воды. Но еще сильнее шумело село Низовцево. Днем до хрипоты спорили на сходках, а темными ночами село жило потаенной жизнью. За заборами кулацких дворов бесшумно сновали тени, шуршала под лопатами не оттаявшая еще земля, падали в яму тугие мешки с семенным зерном. Где-то раздавались выстрелы из обрезов, а иногда вспыхивало пламя пожара.

Низовская безлошадная беднота ухватилась за колхоз, сердцем чуя, что только артелью можно выбиться из нужды. Люди еще не знали, как строить ее, эту новую жизнь, что делать сегодня, завтра. Но работали, старались.

В артели не было почти никакой техники. Десяток лошадей составлял всю колхозную «энергетику». Сеяли и жали вручную. Приходилось чуть ли не на себе плуги таскать.

И Максимов, тогда еще совсем молодой колхозный руководитель, впервые со всей ясностью понял, на что способен коллектив, одержимый незыблемой верой в то дело, которое он делает.

Второй раз с такой же силой это чувство взволновало его в тот

первый послевоенный год, когда он, уволенный в запас офицер-фронтовик, вернулся в родное село.

Приехал он в Рыльск поздним мартовским вечером. Под ногами поблескивали холодные лужи. Моросил мелкий дождь. Город спал. Только в одном из окон райкома партии светился тусклый огонек керосиновой лампы. Федор Павлович устал, замерз, ноги промокли. Надо было где-то искать ночлег. Но все же не удержался, зашел в райком.

— Вот это замечательно! — обрадовался секретарь. — Начинают фронтовики прибывать. Очень кстати. Я тут работаю, можно сказать, один. Кадров нет. Оставайся. Можешь брать любой отдел. Квартиру получишь немедленно. Райисполком тоже надо укреплять кадрами. Можем туда послать.

Засиделись до петухов.

— Иди, — сказал на прощание секретарь. — Но долго гулять не рассчитывай. Весна идет.

Шел Федор Павлович домой на рассвете, почти убежденный в том, что завтра он займет руководящий пост в райкоме или райисполкоме. В деревне Сухой, где до войны он возглавлял колхоз «Красный Октябрь», у него теперь не было ни кола ни двора. Жена с детьми жила в землянке. Немало пережили они за годы войны. Да и сам он, дойдя до Берлина, вроде бы заслужил, чтобы пожить хотя бы год-другой в благоустроенной городской квартире, тем более что его приглашают, он нужен здесь.

Но, чем ближе подходил он к родной деревне, тем тревожнее становилось на душе. Поля уже сбросили зимний покров. Только в оврагах белели грязные лохмотья снега. Вдоль дороги зеленела травка. Через десяток дней надо начинать полевые работы, а в колхозе (Максимов уже знал это по письмам) нет семян, не вывезен навоз, не вспахана зябь, даже солома с осени не заскирдована. Осталось в хозяйстве 25 коров, 15 свиней, десятка два овец. Скот ютится в хлевушках, сплетенных из хвороста и обмазанных глиной. А всю тягловую силу составляет десяток мослаковатых лошадей.

Потом Максимов увидел все это своими глазами, и сердце сжалось. Вот уйдет он в город, другой уйдет, третий... Кто же останется? Кому поднимать хозяйство? Нет, его, коммуниста, место здесь, на самом переднем крае, как и там, в боях с гитлеровским фашизмом.

Через несколько дней в старом саду, у разрушенной колхозной конторы состоялось собрание, на котором Максимова снова единодушно избрали председателем колхоза «Красный Октябрь».

В ту первую весну люди впрягали в плуги коров, сеяли из лукошка. А бороны по глыбистой, окаменевшей за годы войны пахоте тащили на себе. Впрягались по четыре-пять человек и тащили из края в край. Женщины да старики. Работали зачастую голодные. Но никто не жаловался, никто не бежал от трудностей.

«Эти люди победили фашизм, — с волнением думал тогда Максимов. — Они поднимут колхоз. Нет ничего теперь на свете, что заставило

бы их спасовать. Надо только правильно организовать дело. Будут и на наших суглинках высокие урожаи».

Свеклу в «Красном Октябре», как и во всей Курской области, выращивали издавна. Сеяли ее в этом хозяйстве немного — не больше 100 гектаров. Но высоких урожаев все равно не получали. Постепенно у колхозников сложилось мнение, что больше 150 центнеров на здешних суглинистых почвах получить нельзя. А раз так, то к большему и не стремились, за большее как за невозможное и не брались.

Когда приезжие районные или областные руководители приводили в пример довольно весомые урожаи в соседнем Глушковском районе или в хозяйствах по левому берегу Сейма, колхозники «Красного Октября» только руками разводили:

— Так там же земли совсем другие. Разве можно равнять?

И была в этих речах та глубочайшая убежденность, которую никакими словами не поколебать. Максимов понимал это. Нужны не слова. Нужны убедительные доказательства. Нужен пример, на который бы потом равнялись люди. В колхозе в те времена постоянных звеньев по возделыванию сахарной свеклы не было. Их создавали заново каждой весной. Соберут, бывало, колхозниц и спрашивают, кто звеньевой будет. Женщины выкрикивают:

— Нюську назначьте!

— Нехай Люба будет!

Вот и назначали Нюську или Любу. Она работала только до осени. Ясно, что такие звеньевые-сезонницы никакой ответственности за дело не несли, а должность свою иногда называли общественной нагрузкой. Окрестили таких звеньевых «дневальными по плантации».

Максимов решил перестроить организацию возделывания свеклы, создать постоянные звенья и поставить во главе их наиболее инициативных, трудолюбивых и знающих свое дело колхозниц. Нужны были энтузиасты.

Стал Федор Павлович присматриваться к людям. И первая, на кого он обратил внимание, была Мария Николаевна Иванова, уже немолодая, но работающая женщина. Муж ее погиб на фронте, и она все еще тяжело переживала это большое горе. Была угрюмой, неразговорчивой. Ни в чем особой активности не проявляла. Но работала усердно, с каким-то молчаливым упорством, не жалуясь на трудности.

Максимова всегда отличало умение проникнуть в душу человека, правильно оценить его деловые качества. И на этот раз он быстро распознал в Ивановой одну из тех тружениц, которым предстоит доказать на практике, что на землях колхоза «Красный Октябрь» можно выращивать высокие урожаи свеклы.

Предложение стать звеньевой Иванова встретила без особого энтузиазма. Федор Павлович начал было объяснять ей, на что способны колхозные земли и как важно сейчас для государства да и самих колхозников добиться высоких урожаев свеклы. Иванова слушала молча. А когда он закончил, сказала:

- Жалеть потом будете, что связались со мной.
- Почему?
- Трудно со мной придется.
- Почему трудно?
- Такая уж я. Мне всегда говорят, что я трудная.
- Что ж, будущее покажет,— сказал Максимов.— Дратся, надеюсь, не будешь?
- Всякое может быть,— без улыбки ответила она.

Примерно так же были подобраны еще несколько звеньевых. Одна из них — Мария Федосеева, двадцатидвухлетняя колхозница, как и Иванова, потерявшая мужа на фронте. Невысокая, худощавая, с большими усталыми глазами, она казалась медлительной и даже какой-то равнодушной ко всему. Лена Петрикеева, напротив, была молоденькой, шустрой девчонкой, только недавно начавшей работать в колхозе.

И только потом выяснилось, что всех этих с виду таких разных людей отличает одно общее качество: они умели и любили трудиться, зажигать других личным примером.

Максимов поехал на Украину, купил в Харькове несколько газет и брошюр, в которых рассказывалось об опыте украинских свекловодов. Собрал всех колхозников и рассказал им, что высокие урожаи свеклы дали бы возможность в течение двух-трех лет решительно поправить дела в хозяйстве. Тут же подсчитали предполагаемый доход от свеклы, прикинули, что можно купить за такие деньги.

Конечно, тогда еще мало кто в колхозе верил в возможность выращивания высоких урожаев. Но расчеты заинтересовали людей. Они охотно взялись за изучение привезенной литературы. Было организовано нечто вроде школы свекловодов.

Замкнутая, немногословная Мария Иванова словно преобразилась. В ее глазах вдруг засветился огонек, как у человека, неожиданно увидевшего радостную перспективу. Она стала главной заводилой в борьбе за большую свеклу.

В колхозе скопились немалые запасы отличного перегноя. До той поры на поля его почти не возили: нечем было, да и не ценили по-настоящему удобрение. Но, познакомившись с опытом украинских свекловодов, люди поняли, что без удобрений о большом урожае не может быть и речи.

В звене Ивановой всю тягловую силу составляли три лошади. Много на таком транспорте не вывезешь. Но люди, уже загоревшиеся желанием добиться большого урожая, нашли выход из положения. Они поставили в упряжку собственных коров. Возили удобрения и сами, приспособив для этого детские санки.

Вскоре стало ясно, что трудились колхозницы не зря. Всходы поднялись густые и сильные, радующие глаз. Никогда еще не было в колхозе таких многообещающих плантаций. Это приподняло настроение всех. Люди стали понимать, что есть возможность получить высокий урожай.

Однако поля были засорены. Надо было как можно быстрее прополоть рядки. Звеньевые никому не давали покоя. На плантации вышли все женщины, даже старухи, которые давно перестали работать в колхозе.

Однажды вечером в контору пришла Иванова и без всяких предисловий спросила:

— Ты, Федор Павлович, когда-нибудь в руках тяпку держал?

— Приходилось.

— Это хорошо. Тогда собирай мужиков, всех до единого, и тех, у которых разные должности,— тоже. Пусть берут тяпки. И ты с ними вместе. И завтра, как взойдет солнце, чтобы все были на свекле. Это наше общее дело.

Пришлось браться за тяпки и мужчинам. Никогда еще Федор Павлович не переживал такой радости, как в те дни. Он видел, как рождается у людей вера.

Сорняки были побеждены. Затем Мария Николаевна придумала подкармливать свеклу навозной жижей. Это была очень трудоемкая работа. Техники ведь почти не было, все приходилось делать вручную.

Урожай превзошел все ожидания. Мария Николаевна Иванова со своими подругами собрала около 750 центнеров свеклы с гектара. Почти 700 центнеров дало звено Марии Борисовны Федосеевой. Высокие урожаи вырастили и другие звенья.

Это была победа.

Той же осенью большая группа свекловодов колхоза «Красный Октябрь» была награждена орденами и медалями. Мария Федосеева получила орден Ленина, а Марии Ивановой была вручена Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Первой Золотой Звезды Родина удостоила в 1948 году и председателя колхоза Федора Павловича Максимова.

С тех пор площадь под свеклой стали увеличивать ежегодно. И ежегодно выращивали высокие урожаи. Многие изменилось в технологии возделывания свеклы. Колхозники приняли на вооружение передовой опыт, механизировали работы на плантациях.

У Марии Ивановой и Марии Федосеевой появились последователи не только в своем колхозе, но и в соседних хозяйствах. Постепенно и в других правобережных колхозах пошатнулось давным-давно сложившееся мнение об ограниченных возможностях для развития свекловодства на суглинистом правобережье Сейма. Во многих хозяйствах этой зоны вскоре тоже стали получать высокие урожаи свеклы.

Обычно на вопрос, за что председателю колхоза «Красный Октябрь» Федору Павловичу Максиму было присвоено звание Героя Социалистического Труда, в Курской области отвечают:

— За высокий урожай свеклы в 1947 году.

Но это не полный ответ. Не только за те центнеры сладких корней, которые отправил государству колхоз в 1947 году, получил Золотую Звезду Максимов. И не в этих центнерах сущность его подвига, а в том,

что он помог людям поверить в неисчерпаемые возможности той суглинистой земли, на которой они должны выращивать свеклу. Вот это невозможно переоценить.

Максимов проявлял удивительные способности замечать и поддерживать все новое, передовое. Бывало, в районных верхах еще только разговоры идут о целесообразности и способе внедрения какого-нибудь новшества, а в колхозе «Красный Октябрь» его уже применили — тихо, спокойно, без суматохи и парадной шумихи.

Помнится такой случай. На одном из совещаний в районе выступил главный зоотехник тогдашней районной инспекции по сельскому хозяйству и стал агитировать колхозных руководителей механизировать откорм свиней. Дело это в те годы было новым, невиданным.

Разгорелась полемика. Одни, поддерживая новшество в принципе, доказывали, что это дело не завтрашнего дня, что потребуется немало времени для того, чтобы все хорошо просчитать, продумать, спланировать. Да еще неясно, кто поможет все это сделать. Другие прямо утверждали, что поскольку нет прямых указаний свыше, то нечего тут мудрить и, главное, нечего спешить. Придет время — и будет на то команда.

Во время перерыва — я был на том совещании от газеты — подошел ко мне Максимов и говорит:

— Приезжайте к нам завтра, посмотрите механизированную откормочную площадку.

— Вы уже успели сделать? Почему же молчите?

— Пока рановато. Площадка действует всего несколько дней. Нет конкретных результатов. Вот пройдет месяц, определим привесы, затраты кормов, себестоимость свинины, тогда и поговорим. Так что пока разговор — не для печати.

Механизированная откормочная площадка в «Красном Октябре» оказалась не просто первой в районе. Она стала как бы эталоном для всех хозяйств. Здесь учились специалисты из других колхозов.

Это теперь кажется обычным делом — приготовление на ферме гидролизных дрожжей для скота. Теперь все знают, что такое интенсивный откорм свиней, сенная мука, искусственное осеменение скота и т. д. А в то время все было новшеством, все надо было внедрять. И с трудом, потому что требовалось ломать давно сложившиеся устои колхозного производства. И всякий раз при этом районные руководители, специалисты сельского хозяйства обращались за помощью в «Красный Октябрь». Там все новинки применяли первыми.

Теперь в любом колхозе Курской области даже представить не могут, как это возделывать сахарную свеклу без прореживания рядков. А было время, когда звеньевые бросались под тракторы, не пуская их делать букетировку.

Максимов тогда сам поехал на Украину, разобрался в технологии механизации возделывания свеклы, и одним из первых в области колхоз «Красный Октябрь» применил на своих плантациях букетировку.

Но нельзя сказать, что Федор Павлович слепо внедрял у себя в хозяйстве все новшества, которых в те годы рождалось великое множество. Помнится, началась кампания за ликвидацию травопольной системы. Указания на этот счет были строгими: перепахать клевера, никакой травополки. Возражений против этого никто не допускал. Помалкивал и Максимов. На прямой вопрос специалиста из области о положении с клеверами он ответил:

— Вы что нам не доверяете? Мы всегда боролись, боремся и будем бороться за высокие урожаи зерновых и технических культур.

И в хитром прищуре глаз председателя колхоза специалист так и не сумел заметить горькую иронию.

Как-то агроном районной инспекции по сельскому хозяйству, объезжая поля «Красного Октября», натолкнулся на большой массив клевера. Разъяренный, он примчался в контору и накинулся на Максимова.

Когда он выговорился, Федор Павлович с тихой печалью в голосе сказал:

— Иван Михайлович, слушай меня внимательно. Я мог бы сейчас дать тебе пинка под зад и выгнать из колхоза, чтобы духу твоего здесь не было. Но я знаю, что ты не виноват, так как собственных мыслей в твоей голове нет. Когда меня впервые избрали председателем колхоза, тебя еще не было на свете. А когда мужик по-настоящему оценил клевер, не было на свете и меня. Так вот, Иван Михайлович, забудь все, что ты видел на нашем поле, и то, что ты мне сейчас наговорил. Начисто забудь. А помни вот что. Пройдет, может быть, года два, и ты приедешь ко мне, снимешь шапочку у порога и будешь просить семян клевера, который надо будет сеять во всех колхозах на больших площадях.

Одно из главных деловых качеств Максимова — умение работать с людьми. Был такой случай в трудном 1946 году.

Колхоз запаздывал с обмолотом скошенного вручную хлеба. Это задерживало засыпку семян, сев озимых. Ставилась на карту судьба будущего урожая. В колхозе была одна старенькая молотилка. Решили использовать ее круглосуточно. Создали для этого специальную бригаду. Но людей не доставало, и этой бригаде приходилось работать днем и ночью. Люди спали здесь же, зарывшись в солому. Но такого большого напряжения кое-кто не выдержал. Тем более год выдался неурожайным, и колхозники больше рассчитывали на свои личные хозяйства, нежели на трудодни.

Бригадир Максим Леонович Есин пригрозил людям штрафом за срыв молотбы. Не помогло и вмешательство секретаря парторганизации Николая Михайловича Рекунова.

Максимов поехал на ток.

Молотилка стояла. Тракторист копался в старом движке. Шел мелкий и уже по-осеннему холодный дождь. Колхозники хмурые стояли под навесом. Некоторые даже на приветствие не ответили.

Начинать разговор в такой обстановке не имело смысла. Максимов распорядился начать обед. Но настроение людей не менялось. Ели молча.

Тогда Федор Павлович, весело подмигнув собравшимся, обратился к пожилому колхознику, сторожившему зерно на току ночью:

— Ну как служба, Стефаныч? Небось, молодух принимаешь до зорьки?

Стефаныч, слывший в молодости большим поклонником женского пола, расправил усы и непонимающе уставился на председателя.

— Не бойся,— засмеялся Федор Павлович.— Бабке не скажу. А то у тебя и так два пучка волос осталось, да и те — усы.

Колхозники повеселели. Кое-кто начал подшучивать над стариком.

— А вот перед войной был случай,— продолжал Максимов.— Хлеба на току скопилось много. И было там два сторожа. Один из них Андрей Михайлович Стремоухов. Рослый, крепкий, борода, как у Льва Толстого. А помогал ему сторожить Гришка Коваленко. Рядом у амбаров был еще один сторож — Федор. Забыл его фамилию. Бывало, вечером соберутся вместе и пекут картошку в костре. А дед Стремоухов на скрипке играет. Всю ночь. Нарочно играл, чтобы показать, что не спит.

Но все же стал я замечать: ворует кто-то зерно на току. Жил я рядом и решил проверить, как же несут службу сторожа. Прихожу часа в два ночи, гляжу: уголек в костре чуть тлеет, а рядом спят все три сторожа. Что тут делать? Бросил я в костер несколько щепок, а сам побежал домой за ружьем. Попугать решил.

Но случилось непредвиденное. Пока я ходил, костер разгорелся, а вместе с ним вспыхнула и борода лежавшего рядом деда Стремоухова. Возвращаясь на ток и еще издали слышу крик, ругань. Подбежал дед ко мне, стоит, трясется, борода наполовину обгорела. «Застрели меня, говорит, Федька. Сейчас же застрели. Кому я теперича нужен? Петух я общипанный. Никакого авторитету».

Рассказ то и дело заглушался хохотом. Смеялись до слез.

— Ничего, говорю, дед,— продолжал Максимов.— Дело твое не смертельное. Беги, Гришка, домой, тащи ножницы. Поправим дедову бороду.

После такого вступления не потребовалось долго уговаривать колхозников продолжать работу. Максимов, Рекунов, Есин, еще несколько коммунистов взяли за вилы. Следом пошли все остальные. Работа закипела.

Что и говорить, умел Максимов найти подход к людям. И это удесятряло его председательские силы.

В первые годы после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС в Курской области, как и во всей стране, развернулась упорная борьба за увеличение производства мяса. Колхоз «Красный Октябрь» в те годы еще значительно отставал от многих передовых хозяйств области и по кормовой базе и по обеспечению скота помещениями.

Однако получилось так, что в течение каких-то двух лет «Красный Октябрь» опередил всех своих многочисленных соперников по соревнованию и именно по производству мяса в расчете на 100 гектаров пашни вышел в число передовых колхозов области.

Хочется привести только два эпизода, показывающие, как организаторские способности Максимова, его умение оценить человека помогли хозяйству добиться таких успехов.

Выше уже упоминалось, что первая в районе механизированная площадка по откорму свиней появилась в «Красном Октябре». Работать на ней назначили опытного тракториста Ивана Доронина, а в помощники ему дали молодого парня Николая Бабенко.

Ребята взялись за дело всеми силами. На площадку поставили сразу 700 свиней. Дела пошли отлично. Животные быстро набирали вес. О Доронине стали писать в газетах. В колхоз зачастили делегации из других хозяйств, чтобы перенять опыт работы чудо-фермы, хлынули фотографы, кинооператоры. Приедут на ферму и — прямо к Доронину. А тот — помощнику вилы в руки: «Иди работай». А сам позирует перед объективом, дает интервью. Да все о себе, а помощника и не упоминает.

А Бабенко все помалкивает да работает. Не обижается.

Потом стал Доронин частенько на совещания ездить. Надо и не надо — все равно едет. Максимов замечать начал, что Николай Бабенко и один отлично справляется с работой. Доронин, правда, тоже не ленив, но тому подай шумиху, славу. А Бабенко ничего этого не надо. Трудится да помалкивает.

Тогда Максимов осторожно, чтобы не обидеть хорошего работника, перевел Доронина на другой участок производства, а Николаю Бабенко велел подобрать себе помощника.

— Зачем? — удивился тот. — Один справлюсь. Только такие просьбы будут: прибавьте мне еще триста свиней, и, пожалуйста, не посылайте ни на какие совещания, и чтобы этих разных статей не писать.

Так Бабенко остался на ферме один и стал ежегодно откармливать до тысячи свиней. При этом себестоимость свинины у него снизилась вдвое против других немеханизированных ферм.

Впоследствии слава этого свинаря-механизатора разошлась по всей области.

Был еще такой случай.

Поздней осенью с летнего пастбища пригнали на ферму нагульное стадо — 200 бычков, каждый весом 170—180 килограммов. Было решено в ближайшее время отправить их на мясокомбинат. Колхозный зоотехник Л. Г. Сухорукова уже хлопотала об этом. А Максимов все не решался подписать документы на сдачу маловесного скота. Он хорошо понимал, что если этих бычков попридержать, весной пустить на пастбище, то будущей осенью можно получить дополнительно не менее 300 центнеров мяса. Есть для этого и корма. А вот помещения нет. Ставить телят решительно негде.

Строительство телятника должны были начать еще весной и к осени закончить. Но не удалось доставить заготовленный в Кировской области лес.

Максимов не находил себе места, ночами не спал.

Наконец ему пришла в голову мысль использовать для стен саманные блоки, то есть солому, замешенную на глине, как это делают на Кавказе.

Но когда строить, если на дворе уже заморозки, а все трудоспособное население занято на уборке свеклы. Там тоже дорог каждый час. Значит, все дело могут решить только крайне сжатые сроки строительства.

Члены правления после длинных и шумных споров наконец поддержали председателя.

На строительство выделили 200 колхозников, большинство их пришлось снять с плантаций. Максимов рассказал людям, как важно все сделать быстро.

Работали круглые сутки. Председатель колхоза трудился вместе со всеми. Когда спустя четыре дня в райцентре узнали о «самоуправстве» Максимова, срывающего уборку свеклы, и в колхоз в спешном порядке приехал председатель райисполкома, стены телятника уже были возведены, часть людей вернулась на плантации.

Максимов сильно простудился, и его с высокой температурой прямо со стройки увезли в больницу. Но на второй же день он на попутной машине убежал оттуда и — опять на стройку.

Телятник на 200 голов был полностью сооружен за 18 дней. В это было трудно поверить. Но люди, в которых Максимов всегда безгранично верил, сделали.

А следующей осенью колхоз сдал бычков средним весом 350 килограммов, получив дополнительно свыше 300 центнеров говядины.

Так работал с людьми Федор Павлович Максимов. Именно такой стиль руководства помог ему за короткий срок вывести хозяйство в число самых передовых в области, резко повысить урожайность зерновых и технических культур, поднять на высокий уровень производство продуктов животноводства.

Ни на минуту не забывал Максимов и о нуждах колхозников. В Сухой был построен первый в районе детский комбинат (сад-ясли), Дом культуры, медицинский пункт.

Родина высоко оценила трудовой подвиг председателя колхоза «Красный Октябрь» Ф. П. Максимова. В 1957 году он был награжден второй Золотой медалью «Серп и Молот».

Многие поступки Максимова трудно понять, не зная этого человека. И в самом деле. В 1946 году он не пошел на руководящую работу в районный центр. Пост председателя райисполкома предлагали ему, уже ставшему Героем Социалистического Труда. Не пошел. Его посылали председателем лучшего колхоза в левобережной зоне района, где чудесные черноземы. Отказался категорически. Предлагали крупную

руководящую работу в областном центре. Не пошел. Не посчитался даже с желаниями детей и жены.

Выйдя на пенсию, дважды Герой Социалистического Труда Максимов не последовал примеру некоторых других и не переехал жить в Курск, где ему конечно же немедленно предоставили бы отличную квартиру. Остался жить в своем селе, в том же маленьком, двухкомнатном домике вблизи колхозной конторы.

А объясняется все это одним — неистощимой любовью к земле, к тому делу, которому отдана вся жизнь.

Он и сегодня в строю. Высокий, чисто выбритый, энергичный, Федор Павлович по-прежнему поднимается утром раньше всех в селе, идет на поле или на ферму, идет туда, где работают люди. Он живет с ними одними заботами, одной жизнью, часто подчеркивая:

— Мои односельчане, Родина, партия сделали меня Героем. И всей моей жизни, какой бы она ни была, слишком мало, чтобы расплатиться за это...

А. Ищенко

Микоян
Артем Иванович

КОНСТРУКТОР

МиГов

...Серебристая точка стремительно росла на глазах. Вот уже видны выпущенные шасси. Еще секунды, и самолет катится по бетонной полосе аэродрома. Через несколько минут пилотировавший его председатель комиссии по испытанию нового истребителя генерал-лейтенант авиации вылез из кабины и, подойдя к невысокому, коренастому человеку, удовлетворенно сказал:

— Отличная машина, Артем Иванович! Как раз такая, что нужна нашим летчикам. Можно принимать на вооружение!

Потом они беседовали, и генеральный конструктор Микоян тщательно записал в блокнот все, даже незначительные на первый взгляд, замечания опытного летчика по последнему полету. Он хорошо понимал настроение генерала, стремившегося как можно скорее получить для истребительной авиации новый самолет с мощным вооружением, способный летать в два раза быстрее скорости распространения звука.

— Спасибо за оценку и доверие к коллективу! — сказал Микоян на прощание. — Вот поработаем еще над этими вашими замечаниями, устраним недостатки, тогда и будем представлять... — Артем Иванович крепко пожал руку генералу и пошел к ожидающей его машине, чтобы ехать в КБ.

За его спиной аэродром продолжал свою повседневную жизнь. Время от времени грохотали турбины уходящих в небо самолетов, мимо проплыл величественный заправщик. Вдруг он увидел в траве, у кромки бетонной полосы, отвертку. Он поднял ее, подумал: «Наверно, кто-то из механиков обронил». И, как порой бывает, этот простой инструмент вдруг увел его в мыслях далеко-далеко назад, в почти забытое детство.

Маленький Анушаван, младший из трех сыновей Ованеса Микояна, слывшего лучшим столяром армянского селения Санаин, в детстве не мечтал ни о самолетах, ни о покорении воздушных просторов. Его игрушками были инструменты отца: сверла, стамески, рубанки... Когда началась первая мировая война и в армию призвали старшего брата Ерванда, девятилетний Анушаван стал помогать отцу. Вначале ему поручалось наиболее простое — строгать доски.

— Старайся, Ануш, делать все, как можно тщательнее, — говорил Ованес сыну. — Кривая ножка стула всем скажет о лени мастера, а хорошая вещь может пережить своего творца, будет ему памятником...

Эти слова старого столяра Анушаван запомнил на всю жизнь. И потом, кем бы он ни был — рабочим, инженером, генеральным кон-

структором,— он старался все делать как можно лучше, не жалея времени и сил...

Война, голод, потеря близких отняли детство не только у Ануша Микояна. Тревожные слухи, далекая орудийная канонада, грабежи дашнакских «маузеристов» — суровые испытания тех тревожных лет навсегда остались в его памяти. Как-то летним утром 1919 года село Санаин было разбужено незнакомым гулом. В синем небе кружила необыкновенная птица, чем-то напоминающая этажерку, которые делал Ованес Микоян. Неожиданно гул смолк, самолет со свистом пронесся над селением и опустился на небольшую, покрытую густой травой полянку за околицей. Человек в кожанке и очках на лбу, вылезший из кабины, показался Анушу богатырем из какого-то сказочного мира.

Впрочем, в то время Анушу было еще не до авиации. После смерти отца Талиде Отаровне, его матери, стало трудно содержать большую семью. На семейном совете Ануша решили отправить в Тифлис, к родственникам.

— Там он будет учиться,— говорила мать дочерям,— получит хорошую специальность, сможет нам помогать.

В шумном, многонациональном городе на Куре Ануш заканчивает среднюю школу. Перед семнадцатилетним юношей встал серьезнейший вопрос: какой выбрать себе путь?

— Главная специальность на земле — рабочий! — сказал ему как-то брат, известный революционер Анастас Иванович Микоян. Он же и посоветовал в одном из своих писем: «Приезжай ко мне в Ростов-на-Дону, поступишь в школу фабрично-заводского ученичества, а там — на завод...»

В Ростове Ануш Микоян выбрал себе специальность токаря по металлу. Он с восхищением наблюдал, как под резцом, в паутине металлической стружки из грубой болванки получается блестящая деталь... Трудолюбивый паренек быстро овладел в школе ФЗУ токарным станком и получил направление на завод «Красный Аксай». Затем перешел в Главные железнодорожные мастерские. Здесь в траурные январские дни, когда страна прощалась с В. И. Лениным, рабочие приняли девятнадцатилетнего комсомольца Ануша Микояна кандидатом в члены большевистской партии.

Через год Ануш Микоян переезжает в Москву и устраивается токарем на завод «Динамо». Юноша быстро вошел в рабочий коллектив одного из крупнейших предприятий столицы. Здесь товарищи переделали непривычное для них имя Ануш на русское Артем. Вскоре молодого рабочего из далекой Армении выбрали секретарем цеховой партийной организации. В 1928 году Артем Микоян призывается на действительную службу, в течение двух лет находится в рядах Красной Армии. Не раз на учениях красноармеец Микоян видел в воздухе рокочущие самолеты. Они-то и зародили в нем мечту научиться самому создавать такие могучие, подобные орлам, птицы.

Первый шаг к осуществлению этой мечты был сделан в 1931 году, когда Артем Микоян становится слушателем Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Первые два курса были особенно трудными. Для изучения таких дисциплин, как высшая математика, теоретическая механика, физика, нужны были прочные знания программы средней школы. А слушатель Микоян закончил школу давным-давно и основательно подзабыл, чему там учили. Пришлось вспоминать. Он часами сидел за школьными учебниками, выписывал алгебраические формулы, решал задачи по физике и постепенно премудрости высшей математики начали казаться не такими сложными. А способностей и усидчивости ему было не занимать. На старших курсах легче стало и интереснее — началось преподавание дисциплин, имеющих непосредственное отношение к проектированию самолетов: аэродинамики, сопротивления материалов, термодинамики. Несмотря на большую учебную нагрузку, Артем Микоян подготовился и совершил несколько парашютных прыжков. Для этого, урывая часы у сна, ездил на окраину Москвы, в аэроклуб, а затем и на Тушинский аэродром, учился летать на самолете.

Годы, проведенные в академии, Артем Иванович всегда вспоминал с теплотой и любовью. Навсегда осталось у него чувство благодарности к преподавателям Б. Н. Юрьеву, В. Ф. Болховитинову, В. С. Пышнову и многим другим. Любил говорить: «Они поставили меня на крыло».

Уже на третьем курсе Артем Микоян решил применить полученные знания на практике — вместе с однокурсниками Н. А. Павловым и Т. Т. Самариным построил самолет-авиетку с толкающим винтом. Старый мотор «Анзани» мощностью 18 лошадиных сил нашли на складе металлолома. Деньги на покупку других материалов дал Осоавиахим. Строили самолет долго — закончили почти перед выпуском. Авиетка «Октябренок» совершила несколько удачных полетов, развивая скорость до 126 километров в час.

Вручая Микояну диплом об окончании Военно-воздушной академии, председатель государственной экзаменационной комиссии спросил:

— Где бы вы хотели служить?

— Военпредом на авиационном заводе, — ответил тот.

Это решение удивило многих товарищей Микояна, знавших о его желании стать авиационным конструктором. Однако молодой инженер объяснил: я хочу узнать все тонкости технологии производства, без этого нельзя и мечтать о создании своих самолетов.

Военным представителем на заводе, выпускавшем серийные истребители, Микоян проработал сравнительно недолго. Здесь он познакомился с конструктором Н. Н. Поликарповым, который и пригласил молодого специалиста на работу в свое бюро. Коллектив, создавший истребители И-15 и И-16, которые получили широкую известность в небе Испании, в то время занимался доводкой истребителя И-17, развивавшего огромную для того времени скорость 500 километров в час.

Часть конструкторов работала над созданием истребителя-биплана И-153 «Чайка».

В конструкторском бюро Артем Иванович живо интересовался новинками зарубежного самолетостроения. Его занимал вопрос о возможных путях совершенствования истребительной авиации. Большинство английских, немецких, итальянских самолетов в то время были бипланами. Однако некоторые французские, английские и немецкие машины имели лишь одну плоскость крыла. Схема биплана обеспечивала высокую маневренность, моноплана — большую скорость.

«Истребитель создан для боя, стремительных атак,— думал Микоян,— значит, главное — все-таки скорость. Будущее должно принадлежать монопланам без паутины растяжек, с совершенными аэродинамическими формами!»

Эти соображения нашли полную поддержку у одного из опытейших сотрудников бюро — Михаила Иосифовича Гуревича, еще в двадцатые годы работавшего по созданию первых советских летающих лодок, а затем проектировавшего бронированные штурмовики.

Опыт воздушных боев в Испании показал, что новейшие гитлеровские «мессершмитты» превосходят по скорости созданные ранее советские истребители. Перед советскими авиационными конструкторами встала ответственнейшая задача: как можно скорее ликвидировать превосходство фашистской Германии в области истребительной авиации. Начавшаяся вторая мировая война еще острее поставила этот вопрос.

Осенью 1939 года группа молодых инженеров во главе с А. И. Микояном и М. И. Гуревичем обратилась с письмом в Центральный Комитет Коммунистической партии с просьбой помочь им в создании нового истребителя с высокой скоростью и большим потолком высоты. Письмо было аргументировано и подкреплено убедительными расчетами. После внимательного рассмотрения в Центральном Комитете энтузиасты получили одобрение и поддержку.

Всю зиму 1939/40 года А. И. Микоян, М. И. Гуревич, молодые конструкторы А. Г. Брунов, Н. З. Матюк, В. А. Ромадин и другие даже по воскресеньям работали в конструкторском бюро от темна до темна.

На листах ватмана вырисовывались контуры самолета, поражавшего своими строгими, обтекаемыми формами. Учитывая реальные возможности, делать его решили смешанной конструкции — с широким использованием дерева для крыльев и хвостового оперения. Заданная высокая скорость потребовала мощного, а следовательно, тяжелого мотора. Все это привело к значительному увеличению веса истребителя. Как ни прикидывали конструкторы, от пушечного вооружения пришлось отказаться. Временами среди молодых инженеров возникали горячие споры.

— Неужели нельзя на самолет поставить хотя бы одну пушку? — горячился на совещании Артем Иванович.

— Никак невозможно, — успокаивал темпераментного товарища Михаил Иосифович Гуревич. — Три пулемета, в том числе один крупнокалиберный, — вооружение вполне достаточное!

Свой первый полет истребитель, получивший имя МиГ-1 — по начальным буквам фамилий своих основных творцов Микояна и Гуревича, совершил под управлением летчика-испытателя А. Н. Екатова 5 апреля 1940 года. От начала разработки чертежей до этого торжественного момента прошло всего пять месяцев. Срок для создания скоростного истребителя — рекордный!

Первые же испытательные полеты показали, что истребитель полностью оправдал надежды своих конструкторов. Его максимальная скорость достигала 648 километров в час, а потолок — 12 тысяч метров. В то время ни один серийный истребитель мира не имел таких высоких тактико-технических данных! По скорости на высоте более 5 тысяч метров МиГ-1 на 80 километров в час превосходил основной истребитель гитлеровской авиации «Мессершмитт-109». После всесторонних испытаний, проведенных в крайне сжатые сроки, МиГ-1 был принят на вооружение и запущен в серийное производство.

Однако работа над совершенствованием истребителя продолжалась. Благодаря напряженному труду всего коллектива удалось увеличить дальность полета, повысить живучесть в воздушном бою, облегчить управление. При этом старались максимально упростить технологию производства и учесть возможности авиационных заводов, где должны были выпускать новые истребители. Усовершенствованная машина получила наименование МиГ-3 и сразу же пошла в производство.

Уже в 1940 году было выпущено 20 самолетов МиГ, а за первое полугодие 1941 года советская авиационная промышленность дала больше тысячи истребителей МиГ-3.

С начала Великой Отечественной войны советские летчики на МиГах вели упорные воздушные бои с гитлеровскими «мессершмиттами», «юнкерсами» и «хейнкелями». Представители Ставки Верховного Главнокомандования Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников в докладе с Западного фронта Совету Народных Комиссаров сообщали: «...МиГов только 11 и они целый день в работе. Они являются грозным оружием для немцев. Сегодня, 29 июня 1941 г., два наших МиГа при встрече сразу сбили трех «мессершмиттов».

Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин писал впоследствии: «Я летал когда-то на МиГе. Это была выносливая машина. На больших высотах она вела себя отлично».

Однако опыт первых воздушных боев принес и неприятные неожиданности: выяснилось, что на высоте менее 5 тысяч метров МиГи уступали «мессерам» в горизонтальной скорости, скороподъемности и маневренности. Выяснились и другие недостатки: относительно большая посадочная скорость, малая дальность полета, недостаточное вооружение.

Осенью тяжелого 1941 года резко возросла необходимость в массовом выпуске двигателей АМ-38 для штурмовиков Ил-2, самолетов, столь необходимых для борьбы против вражеских танков. Поэтому для освобождения производственных мощностей мотор АМ-35А, устанавливавшийся на МиГах, был снят с производства. В связи с этим производство МиГов в ноябре 1941 года было прекращено. Оставшиеся самолеты до конца войны успешно использовались в частях противовоздушной обороны для отражения налетов вражеских бомбардировщиков.

Артем Иванович Микоян тяжело переживал снятие истребителя с производства. «Видимо, что-то недодумали, не все учли, где-то допустили ошибки...» — размышлял конструктор. И напряженная работа по совершенствованию МиГ-3 продолжалась. Коллектив под руководством А. И. Микояна стремился во что бы то ни стало создать машину, значительно превосходящую по всем данным гитлеровские истребители. Уже в 1942 году успешно прошел испытания истребитель, развивший скорость 660 километров в час. Однако для него не было мощных серийных двигателей водяного охлаждения. Тогда Артем Иванович решил использовать новые моторы воздушного охлаждения АШ-82 конструкции А. Д. Швецова. Новый самолет показал на испытаниях максимальную скорость 670 километров в час. Однако в серию пошел истребитель Ла-5 конструкции С. А. Лавочкина, более подходящий для швецовского двигателя.

— Что ж, — говорил тогда товарищам Артем Иванович, — это очень хорошо, что в нашей стране есть более совершенная машина... Значит, нам следует работать и создавать еще лучшие...

В 1943 году выходит на летные испытания истребитель МиГ-7 с мощным пушечным вооружением, показавший скорость до 700 километров в час — рекордную в Советском Союзе. Несколько позже создается опытный высотный самолет с практическим потолком в 14 тысяч метров. Затем, в труднейших условиях военного времени коллектив во главе с А. И. Микояном создает к началу 1945 года истребитель И-225, показавший скорость в 726 километров в час. Однако все это были обычные поршневые машины. Артем Иванович же стремился к созданию принципиально новых типов самолетов.

Еще в конце 1943 года — начале 1944 года стали поступать отрывочные сведения о ракетных ускорителях, применяемых на некоторых типах немецких самолетов, и о разработке принципиально новых моделей на ракетной тяге. Необходимо было как можно быстрее что-то противопоставить противнику.

С мая 1944 года коллектив под руководством А. И. Микояна приступил к созданию истребителя И-250 с комбинированной силовой установкой — часть мощности поршневого мотора ВК-107Р шла на вращение компрессора воздушно-реактивного двигателя.

Первый полет этот самолет совершил 3 марта 1945 года. Взлет и набор высоты прошел как обычно... Неожиданно из хвостовой части

истребителя вырвался яркий язык пламени, и машина стремительно рванулась вперед. По скорости (а с включенным реактивным двигателем она составляла 825 километров в час) самолет не уступал многим «чисто» реактивным истребителям, а по дальности — 1800 километров — значительно их превосходил. В 1945—1946 годах И-250 выпускался серийно и состоял на вооружении советских Военно-Воздушных Сил.

В один из солнечных мартовских дней 1945 года Артем Иванович Микоян собрал на совещание своих ближайших помощников и сказал:

— Правительство поставило перед нашим коллективом задачу в кратчайший срок создать высотный реактивный истребитель со скоростью не менее девятисот километров в час. Такое же задание дано конструкторскому бюро Яковлева...

При первых же прикидочных расчетах возник ряд непреодолимых на первый взгляд трудностей. Большая скорость, как показали расчеты и экспериментальные продувки в аэродинамической трубе, требовали тонкого крыла. Но всполошились специалисты группы шасси и вооруженцы: как будем размещать колеса и стойки и где взять площадь для размещения пушек и боезапаса?

В течение десятилетий у многомоторных самолетов двигатели размещались на крыльях. «А обязательна ли такая схема?» — размышлял А. И. Микоян. Он вспомнил, что еще перед первой мировой войной русский инженер В. А. Слесарев на самолете «Святогор» разместил два двигателя в фюзеляже с приводами на винты, расположенные на крыльях.

— А что если мы снимем двигатели с крыльев и поместим их рядом, в фюзеляже, ведь винтов-то у нас не будет? — предложил главный конструктор. Это решение было неожиданным. Ведь до сих пор на всех реактивных машинах с двумя двигателями они размещались на крыльях. Но микояновское решение позволяло резко снизить лобовое сопротивление и тем самым увеличить скорость и высоту. Попробовать стоило.

Около полудня 24 апреля 1946 года с одного из аэродромов взлетел непривычный, без воздушных винтов, «коротконогий» самолет. В полетном задании летчика-испытателя А. Н. Гринчика было написано: «Произвести первый вылет. Набрать высоту 1500—2000 метров. Пройти по кругу в течение 10—15 минут. Проверить управляемость и устойчивость в воздухе...» В этот же день взлетел и реактивный истребитель Як-15, разработанный в КБ А. С. Яковлева.

После всесторонних испытаний, в ходе которых была показана максимальная скорость 911 километров в час, истребитель МиГ-9 был запущен в серийное производство и принят на вооружение советской истребительной авиацией.

Скорость МиГ-9 при пикировании уже приближалась к звуковой.

Но при этом на аэродинамику машины стали оказывать влияние новые факторы. Как показали теоретические расчеты и эксперименты,

для их успешного решения потребовался переход, в частности, на стреловидные крылья.

К такому выводу одновременно с А. И. Микояном пришли и другие советские авиационные конструкторы. Первым в СССР взлетел самолет со стреловидным крылом конструкции С. А. Лавочкина. Его полеты подтвердили правильность выбранного направления.

Спустя непродолжительное время, 30 декабря 1947 года, летчик-испытатель В. Н. Юганов совершил первый полет на МиГ-15, истребителе со стреловидными крыльями. Машина развивала огромную для того времени скорость — 1050 километров в час и имела мощное вооружение — одну 37-миллиметровую и две 23-миллиметровые пушки. Этот истребитель за простоту обслуживания, надежность и неприхотливость советские летчики и авиационные техники любовно называли «самолет-солдат».

МиГ-15 продемонстрировал свои высокие боевые качества в грозовом небе Корейской Народно-Демократической Республики в 1951—1953 годах во время воздушных боев с новейшими американскими реактивными истребителями «Сейбр». Швейцарский авиационный журнал «Интеравиа» писал: «Истребитель МиГ-15, несомненно, превосходит «Сейбр». Быстрота, с которой русские запустили МиГ-15 в серийное производство, была поистине невероятной».

Продолжая совершенствовать МиГ-15, конструкторы под руководством А. И. Микояна поставили на самолет более мощный двигатель, увеличили угол стреловидности крыла с 35 до 45 градусов. Новый истребитель, получивший наименование МиГ-17, показал максимальную скорость — 1150 километров в час. В одном из полетов на этой машине летчик-испытатель И. Т. Иващенко впервые в мире на боевом самолете в горизонтальном полете превысил скорость распространения звука.

В начале пятидесятых годов в конструкторском бюро, руководимом А. И. Микояном, вплотную приступили к штурму звукового барьера — разработке первого отечественного сверхзвукового истребителя. Эта работа знаменовала новый этап в самолетостроении, так как все старые, проверенные аэродинамические формы и принципы расчетов оказались непригодными.

— Основу нашего проекта, — вспоминал впоследствии А. И. Микоян, — составляло применение тонкого стреловидного крыла и мощной двухдвигательной силовой установки с форсажными камерами, помещенной в фюзеляже...

Новый МиГ стал первым серийным самолетом, развивавшим сверхзвуковую скорость. На нем впервые в СССР была достигнута скорость 1450 километров в час.

В зарубежной печати неоднократно указывалось, что самолеты конструкции Микояна со скоростью, в два раза превышающей скорость звука, превосходили новейшие истребители ВВС США как по маневренности, так и по мощности вооружения.

— Самая «любимая» машина нашего конструкторского бюро,— вспоминал как-то генеральный конструктор А. И. Микоян,— пожалуй, МиГ-21, видимо, потому, что рождалась она с большими трудностями и в творческих муках...

Заданная высокая сверхзвуковая скорость требовала на этот раз опять нового подхода к аэродинамическим формам и самой конструкции самолета. Окончательному решению всех сложных и ответственных вопросов предшествовала большая научно-исследовательская работа, прежде всего в области аэродинамики. Велась она совместно с учеными ЦАГИ. Важнейшей задачей было определение формы крыльев в плане.

Ни многочисленные расчеты, в том числе и с использованием новейших электронно-вычислительных машин, ни экспериментальные продувки в аэродинамической трубе не смогли дать однозначного ответа.

— Сделаем самолеты со стреловидным и треугольным крылом! — в конце концов решил А. И. Микоян.

Только в результате сравнительных испытаний двух самолетов с различными крыльями было определено преимущество треугольного крыла для машины, развивавшей скорость в два раза больше звуковой.

На самолетах МиГ-21 и его дальнейших модификациях советские летчики установили много авиационных мировых рекордов. Первый рекорд еще в 1959 году установил летчик-испытатель Г. К. Мосолов — на этом самолете он показал среднюю скорость 2388 километров в час. Через два года он же на самолете МиГ-21-Ф с жидкостным ускорителем достиг высоты 34 714 метров, побив тем самым мировой рекорд американца Д. Джордана на истребителе Ф-104 «Старфайтер». В июле 1962 года Г. К. Мосолов на самолете Е-166 показывает среднюю скорость 2681 километр в час, превысив достижение Р. Робинсона на лучшем истребителе ВВС США — «Фантом».

Звуковой барьер был успешно преодолен. МиГи уверенно ходили далеко за «два звука». Однако конструкторский коллектив под руководством А. И. Микояна продолжал упорную работу по увеличению скорости и высоты полета самолетов. При этом встало новое препятствие — так называемый тепловой барьер. Дело в том, что при полетах со скоростями, близкими к 3 тысячам километров в час, температура обшивки истребителя могла достигать 300—400 градусов. При этом обычные дюралюминиевые сплавы теряют свою прочность. Нужно было искать новые жаропрочные материалы.

Артему Ивановичу Микояну удалось решить проблемы, связанные с тепловым барьером, сделать то, что не удалось многим зарубежным авиаконструкторам. Свидетельство этому — целый каскад авиационных рекордов, установленных на серийном одноместном истребителе Е-266 летчиками-испытателями А. Федотовым, П. Остапенко. Они значительно превысили достижения американских летчиков.

При разработке самолетов Артем Иванович и возглавляемые им конструкторы смело отказывались от старых и проверенных решений, настойчиво искали и находили принципиально новые. Противник всяческих догм, А. И. Микоян всегда стремился идти непроторенными путями, ломая устоявшиеся каноны, создавая совершенные и оригинальные направления в отечественном самолетостроении.

В конструкторском бюро, руководимом Артемом Ивановичем, умеют мечтать, а главное, претворять мечту в чертежи, в металл, в стремительные самолеты. Творческая обстановка, постоянный поиск, заинтересованная поддержка любого ценного начинания способствуют росту молодых специалистов, недавно пришедших в КБ.

— Люблю молодых,— часто говорил Артем Иванович,— за свежие головы, веру в свои силы, нерастраченную энергию, отсутствие консерватизма и рутины.

Такое объяснение в любви мы слышали из его уст и в адрес летчиков-испытателей. Они всегда были его ближайшими помощниками в создании новых самолетов.

Понимая ответственность и большую опасность первых полетов опытных машин, А. И. Микоян всегда проявлял исключительную заботу о безопасности летчиков-испытателей.

Старейший летчик-испытатель «фирмы» Герой Советского Союза Г. А. Седов вспоминает: «Иногда анализ данных, полученных в предварительных полетах, показывал, что граница опасности резко приблизилась. В этом случае Артем Иванович, несмотря ни на что, принимал решение о прекращении полетов. Они возобновлялись только после надежного устранения обнаруженного недостатка...»

Артем Иванович в последние годы жизни много работал над будущими моделями самолетов. Он говорил: сейчас перед авиаконструкторами стоят следующие основные задачи — освоение гиперзвуковых скоростей полета, разработка самолетов, не требующих бетонных взлетно-посадочных полос, создание машин вертикального взлета и посадки, а также с изменяемой в полете геометрией крыла.

Некоторые задумки генерального конструктора были воплощены еще при его жизни. Многоцелевой истребитель с изменяемой стреловидностью крыла был показан на воздушном параде в Домодедове, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Но это был последний самолет из славного семейства МиГов, в создании которого принимал участие Артем Иванович.

М. Новиков

Нилова
Аграфена Васильевна

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Она была красива статью, свежим румяным лицом, открытой и ясной душой, неиссякаемым весельем, неистребимым трудолюбием. Жила, радуя всех, заражая окружающих жаждой деятельности, ежедневной нелегкой работой и упорством доказывая, что не существует в жизни невозможного для влюбленного в свое дело человека. Щедрость ее характера, тепло ее доброго сердца люди воспринимали так же естественно, как солнечные лучи, как воздух, думая, что так будет вечно. И только когда Аграфены Васильевны Ниловой не стало, поняли, какой редкой души человек ушел от них.

...Семья Ниловых приехала в «Караваево», прослышав, что совхоз богатый и в работниках нуждается. Груне Ниловой в то время было восемнадцать — по сельским понятиям возраст, когда любая работа человеку по плечу. И хотя не велик выбор специальностей в хозяйстве, он все же существует. И самой привлекательной, самой желанной работой для многих девушек была работа доярки. Но именно в силу этого попасть на ферму не всем удавалось.

Рослая, видная, общительная и незлобивая характером Груня Нилова быстро перезнакомилась с большинством обитателей «Караваева». Побывала и на ферме, в бригаде Марии Дмитриевны Кошелевой.

Сейчас, когда минуло столько лет, трудно гадать, что подумала в тот момент о Груне Ниловой Мария Дмитриевна, почему ей поверила, но только в бригаду ее взяла. Рассказывают, правда, что, прежде чем решиться на это, бригадир испытала новенькую.

— Подои Красавку! — предложила она пришедшей.

Доить корову для Груни Ниловой — привычное занятие. Но одно дело — корова, которая признала твое право на это, и совсем иное — не привыкшая к тебе. Нилова подошла к Красавке, огладила, ласковыми словами попыталась расположить ее к себе. И только после этого решилась приступить к делу. Взяла поданную дояркой Ульяной Барковой теплую воду. Но стоило ей притронуться к вымени Красавки, как та отшатнулась, словно не теплой водой ее омыли, а кипятком ошпарили. Разлилась вода, упал, загремев, подойник. Девушка растерялась, ожидая, что ее сейчас же засмеют. Но услышала возмущенный голос Барковой:

— Хватит над девкой измываться. Красавка и нам не всем дается. А ты не расстраивайся, — обратилась она к молодой доярке. — Красавка — корова норовистая, и не обязательно тебе ее доить.

— А я и не расстраиваюсь. Только Красавку я все же подою, — неожиданно для всех твердо возразила новенькая.

И, уже уверенно похлопав Красавку по спине, снова пристроилась у ее вымени. Как ни странно, корова на этот раз покорилась. Корову Нилова подоила не для того, чтобы тем самым посрамить своих экзаменаторов, а доказать свой характер. И растрогала их своим упорством.

Возможно, так оно и было на самом деле. Но вполне вероятно, что вся эта благополучная история придумана. Однако если она и придумана, то, надо сказать, с большим знанием характера Груни Ниловой.

Часто, чтобы доказать, что работа сложная и требует большого умения, говорят: «Это тебе — не коров доить!» Коровы в совхозе «Каравашево» давали в сутки и 50, и даже 70 литров. Такое количество молока надоить совсем не просто. А если этих коров десять? Именно столько животных было закреплено в то время за каждой дояркой.

Хотя и лихо начала свою трудовую биографию Груня Нилова, но быстро поняла: еще многое надо узнать, многому научиться, чтобы получать такие удои, какие получает Ульяна Спиридоновна Баркова, другие опытные доярки. Никто не таил от нее секретов, опытом в «Каравашево» делились охотно, но мастерство приходит не вдруг и не ко всем. Девушка не спешила, но и безвольно не дожидалась, когда это мастерство само ей в руки придет.

Все быстро заметили, что вновь пришедшая — трудолюбивый, старательный человек: приходит раньше других, уходит с фермы последней. Но этим доярок не удивишь, они сами появляются на скотном дворе, когда еще солнышко только-только глаза протирает: в четыре утра — первая дойка. А перед дойкой надо и прибрать в стойлах, и накормить, и почистить коров. Поздно ложатся в поселке, особенно в летнюю страду, но доярки появляются на его улицах, когда не видно огоньков ни в одном доме — последняя дойка заканчивается не раньше одиннадцати ночи. А после дойки надо и кормушки почистить, и сена раздать коровам.

Не удивились и заметив, что молодая доярка от своих коров не отходит ни на минуту — чистит, моет да холит их. И сноровистость ее заметили. Сам Станислав Иванович Штейман, главный зоотехник совхоза, понаблюдав за ее работой, уверенно сказал, что дело у нее пойдет. А он редко ошибался в людях, сразу видел, кто на что способен. И все же основное, по чему оценивают искусство доярки, — удои, поэтому Груня каждую свободную минутку старалась провести рядом с Ульяной Спиридоновной. Запоминала, как та делает массаж перед дойкой и после. Попыталась сама. Вроде все как у Барковой, а на удоях это не сказалось. Задумалась Груня Нилова, отчего так происходит?

Прежде чем освоить какое-то движение, прием, надо мысленно его увидеть, а затем накрепко заучить. Так делают гимнасты, акробаты, осваивая новое движение, комбинацию; летчики, которые, прежде чем исполнить замысловатую фигуру в небе, тысячу раз мысленно проделывают ее на земле, имитируют на различных приспособлениях, тре-

нажерах. Именно осмыслить свои движения не могла молодая доярка, да и не представляла, что именно это-то ей и нужно. Были минуты, когда она начинала сомневаться, за свое ли дело взялась. В короткие ночные часы лежала с открытыми глазами. И знали о ее тревожных думах лишь чуткое материнское сердце да влажный край подушки.

Много написано и сказано о золотых руках доярок. И трудолюбивы они, и заботливы. Исключительно благодаря им коровы накормлены и ухожены, а значит, и здоровы. Устанавливается прямая связь между старательными руками работниц и продуктивностью животного. Если чутки и нежны руки доярки в самый ответственный момент — момент дойки, любил повторять Штейман, то животное не будет волноваться, переступать с места на место, дергаться... Оно приспосабливается и привыкает к одним и тем же рукам, как и к своему определенному месту на ферме, к своей автопоилке, к своей пище...

И плохо, когда руки доярки ленивые, неуклюжие, торопливые...

О руках Аграфены Васильевны Ниловой никто иначе не говорил, как только золотые. А они ведь не сразу стали такими. Сейчас, прослеживая год за годом героическую биографию славной караваевской труженицы, это сделать можно и нужно. Трудовой подвиг Аграфены Васильевны может во многом стать образцом для вступающей на самостоятельный трудовой путь молодежи, ищущей, «с кого делать свою жизнь».

После сомнений и раздумий Груня Нилова обратилась за советом к Ульяне Спиридоновне Барковой и Станиславу Ивановичу Штейману. Незнакомому человеку Ульяна Спиридоновна представлялась суровой, даже немного нелюдимой. Но для тех, кто сходил с ней ближе, кто искренне проявлял любовь к своему делу — к работе доярки, не было человека внимательнее, душевнее и роднее. И Нилова быстро оценила эту особенность характера своей наставницы: внимательно и благоговейно, стараясь не пропустить и малого, воспринимала она советы опытной доярки. А Ульяне Спиридоновне было чем поделиться, ее недаром считали «профессором» своего дела. И доить научила по-своему, по-барковски, всем кулаком, энергично и быстро.

Станислав же Иванович Штейман сумел убедить молодую доярку, что успех немислим без знаний. Она стала частой гостьей зоокабинета, где проводились занятия с работницами совхоза. И хоть поначалу с трудом давались ей премудрости животноводческой науки, она не отступила. Очень скоро удои от коров ее группы резко подскочили. Что это было, везение или закономерный результат всех предшествующих усилий? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. Конечно же опыт и знания всегда положительно сказываются на труде любого человека. И все же труд, не воспринятый душой, непрочувствованный, неодоухотворенный, не ставший смыслом жизни, никогда не станет трудом высокопроизводительным. Для всякой работы нужен свой талант. Рабочая биография Аграфены Васильевны Ниловой, вся ее славная трудовая деятельность — яркое подтверждение тому, что у нее такой

талант к работе доярки был. Она быстро переняла все лучшее, что умели делать опытные доярки, но привнесла в этот труд и свое. И успех не обошел ее стороной.

1939 год памятен для всего Караваева: впервые их гордость, их краса — рекордистки племенного стада появились на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Демонстрировать их направили самых умелых доярок. Среди них оказалась и Аграфена Васильевна Нилова.

Коровы племенного совхоза «Караваево», крупные, тяжелые, кремово-золотистой масти, привлекали внимание посетителей выставки, многочисленных специалистов.

Караваевцам было о чем рассказать. И о методе «холодного воспитания» молодняка, который спасал его от многих болезней, о высоких привесах. Из такого молодняка формировались животные с несокрушимым здоровьем, что и давало возможность в дальнейшем добиваться рекордных надоев.

Известно, цель выставки — не только, как говорится, людей посмотреть и себя показать. Смысл ее и основная задача — обмен передовым опытом. Караваевские доярки на время стали преподавателями, лекторами.

Аграфена Васильевна приготовила текст своей будущей лекции. Но прочитать написанное с трибуны оказалось делом непростым. Она путалась, запиналась, строчки прыгали перед глазами. И тогда, поняв, что из ее чтения ничего путного не получается, она отложила записи в сторону, разумно рассудив, что о своем деле, повседневном, кровном, она и без бумажек расскажет. И рассказала.

Хотя и радостным, поучительным был каждый из дней, проведенных на выставке, Аграфену Васильевну неудержимо тянуло домой — соскучилась по своим питомцам. Не успел автобус притормозить у правления совхоза, она, не заходя домой, оставив вещи на улице, кинулась на ферму.

Лето 1941 года оказалось урожайным на травы. Пойма с заливными лугами всегда была щедра на зеленый корм, травы вымахали в пояс человека. И такого луга — сотни гектаров! Уверяют, что именно эти места увековечил Н. А. Некрасов в своей поэме «Дедушка Мазай и зайцы» и что внуки деда Мазая до сих пор живут в Спас-Вежах, в большом селе на краю поймы при слиянии рек Волги и Костромки, где немало домов стоит на сваях. Кстати, каждый спасвежевец похвалится не только тем, что здесь гостил в свое время Некрасов, но и наезжали в гости и Новиков-Прибой, и Лавренев.

Тщательно сортировал стога С. И. Штейман, ведь айру и щавельнику — одна цена в кормовом рационе, медовым цветоносам — другая, овсянице и мятлику — одно назначение, диким бобовым — клеверу, доннику, буркунцу — другое. Рассказывают, что иногда Stanislaw Иванович метил стога бирками-памятками.

Война принесла в Караваево не только горечь разлук и расстав-

ний, не только дополнительные, но и неожиданные трудности. В хозяйстве хорошо помнят тот первый военный год, им ведь могла закончиться славная история племенного совхоза. Из смоленских краев, с земель, захваченных врагом, угонялся скот на восток. Истомленные дальней и трудной дорогой, коровы накинулись на сочные, душистые стога. Сена было не жалко, запасали много, и караваевцы охотно подкормили пригнанный скот. Но животные принесли страшную беду — ящур. Им сначала заразились телята, пасшиеся у тех же стогов. Потом болезнь перекинулась на взрослых животных.

Во время болезни вымя покрывается многочисленными язвочками, а доить надо.

Вот когда сыграло свою роль мастерство таких доярок, как Ульяна Спиридоновна Баркова, Аграфена Васильевна Нилова. Вспоминая те дни, Станислав Иванович Штейман уверял, что исключительно благодаря Аграфене Васильевне была спасена одна из лучших коров стада — рекордистка Нитка, дававшая в то время по 50 литров молока в день.

Нитка заболела ящуром. Язвочки покрыли все вымя. Оставить корову недоеной — значило загубить ее навсегда. А как подоить, если любое прикосновение к вымени вызывает нестерпимую боль? Не меньше двух часов длилась каждая дойка. И не сразу можно ответить, кому было трудней в это время: корове, преодолевавшей боль и допускавшей к себе доярку, или Аграфене Васильевне. И так продолжалось не день, и не два...

После войны, будучи уже признанным мастером доения, добившись высоких результатов от своей группы коров, она вдруг взялась за нетелей, удои от которых если и можно получать, то только лишь через несколько лет и неизвестно еще какие. Собственно, слово «вдруг» по отношению к решению Аграфены Васильевны поставлено не к месту — хозяйству нужно было, чтобы новеньких взял кто-то из опытных доярок, и как-то само собой получалось, что лучше, чем Аграфена Васильевна, с этим никто не мог справиться.

Помимо большого риска — коровы могли оказаться и неудачными, малопродуктивными, по крайней мере не рекордистками, — новотельных коров предстояло раздаивать.

До самых последних лет «Караваево» обладало самым высокопродуктивным стадом страны. В нем выращено наибольшее число рекордисток по индивидуальным рекордам и по пожизненным удоям. Особое место в выращивании будущих рекордисток имела подготовка нетелей. Их ставят к доярке за два месяца до отела или выделяют в особую группу, как это было в те годы, когда Аграфена Васильевна приняла новеньких.

Обычно в таких случаях об успехах доярки не говорят несколько лет — какие могут быть успехи при работе с первотелками! Зато хлопот с ними хватает — вместо обычных трех доек в день новотельных коров надо доить не меньше четырех раз.

Много сил вложила Аграфена Васильевна в своих новых питомиц, а умения к этому времени ей занимать не надо было. Недаром вспоминают такую деталь: когда в Караваево приезжали экскурсанты или делегации из зарубежных стран, Станислав Иванович Штейман почти всегда начинал знакомить приезжих с совхозом от той молочной фермы, где стояли коровы Ниловой. «Такой чистоты и порядка, как у Аграфены Васильевны, пожалуй, во всем хозяйстве нет»,—говорил он.

Воспитанницы Ниловой отблагодарили ее—уже по первому отелу они дали по 4 тысячи килограммов молока в год! Рекордные же надои пришли после третьего отела. Свыше 6 тысяч килограммов молока в год от каждой коровы! О таких надоях Аграфена Васильевна только могла мечтать. А некоторые питомицы дали и того больше: ласковая и всегда спокойная Каретка дала 8100 килограммов, Куста—свыше 10 тысяч.

В многочисленных книгах, рассказывающих об успехах караваевцев, можно видеть снимок, на котором Климент Ефремович Ворошилов вручает улыбающейся и счастливой Аграфене Васильевне высокую правительственную награду. Фотография запечатлела радостное событие в жизни Аграфены Васильевны, которое произошло в памятном всему Караваеву 1951 году, когда ей вручили вторую золотую медаль «Серп и Молот».

Добрую память оставила людям о себе Аграфена Васильевна Нилова. За тридцатилетнюю работу в хозяйстве она надоила сотни тысяч килограммов молока. На ее могиле прощальную речь произносил Станислав Иванович Штейман. Призывая всех хранить память о славной труженице и славном человеке, он сказал: «Будьте такими, как Груня Нилова».

В. Перемышлев

Патон
Борис Евгеньевич

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АКАДЕМИИ

В растворенное окно он услышал, как падают, разбиваясь об асфальт, игольчатые мячики каштанов, и посмотрел на часы. Стрелки показывали четверть девятого. Борис Евгеньевич улыбнулся. Надо же, обычный шум улицы его не тревожил, а наступившая тишина словно разбудила. Совещания, деловые встречи, обсуждение перспективных научных проблем, письма, десятки звонков президентского дня теперь уже позади. Пора и домой. Ах вот оно что. Этот глухой стук напомнил ему о корте. «Так и не дождалась», — подумал он о жене. — Ведь обещал не пропускать теннисный день. Теперь «пишите жалобу на самого себя».

Теннисный день стал отвоеванной им у своего же времени привилегией, «технологическим звеном» жесткого распорядка. Просто многолетняя привычка держаться в форме. Один из секретов его уникальной работоспособности. Все, кто знает Патона, относятся к этому уважительно. Да и как иначе? С девяти до часу — работа в институте, перерыв и с двух тридцати до позднего вечера — в президиуме академии.

Долгий и трудный день. Гораздо длиннее положенного. Кодекс законов о труде к ученому применить невозможно. Как регламентировать мысль, поиск, творческое напряжение?

Поговорка «Жалуйся на самого себя», позаимствованная у кого-то, прижилась. Должно быть, потому, что разбор любой неудачи обязательно начинал с себя. И все, работавшие с ним, знали — взыскания различного рода даются ему нелегко, относит он их и на счет своих недоработок, недосмотра, невнимания.

От него редко услышишь распространенную ныне жалобу на недостаток времени. Как все предельно организованные люди, Борис Евгеньевич нетороплив, чужд суеты. Хотя не то что минуты — секунды все подсчитаны. Он уже давно привык работать в таком, быть может и немислимом для других, режиме.

Сегодня Борис Евгеньевич выступал на президиуме. Обсуждались пути повышения эффективности научных исследований в одиннадцатой пятилетке.

— Наука — решающий фактор научно-технического прогресса и развития экономики в целом. Мы обязаны четко видеть перспективу, по крайней мере до двухтысячного года, — говорил он. — Мы должны предлагать решения, обеспечивающие действительно революционные сдвиги в производстве, коренным образом меняющие привычную тех-

нологию в таких ведущих отраслях, как энергетика, металлургия, машиностроение, сельское хозяйство. Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с выполнением намеченной партией Продовольственной программы.

Агропромышленный комплекс требует не только огромных капиталовложений, но и всестороннего научного обеспечения. Наука призвана не только преодолевать трудности сегодняшнего дня, но и указать стратегические пути решения. Значит, нужно безотлагательно расширять фронт исследований, создавать высокоурожайные сорта сельскохозяйственных культур, эффективные удобрения, средства защиты растений и животных, готовить обоснованные рекомендации... Все это должно обогатить арсенал земледельца и животновода.

Генеральные направления научного поиска намечены. Поставленные цели будут достигнуты. Он в этом уверен. Но все-таки мысль продолжает напряженно работать, и даже дома, в часы отдыха, напряжению этому не скоро дано схлынуть.

Сложнейшие фундаментальные проблемы, интереснейшие поисковые работы по созданию промышленных космических технологий... Как хотелось бы самому взяться за все это, лично приложить руки... Забыть, что ты — президент республиканской академии, окунуться с головой в столь близкий смолоду, но всякий раз такой захватывающий круг идей и гипотез. Но... его внимания ожидают, его времени требуют десятки комплексных программ, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, многие из которых выполняются совместно с министерствами, объединениями, предприятиями. И по ходу кого-то приходится убеждать в преимуществах программно-целевого подхода, налаживать научно-техническую кооперацию, привлекать к сложнейшим исследованиям молодых ученых, растить смену, потому что без молодости, дерзости, увлеченности у науки нет будущего. В этом он убежден. Его очень тревожит уменьшившийся в последние годы приток одаренной молодежи в вузы на естественнонаучные и технические специальности.

Работы, направленные на решение ключевых проблем экономического и социального развития, приковывают силы всей академии. Не успеешь решить одну задачу, как встает другая. И требуется не просто решение, а оптимальный вариант в научном, экономическом и социальном отношении. Требуется не просто «расшить» очередное узкое место, а предложить принципиально новую технологию, которая бы в корне изменила традиционный процесс, резко расширила производственные возможности, освободила людей от монотонных и тяжелых операций, раскрыв перед ними простор для творческого труда. Борис Евгеньевич знал, сколько ценнейших научных идей похоронено под пластами времени, как трагически порой складывались судьбы людей, которые впустую растрачивали силы, творческий потенциал. И в том, что на путях поиска истины, сблизившей науку и практику, движение стало двусторонним, его немалая заслуга. Она подтверждена всей стратегией и

тактикой научного возмужания многотысячного коллектива, которым он руководит. С самого начала, когда ему было доверено управление большой наукой, Патон заботится о всемерном сокращении отрезка времени между рождением идеи и ее реализацией. Этому служат академические научно-технические комплексы, включающие генераторы идей — институты, КБ, где сосредоточены разработчики, экспериментальные производства и опытные заводы.

Ученые знают, как тяжело дается внедрение новых достижений науки. Причем, как правило, тем труднее, чем эти идеи свежее, глубже, оригинальнее. Патону не по душе и самое понятие «внедрение», как бы настраивающее практиков на сопротивление. Он упорно размышлял над тем, каким образом с первых же шагов обратить производственников из противников в сторонников идеи, а затем — в ее горячих поборников. И пришел к выводу, что этого можно достичь, лишь проникнув трудностями и заботами своих партнеров. Им надо предлагать не голую идею, а тщательно опробованную разработку, реализация которой в масштабах предприятия или отрасли будет связана с минимальным производственным риском.

«Если мы хотим успешно продвигаться вперед — а мы, как страна, строящая коммунизм, должны все время идти вперед, — то следует принять подлинно революционные меры и создать прочный, стойкий сплав науки и производства», — говорил Л. И. Брежнев.

Такой «сплав» был создан по примеру ученых Института электросварки имени Е. О. Патона в других институтах академии. Опыт этот получил одобрение Центрального Комитета КПСС.

Сейчас на пять коллективов (институты электросварки, кибернетики, проблем материаловедения, сверхтвердых материалов и физикотехнический институт низких температур, где созданы комплексы, обеспечивающие сквозное планирование всех этапов — от идеи до ее реализации на практике) приходится половина экономического эффекта, полученного в десятой пятилетке от внедрения разработок всей Академии наук УССР. На другой чаше весов — вклад всех остальных институтов. Вот она, эффективность.

Сегодня это понимают все. Но как непросто давался каждый шаг по «наведению мостов», налаживанию эффективных связей с производством!

Успехи на этом пути во многом предопределены постоянным вниманием ЦК Компартии Украины, обкомов и Киевского горкома партии к вопросам ускорения научно-технического прогресса, совершенствования управления им.

Взять, например, тесную совместную деятельность АН УССР, партийных и советских органов областей и городов республики. Она породила такую перспективную форму связи науки и производства, как заключение договора о сотрудничестве в проведении совместных работ академических институтов с предприятиями, организациями и вузами областей республики. Это благотворно сказалось на всем комплексе

сотрудничества работников науки и производства. Только за минувшую пятилетку в народное хозяйство внедрено свыше трех тысяч научных разработок с экономическим эффектом более полутора миллиардов рублей.

Борис Евгеньевич с удовлетворением отмечает изменения в психологии ученого.

— Если раньше,— говорит он,— исследование обычно заканчивалось рекомендациями, то теперь ученый не мыслит себя вне практической реализации своей идеи. Естественное стремление ученого увидеть плоды своих усилий в конкретном виде получает реальное осуществление.

Каждое утро, приходя в институт, Борис Евгеньевич встречается с отцом. Большой портрет, неувядающие цветы, доброе лицо с высоким лбом, белыми пушистыми усами. Внимательные глаза.

«С надеждой смотрю я на нашу талантливую молодежь,— писал Евгений Оскарович незадолго до смерти.— У большинства товарищей еще сравнительно невелик стаж научной деятельности, но они научились работать коллективно, спаянно, дружно, не зазнаваться и критически оценивать свои успехи, держать тесную связь с жизнью, с производством. Это позволяет мне надеяться, что созданный нами почти двадцать лет тому назад Институт электросварки будет и дальше справляться со своими большими задачами».

Он не просто помнит слова отца. Все минувшие с того времени годы он несет на себе ответственность за реализацию этого завещания. Разве не бывало так, что с уходом из жизни крупного ученого коллектив, достигший под его началом крупных успехов, распадался...

Здесь этого не случилось. Напротив, за прошедшие годы коллектив мужал, его творческий расцвет продолжался. Институт, которому было присвоено имя Е. О. Патона, стал крупнейшим в мире научно-исследовательским центром в области сварки и специальной электрометаллургии. Ныне это целый комплекс, включающий помимо института опытно-конструкторско-технологическое бюро, экспериментальное производство, опытные заводы сварочного оборудования и сварочных материалов. В них трудится более 7 тысяч человек. Институт участвует в осуществлении двенадцати комплексных программ, выполняемых в интересах крупных промышленных объединений, министерств и регионов, одиннадцати общесоюзных и республиканских целевых программ. К этому следует добавить еще участие в решении более двадцати важнейших научно-технических проблем.

Крупномасштабные работы, выполняемые под эгидой института, привели к созданию новых отраслей, таких, как, например, спецэлектрометаллургия.

Общий экономический эффект от использования разработок Института электросварки, выполненных в сотрудничестве с другими предприятиями и организациями, превышает в среднем 150 миллионов рублей ежегодно.

Евгений Оскарович Патон начинал с маленькой лаборатории, в штате которой было всего пять человек. Несмотря на малочисленность коллектива, именно в те годы родилось самое, пожалуй, значительное из достижений патоновцев — глубокое осознание учеными своего гражданского долга перед обществом. Со временем это превратилось не только в традицию, но и стало действенным стимулом, побуждающим к самозабвенному творческому труду.

...Урал. Трудный второй год войны. Патоновский шов впервые в мировой практике накрепко соединил броневые листы. И днем, и в полночь, и на рассвете Евгения Оскаровича видели в цехах. Сварка определяла ритм танкового конвейера. Для старого академика вообще не существовало второстепенных вопросов, а уж в таком деле он находил время вникать в любые мелочи, считая, что оно компенсируется отдачей. Так и было.

Его уже тогда заботил завтрашний день электросварки. Требовался научный задел. Однажды он вызвал двух молодых своих сотрудников — Бориса Патона и Арсения Макару — и поручил им серьезное, фундаментальное исследование, которое им предстояло выполнять, не сужая круга основных обязанностей. И без того крайне ограниченное время отдыха беспощадно урезывалось.

Какая это была школа мобилизации человеческих возможностей! То же ведь осталось в традициях коллектива: никаких ссылок на трудности, надо, — значит, будет сделано.

Тогда Б. Патон и А. Макара, опровергнув американскую теорию сварки сопротивлением, доказали наличие дугового процесса при сварке под флюсом. Это исследование по сей день не утратило научной ценности. А тогда оно открывало новые пути в разработке режимов сварки.

Евгений Оскарович Патон считал, что коллектив, в котором не рождаются идеи, обречен на прозябание. Он требовал от своих соратников новых идей, смелых, глубоких разработок. Он не считал допустимым тратить время просто на усовершенствование. В его понимании ученый — это генератор идей. Значит, только вперед, значит, все, что выходит из твоих рук, должно иметь марку «впервые».

— На собственном опыте убедился, — говорил Евгений Оскарович, — что трудные и смелые задачи решать значительно интереснее, нежели простые и мелкие. Больше того — их легче решать...

Вспоминая об этом, Борис Евгеньевич задумывается:

— Парадокс здесь кажущийся. При такой постановке вопроса человек мобилизует лучшее, что в нем есть.

Наверное, только Борис Евгеньевич и знает, как нелегко быть сыном такого отца.

Отдавая делу максимум человеческих возможностей, старый академик имел право на такие требования. Стоило решить самый сложный технический вопрос — и он уже не испытывал удовлетворения, порываясь к новому, неизвестному.

Надо обладать высшим человеческим мужеством и истинно новаторской натурой, чтобы, почти достигнув 60 лет, став всемирно известным специалистом в области строительства мостов, оставить любимое дело и безраздельно отдаться новому. Учиться самому, растить учеников.

Приехав по служебным делам на железнодорожную станцию и впервые увидев электросварку, он был очарован голубым огнем. Быстро оценив его возможности, он посвятил всю оставшуюся жизнь этому перспективному направлению техники. Благодаря трудам Е. О. Патона электросварка стала эффективным средством преобразования традиционных промышленных технологий. Научные результаты были настолько значительны, что даже самые непреклонные скептики, а их было немало, забыли свой главный аргумент, что «институт с такой узкой инженерной специализацией не вписывается в систему академии».

Е. О. Патон всегда уделял много внимания подготовке молодой смены. С именами тех юношей, которые вместе со своим учителем утверждали новую науку, а теперь уже и их учеников связаны выдающиеся открытия в различных областях сварки, металлургии, робототехники, космической технологии. Многие из них уже академики, члены-корреспонденты, лауреаты Ленинской и Государственной премий. У них свои направления в сварке, свои школы, свои ученики, но одно объединяет их всех — обостренное чувство новизны.

Невозможно назвать отрасль материального производства, где бы не применялись методы сварки, созданные здесь. Они на вооружении и тех, кто сваривает огромные резервуары, нефте- и газопроводы, рельсовые пути, секции крупнейших в мире доменных печей, гигантские морские суда, самолеты, сверхмощные турбины, прессы... и тех, кто работает с миниатюрной электроникой, ювелирными изделиями, даже зубными протезами. Всякий раз вместе со сваркой в отрасль вторгался новый способ производства.

Двадцать лет назад американцы были поражены научным решением сложнейшей проблемы современного машиностроения — возможностью изготавливать крупногабаритные машины без применения уникального литейного и кузнечного оборудования. Эта возможность появилась благодаря открытию способа электрошлаковой сварки. За один проход быстро и надежно соединяется металл практически любой толщины.

Как-то на заводе «Днепроспецсталь» в Запорожье я встретила Бориса Израилевича Медовара. Он ходил по цеху с группой людей и объяснял им устройство печей электрошлакового переплава. Представители крупной американской фирмы приехали за лицензией. Здесь впервые была получена сверхчистая сталь, и они не скрывали своей заинтересованности.

Впервые в мировой практике патоновцы сконструировали установки для сварки рельсов в полевых условиях. За разработку технологии

и оборудования для сварки бесстыкового железнодорожного пути группа сотрудников института удостоена Ленинской премии.

Впервые был предложен также способ автоматической сварки труб большого диаметра, созданы агрегат К-700 и установка «Север», которые восхищают своим совершенством и новизной современный технический мир.

Настал день, когда космический корабль доставил на околоземную орбиту Валерия Кубасова, первого космического сварщика. Эксперименты по осуществлению сварки в условиях космоса были подготовлены патоновцами.

Позднее, на пресс-конференции в переполненном зале Московского университета Кубасов говорил: «Развитие космонавтики уже сегодня ставит перед нашими учеными и конструкторами задачи, касающиеся создания больших орбитальных станций и межпланетных кораблей из частей, доставляемых на околоземную орбиту. В дальнейшем понадобится и ремонтировать космические аппараты, находящиеся длительное время в полете. Такие работы вызывают необходимость соединять металлы, в том числе и сваркой». Немногим более десяти лет прошло после этой первой технологической операции, и мир уже всерьез говорит о рождении космической технологии.

После того как транспортный корабль «Прогресс-9» доставил на орбитальную станцию «Салют-6» разработанную и изготовленную в Институте электросварки имени Е. О. Патона установку «Испаритель», начались планомерные эксперименты по целому ряду материаловедческих проблем. Получены важные практические результаты. В частности, установлена возможность наносить покрытия заданного состава и самого различного целевого назначения — жаропрочные, износостойкие и другие.

— Космос привлек ученых-материаловедов, специалистов в области сварки и металлургии условиями, которых нельзя достичь на Земле, — говорит Борис Евгеньевич. — Три фактора — даровой глубокий вакуум в сочетании с практической невесомостью и широкий интервал перепада температур — создают идеальные условия для проверки различных идей. Невесомость в принципе позволяет получать прочные, легкие материалы с равномерным распределением пор-пустот по заданной программе. Существует множество заманчивых идей. Например, мечта С. П. Королева об использовании так называемых трансформируемых конструкций, складываемых на Земле в малые габариты, которые после доставки в космос раскрываются. А монтаж — это сварка.

О возможности и необходимости сварочных работ в космосе впервые реально зашла речь в начале шестидесятых годов.

— Помню, я ездил по делам к академику Королеву, — рассказывает Б. Е. Патон. — Наш институт уже участвовал тогда в программе освоения космического пространства. Без сварки немыслимо создание ракет, спутников, кораблей, вообще космической техники. Сергей Павлович тогда предвидел шаг, который нам предстоит сделать от сварки

для космоса к сварке в космосе. Мы сидели с ним в кабине одного из кораблей и рассуждали, где и как тут можно лучше разместить сварочную установку. Интересная была у него идея. Собрать при помощи кораблей-буксировщиков отслужившие отсеки космических кораблей, спутники и другие объекты, вращающиеся в околоземном пространстве, чтобы они не пропадали зря. По-хозяйски судил. Это ведь готовые конструкции из высококачественного металла, из которых можно монтировать крупные орбитальные станции. Жаль, что он не дожил до того времени, когда компактные сварочные устройства, включенные в комплекс «Вулкан», продемонстрировали свою работоспособность и надежность. Мы впервые предложили выйти на орбиту с «огневыми» процессами и экспериментально доказали, что их можно вести успешно. Теперь космонавты уже могут получить набор инструментов для сварочных ремонтно-профилактических работ.

Установка «Испаритель», на которой работали В. Ляхов и В. Рюмин, помимо исследовательских целей предназначена и для того, чтобы космонавты могли нанести специальное покрытие на определенные участки терморегулирующих экранов и других поверхностей станции в случае надобности. Ведь все изнашивается, даже в космическом пространстве. Помните, как А. Губарев и Г. Гречко на станции «Салют-4» расплавили с помощью электрического тока алюминиевый шарик и «починили» зеркало орбитального солнечного телескопа.

Электронно-лучевая сварка на орбите была испытана В. Кубасовым. В дальнейшем французская геофизическая ракета «Эридан» подняла на шестидесятикилометровую высоту советскую электронную пушку, которая «выстрелила» в магнитосфере Земли. Пучок заряженных частиц пронесся вдоль силовых линий магнитного поля планеты и над далеким северным поселком в Архангельской области впервые вспыхнуло искусственное полярное сияние. Космический ускоритель электронов был создан в Институте электросварки под руководством академика Б. Е. Патона. Это был проект «Аракс». Затем были исследования по технологии металлов во время осуществления проекта «Союз — Аполлон». И вот теперь — «Испаритель», где концентрированный пучок электронов используется в качестве источника для нагрева и испарения различных материалов.

— Теперь все кажется просто, — вспоминает кандидат технических наук В. Ф. Лапчинский, — а сколько загадок задала нам невесомость! Как удерживать расплавленный металл в печке? Какой должна быть ее конструкция? Приходилось экспериментировать в летающей лаборатории на борту реактивного самолета. Бесконечные, изматывающие фигуры высшего пилотажа. Летчик брал «горку», и на каких-то 20 секунд удавалось «получать» невесомость и отрабатывать технологический процесс, испытывать конструкцию. Учиться работать в секунды, которые в конечном счете выливались в часы испытаний.

«Испаритель» был изготовлен всего лишь за год. Это наглядный пример того, как патоновцы смело наступают на сроки, добиваясь ре-

кордных результатов. Вспомним для сравнения, что с момента открытия электронной лампы до ее массового производства прошло ни много ни мало тридцать лет.

— Есть совершенно точный количественный показатель того, насколько эффективно функционирует система «Наука — техника — производство». Этот показатель — время, за которое производство в состоянии освоить фундаментальное открытие, — считает Патон. — При высочайшем динамизме современных производительных сил период морального старения новой техники и технологии не превышает, как правило, шести — восьми лет. Поистине космические скорости накопления теоретических знаний и их практического применения требуют широкой кооперации научных сил внутри страны и за рубежом. Это объективная необходимость. АН УССР ведет свыше 200 тем совместно с исследовательскими центрами различных стран. Особой плодотворностью отличается сотрудничество с учеными стран — членов СЭВ. Объединение усилий не только ускоряет развитие науки, но и резко снижает потери каждой стороны.

— Недавно совместно с фирмой «Индастриэл вакуум интернэшнл» мы завершили работу над опытным вариантом установки для нанесения оптических покрытий на зеркала лазерных устройств, что дало значительный экономический эффект для обеих сторон. Не думаю, чтобы американцы от этого проиграли... — улыбается Борис Евгеньевич.

Новаторство безгранично по своей природе. Этот довольно редкий дар стал отличительной чертой, почерком Института электросварки имени Е. О. Патона.

Благодаря активному творческому поиску коллектива института, который возглавляет Борис Евгеньевич Патон, Советский Союз опередил все страны мира в разработке теоретических основ электросварки и специальной электрометаллургии, превзошел их по объему применения наиболее прогрессивных способов производства сварных конструкций, качественных металлов и сплавов. Институт, где глубоко разрабатываются фундаментальные проблемы материаловедения, создает крепкую теоретическую основу для решения задач текущего дня. Адреса известны — АвтоЗИЛ, «Атоммаш», Харьковский турбинный, объединение «Ижорский завод», стройки Западной Сибири...

С XXVI съезда партии Борис Евгеньевич вернулся окрыленный новыми планами. Требовалась не только интенсификация научного поиска, но и удешевленная практическая отдача. И, как всегда, он начал со своего института. Патоновцы сосредоточивают свои усилия на решении крупнейших проблем одиннадцатой пятилетки — снижении металлоемкости и трудоемкости, создании и внедрении безотходных технологий, роботов, которые бы взяли на себя самый тяжелый труд. Задачи, поставленные съездом, закладывались в конкретные разработки. Использование возможностей социалистического соревнования при решении проблем научно-технического прогресса позволило расширить

обычные рамки сотрудничества. Коллектив института выполняет совместные работы почти с 400 предприятиями и стройками 43 министерств и ведомств. В основе этих связей — взаимная заинтересованность и ответственность, доверие и желание сделать как можно больше и лучше.

Наследство бывает разным. Звонкая монета в кубышках, недвижимость, превращающаяся в тлен. А здесь — сын унаследовал от отца дело жизни, работу, по сути изнуряющую, если бы не была любимой, высокую духовную силу патриота и гражданина.

Недавно мне рассказывали корабелы «Ленинской кузницы» о том времени, когда на стапелях сварка только начинала заменять трудоемкую клепку. Многие не верили, что это возможно. Необходимо было убеждать, доказывать делом. Евгений Оскарович часто приезжал на завод. Тогда еще не было в Киеве моста, соединяющего правый берег Днепра с Рыбальским островом, где находились стапели. Рабочие видели, как на том берегу останавливался газик и старый академик в простых валенках, медленно ступая по льду, шел им навстречу. Трудно ему было? Конечно. Может, и вовсе неумоготу. Но — нужно, и он шел.

А мостостроители? Сколько могут рассказать они невероятных историй, почти легенд. Самая фантастическая из них — о том, как, задумав в конце жизни объединить два любимейших своих дела — мостостроение и сварку, восьмидесятитрехлетний старик, преодолевая неверие и растерянность специалистов, уникальным сооружением соединил берега Днепра, открыв широкую дорогу индустриальным методам производства сварных конструкций и их монтажа. Трех месяцев не дожидаясь Евгений Оскарович до открытия движения по красавцу мосту, который теперь носит его имя. Он не умел работать в «белых перчатках», в кабинетной тиши. «Помощь заводу нужна сейчас же, ждать ему некогда. Нужно засучив рукава много и усердно трудиться на любой «грязной» работе. Если нужно, то и мастерами, наладчиками, инструкторами в цехах. Мы должны найти свое место на этом заводе, здесь в больших масштабах внедрить автосварку, завоевать авторитет и признание. Следующий этап — работа на других заводах, и, чем больше их будет, тем лучше».

Вот такое наследство получил младший Патон. Я думаю об этом всякий раз, приходя в институт и встречая в проходной множество людей из Мурманска, Ашхабада, Тбилиси, Якутии и Забайкалья, других дальних мест. Здесь они находят совет и помощь, овладевают искусством сварки, основанным на точном научном расчете.

Рассказывать о коллективе ИЭС можно много, и это будет связано с ним, Борисом Евгеньевичем Патоном, его судьбой, его работой, его высоким научным авторитетом, без которого немыслимой была бы успешная деятельность и в роли президента Академии наук Украины.

Академия. Научные центры — Приднепровский, Донецкий, Северо-Западный, Западный, Северо-Восточный, Южный, десятки институтов,

секции, комиссии, проблемные советы, музеи, ботанические сады, заповедники, исследовательские станции, лаборатории, обсерватории и информационно-вычислительные центры. От президентского стола расходится разветвленная сеть «силовых линий», связывающих воедино все направления многогранной деятельности академии, президиума, отделений. В поле зрения — международные научные связи, координация исследований, издательская деятельность, капитальное строительство, материально-техническое снабжение, выполнение финансового плана. Огромное это хозяйство требует контроля и оперативных управленческих решений. Все взаимно переплетено в его жизни. Обязанности депутата Верховного Совета СССР, большая работа члена Центрального Комитета нашей партии. Выступления, встречи, поездки. Его организаторские способности, напряженный поиск новых идей, умение предвидеть, предугадать привлекают к нему людей, которые, воспринимая его стиль, становятся коллективом подвижников, уверенно идущих к цели.

Трудно? По нему не заметишь. Всегда ровный, всегда готовый решать на месте, без оттягиваний и проволочек, воспитавший в себе способность работать в любых условиях, обладающий достаточным чувством юмора, чтобы найти разрядку сложной ситуации. Таким видят Патона каждый день. Другой бы согнулся от такой ответственности. А он выработал в себе достойную подражания привычку отвлекаться. На работу, с работы — пешком. Увлеченный теннисист, отличный пловец, водный лыжник. Отдыхает, как и работает, — с упоением, самая высокая волна — его, самая сложная партия — тоже его. Этот человек сам умножает свои силы, чтобы с головой уйти в работу.

Счастливое сочетание: своеобразный интеллект, организаторский талант, гражданская активность.

— Руководитель научного коллектива, — говорит Борис Евгеньевич, — должен стремиться быть руководителем типа Келдыша, Курчатова, Королева...

Вся деятельность руководимой им академии направлена на ускорение реализации исключительных возможностей нашей социалистической экономики. Смена технологий, создание новых конструктивных материалов, все более совершенных видов техники — процесс непрерывный. А это значит непрерывное, никогда не прекращающееся познание, постоянно ускоряющееся продвижение научных идей в практику. Чем короче этот путь, тем эффективнее мы хозяйничаем.

— Эффективность работы, — считает Патон, — в значительной мере зависит от рациональной внутренней организации, которая проявляется в тесной взаимосвязи подразделений, а также плановой концентрации их действий, их целевой ориентации.

Борис Евгеньевич убежден: институты АН УССР должны стремиться к тому, чтобы занимать передовые позиции в своей области не только в масштабе республики, но и всей страны. Именно в этом институты должны видеть свою главную задачу...

Забота президиума об укреплении опытно-промышленной базы Академии наук СССР стала действенным фактором повышения эффективности ее деятельности. За 15 лет количество хозрасчетных подразделений при институтах выросло с 16 до 68, а объем производства — с 12 до 170 миллионов рублей. В составе академии появились мощные опытные заводы, вдвое больше стало опытно-конструкторских бюро, выросло количество вычислительных центров. Это дает возможность быстро создавать, проверять и передавать народному хозяйству новейшие технологии, приборы, оборудование, аппараты.

За последние годы учеными академии разработано и внедрено более 350 технологий различного уровня и назначения. Многие из них произвели коренные преобразования в ряде отраслей. Исследования по физике твердого тела позволили создать физико-технические основы оптоэлектроники. В результате промышленности переданы совершенные фотоэлектрические приборы. Достижения в области молекулярной биологии, генетики и биохимии дали возможность вывести ряд высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, получить новые виды кормов для животных. Общеизвестны замечательные достижения украинских кибернетиков.

На 73-м году жизни в своем заявлении в партию, откровенном и волнующем, Герой Социалистического Труда Е. О. Патон писал: «Я стал понимать, что к Советской власти меня приближает то, что труд, который является основой моей жизни, Советская власть ставит превыше всего. В этом я убедился на деле».

Труд. Основа жизни, основа созидания. Дважды Герой Социалистического Труда Б. Е. Патон также ставит его превыше всего.

Ж. Ткаченко

**Петухова
Ксения Куприяновна**

ОГОНЬ ОТ ОГНЯ

Этот рассказ о Ксении Куприяновне Петуховой — бригадире телятниц рязанского колхоза «Дело Октября».

Сорок три года занималась она одним делом. И в выходные, и в праздники. От темна до темна. Работала. Вначале дояркой, потом телятницей.

Батрацкая дочь, с ранних лет познавшая холод и голод, хозяйскую плеть, Ксения Петухова была поднята на ноги и вскормлена Великим Октябрем. «Вскормлена» — это ее слово. И вкладывала она в него смысл, который соответствует его прямому значению. С шести лет после смерти отца пошла она «в люди», а при Советской власти впервые поела досыта. От голода в четырнадцатом году умерли ее младшие братья — Федя и Вася. Ее приютила дальняя родственница Ксения Исаенко, муж которой, Иван Тимофеевич, и его товарищи — члены большевистской партии — учреждали Советскую власть в рязанском селе Ижевское.

Покоятся на окраине села под обелиском с красной звездой первые комбедовцы. Сразила их коварная бандитская пуля: кого — за рабочим столом, кого — на митинге, а кого — на дому. С памятью о них, бескорыстных и самоотверженных, и жила Ксения Петухова.

И еще она хорошо помнила то время, когда деревня, крестьянское житье-бытье поворачивали на новую дорогу. Гасли от нехватки кислорода лампы в избах, где проходили крестьянские сходки, прятали по ямам жалкое добро свое, боясь обобществления, колеблющиеся середняки, гремели из ночной тьмы выстрелы кулацких обреза. Но Дергачев Матвей — двадцатипятилетний, будущий председатель колхоза «Дело Октября», упрямо разъяснял:

— Что такое колхоз, товарищи? Это — чтоб вместе работать, чтоб один человек помогал другому. Только всем миром, только вместе мы сможем построить социализм!

Ей нравилось его слушать. Она была за колхоз. Однако ни муж, ни свекор не разделяли ее взглядов. Ведь в артель надо было свести корову и лошадь. Корову жалела и Ксения. При встрече с Дергачевым не вытерпела, призналась ему в этой слабости.

— Чудак человек, — рассмеялся Матвей, — не хочешь расставаться с телкой своей — иди на ферму работать.

«А и правда, — подумала Ксения. — И в колхозе буду, и с буренкой не расстанусь».

Но муж и вся его родня по-прежнему упорствовали, наслушавшись кулацких сплетен. И тогда она решилась. С ребенком на руках ушла

из мужнего дома. Много лет спустя она скажет: «Я пришла к работе в колхозе через горькие слезы собственничества».

...Это случилось в первую колхозную зиму. После трехдневной пурги Ксения со своей подругой Марией Шитиковой погнала на озеро поить общественных коров. Мучимые жаждой, животные скопом бросились к полынье, заранее прорубленной доярками. Тут-то и поджидала их беда. Передние телки, не выдержав напора задних, начали сваливаться в прорубь. Доярки перепугались до смерти. А потом бросились спасать коров. За рога стали подтаскивать животных к берегу. Вытащили одну буренку, вторую, третью... Изнемогли. Одежда на женщинах оледенела.

— Помощь нужна! — прокричала Ксения и кинулась в село. А до него не менее двух километров. В намокшей одежде бежать быстро нельзя. Она сбросила телогрейку, сапоги. Колючий снег ожег ноги...

Первые пятилетки. Коллективизация. Кипучее, боевое время! В последние годы жизни Ксения Куприяновна любила приходить в школу. В нарядном костюме вместе с дочкой учительницей она входила в класс сельской школы, и начиналась неторопливая беседа с ребятами.

— Наша с вами Родина с того времени, когда я была такой, как вы, далеко шагнула вперед. Мы стали великой промышленной и сельскохозяйственной державой. А сделали ее такой советские люди. Ваши деды, отцы, матери. Вам они передают жар своих сердец, свой наказ работать так же беззаветно, как и они.

В этих словах заключен и секрет успехов самой Ксении Куприяновны Петуховой, так высоко оцененных народом. С 1938 года, с той самой поры, когда стала она телятницей, признание и слава навсегда подружились с ней. Уже через два года она добилась того, что среднесуточный привес закрепленных за ней бычков стал превышать семьсот граммов. Ее утвердили участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В Москве она не теряет даром и минутки. Знакомится с другими телятницами, собственный опыт переплавляет с тем, что узнала от других, вычитала в книгах.

Приехав из столицы, она щедро делилась всем, что узнала сама. 1939-й, 1940-й — это были счастливые годы. Ее назначили бригадиром, приняли в партию. С человеком, близким ей по складу души, создала Ксения Куприяновна новую семью. В крестьянской работе грубели руки, но нежнее становились сердца.

— О нас, людях старшего поколения, ныне молодые говорят: мол, знали они лишь труд. Лучше сказать: радость труда.

Счастье глядело в ту пору во все окна. Но началась война. Мужчины ушли на фронт. На весь колхоз осталась одна коммунистка — Ксения Петухова. А по-прежнему колосился в поле хлеб. И на фермах выращивали молодняк, получали молоко.

Когда откатилось назад военное лихолетье, в колхозе «Дело Октября» вновь стали заниматься племенной работой, выхаживать поро-

дистых бычков-симменталов. И снова, как и до войны, тон в работе задает бригада Петуховой. И сама она лично. Начиная с пятидесятого года бычки, закрепленные за нею, набирали в сутки по килограмму. А отдельные экземпляры увеличивали свой вес ежесуточно даже на полтора! Не одну тысячу бычков и телок вырастила Ксения Куприяновна за годы работы. Большинство поголовья оценивалось классом элита, а то и элита-рекорд.

В послевоенные годы она много рассказывает о своем опыте по радио и в печати, к ней едут учиться животноводы из других хозяйств, областей. На ее ферме проходят практику студенты Рязанского сельхозинститута. Руководитель практики, приведя будущих зоотехников в телятник, чтобы продемонстрировать чистоту, вынимал белоснежный платок, проводил им по бокам теленка и показывал студентам. Платок был чист.

В бригаде царил образцовый, идеальный порядок. В брошюрах тех лет, выпущенных Сельхозгизом, подробно описан метод Ксении Петуховой по выращиванию молодняка. Приведен распорядок дня и рацион кормления животных, рассказывается, какие микроэлементы она применяла, как боролась со всевозможными заболеваниями животных. Немало отводится места в них и рассказу о содружестве знатной телятницы с доярками хозяйства, которым потом передавались выращенные ею нетели. Читаешь и чувствуешь, какую огромную работу выполняла ежедневно Ксения Куприяновна, каким пытливым умом, наблюдательностью обладала. Она прекрасно знала, когда наступают в развитии телят критические периоды и надо быть особенно внимательным.

Большим бичом были тогда кишечные заболевания животных. Лучшим лечебным средством считался отвар из льняного семени. Но не так-то просто было достать его. И вот Ксения Куприяновна предлагает своим подругам выращивать лен самим. Не отвлекая для этого полеводов. Каждый свободный клочок земли использовали они для посевов. По осени взвесили урожай. Около 10 центнеров получилось. Да такого количества не только для лечебных целей хватит, но и для подкормки животных.

В те годы много писали о «петуховском чае» — сенном настое, применяемом Ксенией Куприяновной в качестве диетического питания для телят. Охотно пили его животные, благотворно влиял он на их здоровье. Но для того, чтобы напоить их «чаем», Ксении Куприяновне ежедневно приходилось приносить на коромысле из колодца около сорока ведер воды.

Да, нелегкими были ступени ее трудового возвышения. Поставив однажды стрелку будильника на половину пятого, Ксения Куприяновна уже больше не переводила ее. Даже потом, когда какие-то процессы на ферме стали механизироваться и распорядок дня несколько изменился, для нее рабочий день оставался прежним.

В 1952 году она добилась суточного привеса каждого животного (а их за ней было закреплено 25 голов) в среднем по 1200,5 грамма.

За этот выдающийся успех Ксении Куприяновне Петуховой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Золотую медаль «Серп и Молот» ей вручил Климент Ефремович Ворошилов. В Кремле. Коричневое шерстяное платье, которое сшила для этого случая труженица, было у нее потом самым любимым. В этом счастливом платье, спустя шесть лет, поехала сдавать экзамены в институт ее дочка Нина.

Говорят, испытание славой — самое сильное испытание. Ксения Петухова выдержала его с честью. Она осталась такой же скромной и такой же самоотверженной, не знающей покоя труженицей. В следующем году она повторяет результат предыдущего года, доказав, что рекордный показатель вовсе не случайность, а закономерность.

Ксению Куприяновну приглашают в другие хозяйства с рассказом об опыте работы. Упорно старается подтянуть до своего уровня телятниц родного колхоза, воспитывает в них ответственность за порученное дело и требовательность к самим себе.

Вот идет она по животноводческому городку к своему скотному двору и видит, как у соседнего телятника молодой бригадир Сережа Живиков разгружает сено.

— Сергей, да ты никак за возчиков работаешь? — обращается к нему Ксения. — Где они у тебя? — Парню неудобно сказать, что они не вышли на работу, и он начинает ершиться:

— Да ведь вы-то, Ксения Куприяновна, иной раз тоже за других работу выполняете. Так сказать, личным примером вдохновляете.

— Э, брат, да ты, я вижу, смешиваешь разные вещи. Личный пример и попустительство не одно и то же.

Сергей начинает оправдываться.

— А что я могу сделать? Люди у меня плохие подобрались.

— Неправда, Сережа. Люди хорошие. Только ты спросить с них сумей да работу как следует организуй.

В ее же бригаде никто не может припомнить случая нарушения трудовой дисциплины или грубого отношения телятниц друг к другу. Попасть работать под начало Куприяновны считалось за удачу. Матери упрашивали правление колхоза и саму Ксению, чтобы она взяла к себе их дочерей. Так стремились люди к человеку, который всегда общественные интересы, интересы хозяйства ставил выше личных. Однажды она сказала: «Если падет в моей группе теленок, стоимость его я внесу в колхозную кассу. Случись такое у других, потребую поступить так же». Но этого не случилось.

Огонь зажигается от огня. Росло число последователей Ксении Куприяновны. В соседнем колхозе «Маяк Революции» появилась своя Петухова — Прасковья Сергеевна Тарасова. Пришло время, и Ксению Куприяновну стали называть матерью рязанских телятниц. И справедливо. Десятки, сотни их называют себя ее ученицами.

В 1957 году за долголетнюю и безупречную работу, распространение передового опыта и получение высоких привесов К. К. Петухо-

вой во второй раз присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В нашей стране достоин уважения всякий труд на благо общества. Но когда он приносит человеку еще и личное удовлетворение, мы называем такой труд прекрасным, а жизнь счастливой. Эту истину подтверждает судьба простой женщины Ксении Куприяновны Петуховой.

После вручения второй золотой медали «Серп и Молот» теплым августовским днем 1959 года открывали в селе Ижевское ее бронзовый бюст. Рассказывают, на митинге было более десяти тысяч человек, а когда с памятника стало спадать белое полотно, в небе вдруг появились самолеты. Из люков их на головы собравшихся посыпались живые цветы. Героев знают. Героев чтут.

В Москве на XXI и XXIII съездах КПСС, куда делегировали рязанские коммунисты Ксению Куприяновну, она фотографировалась на память с Ю. А. Гагариным, Т. С. Мальцевым, П. А. Малининой. В 1967 году присутствовала на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Советской власти. Ксению Куприяновну избирают членом Рязанского обкома партии, депутатом Верховного Совета СССР. Высокое доверие она старалась оправдать и не щадила для этого ни сил, ни времени. И все это время она по-прежнему руководила бригадой, вела группу телят.

Но время неумолимо. Как-то обивала она в телятнике полиэтиленовой пленкой окна. Что-то не очень слушались руки. Молодая работница Валя Назарова подошла к ней, предложила:

— Дайте-ка я помогу вам.

Да так ловко, так легко все смастерила, что Ксения Куприяновна только руками развела от удивления. И задумалась вдруг: «Ведь когда-то и я так же могла. Молодая была».

А на другой день появилась она в кабинете председателя колхоза. «Отпустите на пенсию». Шел тогда Ксении Петуховой 63-й год.

...Раннее, осеннее утро. Убежала в школу вместе с мужем — учителем тоже — дочь Нина. Ксения Куприяновна идет в огород: надо начинать картофель копать. А в голове — вчерашнее заседание правления колхоза. Может быть, и зря настояла она на том, чтобы строже спросили за дисциплину в коллективе телятниц с бригадира Назаровой. Как-никак — Валентина ее ученица.

Летят в корзину картофелины, шуршит ботва. Отдохнуть пора. Разогнулась, огляделась. В конце огорода увидела Валентину с бригадой.

— На помощь к тебе, Ксения Куприяновна.

— Да что вы, девоньки, ужель не устали на ферме?

Спорится дело в молодых руках.

— Спасибо вам, милые, — шепчет Ксения.

— Нам-то за что. Это вам спасибо, Ксения Куприяновна. За науку, за дружбу искреннюю.

Г. Пискарев

Пилюгин
Николай Алексеевич

ШТУРМАН РАКЕТ

В жизни Николая Алексеевича Пилюгина было несколько дней, о которых он вспоминал с удовольствием. И даже сам подчас удивлялся, что помнил их до малейших деталей, хотя и прошло уже много лет. Впрочем, иногда он переспрашивал у собеседника: «А я разве вам не рассказывал?» — и, если получал отрицательный ответ, начинал вспоминать.

Однажды я согрешил: сказал «нет». Николай Алексеевич улыбнулся, потом достал из ящика стола фотографию пуска первого спутника и начал свой рассказ. А когда закончил, вдруг неожиданно спросил: «Что? Повторился?»

Нет, как-то совсем иначе вспомнил о той ночи, что предшествовала пуску спутника. Будто Пилюгин взглянул на прошлое чуть по-другому, высветив новые грани его...

Итак, несколько дней и ночей из жизни главного конструктора Н. А. Пилюгина и его друзей и соратников, вместе с которыми он открывал космическую эпоху человечества.

Первая встреча с ними — ночь на 3 октября 1957 года.

...Королев шел чуть впереди, молчал.

— Традиция рождается, — заметил Пилюгин, — уже второй раз так провожаем ракету. Скоро хочешь не хочешь, а надо будет ночи разгуливать по степи. Верно?

Сергей Павлович не ответил другу. Даже не улыбнулся, а лишь кивнул: мол, наверное, так и будет. Свет прожекторов сгладил морщинки на лице Королева, заставил заблестеть усталые глаза, и из-за этого главный конструктор казался моложе своих пятидесяти. Чувствовал Королев себя неважно, грипповал, но в эти месяцы он не имел права болеть. Много лет спустя Сергей Павлович признается: «Когда прошла команда «Подъем!», мне почудилось, что ракета качнулась. Такие секунды укорачивают жизнь конструктора на годы...»

За спиной Королева угадывались контуры носителя. Хотя и в монтажно-испытательном корпусе ракета выглядела внушительно, но в ночной темноте она заслоняла небо, казалась больше. Королев иногда оборачивался, словно проверяя: здесь ли она еще?

Ракета и спутник. Пока они еще на Земле...

На последней проверке присутствовали члены государственной комиссии. Спутник раскинул свои антенны, и по монтажно-испытательному корпусу (МИКу) разнеслось «бип-бип-бип». Спутник говорил в полной тишине, и эти звуки, чистые и непривычные, почему-то уди-

вили всех. Потом антенны были сложены, спутник пристыковали к носителю и спрятали под обтекателем. Теперь он там, в конце громады, медленно плывущей к стартовой площадке.

Этой ночью ни Королеву, ни Пилюгину, ни всем другим главным конструкторам можно было бы и не приезжать к МИКу. Стартовая команда справилась бы сама и без них — конструкторов, испытателей, ученых, членов госкомиссии. Да и что особенного в вывозе ракеты? Дело ясное, уже привычное: ведь в августе точно так же транспортировали ту первую, межконтинентальную, которая долетела до Тихого океана... Но нет, не могли спать в эту ночь ни Королев, ни другие главные, никто. Идут по шпалам, провожают носитель со спутником к стартовой.

Провожают ли?

Королев шагает впереди. И теперь, когда минуло много лет с той ночи 3 октября, можно с уверенностью сказать: ни один шаг на пути к космосу не мог бы быть без него.

Королев будет шагать по этим шпалам, провожая в космос Лайку и корабли-спутники, первые ракеты к Луне и «Восток», автоматические станции к Марсу и Венере и многоместные корабли.

Эти два с половиной километра по степи, что отделяют МИК от старта, он пройдет вместе со своими соратниками, друзьями, космонавтами. А когда Королева не станет, новые ракеты, корабли и орбитальные станции будут провожать другие главные конструкторы — сподвижники и ученики Сергея Павловича.

Мы уже не узнаем, о чем думал Королев в те минуты. Можно только догадываться. Очевидно, он размышлял о том, что будет за первым спутником, как станет развиваться космонавтика, о полетах человека. Много, что произойдет в космосе в грядущие годы, в том числе и отделяющие 4 октября 1957 года и 12 апреля 1961 года, Королев предвидел. Он не умел жить сегодняшним днем, не имел на это права, потому что волею партии стал главным конструктором ракетно-космической техники, и на нем во многом лежала ответственность за будущее космонавтики. Среди тех, кто все годы был рядом с ним, одним из первых мы должны назвать Пилюгина.

4 октября 1957 года на Байконуре он видел, как уходил в небо первый искусственный спутник Земли. Отсчет космической эры человечества начинался не с «бип-бип-бип», услышанного с орбиты, а со звуков горна, прозвучавшего за несколько минут до старта. Неожиданно — это не предусматривал график подготовки к пуску — на опустевшей стартовой площадке появился трубач. Он запрокинул голову, поднес к губам горн.

Одним эти звуки напомнили о Первой Конной, о минувшей войне, о прожитых годах.

Другим показалось, что горнист провозглашает будущее, о котором так долго они мечтали и во имя которого они не щадили себя.

Рассказав этот эпизод, связанный с запуском советского спутника,

Николай Алексеевич вопросительно посмотрел на меня, мол, что вас еще интересует?

— Много раз, наверное, вам доводилось видеть, как стартуют ракеты...— начинаю я.

— Ошибочное представление,— перебивает академик,— стартов как таковых, в натуре что ли,— добавляет он,— не наблюдал...

Мне показалось, что Николай Алексеевич шутит.

— Действительно, пожалуй, ни разу не видел,— уточняет он.— Как-то не удавалось... Однажды взглянул в перископ, но там только дым и круговерть, ничего понять невозможно. И я снова к пультам управления и аппаратуре, тут вся картина ясна, как на ладони.

— За все эти десятилетия так и ни разу не были на наблюдательном пункте? — поразился я.— Неужели не видели воочию старта ракеты?

— А зачем? — Пилюгин улыбается.— Лучше быть в бункере. На наблюдательной площадке лишь обрывки информации, отголоски пуска... Мне же нужно видеть полную картину работы. Так что сторонним наблюдателем не был...

Три десятилетия рядом с ракетами. От первой баллистической до сегодняшних стартов кораблей, спутников, станций, пилотируемых и межпланетных станций — на космодроме и в Центре управления звучит фамилия Пилюгин. Этот человек давно уже стал легендарным, его имя создатели космической и ракетной техники всегда произносят вместе с именами С. П. Королева, М. В. Келдыша, М. К. Янгеля, В. П. Глушко, другими учеными и конструкторами, которые вывели человечество во Вселенную. Если сложить время, проведенное дважды Героем Социалистического Труда лауреатом Ленинской и Государственной премий Н. А. Пилюгиным сначала на испытательных полигонах, а потом космодромах, то оно будет измеряться не месяцами, а многими годами. И ни одного старта просто собственными глазами? Нет, не верилось...

— А по телевидению? — не сдавался я.

— Вот на экране видел,— соглашается Николай Алексеевич.

Он улыбается доверчиво, открыто, и тут я наконец начинаю понимать: сколько бы ни писали о космических стартах, о сполохах огня, бьющих из ракетных сопел, нет, никогда не понять, насколько сложен, труден и прекрасен пуск ракеты, если глядеть на него глазами конструктора. Нас, сторонних наблюдателей, поражает лишь внешнее проявление той мощи, что вырывается из ракетных двигателей в момент старта, а их, конструкторов, «менее всего волнует, как работа смотрится» (выражение принадлежит Пилюгину). Они должны управлять огненным смерчем, рвущимся из ракеты, контролировать его поведение, а для этого нужно следить за всеми этапами подготовки к старту, самим пуском и полетом ракеты...

— Пуски... пуски...— Николай Алексеевич задумывается. Потом достает еще одну фотографию, протягивает ее мне.— Все началось в

этот день,— говорит он, и я понимаю, что академик имеет в виду и запуск первого спутника, и полет Юрия Гагарина, и все события в космосе, которыми мы по праву гордимся сегодня.

На фотографии в телогрейках, кирзовых сапогах стоят обнявшись несколько человек. Совсем еще молодой Королев улыбается. Слева от него Воскресенский, тот самый Леонид Александрович Воскресенский, который станет бессменным испытателем ракетно-космических систем — заместителем главного конструктора. Справа от Королева на старой фотографии Николай Алексеевич Пилюгин.

— Вспоминаю, что мы фотографировались 13 ноября,— говорит конструктор.— В этот день пустили две ракеты, и обе удачно. Тринадцатая по счету ракета ушла. Вот ведь какое совпадение... А пуски начали меньше месяца назад.

18 октября 1947 года — первая баллистическая. Ох, как это давно было! Многие притупилось в памяти, но и 18 октября, и 30-летие Октября хорошо помню. Накрыли в монтажных мастерских деревянный стол и отметили праздник.

Трудно было тогда. Удачный пуск, а затем авария, и вновь удача. Нам было ясно, что нужна новая конструкция, и мы уже начали ее делать...

Молодые счастливые лица на фотографии. Через десять лет эти люди станут академиками и Героями Социалистического Труда, руководителями огромных коллективов. Они начнут новую эру в истории человечества — космическую. Тогда, осенью сорок седьмого, их усталые лица светились, потому что им, молодым конструкторам и инженерам, казалось — самое трудное уже позади.

— Так и было,— замечает Пилюгин,— ведь прошла война. Жесткая, страшная. Мы победили. А это возможно лишь в том случае, если есть кому побеждать и чем побеждать... Хотите чаю? — предлагает Николай Алексеевич.— Люблю чаевничать. Привычка с тех времен осталась... Значит, война... Мы познали тогда искусство побеждать,— вдруг замечает Пилюгин и задумывается. Наливает чай, ждет, когда стакан остынет. Я знаю, в такие минуты хочется помолчать, потому что возвращается прошлое...— Да, все прекрасно понимали, что война не только выдвинула талантливых полководцев, которые научились выигрывать битвы, но и выдающихся руководителей промышленности, блестящих специалистов и организаторов, способных решать сложнейшие научно-технические проблемы. Их возникало в годы войны немало... Так что и люди у нас были, и промышленность хорошая. Но перевести ее полностью на мирные рельсы не удалось. Надо было думать о защите страны. Такие проблемы встали перед Центральным Комитетом партии. В частности, атомная и ракетная. И они поочередно решались. Это не значит медленно. Напротив, в середине сорок шестого года создается около двадцати институтов, конструкторских бюро, заводов, обеспечивающих производство баллистических ракет. Появились они, конечно, не на пустом месте. База еще до войны была:

работы в этой области уже тогда проводились. Но теперь пришло иное время — обороне страны потребовалась ракета.

— Вы знаете, чем я горжусь? — вдруг спросил Николай Алексеевич. — Своим авиационным прошлым. Многие вышли из авиации. И Королев, и Янгель, и Воскресенский, и я. Так уж случилось, что после революции авиация притягивала к себе молодых. Профессии летчика и авиаспециалиста стали очень популярными, престижными, как теперь говорят. Ведь авиация была своеобразным «техническим университетом», в котором будущие ракетчики получили необходимую теоретическую и практическую подготовку.

— Но в таком случае следовало бы ожидать, что ракетная техника станет частью авиационной? Почему же так не случилось?

— Дороги, действительно, разошлись, — согласился Пилюгин, — хотя и не раз пересекались в прошлом, а в будущем, уверен, соединятся. Да уже и соединяются... Но в те годы авиация пошла своим путем. Логичные решения не всегда оказываются верными в конкретной обстановке. После войны начиналась реактивная авиация, и именно ей были отданы симпатии наших прославленных авиаконструкторов. Они создавали новые машины, они видели их, знали, что реактивные самолеты нужны Родине, а вот судьба ракетной техники виделась еще в тумане. И если вы думаете, что в сорок шестом мы были абсолютно уверены в столь стремительных темпах развития ракетостроения, то ошибаетесь. Мы не знали, насколько долгий и сложный предстоит путь. Только догадывались об этом... Во время празднования юбилея Октября прозвучали слова: за 60 лет страна прошла путь, равный столетиям. Как верно подмечено. А во многом наши успехи базируются на том, что в нужный момент и на нужном направлении партия концентрирует главные силы. Так случилось и в ракетостроении. Рука об руку работали в те годы наука и промышленность. Жили одними заботами, делили радости, ну и неудачи тоже поровну.

— Обычно, когда говорят «поровну», иногда хотят переложить часть собственной вины на других?

— Вы неверно меня поняли, — Николай Алексеевич нахмурился. — Категорически не могу согласиться! Более того, не будь у нас персональной ответственности и способности в первую очередь искать ошибки у себя, мы не смогли бы всего за восемь лет пройти от первой баллистической до первой межконтинентальной. Нет, не смогли бы! А порядок был такой: одна ракета испытывается, следующая модификация — в чертежах, а третья — задумывается. Каждый из конструкторов оценивал свои возможности, не таил резервов на всякий случай, а старался на совесть. На совете главных конструкторов каждый был сам по себе и в то же время лишь частью общего. Совет главных — это не просто заседание нескольких человек, которым поручено общее дело, а слияние мыслей, замыслов, идей.

...Небольшое отступление. Идея совета возникла у Сергея Павло-

вича Королева. Он предложил, чтобы главные конструкторы, отвечающие за комплекс в целом, за двигатели, систему управления, наземное оборудование и т. д., вместе решали проблемы, возникающие на том или ином этапе работ. Собирались по очереди то в КБ Королева, то у Пилюгина, то у Глушко... Обычно на месте председателя совета находился тот главный конструктор, в кабинете которого шло заседание совета.

Николай Алексеевич Пилюгин все годы был членом совета главных конструкторов, и поэтому я и спросил его:

— Совет главных конструкторов... По-разному оценивают его деятельность, многие считают, что такая форма работы практически не отличается, к примеру, от заседания коллегии министерства или узкой конференции?

— Не могу согласиться с таким мнением,— говорит Пилюгин.— В те годы, на мой взгляд, он сыграл важную роль. Влияние личности на развитие той или иной области науки и техники, конечно, огромно, но основа основ — коллектив. Совет главных конструкторов — это не только представители разных организаций, но и прежде всего качественно новый коллектив, специфическая форма управления. Совет был необходим, потому что ракетная техника очень многогранна. Одна организация, один человек — даже такого масштаба, как Сергей Павлович Королев,— не могли объять ее. А чтобы идти вперед быстро, надо было шагать в ногу. Да, мы были не только главными конструкторами, но и друзьями, и единомышленниками. И в нашем совете царили откровенность, честность, прямота...

Один из ветеранов-испытателей рассказывал мне о таком случае. При пуске случилась авария. Все ожидали, что на заседании совета Н. А. Пилюгин свалит вину на производителей. Тем более что показания телеметрии «в его пользу». Каково же было удивление испытателей, приглашенных на заседание, когда они услышали иное.

— Все недостатки — мои. Конструкция систем управления еще сырая,— вдруг сказал Пилюгин.

— Что же, у меня есть предложение,— заметил Сергей Павлович Королев,— для расследования причин аварии председателем комиссии назначить «виновника торжества» — товарища Пилюгина. Все согласны?

На том и порешили...

— Так ли было на самом деле? — спрашиваю у Николая Алексеевича.

— Так,— подтверждает он.— Крепко тогда на меня насел Королев. Системы управления в то время были не очень надежные, вот мне и доставалось. Ну а что касается моего признания на том заседании, то хочу рассказать о его продолжении. Года через четыре Королев говорит мне: «Ты, Николай, прав, когда ответственность за недостатки берешь на себя. Можно ведь создать такую конструкцию,

что дефект на стадии производства и возникнуть не может. Это главный принцип работы конструктора».

Свои собственные ошибки мы искали настойчиво, придирчиво, беспощадно. Иначе было нельзя — Королев создал атмосферу доверия, он безгранично верил людям, преданным делу. Раз сам виноват, значит, сам и разбирайся. Думаю, такой подход позволял быстрее достигать успеха. Думаю, что этот принцип важен в любой области науки и техники — не только ракетной.

— На заседании президиума Академии наук СССР,— сказал я,— где обсуждалась работа Института истории естествознания и техники, вы заметили, что недостаточно проанализирована история запуска первого искусственного спутника Земли и «Востока» и что нельзя представлять так, словно выход в космос был неожиданным...

— А именно так и представляется многим,— ответил Николай Алексеевич,— не было спутника и вдруг он появился. Затем провели серию пусков кораблей-спутников с собачками, и пожалуйста — можно человека отправлять на орбиту. К сожалению, мало известно о трудных годах, предшествующих 4 октября 1957 года. А они были заполнены сложными экспериментами, очень сложными, без которых невозможно решиться на запуск человека. Да, мы не сомневались, что полет Юрия Гагарина будет удачным, но поджилки тряслись,— Николай Алексеевич улыбается.— Ведь всего на один виток решились, один разок «прокатили» Гагарина... Подошли к «Востоку» с большими подготовительными работами. Еще в начале пятидесятых годов — пуски в стратосферу. Никто тогда не представлял, что такое космос. Высказывалось много опасений: человек не способен работать в невесомости. А когда там побывали животные, стало понятно — можно работать и человеку. После первого спутника много было радости и поиска. Проверки и испытания, вновь проверки и вновь испытания. Нас, управленцев, тогда изрядно упрекали: мол, тяжелые системы создаем. Мы отвечали: тяжелые, но надежные. И стояли на том крепко — иначе в космосе нельзя. Надежность и еще раз надежность! Без нее космонавтика и ракетная техника немыслимы.

— Но это удорожает конструкцию...

— Конечно,— соглашается Пилюгин.— Средств затрачивается намного больше, однако и эффект во много раз выше. В любой сложной технике, в особенности в космонавтике, иначе нельзя. В пятидесят седьмом году нам трудно было представить, что будет происходить двадцать лет спустя. Но тогда закладывались принципы работы в космосе, науки об управлении.

Я спросил Пилюгина:

— А что вас привело к космосу? Мечта?

— Я сказал бы иначе: время, страна делали из нас ученых и конструкторов,— Николай Алексеевич задумывается, долго молчит.— Конечно, и мечта была, но главное все-таки — это работа,— продолжает он.— Четыре года работал в ЦАГИ слесарем, фрезеровщиком, тока-

рем. А затем меня направили в МВТУ учиться. Мы принадлежали своей стране, и она готовила из нас и инженеров и ученых. В МВТУ я в конце концов попал на «ходики» — факультет приборостроения. А называли мы так наш факультет потому, что часы-ходики были в то время самым распространенным прибором. Затем снова ЦАГИ, авиация, ракетостроение. Нет, не только мечта... Мы — коммунисты, и там, куда нас посылала партия, работали и работаем. Значит, на этом участке мы нужнее всего. Чувство нового, коллективный поиск нестандартных решений — главные, на мой взгляд, черты современного специалиста, работающего в любой области. Нужно было для партии, для страны — и я стал заниматься космосом. Горжусь, конечно, что выпало такое счастье, — ведь целая эпоха позади.

...В тот единственный день, который памятен до малейших деталей, Королев удивил всех. В том числе и Пилюгина. От технического руководителя пуска «Востока» ждали, что он подробно расскажет о подготовке корабля и носителя, о комплексных испытаниях. Неприятности были, и еще накануне Сергей Павлович в довольно резких выражениях отчитывал и рядовых инженеров, и главных конструкторов. Досталось и Пилюгину.

Все ожидали, что Королев детально проанализирует все сбои и, невзирая на звания и положения, публично «даст перцу» тем, кто в предстартовые дни доставил немало неприятных минут госкомиссии и ему, техническому руководителю пуска.

И вот председатель предоставил ему слово.

Королев встал медленно, обвел взглядом присутствующих. Келдыш, который сидел рядом, приподнял голову. Глушко что-то рисовал на листке бумаги. Пилюгин делал из целлофана кубик. Каманин повернулся в его сторону...

— Космический корабль и ракета-носитель, — сказал Сергей Павлович, — прошли комплекс испытаний в МИКе. Замечаний нет.

Сел. Председатель госкомиссии, приготовившийся записывать выступление технического руководителя пуска, недоуменно поднял на него глаза: «Неужели все?»

В наступившей тишине было слышно, как Пилюгин наливает в стакан воду. Почему-то все посмотрели на него, и Николай Алексеевич смутился. Отставил стакан в сторону, пальцы потянулись к кубику из целлофана — шесть штук уже лежало перед ним. У Пилюгина была привычка мастерить такие кубики из оберток сигаретных коробок.

— ...Старший лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич... — услышал Пилюгин, — дублер — старший лейтенант Титов Герман Степанович...

Говорил Каманин. Он рекомендовал государственной комиссии первого пилота «Востока».

Голос Гагарина прозвучал неожиданно звонко:

— Спасибо за доверие. Задание Родины выполняю.

Произнес он эти слова с каким-то мальчишеским задором, и все

заулыбались, смотрели теперь только на этого старшего лейтенанта.

— Разрешите на память? — услышал Пилюгин. Кто-то попросил у него кубик из целлофана.

— Пожалуйста, — ответил конструктор. И тотчас же все кубики исчезли со стола. Последний Николай Алексеевич опустил в карман.

Сейчас во время разговора со мной этот целлофановый кубик лежал перед Пилюгиным...

— Почему-то на заседании госкомиссии все мы очень волновались, — сказал Николай Алексеевич. — Пожалуй, даже больше, чем 12 апреля... Мне кажется, именно тогда, в те минуты, мы ощутили реальность запуска первого человека в космос, близость старта. А накануне и в день пуска — просто работали, делали привычное дело...

Он замолчал.

— Это было время мечты?

— Конечно. Мы уже понимали, что стартом Юрия Гагарина открываются огромные перспективы в космонавтике, — ответил Пилюгин. — И работы там очень много...

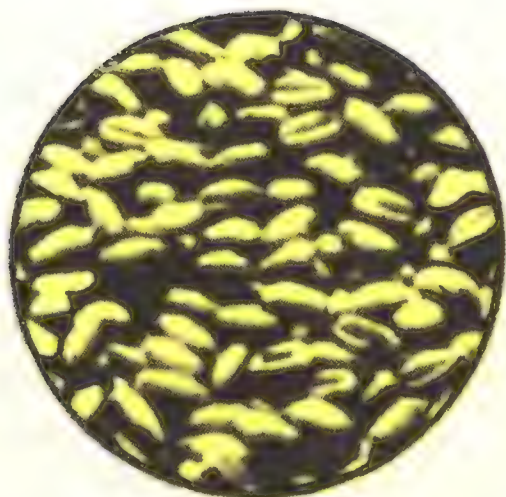
Характерная черта главного конструктора. Рассказывая о прошлом, он обязательно увязывает его с задачами завтрашнего дня. Будто прокладывает мосты из прошлого в будущее.

— Я избран депутатом Верховного Совета СССР от Тувы. Там горы, ущелья, долины. Встречаюсь в селах с избирателями. Они говорят мне: «У нас наказ к вам как депутату обеспечьте нам телевидение!» А готовился к первому пуску стационарный спутник связи, и вывести его надо было как раз над Красноярском. Я сразу же сообщил руководителям республики: «Готовьтесь — будет телевидение!» Так что наказы избирателей выполняю, — Пилюгин улыбается, а потом добавляет: — Спутники — это телевидение, связь, навигация. Их роль огромна. К примеру, теперь связь с Владивостоком надежнее, чем у нас в городе. Вот прямая польза от космонавтики. Убежден, что прикладные работы будут развиваться в ближайшие годы наиболее интенсивно. Да и космонавты на борту «Салютов» большую часть времени отводят подобным исследованиям. Мы шли в космос и работаем там во имя людей...

В. Губарев

Ремесло
Василий Николаевич

ПШЕНИЦА — ЗОЛОТО ПОЛЕЙ

«Мочь и предвидеть, дар чудодействия и дар пророчества — вот о чем с самой колыбели мечтало человечество, наделяя ими своих мифических героев и святых. Эти два дара принесла ему наука», — говорил Климент Аркадьевич Тимирязев еще в то время, когда оба эти свойства науки лишь начали проявляться в полную силу. Ныне мы можем по праву считать себя свидетелями их торжества. И не только в области техники и строительства, особенно быстро развивающихся и все более поражающих нас своими возможностями. На земле есть такой род человеческой деятельности, результаты которой изумляют подчас не меньше, чем успехи физиков или космонавтов, — улучшение биологических свойств, чтобы повысить урожайность растений и продуктивность животных. Дело это большой сложности, поскольку перестраивать приходится живую природу, развивающуюся по своим законам наследственности, выработанным каждым видом за многие тысячелетия.

Одним из ведущих центров «чудодействия» науки стал Мироновский институт селекции и семеноводства пшеницы, расположенный в ста с небольшим километрах к югу от Киева, неподалеку от районного городка Мироновки. Здесь были созданы сорта невиданной в мире урожайности и пластичности. Именно они во многом определяют сейчас не только полновесность, но и качество хлебных урожаев.

Выступая на приеме в Кремле руководителей академий наук социалистических стран в 1977 году, Л. И. Брежнев говорил: «Есть у нас на Украине Мироновский научно-исследовательский институт. Там работает наш выдающийся ученый Василий Николаевич Ремесло. Сорта пшеницы, выведенные этим институтом, дали стране в денежном исчислении выигрыш порядка 1 миллиарда 600 миллионов рублей».

Всему миру известны сорта пшеницы: «мироновская-808», «мироновская юбилейная», «ильичевка» и другие. Их задумал, выносил в своем сердце, вывел и дал путевку в жизнь человек удивительной судьбы — академик В. Н. Ремесло.

Сколько помнит он себя, столько помнит и хлебное поле. То черное, то зеленое, переливающееся на степном ветру, то золотое, шумящее колосьями. Николай Калистратович любил брать сына с собой в поле, охотно рассказывал о секретах земли. А однажды — это особо запало в душу, — когда вся большая семья сидела в хате вечером за ужином, он вдруг появился со снопом в руках, проговорил:

— Во какая пшеничка выросла! — и улыбнулся десятилетнему Василию, смотревшему на него во все глаза: уж очень радостным был обычно молчаливый и углубленный в себя батко. — С хлебом нынче будем.

Василь потрогал крупные, плотные колосья, помял их пальцами и сказал — не сразу, а подумав, хотя думы об этом уже не раз приходили ему в голову, — что вот если бы каждый год так родила пшеничка, тогда другое дело: всем людям, может, хватило бы добрых паляниц. Вот бы занять такую!

— Ишь ты! — выдохнул отец изумленно. — Где же ты ее возьмешь? Никто не находил пока.

— Не находил? А искали?

Он немало думал потом о такой пшенице — и в школе, и работая в поле. А годы шли своей чередой.

После окончания в Лубнах средней школы перед ним встал вопрос: что дальше? Крестьянствовать на своей полоске особенно не тянуло, да и земли было мало — отец один справлялся. Может, на производство куда-нибудь податься, в город? Но что-то удерживало, не позволяло вот так, сразу, взять и уехать от своей Тепловки, от ее полей и садов.

— Давай в Масловку! — предложили в уездном комитете комсомола. — Чего раздумывать — давай!

— А что там, в Масловке?

— На агронома выучишься.

— На агронома?.. — Это было совсем другое дело.

Недолго Варвара Осиповна собирала своего Василька в дорогу — дала штаны да рубашу запасную и еды на первое время.

От Пирятина до Днепра не близко, а там еще пароходом надо. Впервые несмело ступил на палубу. Плыл и любовался всю дорогу. Сошел в Каневе вечером: крутой берег, сады. Девчата спивают где-то, и так хорошо! Всю ночь просидел на пристани. А как рассвело — закинул пожитки за плечи и зашагал в Масловку. Сколько до нее? Сказали, не так далеко. Вполне можно успеть к ночи.

Масловка! Большое украинское село вдоль дороги. Хаты-мазанки. Каменный мост через заросшую травой и тинистую Россаву. На нем парни и девчата собирались по вечерам. Дальше — пруд, плотина с мельницей. Посреди села — старинный парк, обнесенный каменной оградой, а в нем — красивый двухэтажный дом из кирпича с высокими окнами и башенкой.

Когда-то тут была помещичья усадьба. В 1918 году крестьяне устроили в том «красивом будинку» сельскую школу. Сами смастерили столы и скамьи для учеников, пригласили из Киева преподавателей. Те охотно откликнулись на призыв: время в городе было трудное. Среди приехавших был и Василий Иванович Иванов, работавший до этого в Киеве заведующим отделом народного образования. Он-то и задумал смелый эксперимент: из сельских парней и девчат

готовить агрономов, в которых так нуждалось тогда сельское хозяйство. Другими словами, создать в селе агрономический вуз!

Революция научила не только мечтать, но и, несмотря ни на какие сомнения и риск, выполнять намеченное. К тому же и опереться было на кого: всего в 12 километрах находилась селекционно-опытная станция. Ее сотрудники поддержали начинание.

Бывший склад, который молодежь приспособила было под самодеятельный театр, пришлось освободить для начавших прибывать диковинных машин и орудий — плугов, культиваторов, сеялок, сортировок.

На первый курс зачислили учеников старших классов сельской школы 2-й ступени. Для учащихся 1-й ступени ввели подготовительные курсы. И разослали по областям приглашения, чтобы отовсюду направляли в Масловку на учебу всех желающих получить агрономическое образование, из тех, кто кончил школу.

В первые же годы в Масловском селекционно-семеноводческом техникуме имени К. А. Тимирязева (техникумами на Украине до 1929 года назывались вузы) сложился крепкий коллектив преподавателей. Лекции здесь читали профессора Д. К. Ларионов, А. С. Молостов, Л. Н. Делоне, В. В. Колкунов, О. В. Ветцер, В. У. Дырдовский. Вели занятия и работники Мироновской селекционной станции — И. М. Еремеев, А. К. Филипповский, Д. И. Литовченко. Комиссаром нового учебного заведения стал М. П. Луковский — большевик с большим опытом партийной работы, умный, талантливый воспитатель. Серьезный хлопец с Полтавщины подходил во всех отношениях, к тому же и экзамены он сдал на «отлично».

— Все в порядке, поезжай пока домой, — сказал Луковский. — Позже пришем вызов.

И правда, ближе к осени пришло письмо — зачислен на первый курс.

Одним из любимых преподавателей у студентов был Дмитрий Константинович Ларионов — Дед, как его звали. Он вел курс растениеводства и семеноведения, заложил «ботанический сад», в котором была собрана большая коллекция растений. Ларионов умел разглядеть наклонности и стремления студента. Как вспоминает Василий Артемович Гордиенко, тоже известный селекционер, учившийся тогда в Масловке, профессор умел так все обставить, что у студента вдруг появлялась блестящая идея, новая мысль, а он, Дед, ее только поддерживал. Вокруг него скоро собралась целая группа «любимчиков», которых он снабжал всевозможной внепрограммной литературой, заставлял каждого работать за пятерых, зачеты принимал как самые строгие экзамены в присутствии особых «свидетелей», которые тоже задавали вопросы. В этой группе быстро оказался и Василий Ремесло. Старательный, аккуратный, он сразу приглянулся Ларионову, и тот поручил ему наблюдения за коллекцией растений из шести тысяч образцов. Предупредил:

— В поле приходиться в четыре утра, а когда начнется цветение, то и раньше.

Вся учебная программа была составлена таким образом, чтобы будущий агроном мог выполнять любые сельские работы и самым лучшим образом — пахать, сеять, косить, жать, сортировать зерно, а также проводить скрещивания, делать анализы, отбирать лучшие растения и различные пробы, закладывать опыты, вести и оформлять полевые наблюдения и т. д. Кроме того, досконально изучались все земледельческие машины и орудия, их регулировка и ремонт.

Василий Ремесло все требования учебной программы выполнял охотно, на совесть. Но особенно увлекали его наблюдения над коллекцией. Сколько здесь было разных форм и видов! Одних пшениц сотни. Для студента все это было немалым открытием. Здесь росли даже ветвистые пшеницы: колос — с ладонь, правда, зерно мелкое; были и рослые, по два метра, но с очень скромными колосьями, и карлики, которые едва достигали колен. Все они, правда, имели и недостатки: давали низкий урожай или плохое зерно, сильно полегали или были неустойчивы к холоду. За каждым образцом надо было понаблюдать, сравнить с другими, обобщить, сделать выводы. Такая работа не могла не увлечь, и молодой исследователь целые дни проводил в поле. Дмитрий Константинович как-то, подойдя к нему, дружески положил руку на плечо, посоветовал:

— Может, тебе стать селекционером, Ремесло!

— Селекционером?

Об этом он тогда еще не думал. А что, если действительно взяться за это дело?

Но пока надо было набираться знаний. И он учился и работал в поле со всей прилежностью и дотошностью, на какие был способен.

Ремесло и его товарищи по курсу закончили учебу в 1928 году. Это был четвертый по счету выпуск. Три десятка человек получили дипломы агрономов-семеноводов, разъехались по стране в разные края. Правда, не всем довелось заниматься селекцией. Однако Василию повезло — он попал на Дербентскую станцию Всесоюзного института растениеводства. Сюда нередко приезжал Николай Иванович Вавилов, и молодой исследователь вскоре понял, что самым подходом к делу, своими требованиями и методами постижения явлений жизни его масловские наставники старались заранее ввести будущих селекционеров не только в сложный мир растений, который им предстояло преобразовывать, но и в морально-этические нормы вавиловской школы. Везде, где ему потом пришлось работать, — на Украине, в Поволжье, в Москве — Василий Николаевич следовал им. Став работником Наркомзема, он тосковал по пшеничному полю и вскоре ушел: «не было импульса к жизни». Потом изучал «хромосомную теорию» в ВИРе, у самого Г. Д. Карпеченко. Но цитогенетиком тоже не стал.

В военное лихолетье лейтенант Ремесло прошел по дорогам войны от Сталинграда до самого Берлина. А когда пришла пора демобили-

зовываться, добился назначения на Мироновскую селекционно-опытную станцию, хотя ему предлагали и другие места и должности. Его ждала пшеница!

Итак, через 20 лет, уже зрелым, немало повидавшим в жизни человеком он вернулся в ставшие ему родными места. Может быть, мироновские поля как раз и помогут осуществить задуманное?

Его назначили заместителем директора станции по научной части и одновременно заведующим отделом селекции озимой пшеницы, в котором работало всего двое — он да техник-лаборантка Екатерина Николаевна Майданик. Им выделили комнатку в маленьком каменном доме, два старых письменных стола. Поле было почти под окном. Если его открыть, то можно услышать, как шумит пшеница.

Заняться селекцией пшеницы на Мироновской станции означало взяться за решение задачи особой сложности. Станция уже давно и широко была известна как селекционный центр. Здесь еще в 1924 году вывели озимую пшеницу «украинку», долгие годы служившую своего рода мировым эталоном высокого качества хлеба и занимавшую перед войной площадь около 7 миллионов гектаров. Средний урожай ее на Украине достиг 12 центнеров с гектара. «Хочешь маты гарну жинку — сий пшеницу «украинку»!» — призывали плакаты со стен правлений колхозов и изб-читален. Масловские студенты в свое время общались с одним из отцов этого сорта — И. М. Еремеевым. Василий Николаевич хорошо помнил его. Он знал, кто и как пытался улучшить «украинку» и что из этого вышло.

Надо сказать, к тому времени в стране были созданы и другие сорта озимой пшеницы, дававшие по 25—30 центнеров зерна с гектара. Но и этот показатель уже не удовлетворял хозяйства.

Мироновская селекционная станция, когда пришел туда Ремесло, после своего выдающегося первенца так и не дала больше ни одного стоящего сорта озимой пшеницы. Поэтому работникам станции часто приходилось слышать нарекания в нерезультативности их усилий. Василий Николаевич молча принимал упреки, хотя он меньше всего был в чем-то виноват: быстро хороший сорт не выведешь. Анализировал проделанное. Как будто все делалось правильно, использовались традиционные, «классические» методы селекции — гибридизация и отбор. С их помощью и создавались новые сорта. «Украинка» тоже была «отобрана» из венгерской «банатки».

И в Масловке, и потом ему не раз приходилось слышать, что сам метод работы в селекции часто определяет успех дела. Значит, все зависит от того, как удастся им овладеть, к какому исходному материалу применить, насколько удачно и обоснованно отобрать нужный материал. Выходило, несмотря на всеобщность биологических законов: у каждого может быть свой путь в селекции, свой почерк. А раз так, почему бы не расширить исследования, не испытать и другие способы получения исходного материала?

Он знал: одна и та же пшеница может быть и яровой, и озимой.

Проявляются эти ее качества в зависимости от места произрастания. Еще в 1935 году Николай Иванович Вавилов в своих «Научных основах селекции пшеницы» писал, что нет принципиальной разницы между яровыми и озимыми сортами, так же как и между растениями короткого и длинного вегетационного периода; что, например, «маркиз», являющийся яровым сортом в Канаде и у нас, в Аргентине считается озимым. Многие сорта пшеницы, будучи озимыми на юге Казахстана, с продвижением их на север ведут себя как яровые.

На способность пшениц переходить из яровых в озимые и наоборот ученые обратили внимание еще в тридцатые годы. В разных районах были проведены специальные опыты, которые показали, что яровые пшеницы, становясь озимыми, приобретают повышенную выносливость и продуктивность, у них меняются многие свойства. А как закрепить их, это уже зависит от селекционера. Значит, можно и таким методом вывести новый сорт?

В том длительном и остром споре, который возник среди ученых по поводу действенности нового метода, Василий Николаевич практически не участвовал — он был поглощен работой.

Сорта, которые надо было превратить в озимые, он выбрал самым внимательным образом, как начать с ними работу, тоже представлял отчетливо. Имелось в виду не просто разработать новые приемы получения оригинального исходного материала для последующей селекции, а сразу же и создать нужные формы: метод должен был рождаться и набирать силу в одной колыбели с будущими сортами.

Осенью на станции были посеяны четыре сорта яровой пшеницы — «лютесценс-62», «народная», «арнаутка немерчанская» и «кахетинская ветвистая». Все они обладали свойствами и признаками, которые желательно было передать будущим озимым формам.

Каждый сорт высевался в два этапа и оба раза намного позже, чем обычно сеют озимые в лесостепных районах — 20 октября и 20 ноября. Почему так?

Из данных различных исследований, научных публикаций, собственного опыта он знал: для первого (первоначального) посева яровых сортов необходимо выбрать такой срок, при котором могло бы перезимовать наибольшее число растений. Было очевидно, что, чем позже сделать посев, тем эта вероятность будет выше. Но когда конкретно нужно сеять? Это тоже предстояло нащупать. Отсюда — два срока.

Пшеница взошла точно так же, как и весной, — довольно быстро и дружно. В зиму ушла в фазе всходов. Все четыре сорта перезимовали, весной растения хорошо тронулись в рост, выколосились, зацвели, дали семена...

Что они представляли собой?

Опять надо было выяснять.

Теперь их посеяли в пять сроков: в те же два, что и в предыдущем году, и в три сентябрьских — 5, 17 и 30 сентября. На этот раз впервые была посеяна еще и «артемовка».

Зима 1950/51 года была под Киевом необычно морозной, суровой. Лучше всех перезимовали всходы последнего срока посева. В сравнении с октябрьским посевом ноябрьских всходов сохранилось в полтора раза больше. Но дело было не только в числе. Перезимовавшие растения имели четкий признак, характерный для озимых форм. Следующие годы подтвердили: посев в самые лучшие, то есть оптимальные, для озимых культур сроки позволяет получить формы с устойчиво озимыми свойствами.

Исследователь убедился и в том, что у посеянных осенью яровых пшениц резко изменяются многие важные морфологические признаки: они приобретают новые биологические и хозяйственные свойства — более высокую жизнеспособность и продуктивность, имеют повышенное содержание белка в зерне. Становилось ясно: при различных условиях генетический «механизм» растений пшеницы может работать по-разному, и эту особенность можно использовать для выведения новых сортов.

Чтобы экспериментально проверить, в какой степени сохранялись у растений признаки озимых у перезимовавших образцов, часть семян из каждой семьи высевали весной одновременно с собственно яровыми сортами пшеницы. Все они вели себя как типично озимые. Метод оказался действенным: новые озимые формы с ценными свойствами были получены. Но окажутся ли они лучше существующих озимых сортов? Это предстояло испытать. Кроме того, их, очевидно, можно было улучшать, как и все прочие, путем отбора самых продуктивных растений. «Здесь необходимо подчеркнуть,— писал впоследствии Василий Николаевич,— что мы не рассчитывали получать озимые сорта на первом этапе непосредственно из яровых. Созданию новых сортов озимой пшеницы предшествовал десятилетний экспериментальный период работы, в течение которого создавался исходный материал для селекции».

Исходный материал... Его становилось все больше. Новые озимые формы отличались не только хорошей зимостойкостью, многими морфологическими признаками, но и обладали повышенной жизнеспособностью, пластичностью, избирательностью по отношению к условиям возделывания, давали мощные растения и зерно, отличавшееся хорошими хлебопекарными свойствами. Было из чего выбирать, было над чем работать дальше!

С каждым годом исследования по переделке, или, как теперь говорят, трансформации, яровых пшениц в озимые становились масштабней и увлекательней. В них принимали участие уже десятки людей.

Василий Николаевич вникал во все детали, первым появлялся в поле, последним уходил.

— Придет и все сам перекидает своими руками,— с улыбкой вспоминает о тех днях его верная помощница Екатерина Николаевна Майданик.

Мироновская станция, постепенно и последовательно набирая темпы, хоть и не быстро, но уверенно шла к новым сортам — пшеницам с небывало высокими для лесостепи Украины биологическими возможностями и прекрасными технологическими качествами. Уже через несколько лет после начала работы, в 1953 году, Василий Николаевич выделил образец под номером «264». Семена были высеяны в питомнике предварительного испытания и дали урожай почти на 7 центнеров выше, чем стандартный сорт. На следующий год разница достигла 17 центнеров. Но это не все. Зимой 1956 года в области произошла массовая гибель озимых, а «264-й» не только выстоял, но дал 42 центнера с гектара — на 27,5 центнера больше стандарта! И потом, за семь лет конкурсного сортоиспытания, он превысил знаменитую «украинку» на 15 центнеров с гектара, «белоцерковскую-198» — на 6.

Так появился новый высокоурожайный сорт пшеницы. Он был выведен методом, который нельзя назвать новым. Его применяли и многие другие исследователи. Но ничего существенного добиться не могли. А у Ремесло получилось. Да еще как! Если исходить из представлений «классической» генетики и селекции, то можно сказать, что «264-й» был получен «незаконно». Это не раз приходилось слышать и Василию Николаевичу. Некоторые даже полагали, что он умышленно «противостоял» другим методам, нарочно не применял их. Так ли это? Нет, конечно! Просто он нашел «свой», поверил в него, изучил до тонкостей и, естественно, стремился доказать его действенность, потому что видел: результаты он дает многообещающие.

Почему же никому не удалось, а ему вроде повезло? Услышав подобный вопрос, Василий Николаевич обычно пожимал плечами: наверное, все дело в тщательности работы, в настойчивости, в умении. Вполне возможно также, что исходные сорта оказались очень подходящими для переделки, а осенние и зимние условия в Мироновке на редкость удачными, как и само место опытов — благодатная украинская лесостепь, богатая и солнцем и влагой, и сами черноземные почвы, — кто знает? Но «переделки» здесь вырастали и вырастают на диво мощными, сильными.

В 1957 году селекционер передал сорт на государственное испытание под названием «мироновская-264». Его посеяли сразу 35 сортоучастков, восемь колхозов и один совхоз. А осенью на станцию хлынул поток писем с просьбами прислать хоть немного семян «мироновки» и с твердыми обещаниями сохранить их в чистоте и размножить. Прибывали ходатаи и лично.

Скоро «мироновская-264» уже высевалась на 2 миллионах гектаров. Заняла бы и намного больше, если бы не «сестра» ее — «мироновская-808».

Этот сорт получился не как все остальные. Василий Николаевич, конечно, догадывался, что на смену «264-му» идет сорт необыкновенный, но чтобы так все произошло, даже он не мог предполагать.

Получена «мироновская-808» была практически одновременно с «264-м» из заурядной яровой «артемовки», которая наряду с другими сортами была впервые высеяна под зиму 20 ноября 1950 года. В следующие два года семена посеяли значительно раньше — в сентябре, чтобы всходы попали под воздействие всего комплекса осенних условий. На третий год выделили одиннадцать однородных и высокопродуктивных растений, семена от них были высеяны в селекционном питомнике. Они и дали начало новому сорту. Затем последовали жесткие выбраковки растений, уклоняющихся от желаемого типа, и посев в 1955 году в контрольном питомнике. Зима выдалась суровая, но семья «808-я» сохранилась полностью и дала 48 центнеров в пересчете на гектар.

На следующий год Василий Николаевич включил «808-ю» в предварительное испытание, стал размножать. Прибавка по сравнению с «264-м» номером составила 7 центнеров с гектара. И какая это была пшеница! Безостая, крупноколосная, глаз не оторвешь! Однако опасение было — вдруг хлеб из нее окажется неважным? Своей технологической лаборатории на станции не было — отправили образец зерна в Харьков, на пробную выпечку. С нетерпением ждали ответ. И вот пришло письмо: хлеб получился на редкость пышный и вкусный, пшеница оказалась сильной, сама могла улучшать слабые сорта. Это было вдвойне радостно, так как теперь можно было смело передавать ее на государственное сортоиспытание.

В свое время Николай Иванович Вавилов изложил десятки достоинств и свойств, которыми должен обладать «идеальный» сорт. Но никому еще не удалось пока совместить их в одном организме, хотя продвинулись в этом направлении за последние годы значительно. Мироновские сорта в этом «наступлении на идеал» — в числе первых.

На первых порах Василий Николаевич все же очень боялся случайного успеха и слал во все концы письма с убедительными просьбами сообщить о результатах испытания своих пшениц. Хотя ответы шли самые обнадеживающие, в душе жило беспокойство. Он выступил в газете «Сельская жизнь» со статьей, в которой рассказал о новом сорте и особенностях его агротехники. Впрочем, пропагандировать «мироновскую-808» уже не было необходимости — она занимала все новые и новые тысячи гектаров.

Отзывы о ней поступали самые восторженные: легко переносит суровые и малоснежные зимы, морозостойка, не осыпается при созревании, устойчива против ржавчины, дает высокие урожаи при малых нормах посева. «Урожай сам-сто!» — сообщил председатель колхоза из соседнего Белоцерковского района: в хозяйстве было высеяно 50 килограммов семян и получено 50 центнеров первоклассного зерна. «Вот это пшеничка!» — восхищались колхозники из «Жовтня» Каменского района Черкасской области: урожай нового сорта в хозяйстве превзошел все ожидания — 61 центнер с гектара! И так во многих местах.

Урожай озимого поля на Украине начали быстро расти и вскоре удвоились по сравнению с довоенным, достигнув 24,8 центнера на круг.

«808-я» превышала местные районированные сорта на 10—15 центнеров с гектара и заменяла их везде — в Белоруссии и Прибалтике, Подмосковье и Поволжье, Ставрополе и Дагестане. В то время другого столь распространенного сорта озимой пшеницы не было во всем мире. Она заняла 8—9 миллионов гектаров.

Вышла и за границу: большие площади под нее отвели в Венгрии, Чехословакии, Польше, ГДР. И там она произвела на хлебном поле настоящий переворот, вытеснив местные сорта и сразу вдвое увеличив сборы зерна. Когда однажды Василий Николаевич приехал в Чехословакию на конференцию по зерновым культурам и председательствующий объявил о его присутствии, весь зал поднялся и долго аплодировал ему стоя.

И не удивительно: в условиях массового производства его «808-я» устойчиво дает при надлежащей агротехнике более 50 центнеров с гектара, а то и 60—70. Даже на сравнительно бедных подзолистых почвах под Москвой и Ленинградом.

Вскоре появились у нее и «сестры» — «мироновская юбилейная» и «мироновская улучшенная». Первая из них впервые в Союзе дала намолот зерна в 100,3 центнера с гектара. А осенью 1976 года пришла телеграмма из Чехословакии: в районе Трнава кооператоры собрали по 100,6 центнера «808-й», а в кооперативе Линове — ее же по 109 центнеров с гектара!

Всего полвека назад озимая пшеница даже при самых благоприятных агротехнических и погодных условиях могла дать 25—30 центнеров с гектара, сейчас мироновские сорта при любых условиях дают в среднем вдвое больше. Это крупнейшее научное и производственное достижение. За выведение сортов озимой пшеницы интенсивного типа — «мироновской-264» и «мироновской-808» Василию Николаевичу Ремесло в 1963 году была присуждена Ленинская премия, а в 1966 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Научная общественность Украины обратилась в Высшую аттестационную комиссию с просьбой присвоить выдающемуся селекционеру ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. А ученый совет Мироновской селекционно-опытной станции в соответствующем письме президенту ВАСХНИЛ подчеркнул: «В. Н. Ремесло впервые в истории селекции внес плановость в создание новых сортов озимых пшениц».

Действительно, они стали сходить с селекционного конвейера как по графику. В 1966 году на государственное сортоиспытание была передана «мироновская юбилейная» — через три года после сдачи «808-й» и через шесть лет после передачи «264-й». Когда «808-я» только испытывалась, ученый видел, что, как она ни хороша, все же высоковата ростом и будет из-за этого во влажные годы полегать. Надо укоротить соломину.

Работу эту начал не с готового сорта, а взял исходный образец, уже измененную яровую «артемовку», из которой была создана «808-я», и скрестил ее с «безостой-4», сортом, отличающимся высокой продуктивностью, сравнительно небольшим ростом и устойчивостью против бурой ржавчины. Получилась пшеница с укороченным стеблем — в 90—100 сантиметров, неполегающая, скороспелая и зимостойкая, с крупным зерном и отличными хлебопекарными качествами. Свое название она получила в честь полувекового юбилея Советской власти. В 1971 году на Пржевальском орошаемом сортоучастке в Киргизии она дала урожай более 100 центнеров с гектара.

В год ленинского столетнего юбилея была передана на испытание «ильичевка». На сортоучастках она в первый же год на 5—13 центнеров превзошла «808-ю». Под Москвой, в совхозе «Заря коммунизма» она дала по 75 центнеров с гектара, а на Пржевальском орошаемом сортоучастке — по 105,2 центнера. Этот сорт, так же как «мироновская юбилейная», был создан путем скрещивания, только теперь оно проводилось в обратной комбинации — материнской формой служила «безостая-4».

Успешно прошла испытания и «мироновская-808 улучшенная». Она ниже ростом, чем ее знаменитая мать, а урожай дает на 6—8 центнеров больше. «Выведение короткостебельных форм стало... одним из основных направлений селекционной работы,— писал Василий Николаевич.— Это вызвано естественным ходом развития селекции. Растет потенциальная продуктивность сортов, тяжелеет колос, полегает на длинном стебле пшеница, затрудняется уборка. Ясно, что дальнейшее увеличение продуктивности пшеницы невозможно без создания нового сортотипа на основе короткостебельности».

Путем гибридизации в институте получена и «мироновская-10», дающая существенные прибавки по сравнению с «808-й». Таким образом, наряду с созданием нового исходного материала методом изменения яровых форм в озимые в институте широко проводится планомерная работа по повышению потенциала продуктивности растений с помощью скрещивания сортов и линий измененных пшениц между собою и с сортами гибридного происхождения.

Подобным же методом выведены и два новых сорта — «мироновская-11» и «мироновская-25». Селекционный материал, созданный в институте за последние годы, позволяет в ближайшее время предложить производству сорта с урожайностью в 80—85 центнеров с гектара.

Василий Николаевич еще в 1968 году поставил также цель — получить сорт яровой пшеницы интенсивного типа, который можно было бы использовать не только для пересева озимых в случае их гибели, но который мог бы занять значительное место в яровых посевах. Такой сорт создан — это «мироновская яровая». Урожайность ее — 40—50 центнеров, рост — сравнительно небольшой, устойчивость против полегания — хорошая.

Овладев методом превращения яровых пшениц в озимые и обратно, ученый и его сотрудники научились вызывать такой широкий формообразовательный процесс, что теперь, применяя еще и гибридизацию, получили практически неограниченные возможности создавать все новые и новые сорта — каждый раз с более высоким потенциалом урожайности.

В институте сейчас применяют сложнейшие комбинации. Леонид Александрович Животков, заместитель директора института по вопросам селекции, заметил, что «через изменение» сейчас пропущены тысячи образцов, в том числе особенно трудные для такой «ломки» саратовские яровые сорта.

Разграфленные дорожками питомники и участки, где проходят сортоиспытания пшеницы, простираются сразу за новым белокаменным зданием института. Объем исследований растет с каждым годом, все большее значение приобретают развитие семеноводства новых сортов, разработка их агротехники. Не вообще, а применительно к особенностям каждого. В институте этому уделяют первостепенное внимание: без сортовой агротехники нельзя добиться высокого урожая.

Однажды в интервью украинскому журналу «Наука и общество» Василий Николаевич сказал, что ступень пшеничной продуктивности поднялась со 100 пудов до 100 центнеров. Подобной смены вех человечество еще не переживало в своей многовековой земледельческой практике.

Мироновский институт является инициатором разработки и активного внедрения в широкое производство сортовой агротехники, и Василий Николаевич не упускает случая, чтобы подчеркнуть ее значение.

— Но не все, конечно, зависит от качеств сорта и его агротехники, — улыбается он. — Главное — какой человек работает на земле, выращивает пшеницу, как к ней относится. Самое лучшее зерно в руках нерадивого пропадет. Вообще человек без любви к земле, к полю, к природе — убогий. Он не только хлеба не вырастит, он и сталь не сварит, и дом не построит. Воспитывать эту любовь, эту кровную связь надо с детства.

Слушая Василия Николаевича на агрономических совещаниях, сессиях ВАСХНИЛ, наблюдая его в институте или в поле, всегда невольно отмечаешь его умение к любому делу подойти конкретно и внимательно, взглянуть на него глазами тех людей, которые его должны выполнять. Говорит он обычно тихо, с улыбкой, а в самые напряженные моменты уборки становится совсем немногословным. Он всегда кажется спокойным и уверенным, и это передается окружающим.

Институт быстро растет и строится. Сооружен фитотрон для выращивания растений в условиях искусственного климата. Неузнаваем стал сам поселок. Красивые, облицованные желто-белой керамической плиткой дома, к окнам и лоджиям которых тянут плоды яблони и сливы. В одном из таких домов, стоящем прямо в саду, и живет Ва-

сий Николай с женой Раисой Евдокимовной. Тут же, в Мироновке, работает их младший сын Владимир, тоже пошедший по стопам отца.

Есть у Василия Николаевича мечта — создать в Мироновке научно-учебный комбинат, где по-новому поставить воспитание и обучение будущих селекционеров.

— Селекция должна преподаваться с первого курса техникума, — говорит ученый. — Потом — институт, селекционный. Числом тут не возьмешь, нужны люди, склонные к селекционной работе. Пусть у нас будет один факультет с сотней отобранных хлопцев. Пусть встают с зарей, пусть видят: вот Ремесло, вон какой важный, а и его надо побороть! Перегнать в работе!

У Василия Николаевича — широкие и прочные связи, постоянные контакты с зарубежными учеными. К нему не раз приезжали Дитер Кох, Рихтер Клаус из ГДР, Ярослав Лекеш из Чехословакии, Славко Бороевич из Югославии и многие другие. Смотрели посевы, образцы, делились опытом.

Всеобщее признание и настоящее глубокое уважение — это всегда результат большого и последовательного труда. Василий Николаевич, конечно, прежде всего селекционер, отлично знающий законы поля. Но, кроме того, он еще и директор института со дня его организации на базе станции, которую он также возглавлял в качестве директора. Кроме того, много времени отнимают его обязанности члена ЦК Компартии Украины, заместителя Председателя Верховного Совета УССР, участие в сессиях Академии наук СССР и ВАСХНИЛ, различных совещаниях, конференциях, конгрессах.

За поистине подвижническую работу, за создание целого семейства никем не превзойденных пока сортов озимой пшеницы, за разработку их агротехники и массовое внедрение в производство, а также в связи с 70-летием Василий Николаевич был вторично удостоен звания Героя Социалистического Труда.

— Мы часто говорим о счастье, — сказал как-то он своим молодым коллегам. — Но мне кажется, что это понятие нередко путают с удачей, с сиюминутным успехом. А ведь настоящее счастье — это тогда, когда мы ставим перед собой большие цели и боремся за них всеми своими силами. И вот когда эта борьба наконец завершается победой, тогда и чувствуешь себя счастливым по-настоящему...

А. Коломацкий, В. Шайкин

Смирнов
Василий Александрович

КОРАБЕЛ С БАЛТИЙСКОГО

Все морские дороги Ленинграда начинаются с невской воды. А одна из них идет от этого заводского берега, этих стапелей, с которых вот уже более 120 лет спускаются различные суда. В музее истории Балтийского завода можно увидеть макеты, рисунки и фотографии первых буксирных пароходов и барж. По сравнению с сегодняшними гигантами они кажутся крошечными. Но уже тогда продукция предприятия отличалась высоким качеством. Не случайно уже в 1861 году завод получил золотую медаль на Всероссийской промышленной выставке. А в 1862-м вступил в строй первый броненосный корабль русского флота — канонерская лодка «Опыт»...

От барж и буксиров до кораблей науки, таких, как «Космонавт Владимир Комаров», мощных атомных ледоколов — таков путь развития завода.

Об этом нет-нет да и вспомнит кадровый судосборщик, мастер-наставник, дважды Герой Социалистического Труда Василий Александрович Смирнов, когда по дороге на стапель проходит мимо ворот с надписью: «Балтийский завод».

А как радовались на заводе, когда 17 августа 1977 года пришла радиограмма от капитана атомного богатыря «Арктика» Юрия Сергеевича Кучиева, что впервые в истории мореплавания ледокольное судно достигло Северного полюса.

Потом, некоторое время спустя, сидели они — капитан атомохода и судосборщик — в кабинете директора завода, и Юрий Сергеевич рассказывал о ледовом походе.

— Были ли сомнения в возможностях судна? — спросил директор Виктор Нилович Шершневу.

Кучиев, посмотрев на Смирнова, ответил:

— Когда собирались в поход на северную макушку планеты, понимали: без победы возвратиться не можем, не имеем права — ведь мы собственными глазами видели, как самоотверженно строили этот корабль балтийцы. Бывали и у Василия Александровича на стапеле: дует со всех сторон, мороз, а он со своими товарищами трудится, несмотря ни на что. Разве могли мы подвести создателей корабля, не поверить в его возможности? Когда к полюсу подходили, лед попался толстенный, многолетний. Но ничего, и с ним справились. — И снова посмотрел на Смирнова. А тот улыбался. Кому же не приятно, когда так лестно отзываются о твоей работе.

Но та встреча была, когда Василий Александрович еще трудился на стапеле. А теперь мысли у него о другом.

В одиннадцатой пятилетке изготовление судов с атомными энергетическими установками стало главной задачей для Балтийского завода. А это потребовало много больше высококвалифицированных специалистов. И тогда 25 кадровых опытных рабочих, конечно с их согласия, приказом директора откомандировали в базовые профтехучилища. Стал мастером-наставником и В. А. Смирнов.

Сегодня он впервые ведет свою группу на стапель, где его бригада, возглавляемая бывшим партгрупоргом Владимиром Васильевым, строит новое судно. День этот он выбрал не случайно. Сегодня корабль будут спускать на воду. Смирнов шагает окруженный притихшими ребятами, с восхищением озирающимися вокруг, и думает о том, сколь быстротечно время. Казалось, совсем недавно его самого так же вел на стапель дядя Миша Нарицин.

В их семье бережно хранился один документ — мандат делегата II Всероссийского съезда Советов, выданный его отцу — красногвардейцу Смирнову Александру Ильичу. 7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции, отец часто рассказывал за праздничным столом о событиях в Петрограде осенью 1917 года. Василий слушал, а перед его мысленным взором мелькали кинокадры много раз виденной кинокартины «Ленин в Октябре».

Закончив рассказ, старший Смирнов говорил сыну:

— С этого великого дня на нас, пролетариев, легла главная забота о строительстве нового государства. А значит, и на тебя как на мое продолжение.

После восьмого класса шестнадцатилетний Василий пришел в ФЗУ при заводе «Судомех», где готовили судосборщиков. Кроме желания стать таким же рабочим человеком, как отец, ему хотелось скорей обрести самостоятельность. Кроме того, после получения специальности была возможность попасть на прославленный Балтийский завод.

Об этом коллективе знала вся страна. Балтийцы завершили пятилетку за три года и четыре месяца, пятьдесят рабочих и инженерно-технических работников завода были награждены орденами за досрочный ремонт ледокола «Красин», который участвовал в спасении оставшихся в живых членов экспедиции Нобиле. Газеты писали, что именно на его стапелях был заложен первый мощный советский ледокол для освоения Северного морского пути. В общем, уже тогда Василий Смирнов знал, чего он хочет, и делал все, чтобы выполнить свою личную программу жизни. Это ему удалось. После ФЗУ он был принят на Балтийский завод. И начались горячие денечки. На заводе в ударном порядке ремонтировался ледокол «Ермак», который должен был идти на помощь папанинцам. Да, именно с этого срочного задания началась его рабочая биография. Ведь как было? Поднялся на стапель директор завода и стал с тревогой рассказывать, что льдина, на которой дрейфуют папанинцы, ломается. Иностранные судоремонтные фирмы берутся отремонтировать «Ермак», но не раньше, чем за три-четыре ме-

сяца. А нужно — за месяц. Ведь речь идет о спасении участников героического дрейфа. Выслушав директора, судосборщики постановили — отремонтировать «Ермак» за месяц, а если удастся, то и быстрее. Вот тогда мастер Михаил Михайлович Наричин и взял в свою бригаду стажера Василия. Работали, не считаясь со временем. Отремонтировали подводную часть корпуса, сменив на ней листовую обшивку, главную паровую машину корабля, котельные установки.

Темпы были невообразимыми. Например, монтажники смонтировали линию валов за 50 часов, вместо полутора месяцев. Всего за 8 часов отковали гребной вал кузнецы бригады Михайлова, а чеканщики бригады Федорова произвели налив и испытание на водонепроницаемость двух отсеков за шесть часов вместо трех дней.

Много лет спустя руководитель экспедиции Иван Дмитриевич Папанин напишет: «Мы знаем, что «Таймыр», идущий к нам, борется с жестоким штормом... Слыхали, что ленинградские рабочие сказочно быстрыми темпами ремонтируют ледокол «Ермак»... Страна идет к нам на помощь! Мы очень взволнованы этим...»

Ледокол вышел в рейс через две недели. Это было 9 февраля. Мастер дядя Миша сказал ребятам, когда все, кто его ремонтировал, пришли провожать «Ермак» в далекое плавание:

— Пусть эти две недели станут вам, ребятишки, на всю жизнь боевым зарядом.

Да, прав был М. М. Наричин: эта двухнедельная самоотверженная работа, ее ударный темп действительно стали для Василия Александровича камертоном, по которому он сверял свой трудовой настрой во все последующие годы.

23 октября 1938 года — дата зачисления Смирнова на Балтийский завод судосборщиком в корпусный цех. С того времени и до перевода в качестве наставника в ПТУ он не менял ни профессии, ни места работы. Если не считать перерыва на войну. О ней Василий Александрович узнал в Кронштадтском доке. Уже 23 июня к ним на ремонт поступил крейсер «Максим Горький», у которого миной была сильно повреждена носовая часть. Крейсер был отремонтирован и возвращен в строй на сорок пятые сутки.

В первые дни войны около трех тысяч рабочих, инженеров и служащих Балтийского завода вступили в народное ополчение. Василия Смирнова не взяли. Потом из балтийцев сформировали полк, который в августе — сентябре обеспечивал оборону Гатчины. Но и туда его не приняли. На Балтийском же формировался затем отдельный пулеметно-артиллерийский батальон.

Выполняя задание командования, батальон балтийцев некоторое время держал оборону на развилке железных дорог в направлении Пскова. Сформировали балтийцы и партизанский отряд для борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков. Уже оба брата сражались с гитлеровцами, а Василию по-прежнему отказывали. «Ты пока больше нужен здесь, на ремонте боевых судов», — говорили ему.

В июле с рубежа реки Великая фашисты начали наступление на Ленинград. Войска Красной Армии самоотверженно оборонялись, но силы были неравными. Преодолев сопротивление советских войск, враг 25 августа захватил Любань, четыре дня спустя — Тосно, а 30 августа немцы вышли к Неве. Овладев 8 сентября Шлиссельбургом, они блокировали город.

Гитлеровцы начали систематические бомбардировки и артобстрелы Ленинграда. В городе все меньше становилось продуктов питания, но ленинградцы не сдавались. Под бомбежками и артобстрелом промышленные предприятия давали фронту вооружение, снаряжение, обмундирование, боеприпасы. Василий по-прежнему в Кронштадте ремонтировал поврежденные суда. Когда они работали на ремонте линейного корабля «Марат», во время вражеских налетов погибло много рабочих-балтийцев. Василий уцелел каким-то чудом. Но первая седина брызнула в его русую шевелюру. Мать причитала:

— Седой... В неполные-то двадцать лет...

Василий, как мог, успокаивал ее. Даже шутил:

— Главное — голова цела, а что седа — не беда.

Неимоверные тяготы выпали на долю блокадного города. 20 ноября 1941 года в Ленинграде был установлен минимальный паек хлеба: служащим, иждивенцам и детям — 125 граммов, рабочим — 250.

Василий снова и снова обращался с просьбами послать его на фронт.

— Сытой жизни захотел? — кричал на Смирнова издерганный, осунувшийся военком. Василий не обижался, не возмущался, понимал: военком прав, на фронте хоть не так голодно.

Он по-прежнему работал в доке, на ремонте. А завод изготавливал детали минометов, снаряды, авиабомбы. В корпусообрабатывающих цехах собирали платформы для береговых орудийных установок, металлоконструкции для аэродромных ангаров.

Старики, женщины и подростки в цехах завода заготавливали детали для самоходных тендеров и плашкоутов, барж-«блокадок», которым весной предстояло стать флотом Дороги жизни.

В начале сорок второго года, когда во Всеволжске под Ленинградом срочно формировался 104-й пограничный полк для охраны Дороги жизни, пролегшей по Ладожскому озеру, Василий и его друзья — Громов, Цепов и Гаврилов — попросили зачислить их в полк добровольцами. На этот раз их просьбу удовлетворили.

Фашисты всеми средствами пытались перервать эту тоненькую ниточку, связывающую город Ленина со страной. Созданный полк должен был противостоять их усилиям. В первую блокадную зиму по Дороге жизни было эвакуировано из Ленинграда 549 тысяч человек, перевезено 361 тысяча тонн грузов, боеприпасов, горюче-смазочных материалов. Переправлены с полным вооружением несколько стрелковых дивизий и одна танковая бригада, огромное количество промышленного оборудования. Когда же по решению Государственного Комитета Обороны через Ладожское озеро начали прокладку 35-километ-

рового трубопровода для подачи в Ленинград нефтепродуктов, рядовой Василий Смирнов и его товарищи вместо отдыха после боевого дежурства помогали строителям.

Иногда в часть приходило пополнение из Ленинграда. Василий спрашивал каждого прибывшего из блокадного города, не с Балтийского ли он завода. Однажды ему повезло — среди новобранцев оказался судостроитель. Он показал ему листовку, где рассказывалось о героическом труде женщин из бригады разметчиц. Смирнов хорошо знал этих девушек-комсомолок — Шуру Иванову и двух Ань, Яковлеву и Королеву. Они, говорилось в листовке, освоили станочную обработку, сварку и сборку и выполняют норму на 300—400 процентов.

— И где только силы берут?! — восхищенно говорил парень. — Худющие — страшно смотреть. Одни глаза остались.

Василий долго не мог заснуть, растревоженный рассказом балтийца о том, как заводские сборщики, сварщики и монтажники собирают и спускают на воду самоходные баржи, как однажды во время налета одна из бомб пробила корпус почти готовой баржи, но не взорвалась, а ушла в землю, и как бригады балтийцев судосборщиков М. Наричина, А. Морозова и Н. Шиплецова, несмотря на опасность, продолжали работать. Заделав пробоину, они спустили баржу на воду и только после этого ушли, уступив место саперам.

— Слышь, парень, — растолкал вдруг среди ночи Смирнов заснувшего новобранца, — Михаил-то Михайлович Наричин — это ведь мой первый мастер, я, можно сказать, его ученик. Вот кончится война, пойду опять к нему в бригаду.

12 января 1943 года части Ленинградского и Волховского фронтов начали операцию «Искра». А 18 января блокада была прорвана.

Когда фронт отступил от Ленинграда и была восстановлена граница на Карельском перешейке, 104-му полку было приказано охранять ее. Полк преобразовали в 34-й пограничный отряд. Войну Смирнов окончил пограничником. Медаль «За оборону Ленинграда» — одна из самых дорогих ему наград.

Демобилизовавшись в сорок шестом, на второй же день по возвращении в город Василий Смирнов в фуражке с зеленым околышем отправился на родной завод. В шинелях и бушлатах, громкоголосые, обветренные и исхудавшие — кто от стен рейхстага, кто из Праги, кто с госпитальной койки, — возвращались балтийцы в свои цехи, к своим станкам. У Кати Фурсовой, сотрудницы заводского отдела кадров, с каждым днем прибавлялось работы. Много перед ней в эти дни прошло бывших воинов в гимнастерках, с темными полосами на плечах от недавно снятых погон и с разноцветьем орденских планок на груди. А внимание обратила она на солдата Василия Смирнова, который попросил оформить его судосборщиком в тот же стапельный цех, откуда уходил на фронт.

Познакомились, разговорились. Оказалось, что до войны учились в одной школе. Василий рассказывал, как воевал, Екатерина о жизни

в блокадном Ленинграде. Ходили в кино, иногда, встретившись после работы, просто бродили по улицам, вспоминая, как было до войны, мечтая о том, как будет теперь.

Свадьбу справили скромную, но веселую. Зажили дружно, хорошо зная цену хлебу и счастью. Вскоре родилась дочь Елена. Молодой семье выделили комнату в новом доме на Васильевском острове.

Работал честно, как завещал отец, как учил его до войны мастер-наставник дядя Миша Нарицин. Трудился в бригаде Василия Якимовича Кухто, где было сразу четыре Василия.

Год как кончилась война, а буксирные катера чуть не каждый день доставляли к заводскому причалу поврежденные суда. Дел было выше головы. На стапели приходили вчерашние школьники. Опытных рабочих не хватало. Кухто работу с новичками, как правило, поручал Смирнову. Подметил — Василий Александрович умеет найти подход к каждому парнишке. Как-то однажды Василий Якимович сказал ему:

— Пора тебе, Вася, принимать бригаду. Подбирай молодых, обучай и давай со своей командой в самостоятельное плавание.

Первая его бригада... Он посмотрел на пэтэушников, что шагали рядом с ним к стапелю, и подумал: «Те по возрасту были такими же, а вот по облику, по мыслям выглядели намного старше. Те ребята пережили войну, а некоторые и блокаду». Но он был старше их, опытнее и знал больше. Василий Александрович показывал им, как стыковать железо без зазоров, намертво крепить болты, «прихватывать» металл сваркой... Только-только стали его подопечные разбираться что к чему, постигать азы профессии судосборщика, как свалилась на его бригаду срочная работа.

В начале недели подошел к нему мастер:

— Выбиваемся из графика, Василий. Сегодня получите килевую коробку из корпусного, надо бы к воскресенью управиться.

«Все возвращается на круги своя,— подумал Василий.— Я в ударном порядке ремонтировал «Ермак». И этим придется с места в карьер включаться в работу».

Когда привезли коробку, она оказалась деформированной. Пришлось посылать на переделку. До дня сдачи оставалось трое суток, когда наконец ее вновь доставили на стапель.

На всю жизнь запомнил Василий Александрович эти три дня и три ночи. Почти без сна и перерывов на еду работала его бригада. Но все, что надо, сделали. В следующий понедельник на цеховой Доске показателей бригада Смирнова значилась в одной строке с бригадой Кухто: обе выполнили план на 217 процентов.

В Государственном музее истории Ленинграда есть три экспоната, которые особенно дороги В. А. Смирнову. Это — отцовский мандат делегата II Всероссийского съезда Советов за номером «232» и две его собственные грамоты. Одна выдана комсомольцу-пулеметчику за охрану Ладоги, другая — коммунисту-судосборщику за досрочное выполнение заданий первой послевоенной пятилетки.

Нелегко давались бригаде высокие производственные показатели. И Василий Александрович все думал да гадал, как снять напряжение, чтоб сборка шла спокойнее и четче. Штурмовщина и аврал — плохие помощники ритмичной работы. На стапель тем временем поступали на сборку все более сложные суда. По своим размерам они не шли ни в какое сравнение с прежними, не говоря уж об их техническом оснащении. Это были корабли водоизмещением в десятки тысяч тонн, длиной почти четверть километра. Прогресс в кораблестроении шагал семимильными шагами. Будто наверстывал упущенное в военное лихолетье. К концу пятидесятых — началу шестидесятых годов клепка почти целиком была вытеснена сваркой, новая технология требовала и новых организационных форм.

Помнится, он начал с того, что установил такой порядок: вечером по окончании работы каждому объявлял, что ему предстоит делать завтра, к чему надо подготовиться. Сам он заранее подбирал чертежи, выяснял, когда будут поданы секции, проверял оснастку. Выгадывались, казалось, минуты, а вышло, что именно это помогло бригаде войти в четкий ритм, и сборщики стали перекрывать нормы выработки. Но часто случалось: их отлаженная работа сводилась на нет от того, что смежники не поспевали за бригадой. Например, судосборщики поставили секцию, и надо подрезать кромку, а газорезчик еще занят на другом объекте. Время уходит, уплывают в никуда дорогие минуты, а главное — дело стоит. Вот тогда Василий Александрович и предложил всем освоить эту профессию. Первым освоил специальность газорезчика сам Смирнов.

Вслед за ним овладели на специальных курсах электросваркой и газорезкой остальные члены бригады. Работа пошла спокойнее. Поднялось настроение. Да и в зарплатке выиграли и значительно сократили время сборки секций судов. Вскоре их начинание было подхвачено другими цехами завода, началось массовое освоение смежных специальностей.

Как давно это было...

— Василий Александрович, — обратился к нему один из пэтэушников, — аппарат автоматической сварки по методу, разработанному в институте Патона, применяется на заводе?

Смирнов повернулся на голос. Из-под козырька фуражки на него смотрели черные пытливые глаза.

— Балтийский завод, ребята, одно из головных предприятий советского судостроения. И в цехах и на сборке используется много машин и агрегатов, действующих в автоматическом режиме. Я вам все покажу и расскажу. Только наберитесь немного терпения, — и, положив руку на плечо паренька, спросил:

— Фамилию твою помню, а вот как звать — сразу не скажу.

— Володя, — ответил тот.

— Ты, я вижу, любознательный. Это хорошо. Интересная жизнь у тебя может получиться.

Они пошли дальше, а Василию Александровичу пришло на память имя другого Володи. Володи Шатурина. Когда же это было? Наверное, года через два после того, как перешли на сварные работы. А вот название судна, над которым они трудились, запомнилось — танкер «Будапешт».

Бригаде предстояло собирать секции палубной надстройки судна, а палубы еще не было. Бригада вдруг оказалась обреченной на безделье. Парни курили, сетуя на несогласованность различных производственных звеньев. И тут...

— А что, ребята,— сказал Володя Шатурин, поглядывая на бездействующий кран,— что, если мы соберем надстройку прямо на земле, пока на стапеле нам работы нет. А потом, когда настелят палубу, мы на нее готовую надстройку и поставим. Кранище вон какой мощный...

Ах, каким умницей оказался Володька Шатурин!

Позже этот опыт бригада Смирнова использовала даже при постройке атомного ледокола «Арктика». Готовые блоки весом в сотни тонн заранее собирали на предстапельных площадках, а затем ставили на корабль. Тут уж применялись и точнейшие инженерные расчеты, и коллективное творчество рабочих всех профессий. В результате срок изготовления надстроек сократился на три месяца. Так же собирали и «Сибирь», и другие суда.

В 1958 году смирновскому квартету в составе Владимира Шатурина, Николая Поспелова, Юрия Скоскина и бригадира одному из первых в Ленинграде присвоили звание бригады коммунистического труда. А еще спустя какое-то время вся страна услышала о вышневолоцкой текстильнице Валентине Гагановой, перешедшей из передовой бригады в отстающую. Прочитав об этом, Василий Александрович решил, что он тоже мог бы последовать ее примеру. В самом деле. Знаний и опыта ему не занимать, ребята в бригаде вполне и без него могут справиться. А если он еще кого научит хорошо работать, так разве это плохо? «Учитель — воспитай ученика...» И однажды, будто ненароком, бросил Шатурину:

— Думаю тебя в бригадиры выдвигать.

— Меня? А ты куда? В большие начальники?

— Не угадал,— усмехнулся Смирнов,— хочу попробовать взять себе отстающую бригаду.

— Да у нас на стапелях вроде бы таких нет.

— Это верно, но, понимаешь, если свести неопытных новичков, которые есть в каждой бригаде, то я мог бы попробовать им передать то, что знаю...

На первую встречу с новой бригадой Смирнов вырядился словно на парад — надел все свои награды. А разговор начал с рассказа, как сам пришел в корабелы, о своей фронтовой жизни, об истории завода, о том, как его прежняя бригада стала передовой. Что на ребят подействовало, трудно сказать. Авторитет ли их нового бригадира, или его собственный пример, а может, то, что он не ругался, не кричал, а тер-

пеливо объяснял, показывал, что такое хорошая, красивая работа. Но вскоре стали замечать: произошла в них перемена. Лучше стали работать, добросовестнее. А еще спустя какое-то время Василий Александрович сказал в завкоме, что они посоветовались и решили вызвать на соревнование бригаду Себина — сильный коллектив судосборщиков. Не сразу, конечно, а все-таки вначале они догнали бригаду Себина, а потом и обогнали.

В Москве во время совещания бригад и ударников коммунистического труда Василию Александровичу Смирнову в зале заседаний Верховного Совета вручили Золотую медаль Героя Социалистического Труда и орден Ленина.

— Радостно сознавать, что вместе с ростом техники и совершенствованием производства у нас выросли и люди, — говорил Василий Александрович с трибуны XXII съезда КПСС. — В этом с особой силой проявляются преимущества нашего социалистического строя, открывшего каждому советскому человеку богатейшие возможности для всестороннего развития...

Нашей целью является воспитание нового человека — человека коммунистического склада. И этот человек придет не завтра. Уже сейчас он вместе с нами живет и работает, творит и строит. Он закаляется в труде, очищается от пережитков прошлого, раскрывает свои лучшие качества человека-созидателя.

Двадцать лет прошло с той поры. Много различных кораблей сошло за это время со стапелей Балтийского завода. И трудно передать словами чувства, что овладевают тобой, когда видишь, как плавно скользит корабль к невской воде. Но это всегда — праздник. На него-то и привел своих учеников Василий Александрович Смирнов.

Вот и он — гигант-красавец. Идут его последние часы на земле.

— Начать подклинку! — слышна команда. И Василий Александрович показывает ребятам, как рабочие начинают выбивать кильблоки, торцевые упоры. Кто-то стучает по днищу молотом. Корабль гулко отзывается, будто говорит: «Пока, пока». Спускочная команда занимает места.

И вот звучит долгожданное:

— Разрезать задержник!

Будто подстегнутый этой командой, корабль сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее скользит вниз к воде. Многоголосое «Ура!», поддерживаемое мощными гудками танкеров, сухогрузов, буксиров, катеров, стоящих на рейде, приветствует выход нового судна на воду.

Сам В. А. Смирнов немало поездил по белу свету. Встречался с кораблями Польши и ГДР, побывал в США и Англии, на теплоходе «Байкал» в составе профсоюзной делегации обошел порты Японии. Но больше всего ему запомнилась Гавана. Потому что там в порту встретился со своим танкером «Братислава».

Делегат четырех партийных и профсоюзного съездов, трижды избиравшийся в состав ЦК КПСС, член Комитета народного контроля

страны, человек, не раз представлявший во многих странах мира советский рабочий класс, В. А. Смирнов — корабел, как говорится, до мозга костей. На своем рабочем веку он участвовал в сборке почти двух сотен судов. И среди них — крупнотоннажные танкеры, лесовозы, рудовозы, корабли науки «Космонавт Юрий Гагарин» и «Космонавт Владимир Комаров». Особое место в этом списке занимают атомные ледоколы «Арктика» и «Сибирь». Василий Александрович со своей бригадой работал на них от закладки до спуска на воду.

Судосборщики, монтажники, электросварщики — все балтийцы, помогая друг другу, учась друг у друга, с каждым днем наращивали темпы работ. И в итоге «Сибирь» была построена значительно быстрее «Арктики».

Осенью 1978 года в Смольном В. А. Смирнову за достижение выдающихся успехов в выполнении социалистических обязательств и трудовой героизм, проявленный при сооружении атомохода «Сибирь», вручили орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот». И эту радость с ним по праву разделяли его товарищи по работе — Александр Федотов, Валерий Березин, Владимир Васильев, Николай Буров, Владимир Цветков и Виктор Коцюбинский.

Потом он привел своих учеников к строительному вагончику у подножия стапеля, где еще недавно размещался его бригадирский штаб. Взялся за ручку двери. Навстречу ему поднялся Владимир Васильев. Обменявшись рукопожатием, Василий Александрович кивнул на ребят:

— А я практикантов привел. Примешь?

...Нет океана, где не плавали бы корабли, в создание которых вложил частичку своей души славный ленинградский рабочий с Балтийского завода Василий Александрович Смирнов. В кают-компаниях хранятся памятные сувениры кораблей: копия закладной доски с названием судна, горлышко бутылки из-под шампанского, разбитой при спуске, почетная книга с именами лучших рабочих, чьим трудом он создавался. Среди них можно часто встретить имя Василия Александровича Смирнова, имя человека, который сам построил свою судьбу.

Г. Кудрявцева

Смирнова
Нина Аполлинарьевна

БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

Она очень любит эту раннюю утреннюю пору. Выйдет из дома, а навстречу радость — родное Караваево. Будто на ладони. Правда, не весь городок, только та его часть, что ближе к пойме реки Сендеги.

Поселок животноводов, если смотреть от многоэтажного дома, где она живет с семьей в современной квартире со всеми удобствами, левее поймы. Домики-коттеджи с верандами. Магазины. Детский сад. Административный корпус. Аллея дважды Героев Социалистического Труда. Шесть бронзовых бюстов навечно застыли перед Домом культуры. Крайний справа — ее, Нины Аполлинарьевны Смирновой, одной из лучших телятниц страны начала пятидесятых годов.

Дальше, за поселком, полукольцом раскинулись просторные коровники и телятники, силосные башни, молочный завод, лаборатория, гараж, мастерские... А в синих далях — посевы злаковых и трав, картофельные поля, пастбища, заливные луга — владения совхоза.

Годы, годы. Как вы быстро летите! Давно ли Нина Аполлинарьевна была молодой, неутомимой в работе, жаркой в веселье. А теперь вот уже и третья дочь стала взрослой. Неумолимо время. Когда она вспоминает о своей прошлой жизни, в памяти прежде всего всплывают три эпизода из далекого детства. С них, как ей кажется, все и началось.

...Осень 1932 года. Смирновы — отец, мать, шестеро детей — жили на хуторе рядом с бывшим имением костромской салтычихи, генеральши Усовой. Кстати, это о ней, ее скаредности и жестокости писала в 1901 году ленинская «Искра»: «В нескольких верстах от Костромы находится усадьба Караваево, принадлежащая генеральше Усовой; генеральша ведет хозяйство и держит 8—10 земледельческих рабочих, которых кормит совершенно невозможной пищей... Однажды на обед было подано такое мясо, что, несмотря на сильный голод, рабочие совсем не могли есть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собаке, которая, съевши его, в тот же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли в землю».

На хуторе размещалось небольшое отделение государственного племенного совхоза «Караваево».

В те годы отделение выполняло роль карантинного пункта. Там выдерживали животных, купленных на ярмарках и в соседних с Караваевом деревнях, перед отправкой на центральную усадьбу. Единственной дояркой отделения была Таисия Алексеевна Смирнова — мать Нины.

Однажды на хутор приехал главный зоотехник совхоза Stanislaw

Иванович Штейман, приезжий латыш, который возглавлял всю работу по выведению новой породы коров. Он осмотрел очередную группу животных, которые прошли карантин, и остался очень доволен. Таисия Алексеевна была, что называется, на седьмом небе.

— Можно отправлять, — сказал Станислав Иванович, прощаясь.

Скотник открыл ворота, привычно щелкнул кнутом. Но что это? Коровы не тронулись с места. Они стояли возле Таисии Алексеевны и... терлись мордами о ее руки.

— Ну и ну, — проговорил ошеломленный зоотехник.

Таисия Алексеевна, статная, высокая, не спеша вышла на улицу, ласково позвала коров. И те пошли за ней.

Второй случай из детства, который вспоминает Нина Аполлинарьевна, произошел через год, поздней осенью 1933 года. В морозный ноябрьский вечер от стада отбилась — как в воду канула — корова, дохаживавшая последние дни стельности. Ее искали в лесу день, другой... Безрезультатно. Корову еще надеялись спасти, а в гибели приплода никто не сомневался. Крестьяне испокон веку родившегося теленка не оставляли даже в хлеву — несли в избу, к печке.

Целая неделя прошла. Корову так и не разыскали. Ее списали с баланса как погибшую, а она вдруг объявилась. И не одна! Около матери резвился здоровый, крепкий, покрытый густой шерстью теленок.

В том же 1933 году в племенном совхозе, еще не успевшем как следует встать на ноги, начала свирепствовать болезнь — эпизоотия. Гибель животных, особенно молодняка, достигла невероятных размеров — 60 процентов. Не щадила болезнь и телят, полученных от лучших рекордисток. Какие только меры не принимались! Животных буквально пичкали лекарствами, утепляли телятники, всюду лили и сыпали химикаты, какие только были...

В конце концов гибель молодняка приостановить удалось. Но уверенности, что болезнь не возвратится, не было.

— А что если попробовать растить телят в холодных помещениях? — как-то предложил С. И. Штейман. — Холод должен повысить закалку животных, парализовать деятельность микробов...

— А не застудим молодняк? — высказал сомнение директор совхоза В. В. Шабиров.

— Вспомни пропавшую корову и теленка. Каким здоровяком он был... Конечно, риск есть, но попробовать стоит.

Доверить этот эксперимент решили Таисии Алексеевне Смирновой, Станислав Иванович не забыл поведение коров на хуторе. Так на первый взгляд мало чем связанные между собой эпизоды слились воедино. Семья Смирновых по настоянию С. И. Штеймана переехала на центральную усадьбу.

Для эксперимента решили приспособить старую баню. Законопатили щели, уплотнили дверь, остеклили окна, разобрали печь, чтобы не смущала в холода, — после тщательной дезинфекции сюда и поместили небольшую группу молодняка.

В этом телятнике-бане Нина Аполлинарьевна, пожалуй, впервые и познала азы ухода за новорожденными телятами. Она помнит, как через несколько дней Штейман, осмотрев телят, объяснял ее матери:

— Видите, какая у телят выросла густая шерсть. Это природа защитила их от холода. Мороз же заставил больше двигаться, от этого у них улучшился обмен веществ, телята растут как на дрожжах.

Таисия Алексеевна согласно кивала. Правда, что такое обмен веществ, она еще не знала, однако аппетит и рост у теляток действительно были отменными. При морозе — видано ли такое дело! — они росли здоровыми и резвыми.

— Штейман с ума сходит, а ты стараешься, — говорили ей.

Она не отвечала. Молча спешила к телятнику-баньке, к своим питомцам. Время рассудило, кто прав. Болезни миновали телят Таисии Смирновой. Ни одно животное из этой первой группы (впрочем, как и из всех последующих, а их перевалило за тысячу) не погибло ни от холода, ни от болезней. Метод выращивания племенного молодняка был найден. С годами он был усовершенствован, и сейчас, спустя сорок с лишним лет, находит широкое применение. Добавим к этому: за многолетнюю плодотворную работу в животноводстве Таисии Алексеевне Смирновой в 1949 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Жизнь шла своим чередом. Когда Нину принимали в пионеры, слава о рекордистках Караваева уже гремела по всей стране. В три раза вырос и средний удой на фуражную корову. Тысячи голов племенного молодняка были проданы в соседние области и автономные республики Поволжья, в Среднюю Азию и в хозяйства Закавказья.

Как-то в школу, где училась Нина, на пионерский сбор заглянул Станислав Иванович Штейман. Высокий, плечистый, с орденом на лацкане, он очаровал ребят. Не случайно журналисты нарекли его «широкоплечим исполином с мудрым лицом волшебника и чистым сердцем ребенка».

Станислав Иванович рассказал ребятам о содержании телят в просторных клетках с ровной температурой и идеальной чистотой, пояснил, что дает это совхозу, как влияет вот такой метод выращивания на выносливость, высокую удоиность и молочное долголетие коров. Как бы между делом назвал он и имена лучших телятниц.

— Ребята, — внезапно спросил «мудрый волшебник», — а не организовать ли нам в школе кружок юных натуралистов? Совхоз выделит молодняк, я возьму шефство над кружком.

Пионеры сначала растерялись, а потом ударили в ладоши. Нина Смирнова записалась одной из первых.

— Молодец, девочка, — похвалил ее Станислав Иванович. — Относьсь к животным, как твоя мама. За ласку они платят вдвойне.

Пионерам доверили воспитание двух бычков — Катода и Полюса. Сколько было радости! Но не всем по душе пришлись требования ухода за животными. Кое-кто покинул кружок. Нина осталась. Забота о кормлении и содержании телят не была ей в тягость.

Бычки росли, крепили. Через три месяца юннаты представили их специальной комиссии. Оба весили больше 100 килограммов. Новый директор совхоза В. А. Шаумян отметил успех юных животноводов в специальном приказе. Он, как и «добрый волшебник», смотрел далеко вперед. Именно из кружка юннатов выросли многие прославленные доярки и телятницы.

В книге «Как создано рекордное караваевское стадо» С. И. Штейман писал о Вагинаке Арутюновиче Шаумяне: «Этот человек с большой организаторской и теоретической подготовкой привил большевистские методы в производстве, внес культуру в быт коллектива совхоза. Рабочие нашли в нем умелого руководителя и чуткого товарища. После его прихода резко улучшилась работа в совхозе. Продуктивность скота быстро росла. Хозяйство стало превышать установленные в стране рекорды по удою и живому весу крупного рогатого скота. Под руководством В. Шаумяна племсовхоз «Караваево» в короткий срок превратился в передовое, культурное советское хозяйство».

Вместе с совхозом рос и креп кружок юных натуралистов. С ребятами часто беседовала Александра Даниловна Митропольская, зоотехник-селекционер, награжденная впоследствии золотой медалью «Серп и Молот», другие специалисты. Но душой кружка по-прежнему оставался Станислав Иванович Штейман. Это по его инициативе одна из лучших юннатов кружка Нина Смирнова была утверждена в 1940 году участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Жизненный путь был определен: Нина твердо решила стать телятницей.

Счастливое, незабываемое время! Но как оно быстро кончилось: началась война. Ушли воевать отец, старшие брат и сестра Нины. Для армии из совхоза взяли почти всех лошадей, автомашины, тракторы. На фермы и поля пришли подростки четырнадцати-пятнадцати лет.

Таисия Алексеевна не уходила с фермы — фронт требовал молока, мяса, других сельскохозяйственных продуктов. Как только выпадала свободная минута от уроков, дочь тоже спешила на ферму. Помогала матери кормить телят, убирала помещение, училась распознавать повадки и характер животных.

— К четырнадцати годам, — вспоминает Нина Аполлинарьевна, — для меня секретов в телятнике уже не было. После окончания семилетки я взяла на воспитание наравне с мамой 35 телят. Первое время, конечно, нелегко было. Все делали сами: заготавливали корма, косили сено, вывозили навоз на поля. Нормы были такие, что сейчас, спустя годы, просто не верится, что можно было их выполнить. У нас ведь, кроме ручных тележек, лопат, вил, граблей и кос, ничего не было.

Мы беседуем с Ниной Аполлинарьевной в одном из кабинетов кафедры генетики и разведения сельскохозяйственных животных Костромского сельхозинститута «Караваево», где она работает старшей лаборанткой. На столе материалы областного слета выпускников школ, изъявивших желание работать на селе.

— Молодцы ребята, — перехватывает мой взгляд собеседница, —

правильно уяснили суть постановления партии и правительства о Не-черноземной зоне России. Поняли, что теперь от результатов их труда во многом зависит достаток народа, богатство страны.

— Как и вы в свое время поняли, что от вашего труда в известной мере зависит разгром фашистов?

— Да, по сути сравнение правильное. Хотя тогда была война, а сейчас — мирное время. Ответственность за судьбы Родины — что у нынешних ребят, что у моего поколения — одна.

Всю войну Нина Аполлинарьевна выращивала племенной молодняк. Работала без выходных. Толком поесть и то времени порой не хватало. Кусок хлеба в карман и — на ферму. Весь день расписан. Четыре раза задай корм, напои телят, убери помещение, заготовь корм. С. И. Штейман и в годы войны не давал никому спуска за неряшливость, нарушение распорядка дня, антисанитарное состояние телятников.

Для себя у девочек оставалось лишь несколько часов ночью. И все-таки молодость брала свое. Собирались на посиделках, пели песни. И еще — читали письма с фронта.

Осенью 1943 года Нина стала комсомолкой. В это время она соревновалась с Лилией Григорьевой. Девушки добились такого суточного привеса, что через три месяца их телята весили больше 100 килограммов, а через год превышали 3 центнера.

— Вот вам и юннатки, — довольно посмеивался С. И. Штейман, — взрослым пример показывают.

В ноябре 1944 года в Караваево пришла большая радость. В приказе № 1121 Наркомзема СССР отмечалось, что в Костромской области (в совхозе «Караваево» и в колхозах зоны Костромского государственного племенного рассадника) выведена новая порода крупного рогатого скота, обладающая высокой молочной продуктивностью и большим живым весом. Коллегия наркомата постановила присвоить ей наименование «костромская», определив как ведущее селекционное ядро стадо в племенном совхозе «Караваево».

Нина Аполлинарьевна хорошо помнит разговор С. И. Штеймана с матерью после митинга.

— Спасибо, Таисия Алексеевна, — говорил Станислав Иванович. — В том, что появилась новая порода крупного рогатого скота, ваша заслуга несомненна. Не будь ваших умелых рук, золотого сердца, кто знает, прижился бы наш «холодный метод» или нет.

— Вам спасибо, Станислав Иванович, — отвечала мать. — Простой крестьянке такое дело доверили, деток моих на ноги поставить помогли. Нинушка-то совсем взрослой стала. Мать на соревнование вызвала.

Кончилась война. Отпраздновали победу. Оплакали погибших. Отец и брат Нины тоже не вернулись домой. Осиротел многодетный дом...

А работа на фермах и в телятниках продолжалась. Разрушенному войной народному хозяйству требовался породистый молодняк. И чем больше, тем лучше. Каждое утро мать и дочь спешили к своим питомцам.

В 1948 году молодую телятницу перевели на выращивание молодняка старше шестимесячного возраста.

— Работы прибавилось,— вспоминает Нина Аполлинарьевна.— Судите сами: если затраты корма на килограмм привеса составляют в среднем в первые шесть месяцев 3,6 кормовой единицы, то в последующие шесть месяцев — шесть кормовых единиц. Но мы были молоды, работа спорилась, да и пример старших был перед глазами.

Бригада, в которой работала Нина Аполлинарьевна, ежегодно выращивала около 300 голов молодняка. Многие из телят стали впоследствии ценными высокопродуктивными животными. Корова Морская, например, по первому отелу дала 7400 килограммов молока при 4 процентах жира, первотелка Бушуйка — 8036 килограммов, корова Сена за первую лактацию — 8406 килограммов молока.

За высокие показатели в животноводстве в 1948 году молодую телятницу наградили орденом Трудового Красного Знамени, а еще через год, в 1949 году, ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Надо ли говорить, как это вдохновило бывшую юннатку! 900-граммовый суточный привес каждого теленка она решила еще увеличить и выращивать не сорок, а пятьдесят телят.

— Не зарвись, дочка,— предупредила мать,— с Героя спрос особый.

Нина улыбалась в ответ:

— Тебе же, мама, не легче было. Выдюжу и я. Люди помогут.

И добились своего. В ее группе был достигнут среднесуточный привес в 1035 граммов. Именно в те годы, вручая ордена караваевцам, Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин так сказал о труде животноводов: «С внешней стороны это дело кажется грубым — во дворе ухаживать за скотом, а на самом деле это очень тонкое дело. Ни в одной отрасли труда, исключая только уход за человеком, не требуется такого внимания и любви к делу, как в животноводстве».

Росли успехи телятниц, совершенствовался «холодный метод». Если прежде новорожденных телят содержали в индивидуальных клетках до трехмесячного возраста, то теперь уже после трех недель их стали переводить в группу.

В групповых клетках молодой организм теленка развивался лучше.

— Успех,— не уставал повторять С. И. Штейман,— зависит от умения наблюдать за ростом каждого животного во все периоды развития, постоянно обеспечивая достаточное кормление.

А теперь попробуем представить себе стадо телят в 64 головы. Именно таким оно было у Нины Аполлинарьевны в 1950 году. Телочки весили полтора центнера, бычки — два. Сколько же надо было приготовить корма, чтобы каждый из них прибавлял в весе не менее 900 граммов в сутки!

— Правда, к тому времени на производство уже пришла механизация и электричество, но и ручного труда хватало за глаза,— говорит Смирнова.— Бывало, так намахаешься вилами за день, к вечеру свет

белый не мил. А болезни телят? Порой о ребятишках своих забывала — неслась на ферму.

Успех молодого Героя Социалистического Труда Н. А. Смирновой был отмечен орденом Ленина.

С. И. Штейман успешно защитил в Московской ветеринарной академии диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук. Практической стороной этой диссертации была не только новая костромская порода крупного рогатого скота, но и рекордный удой уникального стада племзавода «Караваево» — 6406 килограммов молока от каждой коровы.

— Успех наших доярок, — говорил он после возвращения из Москвы, — немыслим без труда телятниц и пастухов, тех, кто поставляет прекрасный молодняк, из которого впоследствии и выходят рекордистки.

Нина Аполлинарьевна часто встречалась со своим учителем и наставником. Просила совета, делилась мыслями. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что он первым предложил ей подумать о вступлении в партию.

Коммунисты совхоза «Караваево» приняли Нину Аполлинарьевну в свои ряды. Одну из рекомендаций бывшей юннатке дал Станислав Иванович Штейман.

Памятным для передовой телятницы стал и 1953 год. В марте был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: за трудовые подвиги, выразившиеся в том, что после присвоения звания Героя Социалистического Труда она добилась в последующие три года подряд высоких показателей в животноводстве, получила среднесуточный привес молодняка в среднем на одну голову: в 1949 году от 51 головы молодняка старше 6-месячного возраста — по 1035 граммов, в 1950 году от 64 голов молодняка старше 6-месячного возраста — по 928 граммов, в 1951 году от 54 голов молодняка старше 6-месячного возраста — по 912 граммов, Нина Аполлинарьевна Смирнова награждается второй золотой медалью «Серп и Молот».

— Вот и обогнала мать, — сказала, поздравляя дочь, Таисия Алексеевна. — Эх, жив бы был отец, как бы порадовался...

Н. А. Смирнова проработала в одном телятнике, в одной бригаде 20 лет. Став дважды Героем, темпов не сбавила. Нина Аполлинарьевна много ездила по нашей стране, рассказывая о своем опыте. Побывала и за рубежом. Более тысячи голов племенного молодняка вырастила бывшая пионерка-юннатка, не допустив ни одного случая падежа!

В 1963 году по настоянию врачей Нина Аполлинарьевна перешла на более легкую работу, в институт лаборанткой. Но по-прежнему часто бывает на ферме. И в школе, где она училась и где до сих пор существует кружок юных натуралистов.

А. Хоробрых

Стрельченко
Иван Иванович

ШАХТЕРСКИЙ МИЛЛИОНЕР

Утро 1 Мая 1977 года выдалось по-настоящему весенним. Природа как будто отобрала для этого радостного праздника лучшую погоду. Дома, улицы, площади города, украшенного кумачом и цветами, купались в ярком, еще не успевшем набраться летних сил солнце.

Ровно в восемь от музея шахты «Трудовская» отправилась вереница красочно оформленных автобусов с горняками. Они спешили на площадь имени Петровского, где у нового здания райкома партии должен был состояться праздничный митинг. Настроение горняков было под стать безоблачному утру. Особенно у шахтеров с участка № 4, возглавляемого Героем Социалистического Труда Иваном Ивановичем Стрельченко. С начала года они выдали на-гора 20 тысяч тонн сверхпланового топлива. Вот и звенели в автобусе задорные песни.

Вдруг в мелодию ворвались тревожные автомобильные гудки. Песня оборвалась. Навстречу автобусам неслась колонна оранжевых автомобилей с мигалками на крыше.

— Горноспасатели,— сказал Петро Грабчук.— И много. Интересно, куда они?

— Не повезло кому-то,— посочувствовал Полищук.— В такой-то день — авария...

А машины спешили на их шахту «Трудовскую». В праздничные дни там оставались лишь дежурные слесари да трое рабочих, которым предстояло что-то заварить на центральном уклоне. Маленькая искорка стала причиной большого пожара. Вот и спешили майским утром горноспасатели на выручку безлюдной «Трудовской».

О случившемся шахтеры узнали два часа спустя. Прямо с демонстрации Стрельченко вместе с директором поехал на шахту.

На шахте было уже полно народу. Командир взвода горноспасателей доложил обстановку: на центральном уклоне из-за нарушения техники безопасности возник пожар. Огонь охватил почти всю выработку. Загорелся верхний пласт угля, отделенный от кровли уклона более чем трехметровой толщей породы.

Горноспасателям удалось локализовать очаг, не дав ему распространиться. Но огонь еще бушует. Отчаянная борьба горняков со стихией длилась двадцать долгих дней и ночей. И все это время Иван Иванович не покидал шахту.

Была еще одна причина, по которой первомайское ЧП острой болью отзывалось в душе Ивана Ивановича. Его товарищи первыми в области замахнулись на миллион! И вдруг...

Когда спускались под землю, у всех была одна мысль.

Двадцать дней стояла лава без присмотра. Может, обрушилась. А тогда начинать все сначала.

— Неужто не выдержала? — спросил машинист комбайна Григорий Боженко. — Крепили же на совесть.

Первым в узкое пространство лавы нырнул начальник участка. Луч фонаря-надзорки выхватывал крепежные стойки, «костры», конвейерный став, как будто люди ушли совсем недавно. Из груди Ивана Ивановича вырвался вздох облегчения. Все в порядке.

— Не подвела старушка, — обрадовался Боженко. — Ну и мы теперь покажем себя!

Восемь часов спустя на-гора пошел первый уголь. Добычная смена Ювеналия Мальцева выдала свою тысячу тонн. Шахта и их участок, который давал 75 процентов всей добычи, вошли в привычный трудовой ритм. Иван Иванович Стрельченко, начальник участка, по-прежнему первым появлялся в нарядной и последним уезжал домой, успев побывать в шахте, дать наряд на смену, поговорить с директором о том, чтобы снабжение участка всем необходимым было бесперебойным.

— Ты же не один, Иван Иванович, — сокрушался директор шахты, просматривая очередную заявку Стрельченко. — Ты тут столько написал — на целую шахту хватит.

— Верно, — невозмутимо отвечал Стрельченко. — Но участок и угля дает больше, чем другая шахта.

Как правило, подобный спор завершался в пользу начальника участка, и он уходил своей неторопливой походкой вразвалочку, оставшейся у него после четырехлетней службы на Черноморском флоте.

Что ни говори, а Стрельченко имел право требовать особого внимания к своему участку. На большинстве шахт бригада, добывающая тысячу тонн угля в сутки, считается передовой. На участке № 4 каждое звено выдает подобную добычу. И не от случая к случаю, а постоянно, хотя горно-геологические условия здесь сложные. Глубина горизонта 890 метров. Забой находится в 5 километрах от ствола. Большое горное давление, высокая температура. От жары и влажности, создаваемой пылеподавляющей системой, лава напоминает тропики.

Так что работать здесь не каждый сможет. На «Трудовской» об этом знают, но желающих попасть в бригаду Полищука, ученика и преемника Стрельченко, от этого не меньше.

В 1977 году судьба еще раз решила испытать шахтеров с «Трудовской», и именно горняков с участка № 4.

...Телефон зазвонил далеко за полночь. Семья Стрельченко давно уже привыкла к неурочным звонкам, и трубку снимает всегда хозяин.

— Беда, Иван Иванович, — слышался голос Полищука. — «Титан» вышел из строя.

— Что конкретно?

— По-моему, воздуходувка.

— Не узнаю тебя, рук нет, что ли?!

— Попытались, не получилось. Машина-то новая. Без специалиста не обойтись.

— Где же я вам в два часа ночи специалиста найду?

— Понимаю, но самим нам не справиться. А без «Титана» тяжело.

— Знаю, не агитируй. Пока, где можно, сними людей и направь в проходку. Конечно, без ущерба для добычи. А я тем временем что-нибудь придумаю.

Эту машину участок № 4 получил в 1976 году. Экспериментальный образец, изготовленный институтом «Донгипроуглемаш», был направлен сюда для испытаний. Участок давно известен как своеобразный полигон по внедрению современной горной техники. Здесь еще в середине шестидесятых годов получили путевку в жизнь первые отечественные узкозахватные угольные комбайны. Шахту тогда возглавлял замечательный инженер-новатор, кандидат технических наук Владислав Андреевич Антипов, который умел ценить инициативу и дать ей творческое развитие. Собственно, и первую Звезду Героя Стрельченко получил «за выдающиеся успехи в освоении новой горной техники, достижение высоких технико-экономических показателей добычи угля и умелое руководство бригадой».

И вот «Титан». Эта машина не случайно получила такое имя. Сила у нее действительно богатырская. Наиболее трудоемким процессом в угледобыче считается закладка породой отработанного пространства. Раньше вся надежда была на лопату — единственный механизм мощностью в одну человеческую силу. А много ли за смену наработаешь дедовским инструментом? Проблему решил породозакладочный комплекс, сконструированный донецкими учеными. Мощным ковшом он подхватывает выброшенную взрывом породу и загружает в специальный барабан, откуда измельченная масса силой сжатого воздуха загоняется в отработанное пространство.

«Титан» надежды горняков оправдывал. На проходке вентиляционного штрека освободилась целая бригада. Возросли темпы работ. Немного улучшились климатические условия в лаве.

Ночная авария могла иметь далеко идущие последствия. Тут задумаешься. Стрельченко стал набирать номер телефона ведущего конструктора института. Он понимал, что неудобно беспокоить человека в столь неурочное время. Но другого выхода не было. Извинившись, начал без предисловий.

— Мне сообщили из шахты, что сломался «Титан». Авария серьезная, без вашей помощи не обойтись. Я понимаю, сейчас не время для серьезных разговоров, но и вы поймите меня правильно. Бригада Полищука идет на миллион. Каждая минута простоя — это тонны потерянной добычи.

— Ясно. Вы сможете за мной заехать?

— Да. Благодарю. Ждите у подъезда.

Через полчаса «Волга» неслась по пустынным улицам спящего Донца.

Участок встретил непривычной тишиной. Возле «Титана» колдовали ремонтники.

— Ну как, нашли неисправность? — спросил Стрельченко.

— Где там, — безнадежно махнул рукой Полищук. — Который час бьемся — и все напрасно.

Узнав конструктора машины, обрадовался.

— Здравствуйте, как хорошо, что вы приехали.

Конструктор принялся за дело. Заключение его было неутешительным: на месте исправить нельзя. Нужно менять узел. На это уйдет не меньше недели.

— Был бы узел, — решительно сказал Полищук. — Мы его за сутки установим.

— В этом я помочь не могу, — развел руками конструктор. — Обращайтесь на завод.

— На завод так на завод, — согласился Стрельченко и быстрым шагом направился к стволу.

Несмотря на тяжелую аварию, лава продолжала работать. Коллектив выдавал по 3—3,5 тысячи тонн угля в сутки, хотя вентиляционный штрек пришлось гнать вручную. Каждый работал за двоих, без лишних разговоров и нареканий: надо, — значит, надо. Эту черту в коллективе воспитал еще Стрельченко-бригадир.

А потом было то суматошное декабрьское утро с цветами, хлебом-солью, с репортерами, ожидающими у ствола. И глыба угля с цифрой «1 000 000», которую Полищук по поручению всех вручил И. И. Стрельченко, своему учителю.

В 1978 году горняки участка, которым руководил Стрельченко, выдали еще один миллион тонн угля. Иван Иванович Стрельченко был награжден второй Золотой медалью Героя Социалистического Труда. Это был действительно «звездный час» горняка, к которому он шел всю свою жизнь. Не каждому дано испытать подобные минуты, как не каждому под силу сделать хотя бы частицу того, что сделано этим человеком.

В его судьбе, как в капле воды, отразилась судьба целого поколения советских людей. Ему не исполнилось и девяти, когда началась война. Отец ушел на фронт. А у матери четверо детей на руках. Иван, самый старший, главный помощник на поле и в семье. Сказать, что военное лихолетье запомнилось ему голодом, лишениями, страхом, — значит, ничего не сказать, ведь был еще и серый конверт похоронки на отца, который двенадцатилетний Иван сам, так случилось, передал матери.

В трудном военном лихолетьи истоки его самостоятельности, трудолюбия, умения думать не только о себе, но и о других. Последующая учеба в ФЗО, служба на флоте только отшлифовали эти качества. В характере Стрельченко четко проявилось качество, присущее людям незаурядным: не искать легких путей. В юности он мечтал о море, а повзрослев, без колебания выбрал нелегкую дорогу шахтера.

Он никогда не отставал от требований времени. Став бригадиром,

понял, что шести классов маловато. Пошел в школу рабочей молодежи. Затем поступил в Донецкий горный техникум. Закончив его, подал заявление в Политехнический институт. Успешно защитил диплом горного инженера.

Теоретические знания попали на благодатную почву. В союзе с огромным практическим опытом они стали силой, способной решать самые сложные производственные задачи. Это понял не только сам Стрельченко, но и руководители шахты. Когда возник вопрос о начальнике крупнейшего участка, двух мнений не было.

Но и став руководителем большого коллектива, он остался таким же верным товарищем, простым, доступным, отзывчивым человеком. Как и в былые годы, не разрешал себе поблажек. Находил время встретиться с молодыми шахтерами, выступить на заседании областного партийного актива, принять избирателей, а вечером заглянуть в подшефный класс школы-интерната № 3, добрый десяток лет опекаемый бригадой.

Одна из таких встреч состоялась по возвращении шахтера из Демократической Республики Вьетнам, куда он был приглашен как вице-президент Общества советско-вьетнамской дружбы.

До сих пор стоят у него перед глазами юные вьетнамцы, перенесшие долгую войну. Собираясь в далекую поездку, советовался на шахте и в семье, какие подарки взять для вьетнамских детей. В предложениях не было недостатка, а он все никак не мог окончательно сделать выбор. Вот тут-то и вспомнил Стрельченко свое босоное детство, исковерканное войной. Как ни бывало трудно, сколько радости вызывала хорошая книга, которая зачитывалась до дыр и передавалась из рук в руки. Значит, если уж брать подарки, так лучше всего книги. Он угадал — радости вьетнамских пионеров от подаренных книг не было предела. В ответ они попросили передать свои галстуки классу из школы-интерната, над которым шефствовал участок № 4.

Проблемы воспитания детей и молодежи его волнуют давно. Поэтому использует любую возможность, чтобы встретиться с подростками, поговорить, рассказать о шахте, помочь, когда нужно. Он любит детей и не жалеет для них времени. Так было и в тот раз, когда он, вернувшись домой, пришел, чтобы передать донецким ребятам галстуки вьетнамских пионеров. Он долго рассказывал им о поездке. Потом спросил:

— Может, вопросы какие будут?

Мальчик с третьей парты поднял руку:

— Говорят, Иван Иванович, вас в Киев или даже в Москву забирают? Значит, мы расстаемся?

Иван Иванович не ожидал такого вопроса, смутился.

— Поговаривают. Только не могу я без «Трудовской», без своих товарищей. Ведь вы знаете: все, чего я достиг, я достиг благодаря им. И до тех пор, пока буду в силах работать, не променяю свой участок ни на что. Да что я... Вот, к примеру, Саша Сысоев, наш проходчик. Пришел на шахту после школы. Отсюда мы проводили его в армию.

Когда вернулся, закончил заочно горный техникум, теперь работает на четвертом участке. И как работает! Был делегатом XXIII съезда комсомола Украины, его избрали членом ЦК ЛКСМУ. Вот вам еще яркая иллюстрация того, чего может достичь каждый горняк, если любит свою работу, относится к ней творчески, с душой. Пройдет два-три года, и кто-то из вас, а я верю в это, тоже переступит порог нарядной нашего участка. Как в свое время сделали это интернатовцы Владимир Криволапов, Валерий Кокелейнен и многие другие. Вам продолжать славные шахтерские традиции.

За беседой время летит быстро.

Только к вечеру Иван Иванович стал прощаться с ребятами.

— Как телевизор? Не сломался еще? — спросил он.

— Что вы, — ответили ребята. — Мы его бережем. Спасибо вам большое за этот подарок.

— Мне-то за что? — добродушно улыбнулся Стрельченко. — Это бригада Анатолия Денисовича Полищука решила с премии вас порадовать. Что нужно, вы не стесняйтесь, говорите.

Внешне, в отношении к окружающим, Иван Стрельченко несколько не изменился, хотя и стал дважды Героем, а вот в чисто инженерном плане он в последние годы очень вырос. Не многие знают, что после двух миллионов, добытых в 1977 и 1978 годах, мог быть и третий. Но его не было. Почему? Вот тут-то и раскрывается новая черта Стрельченко — как глубоко думающего инженера, видящего перспективу.

Возможности работать с прежней нагрузкой, безусловно, были. Бригада оставалась в той же лаве, работала тем же комбайном 2К-52. Но... новый миллион полностью обескровил бы шахту. Запасы лавы-гиганта исчерпались бы полностью, а равноценной замены не было. На подготовку лавы уходит обычно два-три года. Конечно, здесь был некоторый просчет, что вовремя не побеспокоились о замене. Но факт оставался фактом. И если бы шахта снова пошла на миллион, она могла потом длительное время вообще не выдавать уголь на-гора. Поэтому, когда зашел разговор о миллионе, против выступил не кто-нибудь, а сам Стрельченко. Это, естественно, многих удивило.

— Зазнался, захотел спокойной жизни, — не разобравшись как следует в обстановке, говорили некоторые. Но Стрельченко сумел доказать свою правоту и в объединении и в министерстве. И уже в 1980 году была одержана Стрельченко и его товарищами новая блестящая победа. Причем она не была повторением пройденного.

Приближалось открытие XXVI съезда КПСС. Готовились к нему и на «Трудовской». Мне удалось побывать на собрании участка № 4, посвященном принятию повышенных социалистических обязательств в честь съезда. Бросилось в глаза — в нарядной много молодых лиц. Девять лет назад, когда возглавляемая им бригада штурмовала мировой рекорд, он вопреки предостережениям включил в нее студентов Донецкого политехнического института, проходивших на шахте практику. Этот эксперимент решил повторить и сейчас.

Собрание было коротким и деловым. Начальник участка рассказал, что в давних традициях коллектива отмечать знаменательные события в жизни партии и народа трудовыми подарками. В этот раз им станет третий миллион тонн угля, добытый из лавы.

— Будет нелегко,— говорил Иван Иванович,— шахта реконструируется. Шесть часов — целая смена — отданы монтажникам. Тем не менее задача наша вполне реальна. Нужно только подойти к ней со всей ответственностью.

К тому времени уже было известно, что бригада В. И. Игнатьева с шахты «Краснолиманская» тоже выступила с инициативой добыть миллион тонн угля на финише десятой пятилетки. Зная характер Стрельченко и боевой задор бригады Полищука, редакция областной газеты решила организовать соревнование между будущими «миллионерами». На предложение редакции возобновить трудовое соперничество Стрельченко сказал, что это отличная идея. Если раньше они были единственными, кому под силу миллион, то теперь бригада Игнатьева подтверждает, что их рекордные показатели могут быть и у других, так как достижение наивысшей производительности имеет не только огромное социально-экономическое, но и воспитательное воздействие.

После собрания вторая смена уехала в шахту. И мы остались вдвоем с Иваном Ивановичем.

Солнце уже клонилось к закату. Горняки первой смены давно разъехались по домам.

— Извините, если я не смогу вам уделить много времени,— сказал Стрельченко, приглашая садиться.— Я почти с утра на ногах, а мне еще надо ночной наряд проводить да и собраться. Завтра утром улетаю на сессию Верховного Совета.

Я заверил его, что совсем не намерен мешать его делам. Всего несколько вопросов.

— Кто-то мне говорил о шахматах, которые якобы лежат в сейфе начальника участка.

— Вы играете? — оживился Стрельченко.— Хотя времени действительно в обрез, но одну партию можно. И поговорим.

За шахматной доской Стрельченко преобразился. Шутил, было заметно, что внутренне он расслабился, однако мысль работала четко и безошибочно оценивала позицию. Через два десятка ходов я просмотрел комбинацию, лишился ферзя и вынужден был капитулировать.

— Простите, кажется, получилось не очень гостеприимно. Шахматы для меня лучшая разрядка, усталость как рукой снимает. Да и мозгам неплохая тренировка.

А потом мы говорили с ним о нем и его общественной и государственной деятельности.

В 34 года он был избран депутатом Верховного Совета СССР. И с тех пор представляет донецких шахтеров в высшем государственном органе. Люди верят ему, и он делает все, чтобы оправдывать их дове-

рие. С его именем они связывают решение жизненно важных вопросов не только для города Донецка, но и для всего Донбасса.

Вот пример. Испокон веку страдал Донецкий край от безводья. В годы последних пятилеток проблема стала еще острее, так как Донбасс из крупного превратился в крупнейший индустриальный центр страны. Поэтому с высокой трибуны сессии Верховного Совета СССР Стрельченко обратился к депутатам с призывом оказать помощь и сделать все возможное, чтобы первая очередь канала Днепр — Донбасс вступила в строй ранее намеченного 1978 года.

Призыв был услышан. Первая очередь канала была сдана досрочно.

С не меньшей энергией отстаивает Стрельченко и интересы своих земляков. Шахта «Трудовская» в свое время закладывалась с проектной мощностью 2 тысячи тонн угля в сутки. С тех пор добыча увеличилась более чем в два с половиной раза. Уголь с верхних горизонтов был выбран полностью. У некоторых товарищей возникла мысль о бесперспективности шахты. Действительно, в наше время шахты стареют быстрее людей. Уже давно поросли травой терриконы соседних с ней шахт № 5, № 7, № 12 «Щуровка». Теперь, говорили, пришла очередь и «Трудовской». Но так ли это? Расчеты геологов показали, что запасов, которыми располагает «Трудовская», хватит еще на пятьдесят лет. Но необходима реконструкция шахты, чтобы взять уголь с глубинных горизонтов. А она потребует огромных капиталовложений. На приеме у Председателя Совета Министров СССР депутат Верховного Совета СССР И. И. Стрельченко объяснил ситуацию. Средства были отпущены.

Сейчас, когда все позади и реконструкция шахты идет полным ходом, можно по достоинству оценить политическую и гражданскую зрелость коммуниста и депутата И. И. Стрельченко. Шахта обретает новую молодость, увеличив добычу в два раза.

Замечено, что люди неординарные, обладающие яркой индивидуальностью, имеют особенность притягивать как магнитом себе подобных.

Как-то в Киеве И. Стрельченко познакомился со ждановским сталеваром Григорием Горбанем. Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении их второй золотой медалью «Серп и Молот» были опубликованы одновременно. Да и награды вручались в один и тот же день. Тогда Иван Иванович и пригласил знатного сталевара к себе на «Трудовскую».

— Посмотришь, как добывают шахтеры уголек. Ведь для вас, сталеваров, он тоже свою цену имеет.

Приглашение было с благодарностью принято, и в первый же свободный выходной Г. Горбань приехал на шахту. С чувством законной гордости показывал И. Стрельченко «Трудовскую», мощные краны над корпусами строящихся цехов и зданий.

— Молодеет наша красавица, набирается сил!..

— Любишь свою шахту? — спросил Г. Горбань.

— А как же ее не любить? Разве ты свой завод не любишь?

— А под землю ты меняпустишь?

— Если не испугаешься...

Бытовой комбинат, куда приходят шахтеры после смены, поразил гостя своей чистотой и белизной. В бане даже пол был выложен белыми кафельными плитами.

— Вот это купель! — восхищенно сказал Горбань.

В нарядной Стрельченко протянул гостю новенькую шахтерскую каску. Себе же взял свою обычную.

Горбань кивнул на поношенный шлем:

— Себе похуже, гостю получше.

— Да нет, — рассмеялся Стрельченко. — Просто это моя каска. Она у меня как талисман. Двадцать лет назад, когда был в Чехословакии, мне подарили ее горняки шахты имени 1 Мая в Карвине. С тех пор не расстаюсь.

— Может, это она тебе и рекорды помогает ставить? — все в том же шутливом тоне спросил гость.

— Как догадался, — не задумываясь ответил Стрельченко. — Она же голову оберегает. А голова у шахтера — главное.

Поездка на «Трудовскую» запомнилась Горбаню надолго. Особенно поразила сталевара лава. Гигантская 380-метровая щель была как бы зажата между плоскостями фантастического пресса. Мощность пласта чуть побольше метра. Продвигаться приходилось ползком или на коленях, минуя деревянные «кобры» и крепежные стойки, то и дело потрескивающие под тяжестью породы.

Комбайн работал в верху лавы, о чем говорили желтые звездочки горняцких надзорок. Но по мере того, как они приближались, рев его двигателей возрастал, заглушая все остальные звуки. Приходилось изъясняться жестами.

Наконец поднялись к углерубам. Обнаженные по пояс люди, с черными от угольной пыли лицами, напоминали сказочных духов. Завидев гостей, они приветливо помахали рукой.

— Как дела? — спросил Стрельченко.

— Берем вторую стружку! — показал на пальцах Г. Боженко.

За машиной двое молодых ребят, ловко орудуя лопатками, набрасывали уголь на конвейер. Работать приходилось полулежа. Однако они словно не замечали этого неудобства.

В забое стояла почти тропическая духота. Горбаню в общем-то к жаре было не привыкать, и все же Стрельченко решил не испытывать выдержку сталевара. Пошли к вентиляционному штреку.

У выхода из лавы струя свежего воздуха приятно ударила в лицо.

— Вот так мы и работаем, — сказал Иван Иванович. — Добываем наши миллионы.

Накануне открытия XXVI съезда КПСС горняки шахты «Трудовская» рапортовали Родине и партии, что слово свое они сдержали, добыли свой третий миллион тонн донецкого угля.

М. Кравчук

Харитон
Юлий Борисович

ИМЯ ВЕКУ ДАЕТ НАУКА

Наш век называют атомным. На планете уже работают сотни атомных электростанций и еще больше строится, проектируется. «Атомное» электричество пришло в миллионы домов нашей страны, создавшей первую в мире атомную электростанцию.

Но в сознании миллионов людей сочетание слов «атомный век» связано с трагедией двух японских городов — Хиросимы и Нагасаки, с образом гигантских ядовитых «грибов», унесших тысячи человеческих жизней. Сейчас уже ни для кого не секрет, что США взорвали ядерные бомбы больше для устрашения и атомного шантажа.

Начавшаяся вскоре так называемая «холодная война» в любой момент могла перерасти в «горячую». Монопольное владение США атомным оружием представляло большую угрозу для нашей страны и всего социалистического содружества. Поэтому-то в Советском Союзе тоже были развернуты работы по созданию ядерной технологии и атомной промышленности. И уже в августе 1949 года с монопольным обладанием США атомным оружием было покончено. Верные ленинской политике мира, сосуществования и сотрудничества, наша партия, наша страна, располагая совершенным ядерным оружием, выступали и выступают за сдерживание в его производстве и в конечном итоге за его полное запрещение.

И можно надеяться, что голос разума в конце концов победит, ядерное оружие будет уничтожено, а энергия атома станет служить только мирным целям. Великий физик Альберт Эйнштейн справедливо заметил, что «открытие деления урана угрожает цивилизации и людям не более, чем изобретение спички. Дальнейшее развитие человечества зависит от его моральных устоев, а не от уровня технических достижений».

Уровень нынешних технических достижений дает возможность крупномасштабного использования энергетики, основанной на делении урана, множатся мирные «профессии» и ядерных взрывов. С помощью экспериментальных ядерных взрывов ликвидировались аварийные газовые выбросы, которые нельзя было «укротить» никакими другими средствами, увеличивались производительность нефтяных пластов, создавались подземные газовые хранилища, искусственные водоемы и многое, многое другое. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что в будущем ядерные взрывы станут использоваться там, где в особо крупных масштабах необходимо перемещать огромные массы горных пород или грунта. Мирное поле деятельности у них чрезвычайно широкое.

И надо помнить, что наиболее существенный шаг, для того чтобы повернуть использование ядерной энергии на нашей планете в мирное русло, был сделан в тот момент, когда США утратили монополию на ядерное оружие.

Создание и разработка советской ядерной технологии и промышленности было делом всего народа, нашей партии, Советского правительства. Но особенно важную роль сыграли ученые, возглавившие разработку научных и технических принципов проблемы. И рядом с легендарным именем Игоря Васильевича Курчатова мы по праву называем имя другого ученого — трижды Героя Социалистического Труда Юлия Борисовича Харитона. Его заслуги высоко оценило Советское правительство. Кроме трех Золотых Звезд Героя ему присуждены Ленинская и три Государственные премии.

Ю. Б. Харитон — один из тех физиков планеты, благодаря работам которых наш век и получил название атомного.

Родился Юлий Борисович на заре века — 27 февраля 1904 года в Петербурге. Его отец, Борис Иосифович Харитон, был известным журналистом — главным выпускающим одной из петербургских газет. Мать, Мирра Яковлевна Биренс, была актрисой Московского Художественного театра. Зимой она работала в Москве, и только летом семья имела возможность собраться на даче, которую обычно снимали на Карельском перешейке за Белоостровом.

Атмосфера в семье была гуманитарной. Дядя, в честь которого юного Харитона называли Юлием, был ученым-историком. Так что не семья способствовала развитию у мальчика интереса к технике. Это было веяние времени, газеты писали об электрификации и воздухоплавании, и когда отец увидел, что Юлий заинтересовался вопросами воздухоплавания, то выписал ему специальный журнал по авиации. Школу Харитон окончил в 1919 году — пятнадцати лет от роду. Но в высшие учебные заведения в ту пору принимали только с шестнадцати. Так что, когда он попытался поступить в Технологический институт, ему отказали.

В 1920 году Харитон уже студент электромеханического факультета. Может быть, он стал бы со временем крупным электротехником. Но, к счастью (как он сам считает, ему тогда невероятно повезло), он попал в группу, где общий курс физики читал Абрам Федорович Иоффе. Лекции проходили в большой физической аудитории главного корпуса института, и хотя она, как и все здание, не отапливалась, но всегда была переполнена студентами, укутанными в пальто, телогрейки, с теплыми шапками на головах. Всегда точно вовремя открывалась боковая дверь и за демонстрационным столом перед огромной доской появлялась высокая, стройная фигура лектора в строгом черном костюме. Воцарялась мертвая тишина, и звонкий голос Иоффе (ему в ту пору было 40 лет) вводил студентов в мир физических образов, имевший очень мало общего с сухим содержанием учебников, которыми можно было пользоваться в библиотеке. После первых нескольких лекций Аб-

рама Федоровича Харитон понял, что физика гораздо шире и интереснее электротехники. На втором семестре, весной 1921 года, он перешел на физико-технический факультет, организатором и деканом которого был А. Ф. Иоффе.

Этот блестящий ученый, физик с мировым именем, сыграл огромную роль не только в судьбе Харитона, но и многих других выдающихся деятелей науки, которыми по праву гордится наша страна. Среди его учеников академики А. П. Александров, Л. А. Арцимович, И. В. Курчатов, Н. Н. Семенов и многие, многие другие. Его заслуга не только в том, что он вырастил целую плеяду замечательных физиков, но и создал первый Физико-технический институт, который теперь носит имя А. Ф. Иоффе.

Ленинградский Физтех стал «колыбелью советской физики», от него отпочковывались многие институты страны и школа Иоффе питала их кадрами. Абрам Федорович навсегда остался в памяти советских физиков как «папа Иоффе». Он был «крестным отцом» целого поколения советских физиков, а те в свою очередь продолжили начатую им эстафету воспитания новых поколений.

Ученик и один из ближайших помощников А. Ф. Иоффе — его заместитель по Физико-техническому институту, профессор Политехнического института Николай Николаевич Семенов (ему тогда было 25 лет) стал учителем и наставником Юлия Борисовича Харитона. После первого курса он пригласил к себе Харитона и предложил стать лаборантом в новой лаборатории, которую Семенов организовывал в Физико-техническом институте. Харитон с радостью согласился. Такое же предложение Семенов сделал еще двум его сокурсникам — Виктору Николаевичу Кондратьеву и Александру Филипповичу Вальтеру.

Когда в 1924 году торжественно отмечался первый выпуск физико-технического факультета (среди выпускников были В. Н. Кондратьев и А. Ф. Вальтер, а Ю. Б. Харитон закончил факультет на год позже), Н. Н. Семенов воздал должное этим троим энтузиастам, ставшим ядром его лаборатории.

— Моя лаборатория в Рентгеновском институте, где сейчас работают семь человек, где поставлено семь работ, где были закончены и напечатаны в Германии за этот год пять работ, — это дело не столько моих рук, сколько их: Вальтера, Кондратьева, Харитона, — сказал тогда Николай Николаевич. — Занятый делом организации Рентгеновского института в целом, я не успевал, не мог уделить достаточно времени, труда и инициативы своей лаборатории. И ее, конечно, не было бы, если бы я не встретил таких людей, как Вальтер, Кондратьев и Харитон. Я видел всегда с их стороны бесконечную преданность, я бы сказал, даже самоотверженность в деле создания лаборатории буквально из ничего. Никогда не было формального отношения к делу у них. Налицо всегда было сознание общности задач всей лаборатории в целом! Если надо было для нужд лаборатории бросить временно свою научную работу, они бросали ее и все силы направляли на общие

задачи организации. Никогда в жизни не приходилось мне испытывать большего наслаждения, чем при этой, в полном смысле слова коллективной работе нас, четверых; они были не моими учениками, но верными, испытанными товарищами. Чтобы лучше оценить деятельность Вальтера, Кондратьева и Харитона, стоит напомнить, в каких условиях нам приходилось начинать строить свою лабораторию в 1921 году. В маленькой комнате Политехнического института я и три студента второго курса приступили к созданию лаборатории, сложив посередине печку-буржуйку с выводом в окно трубы. Затем был водружен бак, и трое студентов с тремя ведрами ежедневно «изображали» водопровод. В этой комнате, или в этом аду, не знаю, как назвать, среди дыма и холода были поставлены три работы. Тесно было ужасно. Так была заложена наша лаборатория. И все-таки в таких тяжелых условиях все три работы сразу пошли в ход. И это сделали три неопытных студента, которым я успевал помочь советом, но почти не успевал помогать руками и примером, так как было это для меня не менее героическое время организации Рентгеновского института. Не забудьте, что в это же время они успевали посещать все лекции и занятия и сдавать максимум экзаменов. Вы спросите, как же это можно было сделать? Очень просто и вместе с тем очень трудно. Недосыпая ночей, забыв обо всех удовольствиях и отдыхе.

Да, только молодость, только энтузиасты могли выдержать такие лишения. Они порой дурачились — играли в «ирокезские игры». Бросали ножики в пол лаборатории — как можно ближе к ногам. Чей ножик оказывался ближе, тот и выигрывал. А работали допоздна. Харитону далеко было добираться до дому, и он частенько оставался ночевать в лаборатории. Спал на столе. Все трое стали впоследствии крупными учеными. В. Н. Кондратьев был академиком, избирался президентом Международного союза теоретической и прикладной химии. Судьба А. Ф. Вальтера, к несчастью, сложилась трагически — он погиб в канун войны. Но вместе с товарищами успел вернуть долг своим учителям не только научными работами, но и преподавательской деятельностью. По задачку физики Вальтера, Кондратьева, Харитона воспитывалось новое поколение физиков.

Один из философов точно заметил, что «быть человеком — значит не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас». Трое молодых физиков дали в свою очередь путевку в жизнь многим замечательным советским ученым.

Оглядываясь на свою длинную плодотворную жизнь, академик Харитон говорит, что, пожалуй, самое большое удовлетворение ему доставила работа в лаборатории:

— Испытываешь необыкновенное возбуждение, подъем всех душевных сил, когда тебе удастся подметить какое-то явление, описать, выразить в виде формул и наконец понять суть. Такое же чувство тебя охватывает, когда делаешь какой-то эксперимент и вдруг получаешь

совсем не то, что ожидал. Это неожиданное столкновение с тайной словно электризует тебя, заставляет собрать все силы, чтобы проникнуть в нее и решить загадку.

Один из этих «моментов истины», по счастью, открылся Юлию Борисовичу в первой же самостоятельной научной работе. Тогда он исследовал явление конденсации металлических паров на холодной поверхности. В эксперименте в сосуде помещалась сильно охлажденная пластинка, которая кверху постепенно теплела, а сбоку с проволочки за счет электрического разогрева испарялся кадмий. Харитона интересовал характер поведения критической температуры — при которой пары металла начинали оседать на холодную поверхность. Было известно, что такая температура существует. В результате опытов Харитона оказалось, что она зависит от плотности паров — чем она больше, тем выше и температура конденсации. Теория этого явления была построена физтеховским теоретиком Я. И. Френкелем. Он обладал поразительной способностью видеть глубину вещей, и общение с ним было очень полезным для начинающего физика. Потом Харитон, слегка «созрев», вместе со своим другом, нынешним академиком А. И. Шальниковым, развил ее дальше. Впоследствии работа оказалась весьма полезной и в практическом плане для разработки технологии производства полупроводников. Но для самого Харитона главным было то потрясение, которое он испытал в момент озарения. Искомая зависимость вдруг зримо открылась ему изящной дугой, протянувшейся от одного края пластинки к другому. Ради таких мгновений стоило жить, стоило становиться физиком.

Вскоре произошла первая встреча Харитона и с загадочным явлением, на первый взгляд казавшимся просто абсурдом. Как-то в разговоре Николай Николаевич Семенов сказал: «Вот известно, что фосфор светится в темноте, хорошо бы посмотреть, не усилится ли свечение при малом давлении?» Харитон в 1926 году вместе с аспиранткой Зинаидой Вальта решил проверить это предположение.

В хорошо вакуумированный сосуд они поместили кусочек фосфора и по тонкому капилляру стали напускать туда кислород. Харитон ожидал, что сначала появится слабое свечение, которое по мере поступления кислорода будет усиливаться. Но сначала... вообще никакого свечения не было. Давление повышается, а света нет?! А потом вдруг свечение появилось и осталось стабильным, хотя кислород в сосуд продолжал поступать.

Это просто поразило экспериментаторов. Чтобы убедиться, что наблюдается не случайность, а закономерность, Харитон и Вальта напустили кислород, чуть-чуть не доведя до критической точки, с которой начиналось свечение. И оставили фосфор в таком положении на два дня. Никакой реакции не произошло! Но затем, как только был открыт кислородный кран, свечение мгновенно появилось. Что это за «порог», за которым появлялось свечение, пока оставалось необъяснимой тайной. Удивительным было и то, что, когда до поступления кисло-

рода в сосуд вводился химически инертный газ аргон, который по идее не мог оказывать никакого влияния на ход реакции, свечение возникало даже при меньшем давлении кислорода.

Открытые явления были настолько парадоксальны, что один немецкий химик, Боденштейн, напечатал статью, в которой категорически утверждал: Харитон и Вальта ошиблись, такого явления не может быть. А Боденштейн был в то время «столпом» химической кинетики. И авторитет его был весьма высок. Тем не менее через некоторое время ему пришлось признать, что ошибался он, а не молодые советские физики.

Открытие явления в дальнейшем легло в основу созданной Н. Н. Семеновым теории разветвляющихся цепных реакций, за которую он был в 1956 году удостоен Нобелевской премии. Тщательная, убедительная, безупречная в экспериментальном отношении работа Харитона и Вальта стала первым толчком к созданию этой весьма важной для современной химии и ядерной физики теории. На своей монографии «Цепные реакции», выпущенной в 1934 году, Николай Николаевич Семенов сделал дарственную надпись: «Дорогому Юлию Борисовичу, который первый толкнул мою мысль в область цепных реакций».

Наличие загадочного «порога» начала свечения фосфора объяснялось тем, что экспериментаторы столкнулись с разветвляющейся цепной химической реакцией. Ход ее регулируется так называемыми активными центрами — промежуточными продуктами реакции. В ходе реакции они размножаются, но идет и процесс их гибели, когда активные центры «прилипают» к стенке сосуда. И все дело в очень тонком балансе рождения и гибели активных центров. Как говорил герой Диккенса мистер Макобер: если вы зарабатываете двадцать шиллингов и тратите девятнадцать с половиной, то жизнь ваша будет счастлива, а если тратите двадцать с половиной, то кончите в долговой яме.

Так же в эксперименте Харитона: если активных центров в реакции кислорода с парами фосфора рождалось меньше, чем гибло на стенках, то реакция затухала не разгоревшись — свечения не было. Но стоило чуть увеличить давление газа и тем самым затруднить гибель активных центров, они начинали стремительно размножаться. Цепная теория объясняла загадочный резкий переход от почти полной инертности реакции к быстрому «взрыву».

Заглядывая вперед, скажем, что использование ядерной энергии в атомных реакторах и при ядерных взрывах также основано на цепной реакции. Только здесь активными центрами являются нейтроны.

Сам Харитон вплотную займется такими цепными реакциями позднее. Со временем ядерная физика и техника станут главным делом его жизни. А первый шаг в этом направлении, как потом выяснится, он сделал... еще первокурсником.

После первого курса Абрам Федорович Иоффе многим своим студентам давал задание на каникулы. Харитона он попросил детально разобраться в классических опытах Эрнеста Резерфорда по рассеянию альфа-частиц различными веществами, которые привели его к открытию

ядер атомов. Это задание и стало для Харитона своеобразным введением в ядерную физику.

А. Ф. Иоффе сыграл не последнюю роль и в том, что Харитон в 1926 году был послан на два года в научную командировку в Кембридж в знаменитую Кавендишскую лабораторию, которую в то время возглавлял сам Резерфорд. Добрые отношения с ним А. Ф. Иоффе и П. Л. Капица установили во время зарубежной поездки в конце 1921 года, когда они посетили многие лаборатории для возобновления контактов, закупки оборудования и научной литературы. Тогда А. Ф. Иоффе попросил Резерфорда принять П. Л. Капицу на стажировку в свою лабораторию. Резерфорд вежливо отказал:

— Рад бы, но, к сожалению, нет свободных вакансий.

На этом, может быть, дело и отложилось бы до более благоприятных времен, если бы не вмешался в разговор сам Капица.

— Простите, профессор, с какой точностью вы делаете ваши эксперименты? — спросил он.

— Наверное, процента три, — недоуменно ответил Резерфорд.

— А сколько человек у вас работает в лаборатории?

— Человек тридцать.

— Так не могу ли я находиться в пределах вашей погрешности? Тогда вы не заметите, что я у вас работаю, — весело сказал Капица.

Резерфорда, который прекрасно понимал и очень ценил юмор, это пленило и, рассмеявшись, он согласился взять Капицу на стажировку. Это открыло дорогу в Кавендишскую лабораторию и другим советским физикам.

В 1925 году П. Л. Капица, к тому времени уже ставший любимцем Резерфорда, предложил во время своего приезда в Ленинград молодому Харитону подумать о командировке в Кембридж. Он брался рекомендовать его Резерфорду. А. Ф. Иоффе поддержал эту идею. Так в 1926 году Харитон очутился в Англии. Кембридж в ту пору был мировым центром зарождающейся ядерной физики, а лаборатория Резерфорда лучшей в этой области.

Сила лаборатории состояла скорее в глубоких передовых идеях, чем в сложном оборудовании. Впервые подвергался атаке атом, казавшийся химикам неразрушимым — вечным, и даже само его ядро. Большая часть опытов производилась путем утомительного подсчета числа световых вспышек, получающихся при попадании альфа-частиц на кристаллик сернистого цинка. И Харитона привлекла именно эта сторона экспериментов. Выполненная им работа заключалась в определении чувствительности человеческого глаза к слабым потокам света. Оказалось, что зрительное ощущение возникает уже при попадании всего около 15 фотонов (квантов) зеленого света. Потом С. И. Вавилов еще более снизил «порог» чувствительности глаза. Была в работе и большая физическая часть. Харитон установил, что в свет переходит четверть энергии, которую альфа-частицы отдают кристаллу сернистого цинка. Но непосредственно свечение исходит из атомов примеси, состав-

ляющих гораздо меньшую долю материала кристалла. Отсюда был сделан вывод, что энергия, отданная кристаллу, мигрирует, как-то перемещается по кристаллу, пока не находит атом примеси, где возможно превращение энергии в свет. Этот вывод Харитона, особенно смелый в двадцатых годах, специально отмечен в монографии Резерфорда и его коллег.

Надо сказать, что Резерфорд благожелательно отнесся к тому, что молодой советский ученый занялся не самой ядерной физикой, а такой своеобразной физико-физиологической проблемой. Предоставление свободы исследований было в духе Кембриджа.

Сам Резерфорд не раз говорил, что не мешает сотрудникам лаборатории заниматься любой «ерундой». Если человек стоящий, он обязательно обнаружит что-то дельное.

Такой подход отличался от того, к которому привык Харитон в школе Иоффе. Абрам Федорович нередко сам определял направление исследований своих сотрудников, активно стремился соединить физику с техникой, подталкивал молодежь в «целинные области», например только зародившиеся в то время исследования полупроводников, нередко входил в детали экспериментов, помогал советом.

В Кембридже советами не баловали, но многому учили сама обстановка лаборатории, атмосфера переднего края мировой науки, встречи с видными физиками. В непосредственном контакте Харитон, например, работал с заместителем Резерфорда по лаборатории — Джеймсом Чедвиком, получившим позднее Нобелевскую премию за открытие в 1932 году нейтрона. Впоследствии, в 1943—1945 годах, Чедвик возглавлял группу английских ученых, работавших в секретной лаборатории США в Лос-Аламосе над проектом атомной бомбы. Но и во время стажировки Харитона Чедвик был уже видным ученым, и общение с ним и другими сотрудниками Кавендишской лаборатории многое дало молодому физику.

Больше всего Харитона поразила простота экспериментальных средств и методик, которыми пользовался сам Резерфорд и его школа. Резерфорд был поистине гениальным экспериментатором в придумывании и поощрении простых по методике работ. В Кембридже Харитон почувствовал, и это «въелось» в него на всю жизнь, что если хорошо подумать, то можно все-таки решить проблему простыми средствами и с небольшими затратами. Надо делать не просто экспериментальную установку для проверки своей идеи, а делать ее как можно проще. В поисках этой простоты сама идея и физика эксперимента становятся гораздо яснее.

Немалое значение для Харитона имело и общее расширение кругозора. Это была пора его молодости, когда он жадно вбирал все новое. На приобретенном мотоцикле он объездил почти всю Англию. Лето 1927 года провел во Франции, где жизнь была подешевле. Запомнилось ему благодаря этому мотоциклу и появление на политической арене Черчилля. Он тогда стал министром финансов и увеличил налоги. Под-

нялась цена и на бензин, что больно ударило по тощему карману Харитона. Но тем не менее поездки он не прекратил. Много фотографировал, активно интересовался окружающей жизнью, а не замыкался только в науке. Ему чрезвычайно интересно было знакомство с зарубежной обстановкой, политической ситуацией на Западе. К хорошему знанию немецкого теперь прибавилось улучшенное знание английского и французского языков, что также немаловажно для ученого.

В Ленинград он вернулся повзрослевшим, набравшись и научного и житейского опыта. Вскоре изменилась и его личная жизнь. Он встретил обаятельную душевную Марию Николаевну. Она была балериной, и Харитон, впервые увидев ее на сцене, сразу же влюбился. Потом случай свел их вместе в доме общих знакомых. Только смерть Марии Николаевны в 1977 году разорвала их долгий гармоничный союз.

Вернувшись на родину, Харитон решил круто изменить направление своей научной деятельности. В первую очередь на это повлияло то, что он увидел за рубежом, в Германии. По просьбе формировавшегося в Харькове Физико-технического института Харитон принимал в Голландии закупленное оборудование и был проездом в Берлине. Его насторожил поднимающий голову фашизм. Знакомые немцы отмахивались — ерунда, над ними же все смеются, это временное увлечение, пройдет. Харитон отнесся к этому более серьезно. Да и побывав за границей, особенно остро почувствовал разницу миров. Ему показалось, что не исключено столкновение капитализма с социализмом, и захотелось заняться чем-то практически полезным для своей Отчизны.

Патриотизм, высокая гражданственность у Харитона никогда не были показными. Всю его жизнь они реализовались в делах и поступках. Тогда, вернувшись из Европы в Советский Союз, он решил организовать лабораторию взрывчатых веществ. В проблеме было много неясного, и он подумал, что своими работами он сможет помочь укреплению обороноспособности страны.

Взрывчатые вещества, химические реакции, приводящие к взрыву, — вот новое поле деятельности Харитона и созданной им лаборатории. Сначала она была в Физико-техническом институте, а после организации Института химической физики вошла в его состав.

До работ Харитона был накоплен обширный экспериментальный материал по взрывным явлениям. Однако теория в основном рассматривала энергетические характеристики взрыва. Было известно, сколько энергии выделится при превращении взрывчатого вещества в продукты взрыва, как правило в углекислоту, водяные пары и азот. Эмпирически было известно, с какой скоростью (6—8 километров в секунду) распространяется взрывная волна по заряду, и можно было рассчитать, за какое время заряд превратится в горячий газ. Но не было известно, да и мало интересовало предыдущие поколения исследователей, как именно сложные химические соединения, из которых состоит взрывчатое вещество, превращаются в простые молекулы углекислоты, паров воды, азота и другие. За какое время, при какой температуре и давле-

нии происходит это превращение? Каким образом химическая реакция передается от одного слоя к другому? Какое воздействие необходимо для того, чтобы начался взрыв?

Харитон исходил из общепринятой схемы распространения детонации, предусматривающей сжатие взрывчатого вещества ударной волной и последующую химическую реакцию, вызванную нагреванием при сжатии. Но сжатое вещество может расширяться и при этом остыть, не прореагировав химически. Если скорость реакции мала, то время ее развития слишком велико. Детонация затухает. Харитон высказал принцип, согласно которому для детонации заряда нужно, чтобы время разлета сжатого вещества превышало время реакции. В свою очередь, время реакции зависит от свойства вещества, давления и температуры, и наоборот — давление и температура зависят от свойств вещества. Кроме того, время разлета находится в зависимости и от диаметра заряда!

Отсюда следовал важнейший практический вывод: одно и то же вещество может быть почти инертным и не взрываться, если его взять в виде тонкого цилиндра, например, в лабораторных испытаниях. Но то же вещество способно полноценно взрываться (детонировать), будучи взято в виде большого заряда — например, в авиабомбе весом в одну тонну или больше. Разработанная Харитоном идея позволила понять причину трагического взрыва в 1921 году нескольких тысяч тонн аммиачной селитры, скопившихся на одном немецком заводе. Аммиачная селитра считалась инертным веществом, и с ней соответственно и обращались. Но в большой массе, когда время разлета стало очень большим, могла возникнуть детонация.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в лаборатории Харитона много внимания было уделено созданию детонатора мгновенного ударного действия для противотанковых гранат с взрывчатым веществом. Из осажденного Ленинграда он уехал с одним из последних эшелонов. В Казани, куда эвакуировался Институт химической физики, Юлий Борисович пробыл очень недолго, его вызвали в Москву. Он был прикомандирован к одному из институтов Наркомата боеприпасов и до конца войны участвовал как в работах по боевому использованию суррогатированных взрывчатых веществ, так и в разработке кумулятивных гранат и снарядов. За эти работы Харитон был удостоен первой своей правительственной награды — ордена Красной Звезды.

Игорь Васильевич Курчатов, став руководителем атомной программы, сразу привлек Харитона к наиболее ответственной части работ.

Выбор Курчатова был не случаен. Они были знакомы еще с 1924 года и особенно тесно сблизились в конце тридцатых годов, когда оба включились в работы по ядерной физике.

Надо сказать, что не только в двадцатые годы, но и позже, в тридцатые, ядерные исследования казались чистой наукой. В 1932 году Резерфорд сказал, что только фантасты могут думать о применении ядерной энергии. До конца своей жизни (он умер в октябре 1937 года)

Резерфорд придерживался этого категоричного мнения. Известно, что в 1934 году он буквально выгнал из своего кабинета Лео Сцилларда, который пришел к нему с идеей цепной реакции с размножением нейтронов. Обиженный Сциллард назло Резерфорду получил патент на изобретение. Позднее, после войны, правительство США купило этот патент у Сцилларда за 20 тысяч долларов.

Абрам Федорович Иоффе в отличие от Резерфорда не был пессимистом в отношении использования ядерной энергии. Свойственная ему глубокая интуиция подсказывала, что именно в этой области физики предстоят крупнейшие прорывы в понимании основных свойств материи. А это, как не раз показывала история, должно вызвать и крупные сдвиги в технике, и в частности в энергетике, которая всегда привлекала внимание Иоффе.

Поэтому, несмотря на то что институт и лично Иоффе подвергались сильной критике за «академическое» увлечение чистой физикой, Иоффе постоянно оказывал поддержку исследованиям атомного ядра. Более того, чтобы ускорить организацию этих работ, на некоторое время лично возглавил отдел, ведущий ядерные исследования. Заместителем его стал И. В. Курчатов. Позднее в Академии наук СССР была создана «урановая комиссия», в которую вместе с несколькими академиками вошли Курчатов и Харитон.

Мы уже говорили, что к ядерным цепным реакциям Харитон приблизился, по сути, еще в своих экспериментах с фосфором, поэтому открытие деления урана под действием нейтронов вызвало у него живейший интерес.

Забросив другие дела, он вместе с одним из авторов этого очерка, Я. Б. Зельдовичем, лихорадочно стал выяснять новые пути, новые возможности, которые теперь открывало деление урана.

Замечательным был даже не сам факт, что тяжелое ядро способно «развалиться» на две части, и что при этом выделялась энергия в 20—30 раз большая в сравнении с известными ранее радиоактивными процессами. Еще более интересным было то, что при каждом распаде рождалось от двух до трех нейтронов, которые, в свою очередь, могли «разбивать» следующие ядра.

Значит, открылась принципиальная возможность цепной ядерной реакции, в которой один нейтрон, вызвав деление, приводит к появлению, например, двух нейтронов, в следующем цикле появится уже четыре нейтрона и т. д. Становилось в принципе возможным осуществление ядерного взрыва. В научной литературе было высказано даже предположение, что извержения вулканов являются природными ядерными взрывами. Однако вскоре выявилась довольно сложная картина.

Знаменитый физик — отец квантовой механики Нильс Бор — высказал предположение, что медленные нейтроны делят только редкий (0,7 %) изотоп — уран-235, а основной изотоп (99,3 %) — уран-238 делится только при действии быстрых нейтронов, захватывая при этом без деления медленные нейтроны и особенно сильно — нейтроны про-

межуточной энергии. В работах 1939—1941 годов, опубликованных в «Журнале экспериментальной и теоретической физики», и в обзоре, напечатанном в журнале «Успехи физических наук», Харитон (вместе с Зельдовичем) с позиций цепной теории анализирует условия осуществления ядерной реакции. Оказывается, что природный уран — ни редкий, ни основной, ни в виде металла, ни в виде окиси — не поддерживает цепной реакции.

В следующей работе тех же авторов анализировались условия реакции в смесях природного урана с замедлителями и прежде всего с водой. Но ответ оказался снова отрицательным.

Тогда был поставлен вопрос о необходимости найти другие замедлители, которые не захватывали бы нейтроны. Таким замедлителем мог бы стать гелий, но применить этот газ технически трудно. В настоящее время хорошо известно, что подходящими замедлителями стали тяжелая вода и сверхчистый графит (углерод). В обзоре Харитона и Зельдовича эти вещества упоминались предположительно потому, что не были известны с необходимой точностью их свойства. Для успешного осуществления цепной реакции с помощью графита понадобилась дополнительная идея применения урана в виде цилиндров (блоков). Идея эта была выдвинута в США итальянским физиком Энрико Ферми, а в СССР независимо (работы в тот период были секретными, как в США, так и в СССР) — советскими физиками И. И. Гуревичем и И. Я. Померанчуком.

Другой путь к осуществлению ядерной цепной реакции состоит в разделении изотопов, то есть в получении либо чистого урана-236, либо урана, обогащенного изотопом урана-235, с содержанием в несколько процентов вместо 0,7 процента в природном уране.

Надо сказать, что за несколько лет до возникновения урановой проблемы Харитон рассмотрел вопрос о разделении воздуха на кислород и азот с помощью ультрацентрифуги за счет использования разности их молекулярного веса. Тогда же он подсчитал энергетические затраты и необходимый размер оборудования. По довоенным масштабам размеры завода казались чрезвычайно большими.

Эта идея и расчеты были немедленно применены к разделению изотопов урана, точнее, их газообразных соединений. Однако впервые промышленное разделение урана было произведено иначе, на основе разной скорости перетекания тяжелого и легкого изотопа через пористые перегородки (так называемый диффузный метод). В последнее время промышленность снова обращается к ультрацентрифугам, в соответствии с тем (на что в свое время указал Харитон), что в этом методе минимальны необходимые затраты энергии. Из печати известно, что ряд фирм в США и один из крупных западноевропейских концернов работают над разделением изотопов с помощью центрифуг. Все технические данные этих работ строго засекречены.

В третьей работе Харитона и Зельдовича рассматривался вопрос об устойчивости ядерных реакторов, были выявлены факторы (запазды-

вающие нейтроны), резко облегчающие регулирование реактора. По существу, в этой работе одновременно начато выяснение тех условий, которые нужно создать для того, чтобы получить полноценный ядерный взрыв.

Когда Харитон узнал о том, что американцы взорвали экспериментальное устройство, первое чувство, которое он испытал, была досада. Советская физика в теоретическом плане к этому была, по сути, готова еще в канун войны.

Как известно, война вызвала перерыв в ядерных исследованиях. В первый, наиболее тяжелый период 1941 года естественно было стремление ученых работать над вопросами, имеющими прямой и быстрый выход, в частности по совершенствованию существующей боевой техники, и мы знаем, что Харитон работал именно в этой области.

Однако в дальнейшем появилась возможность начать в нарастающем темпе работы по освоению ядерной энергии и созданию ядерного оружия. Во многом благодаря базе, заложенной в предвоенные годы, советская физика без всякой помощи извне сумела быстро решить сложную атомную проблему. И Юлий Борисович Харитон по праву может гордиться своей работой в этой области.

Крупного ученого-организатора разглядел в Харитоне Курчатов. До этого считалось как-то само собой разумеющимся, что «стезя» Харитона — это лишь научные исследования. Его облик, характер как-то не вязались со сложившимся представлением об ученом-организаторе. Сам Курчатов по складу характера был полной противоположностью Харитону. Но он сумел разглядеть, что за мягкостью Харитона — железная воля, неумением просить за себя — полная самоотдача общему делу, за добротой, интеллигентностью — принципиальность, неспособность идти на компромисс с совестью. Глубокие знания, аналитический ум, редкостная работоспособность Харитона были видны всем. Курчатов предложил ему возглавить один из самых важных, ответственных участков работы, и, как теперь всем ясно, не ошибся в своем выборе.

Курчатова и Харитона связывали очень теплые, дружеские отношения до самого последнего дня жизни Игоря Васильевича. Да и умер он на руках у Харитона в буквальном смысле этого слова. Юлий Борисович тогда лечился в подмосковном санатории «Барвиха», и Курчатов приехал его навестить. Был оживлен, говорил о предстоящей поездке во Францию. Вдруг умолк на полуслове во время беседы на садовой скамейке и тяжело привалился к плечу Харитона...

Юлий Борисович и другие соратники Игоря Васильевича продолжили дело Курчатова. Наша страна имеет надежный ракетно-ядерный щит.

Труд коллектива, которым руководит Харитон, в целом направлен на решение определенных технических задач. Однако Харитон добился высочайшего научного уровня всей работы. В коллектив равноправно входят конструкторы, и объединение теоретической, экспериментальной и конструкторской работы приносит замечательные результаты.

Разработка обычных боеприпасов и взрывных устройств ведется в основном эмпирически; промышленному изготовлению предшествует испытание значительного числа образцов. Иначе обстоит дело в случае ядерных взрывов: по понятным причинам еще до взрыва необходимо полностью рассчитать теоретически все многообразные процессы, происходящие при этом. Сюда относятся и физические процессы, переводящие делящиеся вещества в надкритическое состояние. Следующим этапом является сам ядерный взрыв. Здесь необходимо определить ожидаемое выделение энергии; наконец, внешние проявления взрыва — ударная волна, тепловое излучение, радиоактивные излучения.

В ходе решения практической задачи Харитон и его сотрудники развили количественную теорию взрыва, теорию поведения вещества при сверхвысоких давлениях и температурах. Теория эта основана на лабораторных и полигонных экспериментах с использованием наиболее совершенной техники исследования быстрых процессов. С участием математиков развиты методы расчета, использующие электронно-вычислительные машины.

Сам Юлий Борисович до сих пор, несмотря на почтенный возраст, трудится с завидной работоспособностью. В восемь утра он уже на работе. Днем получасовой перерыв на обед. И вновь работа — обычно до десяти часов вечера. Положенный ему двухмесячный отпуск он никогда не использует полностью — больше месяца не отдыхает. И вообще никаких поблажек себе не дает. Харитон живет по очень жестким, твердым принципам для самого себя. И в то же время он очень доброжелателен, терпим к другим людям, чужому мнению. Он никогда ничего не попросит для себя или своей семьи. Это для него, как говорят в народе, нож острый, но для дела поднимется на любой уровень и добьется, чтобы вопрос был решен правильно.

Еще в довоенные годы Харитон работал заместителем главного редактора «Журнала экспериментальной и теоретической физики», старейшего и до сих пор наиболее авторитетного физического журнала в нашей стране. На этом посту, как и в лаборатории, ярко проявились и стремление Харитона доводить до полной, кристальной ясности всякий рассматриваемый вопрос, и настойчивость без придиристости, и глубокий интерес к физической сути, широкие познания. Очень многие физики — авторы статей — до сих пор благодарны Харитону за его замечания всегда доброжелательные и полезные.

В коллективе, которым руководит Юлий Борисович, бытует термин «Юбизм» (от инициалов Харитона). Это понятие включает в себя прежде всего четкость, аккуратность, если хотите, педантизм в оформлении всех документов. Въедливость в решении неясных вопросов, жесткое пресечение всех попыток положиться на пресловутое «авось». Жизненный опыт научил его: в работе надо фиксировать и ошибки. Список ошибок не менее важен, чем список достижений. Право на ошибку есть у каждого человека. Но так как это вещь неприятная, их очень часто забывают. А важно, чтобы ошибки не повторялись.

Начиная новую работу, надо припомнить старые ошибки, чтобы не поскользнуться на них.

— Харитон — удивительный человек, — так охарактеризовал Юлия Борисовича друг его юности и всей жизни академик А. И. Шальников. — Его единственный недостаток в том, что у него нет недостатков. Он подвижник. Работает столько, сколько нормальные люди не могут работать. Никогда не отдыхает. Если ему надо что-то сделать, то пока не поставит точку, он спать не ляжет. Если он дал «добро» — это штамп высокого качества, настоящей добротности.

Когда Харитон брался за какое-то дело, то обязательно стремился делать его как можно лучше. Помню, мы вместе учились играть на рояле. Музыкальными талантами, как выяснилось, оба не обладали. Но я начал заниматься чуть раньше и был более продвинут в этой области. Это не оставляло его равнодушным. И он занимался с колоссальным упорством, чтобы не быть «отстающим». Харитон фантастически аккуратный человек. Всегда ровный, спокойный, он все неприятности прячет внутрь себя. Это хорошо для окружающих, но плохо для него самого.

Возможно, со слов Шальникова и из нашего рассказа читатель может сделать вывод, что «Харитон подобен флюсу» — его интересует лишь наука. Нет. Он — человек широкого кругозора. Его очень интересует литература, искусство. Это еще от семьи, с юности. Отец его в первые годы после революции был директором ленинградского Дома литераторов. Старшая сестра — Лидия Харитон занималась художественными переводами с немецкого, была участницей известного литературного кружка тех времен — «Серапионовы братья». О ней тепло пишет в своих мемуарах Каверин.

Когда бывает свободное время, Юлий Борисович стремится попасть в театр. Не пропускает хороших художественных выставок.

Каких-то особых увлечений, того, что сейчас называют хобби, у него нет. Разве что фотография, которой он также увлекается с детства. И, пожалуй, пешеходные прогулки. Он любит много ходить.

Очень интересуется Харитон биологией, генетикой, политикой, экономикой и социальными проблемами.

С 1950 года он неизменно избирается депутатом Верховного Совета СССР. Как ко всему, что он делает, к своим обязанностям депутата Юлий Борисович относится очень добросовестно и со свойственной ему педантичной настойчивостью добивается выполнения наказов своих избирателей.

Юлий Борисович очень отзывчив на чужую беду. И бывает счастлив, когда ему удастся помочь людям. И он делает это ежедневно, тихо, незаметно, без помпы. Так же, как делает он свое основное дело.

Для Харитона жить — это прежде всего значит служить людям, Родине.

Академик Я. Зельдович,
Б. Коновалов

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

АХУНОВА Турсуной

Турсуной Ахунова родилась в 1937 году в кишлаке Эски Ташкент Чиназского района Ташкентской области Узбекской ССР. Член КПСС с 1962 года.

Рано начала трудовую деятельность. Еще школьницей, помогая матери, собирала хлопок в колхозе. В 1952 году уехала учиться на тракториста. В 1954 году перешла работать на хлопкоуборочную машину. Уже в 1956 году собрала 90 тонн хлопка, перевыполнив свои обязательства на 30 тонн. В 1959 году собрала 210 тонн хлопка. В последующие годы довела сбор хлопка до 400, а затем до 460 тонн.

За выдающиеся успехи в труде дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1959 и 1978 гг.). Она награждена также тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями. Лауреат Ленинской премии (1967 г.), заслуженный механизатор Узбекистана.

Турсуной Ахунова активно участвует в общественно-политической жизни. Была делегатом XXV и XXVI съездов КПСС. Избиралась членом ЦК Компартии республики. Депутат Верховного Совета СССР 6, 7 и 8-го созывов, депутат Верховного Совета Узбекской ССР 9-го и 10-го созывов.

Турсуной Ахунова — автор книги «О том, что сердцу дорого».

БАГИРОВА Басти Масим кызы

Басти Масим кызы Багирова (1906—1962) — видный деятель колхозного строительства. Родилась в селении Абдуллабейкюрд, ныне Касум-Исмаиловского района Азербайджанской ССР. Член КПСС с 1937 года.

С шести лет начала трудовую жизнь. Батрачила. В 1930 году вступила в колхоз. С 1936 года — звеньевая хлопководческого звена. С 1939 по 1942 год училась в Кировабадском сельскохозяйственном институте. Несколько лет работала секретарем колхозной парторганизации. Применяя передовую агротехнику и изменив организацию труда в звене, достигла резкого повышения урожаев хлопка. Введя сбор волокна двумя руками, в пять-шесть раз увеличила производительность труда. По ее инициативе возникло движение стоцентнеровиков.

За получение рекордных урожаев хлопка Б. М. Багирова дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1947 и 1950 гг.). Она награждена также тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Багирова Басти Масим кызы избиралась депутатом Верховного Совета СССР 1, 2 и 3-го созывов, была членом Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, членом Совета по делам колхозов при правительстве СССР. На XXIII, XXIV и XXV съездах Компартии Азербайджана избиралась членом ЦК Компартии республики.

БАЙДА Григорий Иванович

Григорий Иванович Байда родился в 1902 году в селе Лески ныне Черкасского района Черкасской области УССР. Член КПСС с 1959 года.

Несколько лет батрачил у кулаков, затем работал каталом доменного цеха Металлургического завода имени Г. И. Петровского в Днепропетровске. С 1932 по 1938 год был слесарем, позже трактористом Криничанской МТС. В 1938—1941 годах и в 1945—1959 годах — комбайнер Новомосковской МТС и с 1959 г. — колхоза «Выдвиженец» Новомосковского района Днепропетровской области.

За выдающиеся производственные показатели Г. И. Байда дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1951 и 1958 гг.). Он награжден также двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, и в их

числе несколькими медалями ВСХВ. Он заслуженный механизатор сельского хозяйства УССР. Г. И. Байда активно участвовал в общественно-политической жизни. Избирался депутатом Верховного Совета УССР 5-го созыва.

В настоящее время Г. И. Байда пенсионер союзного значения, живет в городе Черкассы.

БАРКОВА **Ульяна Спиридоновна**

Ульяна Спиридоновна Баркова родилась в 1906 году в деревне Вятчаново ныне Ярославской области. Член КПСС с 1941 года.

С 1917 года по 1925 год работала по найму. С 1925 года — доярка, а с 1943 года — бригадир животноводческой бригады племенного совхоза «Караваево».

За рекордные надои молока и самоотверженную работу дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1948 и 1951 гг.). Награждена также четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Удостоена Большой золотой и нескольких серебряных и бронзовых медалей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

С 1961 года У. С. Баркова — персональный пенсионер.

БЛАГОНРАВОВ **Анатолий Аркадьевич**

Анатолий Аркадьевич Благонравов (1894—1975) — видный советский ученый в области механики. Родился в селе Аньково ныне Ивановской области. Член КПСС с 1937 года.

В 1916 году окончил четыре курса Петроградского политехнического института и Михайловское артиллерийское училище. Активный участник гражданской войны. В 1924 году окончил Высшую артиллерийскую школу, а в 1929 году — Военно-техническую академию. После окончания военной академии начал научную деятельность. Был доцентом, профессором Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. В 1943 году был избран действительным членом АН СССР. Тогда же ему присвоили воинское звание генерал-лейтенанта артиллерии.

В 1946 году А. А. Благонравова назначили заместителем министра высшего образования СССР, а затем президентом Академии артиллерийских наук. С 1953 года и до последних дней жизни был директором Института машиноведения АН СССР. В течение многих лет являлся вице-президентом Комитета по космическим исследованиям при Международном совете научных союзов (КОСПАР), председателем Комиссии по исследованию и использованию космического пространства АН СССР. Был действительным членом Чехословацкой Академии наук и Международной астронавтической академии.

За выдающиеся научные подвиги А. А. Благонравов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1964 и 1974 гг.). Он был награжден также пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Он лауреат Ленинской (1960 г.) и Государственной (1941 г.) премий СССР, автор многих научных трудов по механике, машиноведению, по проблемам космических исследований.

БЛАЖЕВСКИЙ **Евгений Викторович**

Евгений Викторович Блажевский (1884—1973) — новатор сельскохозяйственного производства. Родился в селе Любомирка ныне Котовского района Одесской области. Член КПСС с 1952 года.

Участвовал в первой мировой войне. В годы гражданской войны воевал в бригаде Григория Котовского. Когда началась коллективизация, бывший красный артиллерист вступил в колхоз. Возглавлял овощеводческое звено, работал самоотверженно. В конце сороковых годов его назначили звеньевым кукурузоводческого звена.

За получение высоких урожаев кукурузы Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1950 году Евгению Викторовичу Блажевскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1958 году за новые достижения в труде его наградили второй золотой медалью «Серп и Молот». Награжден также двумя орденами Ленина, медалями. Е. В. Блажевский был делегатом XX и XXII съездов КПСС.

БОГОЛЮБОВ **Николай Николаевич**

Николай Николаевич Боголюбов — видный советский ученый. Он родился в 1909 году в Нижнем Новгороде — ныне город Горький.

Научную деятельность начал в Киеве. В 1924 году написал свою первую научную работу. В последующие годы работал в области математики и теоретической физики, создал фундаментальные труды по нелинейной механике, статистической физике. Его имя неразрывно связано с рождением современной теории неидеальных квантовых макросистем.

В 1930 году Н. Н. Боголюбову была присуждена ученая степень доктора математики. С 1948 года он академик АН УССР. В 1946 году его избрали членом-корреспондентом, а в 1953 году — действительным членом АН СССР. Он является также почетным членом многих зарубежных академий, почетным доктором наук ряда университетов.

Н. Н. Боголюбов является членом президиума АН СССР, академиком-секретарем Отделения математики АН СССР. С 1956 года он заведующий лабораторией, а с 1965 года — директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Участвовал в работе многих международных конгрессов, неоднократно выезжал для чтения лекций в зарубежные страны.

Выдающаяся научная деятельность Н. Н. Боголюбова высоко оценена социалистической Родиной. Он дважды Герой Социалистического Труда (1969 и 1979 гг.), награжден шестью орденами Ленина, другими орденами и медалями. Он лауреат Ленинской (1958 г.) и двух Государственных премий СССР (1947 и 1953 гг.). Его научные труды отмечены многими иностранными медалями.

Н. Н. Боголюбов активно участвует в общественно-политической жизни. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР 7, 8, 9 и 10-го созывов. Автор около 300 научных трудов.

БУРКАЦКАЯ **Галина Евгеньевна**

Галина Евгеньевна Буркацкая родилась в 1916 году в селе Геронимовка ныне Черкасского района Черкасской области УССР. Член КПСС с 1946 года.

В 1938 году окончила Харьковский коммунистический университет имени Артёма. С 1938 по 1941 год была на комсомольской работе. В годы Великой Отечественной войны работала в одном из колхозов Саратовской области. С 1949 года — председатель колхоза «Радянська Украина». В 1956 году заочно окончила агрономический факультет Украинской сельскохозяйственной академии. С 1967 года она кандидат экономических наук, с 1968 года — старший преподаватель сельскохозяйственной академии в Киеве.

За выдающиеся трудовые подвиги Г. Е. Буркацкая дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1951 и 1958 гг.). Она награждена также двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Г. Е. Буркацкая активно участвует в общественно-политической жизни. Была делегатом XIX, XX, XXI и XXII съездов КПСС. Избиралась депутатом Верховного Совета СССР 3, 4, 5 и 6-го созывов, была членом Президиума Верховного Совета СССР, членом ЦК Компартии Украины. На XXII съезде КПСС избиралась членом Центральной ревизионной комиссии КПСС.

С 1963 года Г. Е. Буркацкая живет и работает в Киеве.

БУЯНОВ

Иван Андреевич

Иван Андреевич Буюнов (1897—1965) — видный деятель колхозного строительства. Родился в деревне Горки ныне Ленинского района Московской области в семье крестьянина. Член КПСС с 1931 года.

Участник первой мировой войны. С 1919 года работал на заводе в Москве. В 1929 году в числе двадцатипяти тысячников был направлен на сельскохозяйственную работу. Сразу же после создания в Горках колхоза имени Владимира Ильича был избран его председателем. На этом посту находился 33 года. Под его руководством колхоз превратился в многоотраслевое хозяйство, систематически добивался высоких показателей в сельскохозяйственном производстве и стал одним из передовых хозяйств области, а затем и страны.

За выдающиеся успехи в организации производства и высокие показатели в получении продукции земледелия и животноводства И. А. Буюнов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1950 и 1957 гг.). Он был награжден также орденами Ленина, «Знак Почета», медалями.

И. А. Буюнов активно участвовал в общественно-политической жизни. Был делегатом XXI и XXII съездов КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 5 и 6-го созывов. Он автор книг «Колхоз под Москвой» и «Тебе, жизнь».

ГОНТАРЬ

Дмитрий Иванович

Дмитрий Иванович Гонтарь родился в 1911 году в станице Уманской ныне Ленинградского района Краснодарского края. Член КПСС с 1944 года.

В 1930 году, окончив курсы трактористов, начал работать трактористом в МТС. В 1933—1936 годах и в 1941—1945 годах находился в рядах Советской Армии. С 1936 по 1941 год и с 1946 по 1959 год — комбайнер Восточной МТС, с 1959 года — механик в колхозе имени С. М. Кирова.

За выдающиеся заслуги в развитии сельского хозяйства дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1951 и 1954 гг.). Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Неоднократный участник ВСХВ.

Был делегатом XIX и XX съездов КПСС, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

В настоящее время Д. И. Гонтарь на пенсии, живет в станице Ленинградской, является наставником молодежи.

ДИПТАН

Ольга Климентьевна

Ольга Климентьевна Диптан родилась в 1912 году в селе Кодачи ныне Васильковского района Киевской области УССР в семье безземельного батрака. Член КПСС с 1948 года.

Унаследовав от матери профессию свекловода, всю жизнь посвятила выращиванию сладкого корня. В 1929 году в колхозе имени Ильича ее избрали звеньевой свекловодческого звена, которое она возглавляет не один десяток лет.

За выдающиеся успехи в деле получения высоких и устойчивых урожаев сахарной свеклы О. К. Диптан дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1954 и 1958 гг.). Она награждена также двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и Трудовой славы III степени, медалями.

С 1954 года О. К. Диптан неоднократно была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а затем Выставки достижений народного хозяйства СССР. Избиралась депутатом Верховного Совета УССР четырех созывов. Была делегатом XXI, XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС.

В настоящее время О. К. Диптан по-прежнему живет и работает в родном селе Кодачи.

ЖЕЛЮК

Филипп Алексеевич

Филипп Алексеевич Желюк (1904—1976) — видный деятель колхозного строительства. Он родился в селе Тимановка ныне Тульчинского района Винницкой области в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС с 1926 года.

Трудовую деятельность начал в 1917 году. В 1926 году был избран секретарем Ольгопольского райкома комсомола. После организации в 1927 году сельскохозяйственной артели в селе Тимановка возглавил колхозную партийную организацию. В 1929 году избран председателем колхоза. Без отрыва от производства окончил сельскохозяйственный техникум. В 1939 году назначен заведующим земельным отделом Тульчинского райисполкома.

В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в боях с фашистскими захватчиками. После демобилизации в 1946 году избран председателем колхоза имени Суворова. Под его руководством колхоз стал образцовым высокоинтенсивным многоотраслевым хозяйством, настоящей школой передового опыта.

За выдающиеся трудовые заслуги Ф. А. Желюк дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1958 и 1974 гг.). Он награжден также тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медалями.

Ф. А. Желюк неоднократно избирался членом ЦК Компартии Украины, был делегатом XXII, XXIII, XXIV и XXV съездов Компартии республики, депутатом Верховного Совета Украины 6, 7, 8-го созывов, членом Винницкого обкома партии, членом Республиканского Совета колхозов.

ИСМАИЛОВ

Карим

Карим Исмаилов (1907—1968) — видный деятель колхозного строительства. Родился в селении Джарбоши ныне Орджоникидзеабадского района Таджикской ССР в семье батрака. Член КПСС с 1932 года.

В конце 1920 года после свержения бухарского эмира одним из первых в селении вступил добровольцем в отряд, боровшийся против басмачей. Позже стал председателем союза бедняков. В 1928 году окончил партийную школу в Душанбе.

В годы Великой Отечественной войны находился на фронте. Демобилизовавшись из армии, несколько лет работал в районном управлении сельского хозяйства. В 1950 году был избран председателем колхоза «Москва», ныне колхоза имени К. Исмаилова.

За выдающиеся заслуги в развитии сельскохозяйственного производства, за получение высоких урожаев хлопка Кариму Исмаилову было дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда (1948 и 1957 гг.). Он был награжден также орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями, и в их числе медалями ВСХВ.

Карим Исмаилов активно участвовал в общественно-политической жизни. На XI и XIV съездах Коммунистической партии Таджикистана избирался кандидатом в члены ЦК КП Таджикистана. Был депутатом Верховного Совета Таджикской ССР 3, 4, 5, 6 и 7-го созывов.

ЛАВОЧКИН Семен Алексеевич

Семен Алексеевич Лавочкин (1900—1960) — видный советский авиаконструктор. Родился в Смоленске в семье учителя. Член КПСС с 1953 года.

В 1918 году после окончания гимназии вступил добровольцем в Красную Армию. Работал в ряде авиационных конструкторских бюро. С 1935 года — главный конструктор по самолетостроению. Под его руководством были созданы самолеты-истребители ЛаГГ-3, Ла-5, Ла-7 и ряд их модификаций, имевшие высокие боевые качества и сыгравшие большую роль в годы Великой Отечественной войны.

В послевоенный период С. А. Лавочкин внес большой вклад в развитие реактивной авиации. В 1946 году под его руководством был построен цельнометаллический самолет Ла-9, а в 1947 году — истребитель Ла-11 с большой дальностью полета. В том же 1947 году Лавочкин применил на опытном самолете стреловидное крыло, разработал конструкцию нового боевого самолета Ла-15. В конце декабря 1948 года на самолете Ла-176 со стреловидностью крыла 45 градусов при полете со снижением была достигнута скорость звука. В последующем Лавочкин создал сверхзвуковой истребитель Ла-190 и всепогодный двухместный истребитель Ла-200.

За заслуги в области самолетостроения С. А. Лавочкин дважды был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1943 и 1956 гг.). Он был награжден также тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Суворова I и II степени, медалями. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 3, 4 и 5-го созывов. Лауреат четырех Государственных премий СССР (1941, 1943, 1946, 1948 гг.).

В 1944 году С. А. Лавочкину было присвоено воинское звание генерал-майора инженерно-технической службы. В 1958 году его избрали членом-корреспондентом АН СССР.

ЛЫЧУК Юстын Тодорович

Юстын Тодорович Лычук родился в 1901 году в селе Стецева ныне Снятынского района Ивано-Франковской области Украинской ССР в семье крестьянина-бедняка.

Молодой Юстын, как и тысячи других обездоленных крестьян западноукраинских земель, подался на заработки за океан. Пешком прошел Канаду в поисках работы, покалечился. Выступал на митингах от имени безработных, за что сидел в тюрьме.

Возвратясь в родное село, Юстын Тодорович активно боролся за установление Советской власти, за торжество колхозного строя. С 1945 по 1982 год был бессменным председателем первого в Прикарпатье колхоза «Первое Мая». С 1950 года — член КПСС.

За выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства и умелое руководство колхозным производством Ю. Т. Лычук дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1961 и 1977 гг.). Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями.

Ю. Т. Лычук принимает активное участие в общественно-политической жизни. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 3—10-го созывов.

МАКСИМОВ Федор Павлович

Федор Павлович Максимов родился в 1903 году в селе Большенизовцево ныне Рыльского района Курской области. Член КПСС с 1931 года.

В 1940 году был избран председателем колхоза «Красный Октябрь». С 1941 года находился в рядах Советской Армии. По возвращении из армии в марте 1946 года вновь был избран председателем колхоза.

За особые заслуги в развитии сельского хозяйства и достижение высоких показателей по производству сельскохозяйственных продуктов Ф. П. Максимов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1948 и 1957 гг.). Он награжден также орденами Ленина, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями, и в их числе Большой и Малой золотыми медалями ВСХВ.

Ф. П. Максимов активно участвует в общественно-политической жизни. Был делегатом XX и XXII съездов КПСС. В 1950 году избирался депутатом Верховного Совета СССР 3-го созыва, а в 1959 году — депутатом Верховного Совета РСФСР 5-го созыва.

С 1970 года Ф. П. Максимов на пенсии, живет в родном колхозе, является наставником молодежи. Он автор книги «Хозяева земли».

МИКОЯН Артем Иванович

Артем Иванович Микоян (1905—1970) — видный советский авиаконструктор. Родился в селе Санаин ныне Туманянского района Армянской ССР. Член КПСС с 1925 года.

После окончания школы фабрично-заводского ученичества работал токарем на одном из заводов города Ростова, а с 1925 года — на московском заводе «Динамо». После окончания в 1936 году Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского стал работать на авиационном заводе. С 1940 года — главный конструктор опытно-конструкторского бюро по самолетостроению, с 1956 года — генеральный конструктор. Перед Великой Отечественной войной под его руководством были созданы истребители МиГ-1 и МиГ-3, принимавшие участие в воздушных боях против немецко-фашистских захватчиков.

В послевоенный период в коллективе, руководимом А. И. Микояном, были созданы многие совершенные реактивные истребители, и в их числе МиГ-9, МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21. На сверхзвуковых самолетах его конструкции установлен ряд мировых рекордов.

За выдающиеся заслуги перед Родиной в развитии советской авиации А. И. Микоян дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1956 и 1957 гг.). Он был награжден также шестью орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. В 1953 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1968 году — академиком. Лауреат Ленинской (1962 г.) и шести Государственных премий СССР (1941, 1947, 1948, 1949, 1952, 1953 гг.). Ему было присвоено воинское звание генерал-полковника инженерно-технической службы. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 3—8-го созывов.

НИЛОВА Аграфена Васильевна

Аграфена Васильевна Нилова (1913—1958) — новатор сельскохозяйственного производства. Родилась в деревне Жирятино ныне Судиславского района Костромской области. Член КПСС с 1940 года.

С 1931 года работала дояркой в совхозе «Караваево». В 1941—1945 годах надой от каждой из закрепленных за ней коров составил свыше 6 тысяч килограммов молока в год. В последующие годы довела удои до 7500 килограммов. От некоторых животных за лактацию получала по 10 тысяч килограммов молока.

За высокие надой молока, полученные от закрепленных за ней коров, Аграфена Васильевна Нилова была дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1948 и 1951 гг.). Она была награждена также четырьмя орденами Ленина, медалями.

ПАТОН Борис Евгеньевич

Борис Евгеньевич Патон — видный советский ученый. Родился в 1918 году в Киеве. После окончания в 1941 году Киевского политехнического института молодой инженер был направлен в город Горький на завод «Красное Сормово». В январе 1942 года его отозвали на Урал на танковый завод, а затем в Институт электросварки. Инженер, научный сотрудник, заведующий лабораторией, заместитель директора по научной работе. В 1945 году защитил кандидатскую, а в 1952-м — докторскую диссертацию. В том же году вступил в ряды КПСС. С 1953 года Б. Е. Патон возглавляет Институт электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР. В 1962 году избран действительным членом Академии наук СССР. Имеет звание заслуженного деятеля науки и техники Украинской ССР.

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки Б. Е. Патон дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1969 и 1978 гг.). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Он лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. В 1980 году ему была присуждена высшая награда Академии наук СССР — Золотая медаль имени М. В. Ломоносова.

Б. Е. Патон активно участвует в общественно-политической жизни страны. Был делегатом XXII, XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. В 1961 году на XXII съезде партии избран кандидатом, а на XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездах — членом ЦК КПСС. Он член ЦК Компартии Украины. Начиная с 1959 года избирается депутатом Верховного Совета Украинской ССР. Патон — депутат Верховного Совета СССР 6, 7, 8, 9 и 10-го созывов. Он член президиума Академии наук СССР, член Государственного комитета СССР по науке и технике, член президиума Комитета по Ленинским и Государственным премиям.

Б. Е. Патон — автор многочисленных научных трудов, которые широко известны у нас в стране и за рубежом. Он член Болгарской Академии наук, Академии наук ГДР, Чехословацкой Академии, почетный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, член Американского сварочного общества. Участвовал во многих крупных научных международных конференциях.

ПЕТУХОВА Ксения Куприяновна

Ксения Куприяновна Петухова (1909—1977) — новатор сельскохозяйственного производства. Родилась в селе Ижевское ныне Спасского района Рязанской области. Член КПСС с 1940 года.

В 1930 году вступила в колхоз «Дело Октября». Работала дояркой, а с 1939 года — бригадиром телятниц по откорму племенного молодняка.

За достижение высоких показателей в животноводстве К. К. Петухова была дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1953 и 1957 гг.). Она была награждена также орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, и в их числе семью золотыми медалями ВСХВ и ВДНХ.

К. К. Петухова активно участвовала в общественно-политической жизни. Она была делегатом XXI и XXIII съездов КПСС, 3-го Всесоюзного съезда колхозников. Избиралась депутатом Верховного Совета СССР 7-го созыва.

С 1972 года К. К. Петухова находилась на пенсии. Но она по-прежнему занималась общественной работой, являлась наставником молодежи.

ПИЛЮГИН Николай Алексеевич

Николай Алексеевич Пилюгин (1908—1982) — видный советский ученый. Родился в Красном Селе под Ленинградом. Член КПСС с 1940 года.

В 1935 году окончил Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. С 1934 по 1941 год работал в ЦАГИ. Руководитель ряда научно-исследовательских организаций, а с 1969 года заведующий кафедрой Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Под его руководством разработаны системы управления многих ракет-носителей. Он один из ближайших соратников С. П. Королева, принимал непосредственное участие в запуске искусственного спутника Земли, корабля «Восток», пилотируемого Ю. А. Гагариным, других космических аппаратов и межпланетных станций.

За крупные успехи в области автоматики и телемеханики в 1958 году Н. А. Пилюгин был избран членом-корреспондентом, а в 1966 году действительным членом АН СССР. С 1967 года был членом президиума АН СССР.

Заслуги Н. А. Пилюгина перед советской наукой высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он дважды Герой Социалистического Труда (1956 и 1961 гг.), лауреат Ленинской (1957 г.) и Государственной (1967 г.) премий СССР, награжден многими орденами и медалями Советского Союза.

Н. А. Пилюгин активно участвовал в общественно-политической жизни. С 1966 года был депутатом Верховного Совета СССР.

РЕМЕСЛО Василий Николаевич

Василий Николаевич Ремесло — видный советский селекционер. Родился в 1907 году в селе Тепловка ныне Пирятинского района Полтавской области в семье крестьянина. Член КПСС с 1942 года.

В 1928 году окончил Масловский институт селекции и семеноводства имени К. А. Тимирязева в Киевской области. С 1933 по 1937 год работал старшим научным сотрудником Новоуренской (ныне Ульяновской) селекционно-опытной станции, затем заместителем директора, а с 1941 года — директором Северо-Донецкой государственной селекционной станции.

Участвовал в Великой Отечественной войне, прошел путь от Сталинграда до Берлина. Демобилизовавшись из армии, вернулся к довоенной профессии. В 1948 году был назначен заместителем директора Мироновской государственной селекционной станции, а с 1964 года — директором. С 1968 года он директор Мироновского научно-исследовательского института селекции и семеноводства пшеницы.

В. Н. Ремесло разработал свой метод селекции пшеницы, позволивший создать особенно ценные сорта этой культуры — «мироновскую-808», «мироновскую юбилейную», «ильичевку», «мироновскую яровую» и другие, дающие 60 и более центнеров зерна с гектара.

В. Н. Ремесло в 1964 году избран действительным членом ВАСХНИЛ, а в 1974 году — действительным членом АН СССР.

За создание ценных сортов пшеницы В. Н. Ремесло дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1966 и 1977 гг.). Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», орденами Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Монголии, медалями, и в их числе медалями ВСХВ и ВДНХ. Он лауреат Ленинской (1963 г.) и Государственной (1979 г.) премий СССР, лауреат Государственной премии УССР.

В. Н. Ремесло активно участвует в общественно-политической жизни. Был делегатом XXII, XXIII и XXV съездов КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета Украины 6, 7 и 8-го созывов. Он член ЦК Компартии Украины, с 1972 года — заместитель Председателя Верховного Совета республики. В. Н. Ремесло — автор многих научных трудов. Участвовал во многих международных конгрессах, совещаниях и симпозиумах по сельскому хозяйству.

СМИРНОВ Василий Александрович

Василий Александрович Смирнов родился в 1922 году в деревне Вымол Сонковского района Калининской области в семье рабочего. В семилетнем возрасте вместе с родителями переехал в город Ленинград. В 1937 году, после семилетки, поступил в школу ФЗУ завода «Судомех», по окончании которой был направлен для работы слесарем-сборщиком на ленинградский Балтийский завод. С 1942 по август 1946 года находился в рядах Советской Армии, служил в пограничных войсках.

Демобилизовавшись из армии, возвратился на родной Балтийский завод. Здесь в 1948 году В. А. Смирнова приняли в члены КПСС.

За выдающиеся трудовые подвиги В. А. Смирнов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1960 и 1978 гг.). Он награжден также тремя орденами Ленина, медалями, в их числе золотыми медалями ВДНХ.

В. А. Смирнов принимает активное участие в общественно-политической жизни. Он был делегатом XXII, XXIII, XXIV, XXV съездов КПСС. На XXII и XXIII съездах избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, на XXIV — членом ЦК КПСС. Он член Комитета народного контроля СССР.

СМИРНОВА Нина Аполлинарьевна

Нина Аполлинарьевна Смирнова родилась в 1924 году в деревне Лихачев Судиславского района Костромской области в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС с 1952 года.

Училась в школе, а затем с 1942 года на протяжении двадцати одного года работала телятницей на центральной ферме совхоза «Караваево».

За выдающиеся заслуги в развитии животноводства Нина Аполлинарьевна Смирнова дважды удостоена звания Героя Социалистического Труда (1949 и 1953 гг.). Она награждена также тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Большой и Малой золотыми медалями ВДНХ.

С 1962 года по настоянию врачей перешла на более легкую работу. С того времени она старший лаборант кафедры разведения сельскохозяйственных животных в Костромском сельхозинституте. Но живет она по-прежнему в поселке Караваево.

СТРЕЛЬЧЕНКО Иван Иванович

Иван Иванович Стрельченко родился в 1932 году в селе Рыбальче Голопристанского района Херсонской области в семье крестьянина.

В 1946 году после окончания шести классов неполной средней школы поступил в школу ФЗО, которую окончил в 1948 году. В том же году начал трудовую деятельность столяром на Херсонском судоремонтном заводе. С 1951 по 1955 год служил в Военно-Морском Флоте СССР. После увольнения в запас по комсомольской путевке приехал в Донбасс на шахту «Трудовская». Работал проходчиком. В августе 1957 года возглавил сквозную комплексную бригаду рабочих очистного забоя. В 1959 году И. И. Стрельченко вступил в ряды КПСС.

За время работы бригадиром зарекомендовал себя умелым организатором производства, хорошим наставником молодежи. Его коллектив первым в стране начал осваивать отечественную узкозахватную горную технику. В 1964 году бригада установила всеукраинский рекорд добычи угля.

В восьмой пятилетке бригада И. И. Стрельченко выступила инициатором соревнования за продление межремонтных сроков работ машин и механизмов. Почин бригады «Эффективно и бережно использовать горную технику» нашел широкую поддержку среди горняцких коллективов бассейна.

В 1971 году в честь 250-летия со дня открытия угля в Донбассе бригада И. И. Стрельченко установила мировой рекорд добычи угля комбайном 2К-52, добыв за 31 рабочий день более 170 тысяч тонн угля. В третьем году девятой пятилетки бригада одной из первых досрочно выполнила годовые социалистические обязательства.

И. И. Стрельченко без отрыва от производства окончил Донецкий политехнический институт, получив диплом горного инженера. В 1977 году его назначили начальником участка. Став на трудовую вахту в честь 60-летия Великого Октября, участок впервые в Донецкой области за год добыл миллион тонн угля из одной лавы. В 1978 году горняки участка закрепили этот успех.

За проявленный трудовой героизм, освоение горной техники, достижение выдающихся показателей в выполнении плановых заданий и социалистических обязательств по производительности труда, повышению эффективности производства и увеличению добычи угля И. И. Стрельченко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1966 и 1978 гг.). Он награжден также тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции.

И. И. Стрельченко активно участвует в общественно-политической жизни. Был делегатом XXVI съезда КПСС. Он депутат Верховного Совета СССР 7, 8, 9 и 10-го созывов, член Центрального Комитета Компартии Украины. Лауреат Государственной премии СССР.

ХАРИТОН Юлий Борисович

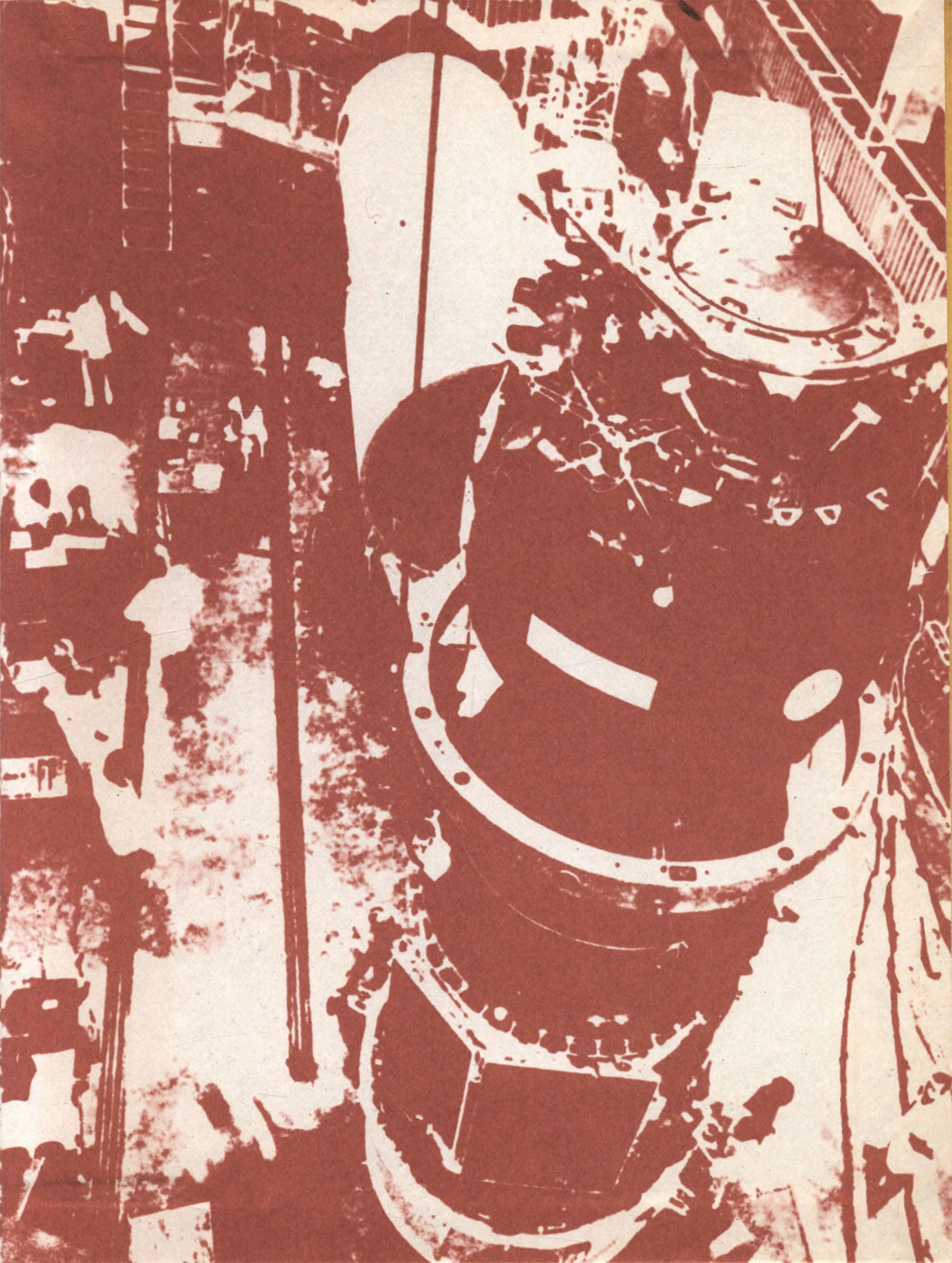
Юлий Борисович Харитон — видный советский ученый. Родился в 1904 году в Петербурге (Ленинграде) в семье журналиста. Член КПСС с 1956 года.

В 1925 году окончил Ленинградский политехнический институт. С 1921 года, еще будучи студентом, начал работать в Физико-техническом институте под руководством Н. Н. Семенова. В 1926—1928 годах находился в командировке в Англии, где в Кавендишской лаборатории Э. Резерфорда исследовал природу сцинтилляций и чувствительность глаза, получил степень доктора наук. В 1946 году избран членом-корреспондентом, а в 1953 году — академиком АН СССР.

С 1931 года работает в Институте химической физики АН СССР и в других научных учреждениях. Исследовал конденсацию металлических паров, изучал совместно с З. Ф. Вальта явление нижнего предела окисления паров фосфора и открыл его снижение примесью аргона. Разработал теорию разделения газов центрифугированием. В 1939 году совместно с Я. Б. Зельдовичем впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана. Ему и его ученикам принадлежат основополагающие работы по физике горения и взрыва. В годы Великой Отечественной войны организовал производство запалов для противотанковых бутылок с зажигательной смесью. Участвовал в работах по боевому использованию суррогатированных взрывчатых веществ.

За выдающиеся научные работы Ю. Б. Харитон трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, другими орденами и медалями. Он лауреат Ленинской и трех Государственных премий. Депутат Верховного Совета СССР 3—10-го созывов. Автор многих научных трудов.

1 руб.

1890-1891

ГЕРОИ ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА